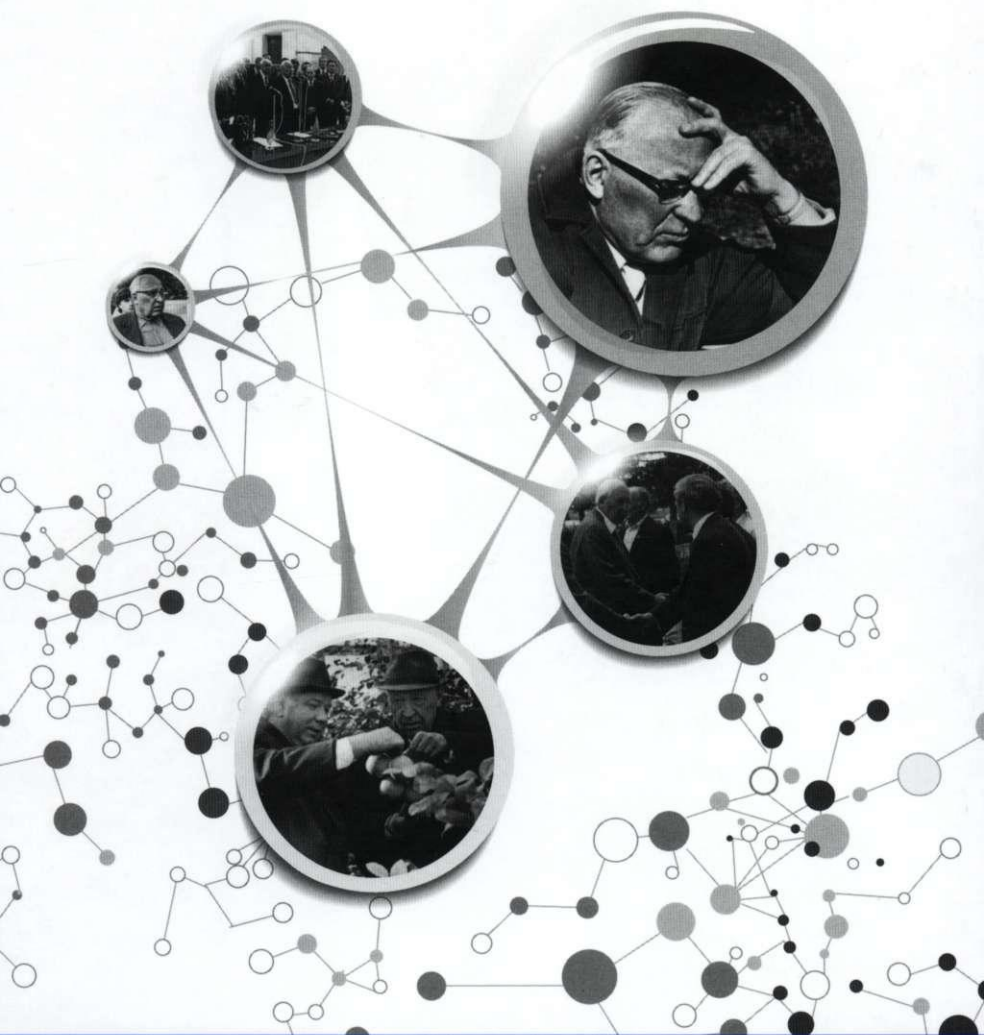

ТВОРЦЫ АТОМНОГО ВЕКА

СЛАВСКИЙ Е.П.

ТВОРЦЫ **АТОМНОГО** ВЕКА
СЛАВСКИЙ Е. П.

МОСКВА
2013

УДК 621.039(47+57)(092)(093.3)

ББК 31.46г

НЗ1

НЗ1 **Творцы атомного века. Славский Е. П.** — М.: СловоДело, 2013. — 438 с.

ISBN 978-5-9904750-1-4

Сборник воспоминаний посвящен памяти Ефима Павловича Славского, трижды Героя Социалистического Труда, в течение долгих лет возглавлявшего Минсредмаш — ведомство страны по использованию атомной энергии в оборонных и народно-хозяйственных отраслях.

Составитель — Насонов В. П.

Для широкого круга читателей.

Издание второе, дополненное.

УДК 621.039(47+57)(092)(093.3)

ББК 31.46г

ISBN 978-5-9904750-1-4

© Авторы, 1998—2013

© Оформление СловоДело, 2013

Е. П. Славский

Славский

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

У вас в руках книга, посвященная жизни и деятельности одного из выдающихся организаторов отечественной атомной промышленности — Ефима Павловича Славского, трижды Героя Социалистического Труда, кавалера 10 орденов Ленина, лауреата Ленинской и Государственных премий.

Почти 30 лет Ефим Павлович возглавлял Министерство среднего машиностроения СССР — легендарный Минсредмаш. Под его руководством создавались и совершенствовались ядерные реакторы и установки для атомных электростанций, надводного и подводного флотов, развивалась уранодобывающая промышленность, были организованы научные институты и конструкторские бюро.

Ефим Павлович был одним из тех, кто обеспечивал выполнение правительственных заданий по созданию атомного оружия и развитию мирной атомной энергетики.

Воспоминания о Ефиме Павловиче и ключевых событиях первого Атомного проекта, создавшего ядерный паритет в мире, написаны непосредственными участниками событий, людьми, лично знавшими Славского. Это позволяет с максимальной достоверностью воссоздать не только историческую обстановку тех интереснейших и героических десятилетий, когда рождалась отечественная атомная отрасль, но и показать самого Славского — легендарного министра и человека, отличавшегося смелостью, решительностью и большим личным обаянием.

Ведь недаром многие из тех, кому довелось с ним работать, признавались, что непосредственное, живое общение со Славским — это незабываемое впечатление на всю жизнь.

Генеральный директор Госкорпорации «Росатом»
С. В. Кириенко

Е. П. Славский

*Посвящается всем «средмашевцам»,
работникам и ветеранам атомной отрасли...*

ПРЕДИСЛОВИЕ

(ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

Уважаемый читатель!

Эта книга посвящена одному из самых «секретных министров прошлого века», одному из выдающихся организаторов атомной промышленности и легендарной личности нашей страны Ефиму Павловичу Славскому — трижды Герою Социалистического Труда, кавалеру 10 орденов Ленина, лауреату Ленинской и Государственных премий — выходит к его 115-му юбилею со дня рождения.

Ефим Павлович был среди первых организаторов и ученых, которые вместе с И. В. Курчатовым начинали работу по решению атомной проблемы, и ему принадлежит выдающаяся роль в создании и становлении атомной отрасли СССР.

Именно Е. П. Славскому было поручено строительство первого промышленного реактора для получения плутония, а И. В. Курчатов руководил пуском и освоением его эксплуатации.

«Игорь Васильевич, а позже и я, — пишет Анатолий Петрович Александров, — постоянно взаимодействуя со Славским, всегда считали, что именно Славскому наша Родина больше всего обязана созданием ее «атомного щита».

Е. П. Славский был Министром среднего машиностроения СССР около тридцати лет — с 1957 по 1986 гг. Под его руководством и при его непосредственном участии в короткие сроки была создана уникальная отрасль, в которой воплотилась научно-техническая мысль, развивались атомная наука и техника

*Открытие мемориального кабинета Е. П. Славского в ГК «Росатом»
24 сентября 2010 г.*

в СССР и странах Восточной Европы и Азии, укреплялся ядерный щит страны, вводились в строй атомные электростанции и установки различного назначения, разрабатывались и внедрялись уникальные технологии по добыче урана, золота, производству минеральных удобрений, применению изотопов в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства, возводились новые современные атомграды.

Сейчас, когда идет переоценка многого из того, что было создано ранее, возрастает интерес к событиям и людям, во многом определившим судьбу страны. К таким событиям относится создание атомного оружия в нашей стране и становление атомной отрасли, история и деятельность которой были полностью засекречены. И только недавно стали появляться статьи и книги, приоткрывающие эту строгую завесу секретности. К сожалению, следует отметить, что иногда появляются публикации, искажающие прошлое страны. И сегодня, когда очень многих

творцов атомной промышленности уже нет в живых, очень ценны свидетельства участников этих событий.

В это издание я, в меру своих возможностей, включил воспоминания, отрывки из вышедших книг тех авторов, которые лично знали Ефима Павловича и общались с ним. Это позволило еще полнее показать широту его личности, добавить новые штрихи к его деятельности, яркие страницы жизни человека, отдавшего все силы служению Родине.

Книга воспоминаний о Ефиме Павловиче могла быть значительно больше, так как его деятельность была весьма обширна и круг общения широк. Мы, наверное, могли бы узнать новые интересные факты, новые детали его биографии. Но общий портрет Ефима Павловича — человека до предела организованного, с высокими личными качествами — остался бы неизменным. Хотя не исключаю, что среди тех, кто будет читать эту книгу, найдутся люди, которые будут критиковать содержание и подбор воспоминаний.

Одни упрекнут меня в том, что многие замечательные руководители, ученые не попали на эти страницы, что объем одних увеличен, других же мал. Но авторы воспоминаний, не стремясь охватить все стороны организаторского таланта, общественной и личной жизни Ефима Павловича, отразили в воспоминаниях лишь некоторые, наиболее яркие, с их точки зрения, моменты, из которых складывается многоцветная палитра образа человека, сыгравшего огромную роль в становлении атомной отрасли нашей страны.

Многие в своих воспоминаниях отмечают, что то, что им довелось учиться у Славского, общаться с ним, это большая удача, даже счастье. И память останется в сердцах навсегда, так же как общение с Курчатовым почитал за счастье сам Е. П. Славский. «Он не раз восклицал, — пишет Ю. Б. Харитон, — „Игорь Васильевич был изумительный человек, причем такой изумительный, какого редко встретишь. Я любил его как человека“».

Книга начинается с рассказов самого Ефима Павловича, записанных на магнитофонную ленту, когда он уже не работал и находился на пенсии. Эти записи и послужили основой книги.

Я очень признателен авторам всех воспоминаний, а также людям, с которыми довелось работать при подготовке книги, за их теплоту и стремление помочь в создании образа одного из титанов прошлого века.

Виталий Насонов

«Может, был в этом знак судьбы или случайное совпадение — не знаю, но стал я впоследствии металлургом и свой вклад в эту область промышленности внес. Да и еще кое-что удалось сделать».

Е. П. Славский

ИЗ РАССКАЗОВ СТАРОГО АТОМЩИКА

Родился я еще в прошлом веке, в 1898 году, на Украине в области Войска Донского в большом старинном казачьем селе Макеевка с двумя церквями и церковно-приходской школой. В связи с открытием неподалеку богатых залежей антрацитных, коксовых и курных углей в том же году задули там первую домну и положили начало металлургическому заводу. Завод принадлежал Генеральному обществу чугунно-плавильных, железодельных и сталеплавильных заводов России и по имени села был назван Макеевским.

Родился я в семье крестьян-украинцев Павла и Евдокии Славских. Может, был в том знак судьбы или случайное совпадение — не знаю, но стал я впоследствии металлургом и свой вклад в эту область промышленности внес. Да и еще кое-что удалось сделать.

Семья у нас была немалая. В глинобитной хате вместе с дедом Янушем и бабушкой Параской, кроме отца с матерью, дружно жили еще трое сыновей со своими семьями. До пуска домны все занимались сельским хозяйством, растили хлеб, а потом ушли на завод. Но и тогда, когда наступало время уборки урожая, завод останавливался и все жители села и наша семья уходили заниматься крестьянскими работами.

Едва мне исполнилось пять лет, как умер от воспаления легких отец. На руках у матери нас осталось трое: я, брат Федор и сестра Марфа — оба младше меня. Немного погодя семья увеличилась, мать вышла замуж за Федота Савельевича Патана — вдовца с сыном и дочерью. Отчим стал для нас настоящим отцом.

Как и все мужчины в селе, он тоже был полукрестьянин-полурабочий, работал шахтером, добывал обушком уголь.

Десяти лет от роду определился я в подпаски. С весны и до поздней осени пас «на отдыхе» яловый скот помещиков да богатых хуторян. Жил в куренях (шалашах). Зимой учился в церковно-приходской школе. Сумел окончить три класса.

Тринадцати лет пошел на Макеевский завод. Приняли в труболитейное производство готовить соломенные веревки, которые шли в технологию литья чугунных канализационных и водопроводных труб. Завод выпускал их в мирное время, хотя и был оборонный. Он и сейчас существует — мой завод.

В пятнадцать лет я почувствовал себя взрослым для такого занятия. Но на серьезные заводские работы меня еще не брали — мол, мал еще. Поступил я на рудник подручным слесаря. А тут — война. Первая мировая. Мне исполнилось тогда шестнадцать лет. Вернулся на завод. Взяли обрубщиком — заготавливать корпуса снарядов. Там проработал я до 1918 года.

Я же настоящий пролетарий! Промышленность у нас на юге сильно развита была. И революционная активность рабочих тоже. На заводе действовала социал-демократическая рабочая организация. Организовывали забастовки. Я в них участвовал. Боролись за восьмичасовой рабочий день. Ведь работали-то с шести часов утра до восьми вечера с получасовым перерывом в восемь утра и полуторачасовым на обед в середине дня. Выходных не было. Столовых не было. Бань на руднике, поликлиник — тоже не было. Бастовали, голосовали, требовали: «Сократить рабочий день! Правильно! Баню даешь! Поликлинику даешь! Столовую даешь!» Все наши требования были связаны с трудностями непосредственной жизни и условиями работы.

В 1917 году завод национализировали. 14 апреля 1918 года вступил я в ряды большевистской партии. В начале Гражданской войны и после обращения В. И. Ленина спасти республику ушел добровольцем в Красную Армию. Был зачислен в 9-й

Заднепровский Украинский советский полк и около года воевал на юге под руководством Дыбенко. Заболел. Когда поправился, полк был уже далеко. Влился в Буденновскую армию и около пяти лет воевал в Донбассе, на Северном Кавказе. Закончил воевать только осенью 1923-го комиссаром полка отдельной особой кавалерийской дивизии 1-й Конной армии.

После окончания войны еще около года продолжал борьбу с Махно, с бандитами на Украине — вылавливали их в плавнях. Затем в Краснодарском крае, на Кубани, заставляли кулаков сдавать хлеб государству.

Всего прослужил я в армии десять лет. Дважды меня в Гражданскую ранило. В 1921 году получил свою первую награду — серебряные часы от ВЦИК. Тогда еще только-только появился орден Красного Знамени, редко кому давали. И даже командирам давали, главным образом, золотое оружие — оружие, отделанное позолотой. Оно считалось официальной наградой.

Е. П. Славский среди командиров и бойцов Первой Конной армии Буденного

Хотя был я уже полковником, а образование мое оставляло желать большего, помните, образован я был всего на три класса сельской школы. Тогда красноармейцев процентов восемьдесят вообще было неграмотных. После окончания войны нас расквартировали. Поставили мою часть на постоянное расквартирование в Москве за Боткинской больницей, где еще до революции стояли кавалерийские части. И начал я образовываться.

В январе 1924 года скончался Ленин. Живого я его не видел, потому что он уже был больной и находился в Горках. Но помню я, как хоронили Владимира Ильича. И сегодня мы должны, и старшее поколение, и тем паче поколение молодое, хорошенечко историю изучать. Историю без вольностей и искажений.

Социалистическая революция родилась, когда после первой мировой войны большая часть нашего населения в лаптях ходила. Хлеба не было. Я свидетель, сам все не только видел, но и пережил. А сейчас отдельные молодчики разрешают себе вольности. Например, Калинина изобразили так, что будто он грабил крестьян, отбирал у них хлеб. Хлеб кое-где мы действительно принудительно забирали, и я в том числе, как кавалерист, ездил по Кубани, по Дону, потому что Русь была голодная. На юге в основном была контрреволюция, казачество. Моя родина — в области Войска Донского — старые богатейшие казачьи районы. Там прятали, уничтожали хлеб, чтоб не дать беднякам России. А чтобы его дать — этим занималось государство во главе с нашим всероссийским старостой. Сейчас я прочел с пренебрежением написанное каким-то мальчишкой, что Калинин грабил крестьян. Разве так можно уродовать историю? Это подлость!

Когда Октябрьская революция совершилась, была чудовищная разруха. Нас окружал империализм. Нам надо было завоевать свое право жизни. Вокруг нас была капиталистическая блокада — известно же это. А мы отстояли! Устояли, что называется!

* * * *

Итак, в 1928 году стал я учиться. Были организованы школы для нашего обучения. И вот я, этот великовозрастный комиссар кавалерийского полка, тоже ходил в школу и учился. Таким образом, еще служа в армии, получил среднее образование.

Так как для народного хозяйства нужны были специалисты — старые занимались саботажем, иногда и вредительством (были даже процессы — Шахтинские, Вадзинские), — в 1928 году ЦК партии принял решение: отобрать квалифицированных рабочих на предприятиях и направить их на учебу, подготовить из них новых специалистов. В том числе и на армию выделили 20 мест. А у нас была одна тысяча коммунистов. В число этих двадцати я попал как парттысячник на получение высшего образования. Однако сначала нас дообразовывали за среднюю школу. Только потом направили по соответствующим институтам.

На теперешнем Ленинском проспекте, а тогда на Калужской улице, располагалась Горная академия с шестью факультетами, созданная еще Лениным в 1918 году. Был там даже факультет торфяной. Поскольку торф как основное топливо, как уголь использовался, готовили специалистов с высшим образованием и по торфяному производству, его добыче как топлива. Был в академии и металлургический факультет, ставший, после преобразования академических факультетов в шесть самостоятельных институтов, Институтом цветных металлов и золота. Вон у меня отлитые лошади стоят — это мне подарил Институт стали как бывшему своему студенту.

* * * *

Итак, был я студентом великовозрастным. В академии учился пять лет. Одновременно практиковался на заводах. За-

На ноябрьской демонстрации, г. Орджоникидзе, 1939 г.

щитил в 1930 году диплом по технологии производства свинца и отправился на Северный Кавказ в город Орджоникидзе на завод «Электроцинк». Было мне тогда 32 года. Проработал там я восемь лет. Прошел все инженерные ступени — от инженера до главного инженера и директора.

Электроцинковый завод — сложнейший комбинат: свинец, цинк, золото, серебро — словом, хорошая школа! Вот почему я в бывшем своем министерстве, как давнишний специалист, организовал добычу золота. И добывал по пятьдесят тонн в год.

Это очень тяжелое дело, очень сложное — руководить нашим министерством. Очень сложная технология. Хорошо, что я уже около двадцати лет работал в цветной металлургии, еще со студенческих лет на заводах практику проходил. Был, проще говоря, металлург по большому комплексу цветных металлов и вырос в солидного инженера еще в цветной металлургии. Поэтому мог возглавлять и здесь. А такое положение, как сейчас, очень сильно ослабило министерство. Когда я подал заявление о сво-

Е. П. Славский с работниками завода «Электроцинк», г. Орджоникидзе, 1939 г.

ем уходе на пенсию, ЦК предложило Предсовмина переговорить со мной. Помню, он мальчишкой был, когда я на Урале во время войны командовал. Я с Уралмашем в контакте большом был. Когда достраивал там алюминиевый завод, Уралмаш мне оборудование делал, и я туда часто катал. Так вот, он тогда еще мальчишкой был. Говорит мне: «Я вас помню еще во время войны, на Урале». Но я должен сказать, что теперешние руководители не знают наше министерство по масштабу. Я все собираюсь пойти и рассказать, что мы только золота сейчас 50 тонн в год даем. Да какого золота! В пять раз дешевле наше золото, чем в цветной металлургии. А я и сейчас знаю, разведаль, где есть золото, одно месторождение в Сибири, и строю наш завод еще тонн на тридцать. Я проект делал для «цветников», а они ни черта не делают. Так я хочу просить, чтобы это дело отдали нашему министерству, и тогда мы смогли бы больше 100 тонн золота в год добывать. Все это благодаря моей эрудиции старого инженера еще по цветной металлургии.

За полтора года до войны, в 1939 году, назначили меня директором Днепровского алюминиевого завода в Запорожье. Там был очень хороший директор. К сожалению, его в период культа личности посадили, а меня — на его место. Я специалист по тяжелым металлам — меди, свинцу, цинку — и благородным — золоту, серебру, а алюминий это легкий металл. По алюминию в свое время я только лекции прослушал, опыта инженерного еще не было. Но руководящий опыт уже был. На этом заводе около двух лет до начала Отечественной войны работал я директором, специализировался заново.

Алюминий тогда только рождался. Мало его тогда производили. До начала войны у нас было четыре алюминиевых завода, и мой завод на Днестре по очереди был вторым. Он требовал больших затрат электроэнергии: на одну тонну алюминия — двадцать тысяч киловатт-часов электроэнергии. Потому тогда и ДнепроГЭС построили. На базе этого мощного источника энергии и пустили завод.

* * * *

И вот только восстановились после Первой мировой войны, как 1941 год. Буквально через два месяца немцы прикатили на Днепр. В тот год у нас прекрасный урожай поспел, особенно на Украине. Хлеб пропал. Собрать мы его не смогли. Сжигали, чтобы не попал немцам.

Вторая мировая война — чудовищная война. Фашизм, собрав всю мощь империализма, пытался овладеть Европой. Известно, как ловчили империалисты в Европе и Америке с Гитлером, как они пытались распределить свои сферы влияния, свою власть в Европе, и только чтобы спасти себя, Англия и Америка были вынуждены пойти на союз с нашей страной. Когда они осуществили практическими действиями поддержку нам в этом союзе? Тоже известно. Тогда, когда наша армия была уже в Европе,

в 1944 году. А до этого какой мощи мы противостояли? Фашизм, захватив всю Европу, заставил работать на себя весь ее экономический, технический и военный потенциал, задействовал все производства против нас.

Буквально за неделю до войны я был утвержден заместителем наркома цветной металлургии. Я вернулся из Москвы, чтобы сдавать завод новому директору. Сдавать не пришлось, и я не вступил в новую должность, а, оставаясь директором, полтора месяца под артиллерийским огнем эвакуировал свой завод на Урал. Мы — на одной стороне Днепра, немцы — на другой. Причем они завод не бомбили, не разрушали. Он им был нужен, как самый большой в Европе. Много было тогда убито моих товарищей.

Прошли бои под Москвой, когда мы наконец эвакуировали свой завод. Эвакуировали хорошо, за что я получил первый орден Ленина. Приехал в Москву, пошел в ЦК к заведующему отделом Ивану Васильевичу Архипову (был зам. предсовмина, недавно ушел на пенсию). Стал проситься на фронт, поскольку я — вояка бывший и в Гражданскую воевал, в армии был. Он позвонил Ломако в Свердловск. Тогда уже все основные наркоматы были эвакуированы в Куйбышев, а наш — цветной металлургии — в Свердловск. Ломако категорически потребовал: «Немедленно направь его ко мне заместителем, так как он утвержден в ЦК замом моим по алюминиево-магниево-и электродной промышленности». И я полетел в Свердловск.

А алюминиево-магниево-промышленность в начале войны состояла из одного маленького, тогда еще только строившегося Уральского алюминиевого завода. Из четырех заводов остался он у нас один. До войны работали Волховский, самый большой — Днепровский, потом в Кандалякше на Севере и на Урале строился, но уже выпускал 20 тысяч тонн алюминия в год.

Это был новый, молодой металл для авиации. Он только что рождался, осваивалось его производство.

И сразу же в первые месяцы войны мы потеряли три завода, самые большие: Днепровский, Волховский и Кандалакшу. Всего до войны мы выпускали всеми заводами 100 тысяч тонн алюминия, из них 60 тысяч — мой завод на Днестре, остальные — максимум по 30 тысяч тонн. По тем временам 100 тысяч тонн считались величиной большой, потому что и в Америке выпускали тогда всего 130 тысяч тонн. Можете представить, если сегодня мы делаем алюминия 3,5 млн тонн и он считается дефицитным, как в начале войны остались мы с заводом на 20 тысяч тонн.

Уже много лет спустя я прочитал у Яковлева — главного конструктора наших самолетов «Яков». Он написал, что они в первый год войны выпустили 20 тысяч самолетов. Я подумал: «А где он брал алюминий? Черт дал?» Оказывается, Сталин до войны алюминия никому не давал, а все складировалось в мобилизационные резервы. И вот за счет этого и выпустили самолеты. Позже нам алюминий из Америки поставляли также. А у нас, повторяю, осталось 20 тысяч тонн всего производства, в то время как до войны мы были на уровне. Первые производители алюминия были французы, у них мы вначале и учились.

Магниевая промышленность представляла собой еще меньший заводик, выпускавший, по сути дела, электроды из так называемой анодной массы для электролизеров для электролитических ванн. И все это называлось промышленностью.

Стал я работать заместителем наркома и одновременно начальником Главка (по-теперешнему) по алюминиево-магниевой и электродной промышленности. Проработал я в Свердловске несколько месяцев. Добраивали завод и расширяли на нем выпуск алюминия. Добраивала организация из Москвы, которая начинала строить в Москве Дворец Советов на месте великолепного собора — храма Христа Спасителя, — я в нем даже бывал. Сдуру его разрушили и решили построить этот дворец.

Случилось так, что молодой директор завода, он же член Челябинского обкома партии, поехал на пленум и в машине умер

от разрыва сердца. Износился, хоть и молодой. Я к Ломако: «Дай я сам поеду на завод и буду его достраивать». И всю войну проработал директором уже этого Уральского алюминиевого завода. И с 20 тысяч тонн довел производство алюминия до 75. Получил за этот период еще два ордена Ленина.

Помню, как мы тогда лошадьми руду возили. На таратайке — тонну. Это много — тонна! Ну, сколько же этой-то ерунды на лошади-то навозишь? У меня было полторы сотни лошадей. Начальники цехов приходят и спорят: дайте каждому для подвоза две-три лошади. Я распределяю. А некоторым нарочно запишу вместе с лошадьми еще и жеребят. «Молодежь» — не лошадь еще. Тот приходит потом: «Ефим Павлович! Это не лошади еще!» А я ему: «Как так? Брось ты! Что ты говоришь? Что ж, записан уже!» — «Так это же жеребенок!» — «Так ты и следи за тем, чтобы он вырос в коня, и тогда ты будешь... Ну нет больше!» Кому же нужно было подвозить руду позарез, я выделял лошадь.

Большие хорошие руды были на самом севере Урала. А мы недалеко, в 30 километрах, обнаружили приличное месторождение и стали его разрабатывать. Ну сколько же можно вывезти на лошадях этой руды, когда их так мало? Месторождение надо вскрыть, пустую породу вывезти в сторону, а руду пустить в дело. Это все — кошмар!

Так что без лошадей не обходилось. И на фронте вся артиллерия была на конной тяге. Гибло их там видимо-невидимо! Пахали на лошадях, да коров запрягали. Очень трудно было.

Думаю, что только такие старики, как я, которые прожили столько лет, могли вынести такое. Не говоря уже о том, что Октябрьскую революцию крестьянин в лаптях делал, в драных зипунах ходили.

А сегодня? У нас что, кто без крова есть, что ли? Все хотят жить лучше. О! Это хорошо. Человеческая вечная мечта. Но чтобы осуществить ее, работать ведь надо не покладая рук. Я ведь лично до последнего времени, чтобы все знать и видеть, сам в

шахты лазил по скобам, во все щели заглядывал, во все дыры. А иначе какой же я министр?

Наш шеф, А. И. Микоян, два-три раза принимал меня. Он помогал мне. Хлеб тогда выдавали по карточкам. А у меня на электролизе, где высокая температура, несколько тысяч градусов, рабочих кормить надо хорошо. А хлеб — по нормам. Он мне, чтобы подкармливать людей, давал безнормативный хлеб. А тут я пришел и стал просить двадцать студебекеров. Это крупные американские машины, которые поставляли для фронта. Я посвятил Ломако, что собираюсь просить, а Ломако, с которым я ходил к Микояну, говорит: «Слушай, ты это не проси. Он страшно будет нервничать и не даст тебе сейчас машин». Он (Микоян) отвечал за материальное обеспечение фронта и за цветную металлургию и здорово мне помогал: все подписывал, хлеба давал и прочее. А когда дело дошло до студебекеров, которых никто из гражданских не имел, он — бумажку: «Нэт машин, дирэктор!» Я требую, а он нервничает. Возьмет в руку карандаши, перебирает их все время, а потом бросает. Пока разговаривает — собирает, а потом опять бросает. Нервный очень был. Страшная нагрузка, чудовищная! Я говорю: «Анастас Иванович! Ну, поймите, я не могу столько дать алюминия. Ведь руды же с севера мне поставляют сколько? А тут дома, рядом с заводом руда, а я — на лошадях. Ну разве я смогу с лошадьми алюминия столько дать?» А он говорит: «Дирэктор, ты русский язык понимаешь? — а сам — с акцентом. — Нэт машин». Бросил карандаши и побежал. Прием был окончен. Ломако говорит: «Ну, я тебе говорил, ты только человека раздражаешь. Его же Сталин прямо лупит за снабжение армии». Под Харьковом, когда наши гнали уже фашистов, случилась неудача, аж 75 тысяч наших солдат попали в плен к немцам, вроде бы из-за того, что боеприпасы израсходовали. Нашим только штыками воевать осталось, а у немцев — техника. И Сталин обвинил Микояна, что тот не обеспечил боеприпасами наши войска. Поэтому мне Ломако и советовал повременить с просьбой, так как Микоян

страшно переживал. Я не выдержал: «Ну хорошо, если так, пусть знает, что я на лошадях алюминий не дам». Вдруг Микоян бежит назад. Вспомнив, что не попрощался, протягивает мне через стол руку: «До свидания, дирэктор, машин нет!» — и опять побежал.

Через десять дней звонит мне Микоян: «Аврал! Как дэла, как дэла? Слушай, дирэктор! — Ефимом Павловичем никогда не называл, иногда — «товарищ Славский», а чаще — «дирэктор», — ты можешь сам собрать машины, если я тебе их доставлю в разобранном виде?» Я говорю: «Конечно, Анастас Иванович, у меня ремонтные цеха замечательные. Они могли бы и готовые машины сделать, но это долго будет». «Хорошо, — ответил Микоян, — я тебе из Владивостока отгружаю». И он мне двадцать машин «притащил». Весь Урал тогда говорил, что Славский получил двадцать студебекеров! Отдельно были колеса, отдельно — кузова и отдельно — двигатели. За несколько дней собрали машины, и двадцать машин с охраной протоптали мне маршрут от месторождения к заводу.

Когда я ходил на прием к Микояну, всегда брал с собой миллиметровку, на которой чертил график, где показывал, как я наращиваю производственные мощности. Когда началась война, Уральский завод выпускал 20 тысяч тонн алюминия, а к концу своей деятельности я довел эту цифру до 75 тысяч тонн. Микоян видел все это на графике и очень радовался. А алюминий в то время — это авиация.

После того как немцев стали гнать и наши близко подошли к Берлину, наркоматы вернулись на свои места. В том числе и мой — наркомат цветной металлургии. Вернулся и я — снова заместителем наркома алюминиево-магниево-промышленности у Ломако. И одновременно — начальником алюминиево-магниево-и электродной промышленности (начальником Главка потеперешнему). Мое теперешнее министерство находится рядом с Министерством цветной металлургии. Я всегда смотрел на него из окна своего кабинета.

*Е. П. Славский, комиссар полка Первой отдельной кавалерийской бригады,
Москва, 1926 г.*

* * * *

Вскоре по возвращении случилась в моей жизни неожиданная перемена. Вспоминаю, как начинались наши работы над «урановым проектом». Начну с того, каким образом я из цветной металлургии попал в сферу действия Игоря Васильевича Курчатова, который меня не знал и которого не знал я.

Об атомной энергии я, «цветная металлургия», тогда, честно говоря, не имел никакого понятия, а он был уже главой ядерной проблемы.

Мои знания исчерпывались знакомством с двумя статьями академика И. Е. Тамма, прочитав которые в 1945 году, я был буквально поражен, так как в них сообщалось о делении атома. Когда мы учились, атомы считались незыблемыми единицами материи. Мы могли разбираться, и то не всегда очень хорошо, в длинейших химических реакциях, и в те времена нам было трудно допустить мысль о том, что атом можно разделить.

Вскоре мне Ломако говорит: «Слушай, ты знаешь Бороду?» — так величали Игоря Васильевича после того, как он отрастил себе бороду. «Нет, — отвечаю, — не знаю». — «Ты с ним, ради бога, поскорей познакомься. Мы должны сделать для него чистый графит. Эта «Борода» нас в гроб загонит!» «Почему?» — думаю.

Оказывается, из нашей электродной массы решили делать для атомных котлов графит необычайной чистоты. Именно такой графит нужен был для реактора Курчатова.

Нужной чистоты, о которой мы, кстати, и понятия не имели, и в помине не могло быть в этой грубой массе, из которой делались электроды для алюминия, а в природе он существует в ничтожно малых величинах. Предъявлялись претензии и к форме графита тоже. Графит для атомного реактора нужен был чистейший в качестве замедлителя, а его не было.

Делать этот чистый графит поручили цветной металлургии из анодной массы (а это отход, получаемый при выпуске кокса для металлургии — пек-загрязненный графит). В алюминировом процессе, где делались аноды и катоды, электронная чистота была не нужна. Мы понятия не имели о чистоте. А здесь необходимо было очистить анодную массу от веществ, поглощавших нейтроны, мешавших цепной реакции.

Задачу получения графита нужной чистоты возложили на единственный тогда в Москве завод, который готовил электродную массу и из нее делал чистый графит для ядерной физики. Тогда я еще работал в цветной металлургии и, будучи там уже около двух лет, занимался изготовлением этого чистого графита из анодной массы для атомных реакторов. Тогда-то я и познакомился с Игорем Васильевичем. Было это еще в 1943 году. Я «ни ухом, ни рылом» не понимал ничего.

Я отправился на завод. Ознакомился со всем, что там делается, и каждое утро стал справляться, сколько сдано графита. Главным приемщиком был назначен помощник Курчатова товарищ В. В. Гончаров, который у меня принимал графит для будущего реактора лаборатории-2. Я ему сдавал. У нас графит забирали и нам платили. А я записывал в книжечку: «10 кг, 20 кг» и каждый день докладывал в Правительство, в Спецкомитет, что мы сдали столько-то. Там все возглавлял Берия. У него был генерал-майор Махнев, он был секретарем Спецкомитета. Махнев все записывал. И так я действовал, пока не встретил на заводе Гончарова. Он мне и объяснил, что мы не сдали, оказывается, пока ни одного грамма. На заводе же считали, что сдают, потому что принимают. А принимали, чтобы определить поглощение нейтронов, то есть чистоту графита. И все, что мы сдали, не годится!

Об этом доложили в Спецкомитет. А он ведь был контрольным органом над нами. Там, знаете, такой режим был... Я побежал к Ломако. «Слушай, — говорю, — положение такое, что мы, выходит, обманывали». А по тем временам могли... Мы с Ломако —

туда-сюда... Бросились на завод. Учинили там погром. А там тоже не умеют пока делать чистый графит для ядерной физики, в которой мы «ни уха, ни рыла».

А тут Игорь Васильевич. Он веселый, молодой! Поставил вопрос, чтобы меня из цветной металлургии отправили работать в ПГУ — Первое главное управление. Никаких предприятий для атомной промышленности тогда еще не было. Один Ленинградский проектный институт и только! Меня по решению ЦК к Б. Л. Ванникову, первому начальнику ПГУ, в заместители направили. Я страшно волновался. Сначала меня вызвал насчет перевода А. П. Завенягин, работавший в МГБ замом у Берии и у Ванникова. Одновременно «сидел на двух стульях», как говорится, потому что нам строили свое министерство.

С Авраамием Павловичем мы друг друга знали хорошо, были знакомы еще до войны по Горной академии. Он немного постарше, был у нас секретарем парторганизации. Впоследствии тоже приходилось нам встречаться по заводским делам, когда я работал на заводе, где золото извлекали. Он приглашал меня как квалифицированного металлурга к себе на совещания, поскольку трудности у них тогда были, а он меня знал хорошо.

Вхожу в кабинет и думаю: попался я с графитом. А он мне навстречу радостно: «А, старый атомщик, здравствуй!» — «О чем ты говоришь, — удивляюсь, — я ничего не понимаю». Начал он мне рассказывать о вещах, о которых я действительно никакого понятия не имел.

«Слушай. — говорит, — поручено тебя мобилизовать на работу в ПГУ». — «Какое еще ПГУ? Я семнадцать лет как инженер-металлург. Прошел здесь все инженерное дело с первой ступени. А что я буду делать там? Не понимаю!» — «Знаешь, — говорит он мне, — пока мы все ничего не понимаем, что тут делать. На днях выйдет постановление за подписью товарища Сталина о том, что тебя из цветной металлургии сюда переводят». И предупредил меня, что никто не должен знать о нашем разговоре.

Представить трудно, как я себя чувствовал! Смертельно перепугался. «Что я буду делать, я ж там абсолютно ничего не понимаю! А тут я уже вырос, специалист, пятнадцать лет пройдено, прошел все инженерные ступени. Причем мне уже за сорок, сорок четыре уже минуло. А там все заново. Что я там буду делать?»

Я два дня переживал. Ходил буквально, как очумелый. Не спал. Жене ничего не говорил. Ломако не говорил. Я не знал, что со мною происходит. Был перепуган. Там я три ордена Ленина получил, там я в почете, а тут что? Наконец я признался Ломако. Тот экспансивный, вскипятился, вспылал и бросился к нашему шефу, к Микояну. «Вот товарища Славского, моего заместителя, забирают туда-то». А Микоян ему: «Не волнуйся, если будет решение выпускаться, и дело дойдет до подписи, меня спросят».

Мы успокоились. А через день пришло решение Сталина. Я к Микояну, а тот мне говорит: «Слушай, кто теперь пойдет к товарищу Сталину, чтобы он отменил решение? Ничего, не беспокойся. Пойдешь, поработаешь там годика два и вернешься в свою цветную металлургию».

Я пошел. И оказалась эта пара лет всей моей дальнейшей жизнью! Узнал я потом, что мое назначение было сделано по рекомендации Игоря Васильевича.

Итак, перешел я к Б. Л. Ванникову и 9 апреля 1946 года появился у него как его заместитель. Раньше, до назначения, я его не знал, а потом мы крепко сдружились. Во время войны Борис Львович был (да и теперь еще оставался) наркомом по боеприпасам. Видимо, потому, что боеприпасы атомные должны делать были, его сюда и назначили. В его бывшем наркомате мы и ютились. А новый наркомат называли наркоматом сельхозмашиностроения. Ванников был человек исключительно порядочный. Да и в инженерном деле очень эрудированный. В атомных делах разобрался быстро, находил верные и грамотные решения. Много работал и в Москве, и в Кыштыме, на Южном Урале, когда строился атомный комбинат. В работу он вкладывал всю душу, совсем себя не

- 39 Прованс и Дурда Делуэрайт К.
 40 Трагедия о святой Кристиане Делуэрайт
 41 Монархия Замонья
 42 Разрыв Замонья
 43 Одиночество Америки Ивонн Бонгард
 44 Светлая музыка Кораллино
 45 Остров Баранова Крапин И.
 46 Мелл Восточным Ивонн Кристиан
 47 Рассказы Кэтрин
 48 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 49 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 50 Мелл Восточным Ивонн Кристиан
 51 Бруссель Матрони
 52 Улетка Матрони
 53 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 54 Как замаскировался один Островитин И.
 55 Островитин Замонья Ивонн Кристиан
 56 Избранные рассказы Прованс и Дурда
 57 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 58 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард

- 59 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 60 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 61 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 62 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 63 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 64 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 65 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 66 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 67 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 68 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 69 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 70 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 71 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 72 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 73 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 74 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 75 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 76 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 77 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 78 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 79 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 80 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард

- 79 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 80 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 81 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 82 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 83 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 84 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 85 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 86 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 87 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 88 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 89 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 90 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 91 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 92 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 93 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 94 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 95 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 96 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 97 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 98 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард

- 99 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 100 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 101 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 102 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 103 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 104 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард
 105 Прованс и Дурда Ивонн Бонгард

Ефим Павлович вел особую тетрадку, в которую записывал прочитанные книги

жалел. Мы тепло относились к друг другу. Был он тогда председателем, то бишь начальником первым нашего ПГУ. Был в почестях, генерал-полковник. Для него война уже закончилась. К сожалению, здоровьем слабоват был Борис Львович. По-видимому, сказались последствия репрессии накануне войны. Его тогда ведь лупили здорово. Правда, авторитет его ничуть не пострадал. Но он часто болел. По этой причине, помню, и на испытании первой нашей атомной бомбы в августе 1949 года быть не смог.

Размещались мы на Кировской. Собственного помещения тогда у нас не было. Подчинили мне аж пять (!) человек. Главным образом, все больше из КГБ специалистов посылали. Все специалисты особые. Один все твердил: «Осколки, осколки!» А я думаю: «О чем он говорит, что за осколки?»

После моего назначения стал я выступать на графитовом заводе уже в новой роли — не как поставщик, а как потребитель, но за вчерашнюю работу отвечал я. Вот нас с Ломако по старому вопросу и вызывают на Спецкомитет. А в нем заседали члены правительства и разные большие руководители нашей промышленности. Игорь Васильевич тоже был членом Спецкомитета. У нас с ним уже контакт два года, но все насчет графита чистого. Стоим мы с Ломако в приемной, ожидаем, когда нас вызовут, и думаем: «Ну вот и пришел всему конец. Все наши данные по графиту ложными оказались. Что же нам будет?»

Входим. Председатель Берия обращается к Маленкову, члену Спецкомитета (как и Булганину, сидящему рядом), и говорит: «Георгий, вот Ломако и Славский доложили и обещали, что они уже приняли меры и сделают все, как нужно. Как думаете, согласимся?» Тот, а за ним и все другие, кивнули головами: «Согласимся». И мы вышли с заседания с чувством, что заново родились, как будто стояли мы на стуле с петлей на шее и надо было выбить только стул, понимаете? А тут оказалось, сняли петлю, и мы пошли работать. Вот такой был режим.

А начинать пришлось с нуля. Научились мы делать чистый графит: всю эту массу мы с хлором замешивали, в аппаратной накаляли докрасна, посторонние примеси в соединении с хлором при высокой температуре становились летучими, вылетали. И мы стали получать чистый графит. Оказывается, в США тоже подобным образом поступали. Они нам в войну по лендлизу поставляли самолеты, танки, пушки... Там всю войну наша комиссия работала. Задикян и другие принимали то, что нам давали. Так вот, один из наших, Александров из треста «Союзэлектрод», видел у американцев нечто похожее на нашу технологию получения чистого графита из анодной массы.

Когда отмечали мое семидесятилетие в 1968 году, товарищи, которые сделали чистый графит, изготовили мне два бокала из чистого графита, в память о том, как мы за него бились.

В 1943 году у нас ничего еще не было — ни урана, ни графита. Промышленной добычи урана и в помине не было. А только для сооружения первого опытного нашего реактора в Москве нужно было 50 тонн урана, урана чистейшего, без примесей. Организацию промышленной добычи урана, его радиохимию, как и технологию очистки графита, и другие не менее важные процессы, надо было решить и решить в кратчайшие сроки.

Уже летом 1946 года уран был разведан в очень ограниченном количестве. Как его вывозили? У меня сохранились фотографии. На одной из них рабочие гонят ишаков, которые цугом, один за другим, идут с привязанными на них, как оглобли, бревнами, служившими крепежом. А на другой фотографии — те же ишаки возвращаются. На каждом висят сумки, а в сумках — урановая руда. Хорошей считается руда, если в ней 0,1% урана, остальное все — пустая порода. Так вот, представьте, сколько в одной сумке ишак привез урана? Я повторяю, что только на первый физический уран-графитовый реактор нам нужно было 50 тонн чистейшего урана. Нужно было также около 500 тонн чистейшего графита. А технологии очистки урана, как и техно-

логии очистки графита, тоже не было. Надо было исследовать и организовать эти сложнейшие процедуры.

В том же 1946 году в июле-августе еще на Кировской под руководством Игоря Васильевича рассматривали мы, если можно их так назвать — смешно сказать — наши «проекты» — три ватмана. Доллежалъ, Шолкович и Кондратский каждый по своему ватману докладывал, что такое атомный реактор и какой надо строить. Доллежалъ был конструктором первого атомного реактора, который и построили. А ведь построить реактор — это еще не все, хоть и уран у нас будет, скажем, и плутоний накопится, дальше тоже сложнейшие процедуры. Это радиохимия, это обработка изделий и прочее.

Вот с чего мы начинали! Вот какая у нас была мощь! Вот в каком положении были мы летом 1946 года!

Положение было трагическим еще и потому, что началась холодная война, которую развязали США и Англия против нас. В настоящее время обнародованы документы правительственных органов этих стран, которые нельзя назвать иначе, как свидетельством антикоммунистической паранойи, по выражению газеты «Морнинг Стар», — болезни, которой была заражена в сороковые годы как внешняя, так и внутренняя политика Англии. В одном из документов приводятся слова основоположника политики холодной войны У. Черчилля, возглавлявшего в 1948 году консервативную оппозицию в английском парламенте. В частной беседе Черчилль настоятельно призывал правительство Эттли развязать вместе с Соединенными Штатами ядерную войну против нас на том лишь основании, что СССР тогда еще не обладал атомным оружием. Через Эттли Черчилль уговаривал американского президента Трумэна согласиться с его предложением. Американский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» 3 января 1979 года сообщал из Лондона в Нью-Йорк: «Согласно только что рассекреченным государственным документам, через 3 года после окончания Второй мировой войны

Е. П. Славский, 40-е годы

Черчилль призывал английское и американское правительства начать ядерную войну против СССР. В то время — в апреле 1948 года — у русских не было атомной бомбы. Напряженность между бывшими союзниками усиливалась, и два месяца спустя она привела к советской блокаде Западного Берлина и организации Западного воздушного моста. Черчилль, который был в то время лидером консервативной оппозиции, после того как во время войны он возглавлял коалиционное правительство, выдвинул это предложение по ядерной войне против Советского Союза Клементу Эттли, который в то время был премьер-министром лейбористского правительства. Черчилль предложил, чтобы Англия и Соединенные Штаты потребовали от русских ухода из Берлина и Восточной Германии под угрозой разрушения советских городов. Ранее он говорил о ядерном преимуществе Запада в своей речи в Палате Общин 23 января 1948 года, в которой он также сказал, что не может не думать о том, что атомная бомба будет оставаться в надежных руках ограниченное время, то есть только у американцев.

А у нас в это время был абсолютный нуль. Мы в это время только-только начали ковырять землю, чтобы построить первый атомный реактор, самый сложный урановый радиохимический завод, завод по изготовлению атомного оружия. Тогда нам не хватало еще и опыта. Да и время какое было! Абсолютная разруха в европейской части нашей страны. Все лежало в руинах. Материальных ресурсов было ограниченное количество. Но наша партия мобилизовала тогда лучшие силы и средства, которые только были, лучших специалистов в народном хозяйстве. Тогда они были на передовой, как на фронте. Это были абсолютно надежные люди. Я счастлив, что работал вместе с ними!

Соединенные Штаты овладели реакцией деления урана в 1942 году, а в 1945-м они на людях в Хиросиме и Нагасаки испытали атомные бомбы. Сделано это было для устрашения всего мира и прежде всего Советского Союза. В том же 1945 году они

демонстративно заявили, что русским потребуется для создания атомного оружия не меньше двадцати лет. А в это время мы еще только проектировали строительство двух заводов на Урале. Один завод с атомными реакторами для получения плутония — в Челябинской области, а второй — в Свердловской области — по диффузионным процессам разделения изотопов урана.

С получением чистого графита у нас окрепли надежды на пуск опытного реактора в Москве. Когда я был уже у Ванникова, мне было поручено вести вопросы: атомные реакторы, радиохимия и уран, поскольку я все-таки металлург в какой-то степени. Все это было объединено в управление, которым я руководил. Но самому еще надо было учиться и учиться.

Когда построили опытный реактор «ф-1» в лаборатории-2, по расчетам физиков все вроде должно было получиться. Бывший завод боеприпасов в Электростали тоже нам передали — там мы стали получать чистый уран. Стали загружать в реактор уран. Загрузили, замерили, а цепной реакции нет. Реактор не идет. Говорят — мало урана, не хватает для критмассы. Давайте еще! Все, что было у нас, все заложили. Добавили. Опять не идет реакция. Нас стегают, мол, мы плохо уран очищаем на заводе в Электростали, примесей в нем много. Но это оказалось ошибкой. Критмасса для цепной реакции оказалось малой. Один-два раза добавили уран. Наконец все пошло. На первый реактор мы добавили небольшое количество урана, вывезенного после победы из Германии.

Звонит мне Игорь Васильевич: «Приезжай! У нас очень интересные дела!» Я приехал тут же. Он мне: «Пойдем в этот балаган». Ведет на реактор и заставляет ребят: «Ну-ка, давай демонстрировать!» Начинает регулирующий стержень поднимать — там цепная реакция! Ребята устроили усилитель-хлопун, он трещит, как пулемет! Игорь Васильевич: «О! О! Пошло!» И продемонстрировал через хлопущки, как получают нейтроны, как идет цепная реакция. Пустили практически реактор!

Он радуется, и я вместе с ним. Игорь Васильевич предупредил: «Не говори никому».

Я поехал к себе, а он тоже — в ПГУ. Прискакал к Ванникову, к Завенягину. Игорь Васильевич был у Ванникова первый заместитель, а я — обычный, но по атомным реакторам, диффузионным делам. Они тут же — к Берии. Берия — к Сталину. Сталин сразу всех их принял. Оттуда Игорь Васильевич звонит мне по телефону: «Ты кому-нибудь рассказывал?» — спрашивает. — «Нет, — говорю. — Никому! Ничего!» — «Я приеду, тебе расскажу все». Приехал, рассказал, как принимал Сталин: «Боже упаси! Чтобы никому никаких сведений!»

Месяца два прошло, как у Берии и Сталина были Завенягин, Ванников и Игорь Васильевич. И эти два месяца Завенягин и Ванников мне ничего не говорили, считали, что мне нельзя говорить этих секретов, несмотря на то, что я начальник, реакторы должен был строить и т. д. С тем, что произошло тогда на реакторе, даже мне не позволяли еще знакомиться. Игорь Васильевич мне первому сказал и показал, потому что я каждый день с ним тогда был. А Ванникову и Завенягину сказал позже. Но режим был — не дай бог!

А вот писатель Асташенков в книге о Курчатове написал, что еще в 1947 году советское правительство заявило, что секрета атомного оружия для нас не существует. Я возмущен! Зачем он врет? В это время мы еще только реакцию осуществили. Игорь Васильевич приехал от Сталина и меня предупредил — никому не говорить! А он врет! Каково? По тем правилам режима секретности даже мне, хоть я и причастен был ко всему делу, даже мне несколько месяцев об этом не говорили. Формально никто не говорил, а знал я только потому, что был с Игорем Васильевичем на реакторе.

Вечером того же дня, а было это 25 декабря 1946 года, в присутствии Государственной комиссии была осуществлена цепная реакция на реакторе, построенном практически за четыре

И. В. Курчатов и Е. П. Славский, 50-е годы

месяца. Эта была первая замечательная победа! Все последующие наши шаги привели к тому, что в Советском Союзе был выкован надежный щит, о который разбились бесноватые призывы периода холодной войны. А если бы не сделали всего в такой короткий срок, скажем, затянули бы, то, наверное, катастрофа для нашей страны была бы неминуема.

* * * *

Дальше началось проектирование и строительство комбината. Я пример приведу, какими мы средствами тогда располагали в строительстве комбината. Будучи еще у Ванникова в заместителях, еще до того, как меня послали туда работать главным инженером, поехал я на Урал с Борисовым (был такой заместитель у нашего Ванникова и заместитель председателя Госплана) для того, чтобы там на месте, как говорится, «накладывать вето» на получение материалов, потому что — ведь это же после войны — разруха! Когда мы приехали с ним туда, там только железную дорогу в тупик провели и пассажирский вагон в лесу вместо штаба поставили. Там, где строительство начиналось. Будущие строители (пока еще ничего нет) записали в проект постановления, что им надо, чтобы выполнить задание. А надо им было на строительство 3 тысячи лошадей, 3 тысячи телег, и овса, и сена, и конюшни, и всякая такая штука... Идем мы с Борисовым, а навстречу — три телеги. Без дуг. У строителей дуг нету. Они вместо этих дуг гнули маленькие вербочки — дуба-то нет. Вот мне Борисов и говорит (он «скороговорка» был): «Смотри, смотри. Лошадей просят, сукины сыны, а дуг, дуг-то нет у них». И когда строители нам доказывали, что им 3 тысячи лошадей «обязательно нужны», Борисов им в ответ: «Научитесь сначала дуги, дуги делать. Дуги будут, тогда и лошадей дадим!»

По инициативе Игоря Васильевича был я направлен туда директором. Сначала был там один, а позже туда назначили Муз-

рукова Бориса Глебовича, директора Уралмашзавода. Я тогда был главным инженером на этом первом нашем комбинате — «десятке» — там, где и получили достаточное количество плутония. Там же потом и Харитон был. У них тоже на базе мобилизационного предприятия создали отдельный институт. Крупнейшие ученые были там тогда: Александр Павлович Виноградов, Виталий Григорьевич Хлопин, Юлий Борисович Харитон, Анатолий Петрович Александров, Андрей Анатольевич Бочвар и другие.

Виталий Григорьевич Хлопин, наш первый ученый, занимавшийся радиацией и поисками урана, был уже тяжело больной. Он был главный в промышленном освоении плутония для оружия. На комбинате был от него в главных руководителях Никитин. Был у него еще мальчиком и вырос в большого ученого. Они научно организовывали радиохимический процесс. Очень сложный и большой процесс. Когда уран выгружается из ядерного реактора, он идет далее на радиохимию, где весь растворяется. В специальных кислотных растворах плутоний отделяется от урана и осколков — радиохимических отходов, которые отправлялись на захоронение. На этом радиохимическом заводе работало много женщин. Так вот, Хлопин, Никитин и их сотрудники сделали очень много. Вся научная технология получения плутония из облученного урана разрабатывалась ими. Плутоний — темно-серый металл, внешне похож на железо, только греется. В нем все время идет процесс спонтанного деления.

Андрей Анатольевич Бочвар отвечал за все металловедение. Крупнейший наш ученый. Работал над изделием — ядерным зарядом для первой атомной бомбы (из половинок шарик делал). Он разрабатывал научное направление по обработке готовых изделий из плутония вплоть до прессования. Чтобы произошла цепная реакция взрыва в изделии, надо было его сделать так, чтобы оно уже было критмассой. Это дело щепетильное. Отец Бочвара преподавал нам в Горной академии, а Андрей был тогда в аспирантуре. Я был старше него. Игорь Васильевич звал его

«Тихоня», а Александра Павловича Виноградова — «Фунтарь».

На комбинате случалось разное. Помню, профессор Менделеевского института Громов был в то время главным инженером нашего завода «Б», где очищали и получали плутоний и уже отдельно в растворах передавали Бочвару для изготовления металлического плутония. Громов должен был учить людей технологии, которую они должны были эксплуатировать. А на заводе много отделов. Одна группа не знает, что делает другая. Режимщики нас за горло держали. А он, Громов, очень квалифицированный технолог-химик, у меня еще в цветной металлургии работал, всю технологию изучал сразу со всеми работниками. Чуть не посадили его режимщики. Говорят, разгласил тайну! Чуть главного инженера не посадили за то, что он готовил для всего завода технологов. Оказывается, он должен был учить отдельно тех, кто в этой комнате, от тех, кто в другой. Еле я его отстоял.

У Александра Павловича Виноградова в подчинении на комбинате работал инженер Каратыгин начальником отдела радиохимического завода. Он вместе с сотрудницей Симанюк, очень талантливым химиком, брал пробы плутония, находившегося в растворах, замерял, из одной посуды в другую переливал. И вот в такой момент образовалась надкритическая величина, произошла бурная реакция, вспышка, но не такая, как в атомной бомбе. Такая произойти здесь не может. Однако облучение было столь мощным, что Каратыгину ампутировали обе ноги. Сейчас он в Обнинске живет. Недавно прислал мне письмо.

Работа развернулась потом грандиозная. Сумасшедшие дела! Огромное число ученых, крупных инженеров из народного хозяйства, многих, так же как и меня, пока не понимавших, но проявивших себя в своем деле талантливо, отбирали, привлекали. По линии режима до десятого колена проверяли: кто твой прадед, кто дед, кто отец. Трудно было привлекать к нам выдающихся ученых, инженеров — все страшно боялись, особенно ученые, они попадали как бы уже в изоляцию. Вот Харитон, он до сих пор за

границу — ни-ни! До сих пор! Был такой строгий режим.

Счастье нашей страны в том, что в главные руководители попал Игорь Васильевич. Он был самый эрудированный специалист в ядерной физике. В начале войны ушел на флот, занимался размагничиванием кораблей от неконтактных магнитных мин, потом смертельно болел в Казани и чуть не «окочился». Бороду отпустил за время болезни. Так его за это «Бородой» прозвали. Природа наградила его изумительными качествами. Он был чрезвычайно обаятельный человек: веселый, жизнерадостный, лояльный к людям. От нас, как черт от ладана, все шарахались. Именно благодаря Курчатову шли к нам ученые, понимая, что идут в изоляцию. Они никому ничего не говорили. Вынуждены были молчать. Кто пойдет на такие дела? Сразу потеряет свое ре-номе и прочее. Курчатов притягивал!

В конце войны союзники договорились с Советским Союзом через три месяца после разгрома Германии объявить войну Японии и совместно разгромить ее. В ходе Потсдамской конференции умер американский президент Ф. Рузвельт. Черчилль как был ловкач от рождения, таковым и остался до смерти. Во время войны ловчил и Америку уговаривал. Ведь второй фронт открылся когда? За год (!) до конца войны. Почти всю войну СССР вынес на себе сам. Единственно, союзники помогали материальными ресурсами и вооружением. В США пришел новый президент — Трумэн, такой же антикоммунист, как Черчилль. Друзжки! Черчилль добивался, чтобы Трумэн сказал Сталину, что США обладают атомной бомбой. Сталин отреагировал: поздравил его с успехом.

Стали воевать с Японией. Квантунскую мощную армию опять разгромили мы, а американцы только на море воевали. После окончания войны стали думать, как организовать Европу. Разделили Германию на четыре зоны. Союзники написали трактаты. Войска расположились по зонам. В нашей зоне вначале были американцы. Когда они ушли, пришли мы, и оказалось, что под нами огромные запасы урана. А на остальной территории

Германии его нет. И мы добывали уран в Германии. Сотни тысяч тонн добывали там. Я выезжал туда ежегодно на наше совместное предприятие — акционерное общество — так как состоял в руководстве этого образцового предприятия «Висмут».

И вот, как я уже говорил, в августе 1945 года США без оснований и нужды сбросили на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы. Так они приложили атомную энергию к жизни, продемонстрировав величайшее научное достижение человечества на убийстве людей в огромных масштабах. Свыше 300 тысяч человек убили и искалечили и два города уничтожили. Это была демонстрация силы против нас. Никто, кроме США, атомного оружия тогда не имел.

Но мы уже после Потсдама и пуска физического реактора в Москве мощно развернули работы по строительству комбината для производства плутония и по разделению изотопов урана. В последнем немного мы отставали. Это предприятие возглавлял Исаак Константинович Кикоин. Он симпатичный мужик был. И тоже вложил душу в это дело. Сорок лет с нами работал, и сорок лет мы все ждали, что он не сегодня завтра помрет. Он туберкулезник. Был такой больной и хилый, а сколько прожил! А как производительно трудился!

Должен сказать: на всех этапах и во всех областях огромного комплекса работ во главе был наш незабвенный Игорь Васильевич Курчатов. Мало сказать, что это был человек особого таланта, скажу честно: на протяжении всей своей длинной жизни я впервые встречал такого замечательного человека. Он был уникал! Все понимал с лету. Все другие перед ним были мальчишки! Это сегодня они академики.

Он проделал титаническую работу по всему комплексу и по созданию кадров ученых и инженеров.

То время было счастливое время моей жизни. Идут последние мои десятки лет. Скоро будем отмечать девяносто. Тридцать лет я был министром и четыре года при Игоре Васи-

льевиче. За всю жизнь такого человеческого человека не встречал. Вспоминаешь сейчас — сердце жмет. Мы были как братья. Очень дружно мы жили. У него склероз был страшный, курил он много. Наш общий доктор Татьяна Владимировна просила меня уговорить его бросить эту вредную привычку. Я ему говорил не раз: «Ну, Игорь Васильевич! Ну, брось ты отравлять организм. Вот ведь я, в детстве однажды накурился так, что отравился, и больше никогда в жизни не курил, даже когда десять лет в армии служил, да еще в какие времена — гражданская война, голод! А я не курил! Ну, брось ты, ради бога!» А он мне в ответ: «Э, старина, время бежит, время катится, кто не курит и не пьет, потом спохватится!» Прибаутка такая у него была. Да, бывало и выпивали с ним. Но сказать, чтобы пьянствовали, — нет, такого не было.

После испытания первой атомной бомбы получили мы очень высокие награды, особенно такие ученые, как Харитон, Зельдович. Они получили звезды Героев и по миллиону рублей. Я получил 75 тысяч. Мы были в необычайном фаворе. К нам было особое отношение. Нас особо снабжали. Настроение было изумительное! Курчатов, Ванников, Завенягин... Замечательные все были люди! Армада была! Теперь все ушли, я один остался.

Игорь Васильевич был нашим всеобщим любимцем. Сейчас в моем министерстве — своя академия наук: полсотни академиков, две с половиной тысячи докторов наук, а кандидатом... Грандиознейшее хозяйство! И основа всего — Игорь Васильевич Курчатов. Он — фундамент всему! Вот Харитон Юлий Борисович был главный в конструкции. Главные теоретические расчеты по оружию выполняли Зельдович и Сахаров. Особенно близко я знал Якова Борисовича. Это был изумительный, талантливый ученый, добрый, хороший человек. Трудился не покладая рук, не за страх, а за совесть. Полностью отдавался делу. И все же — основа основ, главней всех был Игорь Васильевич Курчатов, что бы сейчас ни говорили. Повторяю, тогда все великие наши сегодняшние ученые были перед ним мальчиками! Эрудиция широ-

Ефим Павлович с женой и дочерьми Мариной и Ниной

чайшая! Именно под его руководством была создана оборонная мощь нашей страны. Я глубоко убежден, что эта мощь обеспечит нам мирную жизнь в настоящем и будущем.

Нравственная позиция наших ученых, да и всех участников атомной эпопеи была высочайшей — дай бог каждому! Мы были преданны родной стране, которую сами строили, ради которой трудились честнейшим образом, отдавая все, что имели: здоровье и даже жизнь, как это ни громко будет сказано. Именно так. Нас не надо было уговаривать. Все мы прекрасно сознавали, что нашему народу, нашей стране нужен ядерный щит, наша Родина нуждается в защите. А защита Отечества испокон веков считалась высокоморальным долгом каждого гражданина.

Чтобы выбрать место, где грамотно «посадить» реактор атомный, мы изучали воздушные потоки и местность. Определяли длительное время, потому что предполагали, что радиация будет выходить в атмосферу.

Еще в космос никто не летал. Но с самолета местность

можно было сфотографировать. Комбинат строили в лесу. От железной дороги был сделан тупик. Ничего о строительстве — ни станционным, ни железнодорожным рабочим — никому нельзя было ни слова сказать.

Строили, естественно, на пустом месте. Сначала жили в палатках. Потом приобрели финские домики. Были мы еще молодыми, здоровыми, ничего не боялись. Помню, как через три года после начала строительства я там пятидесятилетие отмечал. Мелочью для нас было, чем нас накормят, напоят. Но кормили, поили хорошо, чего там! Это не вопрос. Правда, пока мы строили, по соображениям секретности, ни на какие там курорты нас не отпускали. Я семнадцать лет никуда не ездил. Мобилизация была всеобщая. Энтузиазм народа после войны был невероятный!..

Строили комбинат главным образом заключенные и военные. Гражданских было минимум. Судьба всех, кто там работал (вот почему я и говорю, отчего боялись к нам идти), была спланирована, заранее решена. После запуска всего дела нас должны были оставить жить рядом в городе, который там же и строили довольно интенсивно, быстро, с тем расчетом, что все, кто теперь окажется на пуске, должны будут там работать и жить, никуда оттуда не выезжать. Заключенных же должны были сослать на Север навечно для работы и жизни там в лагерях. Когда Берия ликвидировали, все стало открываться, а до этого мы ничего об этом не знали.

Но мы изоляции не ощущали. Были бодры, отлично настроены. Материально для нашей стройки все давалось. До последнего времени существовал особый наряд на материальные ресурсы: наискосок с угла на угол красная полосочка. В то время не дай бог кто не выполнит поставки! Все материальные ресурсы шли через Спецкомитет. Председатель Берия был, Маленков — правая рука у Сталина — член Спецкомитета, Ванников там, Курчатова тоже в него входил. Туда каждую неделю докладывали, как идут дела.

Все держалось на таком положении. Все поставлялось по наряду с красной полосой. На июньском пленуме (1986 г.) секретарь Новосибирского обкома (а в Новосибирске я построил огромное хозяйство. Помимо своих заводов — все академии: ВАСХНИЛ, медицинскую, институты... Я каждый год туда приезжал, а секретарь обкома со мною неделю объезжал все хозяйство, наблюдал, как я все рассматривал, директивы давал и видел, как тут все по писаному делается) подходит ко мне и говорит: «Ефим Павлович! Можно с вами посоветоваться?» — «Можно, — говорю, — почему ж нельзя. Чего ты хочешь? Советуйся». — «Вот я записан выступать. Я хочу поставить вопрос об ускорении». — «Знаешь, — отвечал я ему, — своим обращением ко мне ты мне комплимент делаешь. Тебе кажется, что все у тебя так здорово идет, как по писаному, все, что я приказываю, точно выполняется благодаря только тому, что я у тебя там распоряжаюсь? Во-первых, ты пойми, что мы и сейчас еще полувоенная организация. У меня одних строителей 200 тысяч человек: и адмиралы у меня, и генералы, и кто хочешь... Ты это знаешь? У меня материальное обеспечение с красной полосочкой. Так? Я сто процентов получаю материальных ресурсов, которые мне планируют на каждый год. А как у строителей остальных? А разве можно, чтобы у всех такие условия были, как в моем министерстве? Конечно, этого нельзя сделать, дорогой мой! Надо, конечно, навести порядок, дисциплину, как у трудящихся, так и по поставкам. Для всех других, кому планируют. Раз планируют кому-то поставку, так ему же планируют и производство. Однако расхлябанность за последние годы большая. Вот ее и надо ликвидировать. Дело дошло до того, что пьянство на заводах развелось даже во время работы. Человек идет в обеденный перерыв водку покупает, напьется, а потом приходит к станку становится. Какую точность от этого пьяного человека в оборудовании можно получить? Вот это надо ликвидировать. Здоровые силы нужны. Тем паче государственная приемка сейчас введена. Пройдет еще пару лет, подтянем

дисциплину, все подтянем. А страна наша ведь, когда кончилась война, наша страна, вся ее европейская часть, вплоть до Волги, была разрушена, под Москвой два раза отбивали противника, не говоря уже о том, что все время Москву бомбили тоже. Северный Кавказ почти весь был захвачен, чуть ли не до Тифлиса немец дошел. А сегодня наша страна — великая держава! Значит, неплохо, наверное, все все-таки работали? И руководители тоже? Сейчас, когда так много говорят о руководящем составе, как о чиновниках в отрицательном качестве, я иногда своих спрашиваю: «Я тоже у вас был такая сволочь, чиновник, что ли?» — «Нет», — отвечают. Я убежден: порядок наводить надо!

А кто думает, например, о таких вещах: перед войной народа в нашей стране было 190 миллионов человек. Всему миру известно, что мы 20 миллионов потеряли в войне. Осталось 170 миллионов. А сейчас, сколько уже? 287 миллионов. Больше 100, почти 120 миллионов прирастили. А жилье, быт — все это практически во время войны было разрушено. Значит, надо было уже потом не на 100 миллионов — только на прирост строить жилье, а и на тех, кто был в натуре, а им жилья не было, все было разрушено. Так что мы сделали за 40 лет после войны? Сделали страну — сверхдержавой мира, называется! Теперь вроде в мире две сверхдержавы — Америка и наша страна.

А эта же Америка — там ни одна бомба не упала. Когда у них Север с Югом воевали, так и то они «палками» воевали. А во время Отечественной войны и любой другой войны никто там не стрелял и нигде ни один снаряд не разорвался на их территории. А ведь известно, что европейская наука ушла в Америку накануне и в период Второй мировой войны и работала там над созданием ядерного оружия в глубокой тайне. Когда они сообщили союзникам, что создали атомную бомбу? Когда Гитлера уже разгромили, на Потсдаме, в июле 1945 года! А ведь Флеров (впоследствии академик) еще в 1942 году написал Сталину письмо из армии, что работы по созданию атомного оружия ведутся и что

Е. П. Славский с Г. Н. Флеровым, 70-е годы

они закрыты. Значит, нам бывшие союзники ничего не сказали о работах своих?

Так сколько же на нашей территории и всей той, куда немцы доходили, сколько же там разорвалось бомб и снарядов? До сих пор еще бывает: начинаем строить, экскаватор работает, вдруг заскрежетал. Стоп! Оказывается, там склад снарядов или бомб! А мы сделали страну за такой короткий срок!

Когда мы строили атомный комбинат, жили неподалеку от строительства. А места там изумительной красоты! Сосновый бор, озеро, горы! Военные там десантные лодочки из фанеры делали. Лодочки с двигателями. Как-то мы с Игорем Васильевичем на этих лодочках прокатились по озеру. Вот видим: высокий берег, сосновый бор, красота! «Эх, — говорит Игорь Васильевич, — вот бы тут нам жить!» — «Хорошо, — говорю я, — давай завтра пойдем, выберем место, построим коттеджи».

Случилось так, что его вызвали в Москву. Я же с проектировщиками пошел, выбрали место, забили колышки у обрыва и

в пятидесяти метрах друг от друга построили два коттеджа: один для Курчатова, другой для меня. Впереди озеро, дальше горы — красота! И жили мы там, пока строили.

Бывало иногда по озеру прогуливались. Игорь Васильевич имел разрешение плавать за зону. Решил он однажды прокатиться на катере. Пригласил с собой двух сотрудников. Был с ними еще так называемый секретарь — его телохранитель, от которого невозможно было скрыться, так как он по должности отвечал за жизнь своего начальника и обязан был всюду его сопровождать. Катались. Вдруг на середине озера мотор заглох. Ветром катер стало относить в сторону охранной зоны. А там не знали, что на катере Курчатова. Открыли стрельбу. Спас прогульщиков сын директора комбината, девятнадцатилетний молодой человек. Под обстрелом он на другом катере подплыл к потерпевшим крушение, зацепил на буксир и вывез в безопасное место. «Секретарь», в отличие от других пассажиров, лежал на дне катера ни жив ни мертв. К счастью, никто не пострадал. Все остались целыми и невредимыми.

Вот в такой обстановке строили мы наши новые атомные города, где мы работали и жили в те далекие годы.

* * * *

Героические дела совершают люди. Но ведь и глупые вещи тоже делают люди. Когда Игорь Васильевич скончался, в русле разговоров о культе Сталина пошли вслед — и о культе Курчатова, и о культе Славского. В борьбе с культом личности Сталина взяли и сломали те наши два коттеджа. Года четыре назад приехал я на комбинат. Исполком пригласил меня. Вынесли решение избрать меня Почетным гражданином города. Вручили мне это решение, грамоту преподнесли. Попросили вспомнить, как все начиналось. Я им — воспоминания... А потом и говорю: «Позвольте пригласить вас в мое имение» (туда, значит, где кот-

Выступление на митинге, посвященного закладке фундамента под основание здания РТ-2, г. Железногорск, 1973 г.

теджи стояли). Я знал, что они их по глупости разорили. «Культ» выдумали Славского и Курчатова и сломали. Приехали на место, а там — фундаменты бетонные да лесенка. Я по лесенке поднялся и говорю: «Прошу вас пожаловать ко мне, в мой дом». А они все: «Бе-ме». Я говорю: «Зачем ломали? Вы лучше бы детский сад тут открыли». Э-эх! Теперь они с глупости построили коттедж в городе, не отражающий ни истории, ни черта, и сделали там маленький музей. Вот что иногда люди по глупости своей делают.

Когда я стал министром, в это время Сталина уже не было. Хрущев был Генеральным секретарем. Булганин — Председателем Совета Министров.

К Игорю Васильевичу относились хорошо. Вопросов много. Игорь Васильевич придет ко мне: «Давай, звони, пусть примет нас». Я звоню Хрущеву, он нас принимал немедленно.

В это время Лысенко зажимал генетику. А Игорь Васильевич решил Дубинина защитить и к Хрущеву. А тот: «Игорь Васильевич! Мы вас очень ценим и уважаем, а здесь вы неграмот-

ный, не суйтесь к этому делу!»

Я тогда не знал, кто такой Вавилов Николай Иванович. Думал, что это Сергей Иванович. А это его брат — генетик. А Лысенко, оказывается, всякую подлость творил. И вот Игорь Васильевич обратился тогда ко мне: «Давай деньги! Прикажи построить помещение!» Построили помещение и генетиков вырастили в тайне от Хрущева. Только несколько лет тому назад отдали их из Института атомной энергии в Академию наук — целый институт молекулярной генетики!

Трудно охватить башкой весь этот период. Самое замечательное в моей жизни — это работа с Курчатовым. Когда кошки на душе скребли — не заметить, он всегда веселый. Великий был оптимист, эрудит! Хрущев хотел сделать его Президентом Академии наук. Игорь Васильевич отговаривался. И я говорил, что нельзя его загружать из-за здоровья — несколько инсультов было уже. Самоотверженным и отважным он был. Никакой черной и тяжелой работы, когда от нее успех общего дела зависел, не боялся. Надо было работать ночами — работал больше двадцати часов в сутки. Надо было лично перепроверять облученные урановые блочки — перепроверял лично, своими руками. Когда на комбинате работали, со временем не считались вовсе. Спали два-три часа в сутки, нередко в производственных корпусах, напряжение колоссальное. Народ самоотверженный. Вспоминаю нашего классного мастерового Ивана Павловича Фролова-Домнина, который нам столько оказал замечательных услуг, а Игоря Васильевича даже, можно сказать, спас.

Иван Павлович изумительно был талантлив. Вот какой случай связан с ним, когда мы на первом промышленном реакторе работали. Только мы его пустили, еще никакого плутония не наработали (я там уже главным инженером комбината был), Игорь Васильевич мне и говорит: «Знаешь, поскольку тебе надо и другими делами заниматься и надо, чтобы ты днем действовал, давай мы разобьемся, будем спать по очереди по три-четыре

часа. Я буду работать ночью, а ты ночью все-таки отдохнешь хоть немного. Ты же днем работай, так как у тебя зона действия — как у главного инженера — огромная, разные ведь заботы есть».

Спали мы действительно не больше трех часов в сутки. А жили мы с ним тогда в лесу, в тех домиках, построенных рядом.

И вот как-то я приехал с площадки ночью и не успел голову на подушку положить, как он мне звонит: «Давай, быстро приезжай! ЧП!» Я говорю: «Хорошо!» Позвонил дежурному, чтобы машину мне послали. А сам думаю, дай прилягу на 15–20 минут, пока машина придет. Только прикорнул и мгновенно от переутомления уснул. Но спал, видно, я нервно. Через полчаса проснулся, смотрю в окно — машины нет. Спрашиваю дежурного: «Где машина?» А он: «Я не нашел». То да се... Я его, конечно, обругал и позвонил Игорю Васильевичу. А у него машина там на площадке — километров пятнадцать расстояние будет. Дорога бетонная, езды 10–15 минут. Объясняюсь с ним и прошу направить мне его машину. А он меня успокаивает: «Давай спи, давай отдыхай! Я тебе завтра расскажу, как ЧП ликвидировали». А у нас случилась тогда первая неудача из-за конструкции реактора. Он канальный, каналы алюминиевые стали быстро корродировать и выходить из строя. И мы никак не могли понять, в чем же дело. Потом выяснили. Поняли, что надо изменить систему влагосигнализации. Чтобы изменить эту систему, потребовалось разгрузить весь реактор. Можете себе представить, в нем — 100 с небольшим тонн урана! (У нас такого количества урана больше нет.) И наши люди переносили облученный уран снизу вверх для загрузки. Эта эпопея была чудовищная! А блочки урановые эти у нас (это как ходики у часов) заключены в алюминиевые оболочки, и они иногда по железным конструкциям ударялись, и оболочка повреждалась. Если бы такой блочок потом попал в реактор, то туда попала бы вода и произошло бы распухание, а это, как мы называли, «козел», то есть закрывается вся подача воды. А тогда сгорит весь канал.

Игорь Васильевич решил той ночью дежурить. Зал огромный. Посередине реактор. Надо проверить, загрузить свежие блочки. И он тогда через лупу все их рассматривал, проверял, нет ли поврежденных.

У нас сигнализация была устроена так, что если бы радиоактивность больше положенной нормы стала бы, то звонки зазвонили бы. Кроме того, звуковая сигнализация была дублирована световой — разные лампочки загорались. Но так как у нас «гадость» была большая, мы, конечно, вообще выключали эти самые звонки и загрузили световую сигнализацию. А тут вдруг, понимаете, она загорелась! Игорь Васильевич сидел у стола. В одном ящике у него — эти облученные блочки. Он их осматривал и клал в другую сторону. Иван Павлович видит: загорелись лампы. Он подходит к Игорю Васильевичу и говорит: «Не у вас ли это, Игорь Васильевич, смотрите вон, загорелось?» И дозиметриста вызвал. Ионизационную камеру мгновенно доставили. И установили, что у Игоря Васильевича в этом самом ящике находятся мощно облученные блочки. Если бы он досидел, пока бы все отсортировал — еще тогда бы он мог погибнуть! Вот какие самоотверженные дела у нас были.

Повторяю, Игорь Васильевич — это был человек мало сказать чрезвычайной эрудиции, схватывающий все на лету. С точки зрения личной симпатии это был человек, как магнитом притягивающий к себе. Благодаря тому, что во главе нашего дела стоял такой обаятельный человек, много крупных ученых по огромному комплексу удалось мобилизовать в нашу отрасль. А это был не такой простой вопрос. Многие боялись как черт лада-на, потому что думали: как туда попадешь, так и захлопнут. Такое положение у нас было до последнего времени. Хотя теперь куда уж проще стало. Но бывает, когда посылать нужно квалифицированного человека за границу, а он — осведомленный. Осведомленный! А на черта посылать неосведомленного?! Но посылаем неосведомленного! Вот ведь беда!

И. В. Курчатов, Е. П. Славский, 1957 г.

Всю свою кипучую энергию, всю свою обаятельную силу отдал Игорь Васильевич Родине. Именно под его руководством в кратчайший срок было создано и противопоставлено атомной монополии США наше ракетно-ядерное могущество. Нашей мощи, нашей силы бояться, поэтому и добиваются, чтобы мы в главной силе разоружились. Но в этой силе — гарантия, что атомной войны не будет, потому что создана чудовищная мощь. Тот, кто задумает начать войну, должен знать, что это самоубийство не только тех, кто даст команды, а это убийство собственного народа. Кто может начать такое безумие?! Но если бы мы не создали свой ядерный щит в такой короткий срок, затянули бы, не дай бог, лет на десять, наверное, катастрофа для нашей страны была бы неминуема. А мы, слава богу, сделали за три года! Сейчас в европейских и американских кругах распространяют слухи, что Советский Союз наворовал технологию ядерного оружия у американцев и поэтому так быстро создал его. А мы действительно создали за три года!

У Игоря Васильевича какие-то сведения были. Конечно, кое-что по линии секретного добывания мы имели. Но чтобы сказать, что эти сведения были таковы, что по ним мы могли все уже делать, — это чепуха! А ведь реактор построить и пустить — это еще не все, даже если он заработает и урана, и плутония в реакторе достаточно накопится. Дальше — сложнейшая процедура — радиохимия. И, наконец, уже та часть — обработка изделий для атомной бомбы, как мы называли, «ОЗЕ», там, где господствовал А. А. Бочвар. Это еще один завод. Сложнейшие процедуры!

* * * *

В августе 1949 года мы взорвали первую атомную бомбу, совершенно ошарашив всех своих противников. Сам я на полигоне тогда не был. Не пришлось, так как оставался на комбинате. В ожидании испытания все мы страшно были взволнованы. В особенности переживал Игорь Васильевич. Это было заметно: он выглядел бледным, осунувшимся, очень нервничал, хоть и старался не показывать виду. Помню, уезжая на испытания, пришел попрощаться с нами, принес коньяк. «Выпейте, — говорит, — за общее наше дело, за удачу». А сам — как натянутая струна.

Бомбу увозили в невероятной секретности. В строжайшей! Для скрытности впереди состава с грузом пустили два коротких дополнительных. Затем следовал поезд с атомной бомбой. Всю эту цепочку замыкал еще один поезд прикрытия.

Мы создали ядерный заряд уже сразу как бомбу, которую можно было бросать с самолета. Когда у американцев уже были ракеты, снаряженные ядерными зарядами, у нас родилось исключительной теплоты братское сотрудничество между академиком Игорем Васильевичем Курчатовым и академиком-конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Игорь Васильевич руководил работами по созданию ядерного оружия, Сергей Павлович — ракетоносителей к ним. И мы создали ту мощь, из-за ко-

И. В. Курчатов в кругу семьи Е. П. Славского и его жены Евгении Андреевны, Москва, середина 50-х годов

торой считают нашу страну наряду с Америкой сверхдержавой мира. Но ведь Америка за всю свою историю не испытала ни одного взрыва бомбы. А сколько бомб на нашей территории взорвалось во время Второй мировой войны!

После испытания началось производство оружия. На каждую изготовленную бомбу в Москву обязательно направлялись расчетные материалы. Они докладывались генералу Махневу в секретариат Берии. У меня на комбинате работали две обособленные службы контроля. Все секретные документы проходили через мой секретариат. Однажды контролеры вовремя не забрали подготовленный к отправке расчетный материал, а секретарь по ошибке на следующий день сожгла его со своими уничтожаемыми документами. Это была катастрофа! Секретарь, Шура Корниенко, чуть не покончила с собой. Контролеры Берии боятся докладывать. Я позвонил. Берия пообещал мне «башку снести». Я ждал, что так и будет. К счастью, вскоре состоялось очередное

Е. П. Славский с группой соратников: А. П. Александров, А. М. Петросьянц, В. А. Левша, Ф. А. Логиновский и др., 12 февраля 1973 г.

успешное испытание, и это разрядило обстановку. Берия приехал в Кыштым прямо с полигона, был в добром расположении. И угроза миновала.

Часто спрашивают, не терроризировал ли нас Берия. Должен сказать, что он нам не мешал. Он не разбирался в научных и инженерных проблемах, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался. В деле организации и выполнения задач, в мобилизации людей и ресурсов он, пользуясь огромной властью, помогал проводить решения в жизнь. Со стороны правительства мы находили сильную поддержку. Отношение к атомщикам было благожелательным, и мы находились в привилегированном положении. Но бывали моменты, когда становилось страшно.

Когда я стал министром (и снова по инициативе Игоря Васильевича — он добивался, чтобы меня перевели в Москву), он предложил решать вопросы у меня дома: все атомные дела, связанные с миром на Земле. То, что мы сегодня уверенно и спокойно живем, это все за счет курчатовского творчества. Многие

играли немаловажную роль, и я в их числе, но вместе с ним, а решающие заслуги его — Курчатова! Так вот он и предложил: «Давай побольше заводов своих нагружай, а важные вопросы будем за чаем дома решать». Семейно мы были близки. Евгения Андреевна, жена моя (он в шутку звал ее «министершей») чай очень вкусный готовила. Так мы и делали — за чаем дома дела и решали.

Помню, как Игорь Васильевич готовился к поездке в Англию в составе правительственной делегации. Он выступал там. Доклад готовил. Поделился с англичанами «термоядом», который был засекречен, а мы были впереди. Такой эффект произвел, что по его предложению работы по управляемой термоядерной реакции были рассекречены во всем мире. Авторитет Курчатова стал огромнейший!

Вскоре Игорь Васильевич говорит мне: «Знаешь, страны сейчас вроде как соревнуются по оружию, а наука и ее достижения будут все-таки равновсемирными. Вот большие ускорители стоят чудовищно дорого, а на них науку развивать надо. Достижения будут всемирными, и войны от этого не может быть. Давай пойдем в правительство и предложим на кооперативных началах с американцами и с учеными из других стран строить ускорители большой мощности».

Мы пошли. Нас выслушали. Хрущев говорит: «Знаете, Игорь Васильевич, почему бы вам для начала с Жолио-Кюри не начать это дело? Жолио-Кюри — коммунист». И предложил поговорить с Жолио-Кюри о развитии этих работ с Францией. А у французов тогда были трения с американскими учеными, мне Жолио-Кюри рассказывал. Мы начали готовить документы. Ну, а пока готовили письмо в наше посольство послу Виноградову, который должен был его Жолио-Кюри передать, Жолио-Кюри умер.

В 1960 году Курчатова должен был поехать во Францию тоже на высшем уровне, с Хрущевым. Подготовка к поездке началась еще в 1958 году. Он готовился выступить с лекцией в Сакле в

научном центре. Мы и американцы тогда имели ядерное оружие, а французы нет. Были близки, но еще не сделали. Не могли инициировать заряд для испытаний.

Игорь Васильевич пришел ко мне. Он тогда уже с палочкой ходил, похрамывал. Размахивает ею как зонтиком (изящно так!) и говорит: «Я этого Эйзика! (Эйзик — президент Соединенных штатов Эйзенхауэр, бывший командующий во время войны). Я его на обе лопатки положу». А я ему: «Ты что, на борьбу туда отправляешься, что ли? На обе лопатки!»

А он мне начал рассказывать, как он это сделает. Такие вещи, на мой взгляд, открывать было нельзя. Я ему говорю: «Старина! Как же ты можешь французам помогать овладеть ядерным оружием, когда они в НАТО? Мы китайцам не даем (много их тогда у нас в студентах и в ОИЯИ было). Тогда у Хрущева с Мао конфликт случился, и начинались трения с китайцами. Мы уже затормозили соглашение передать им технологию по диффузионным процессам. Чуть ли не передали в то время макет атомной бомбы. Но задержали.

Он подумал, повертел своей палочкой и в ответ мне: «Ты прав, буденовец, ты прав!» И он пообещал переделать свой доклад. Как переделал — не знаю. Ни первого варианта, ни второго не читал. Тогда поездка не состоялась. Но перед этим, еще зимой, 7 февраля 1960 года, Игорь Васильевич поехал с тезисами в Барвиху к Харитону. Читал ему их там и умер на лавочке во время чтения.

Для нас его смерть была трагедией. Для нашей страны — чудовищной потерей. Перед всеми нами еще только начинала развиваться очень большая перспектива в атомной энергетике.

При нем же мы сделали первую атомную лодку. Я тоже за нее награды получал в Подольске. Сегодня весь подводный флот ходит на атомной энергии. Ходит уже больше 40 лет.

Все, что было с чудовищным перенапряжением сделано, всем верховодил Игорь Васильевич Курчатov. Он отдал делу всю

свою жизнь, всю свою кипучую энергию, все свое обаяние. Именно под его руководством в такой кратчайший срок было создано и противопоставлено нашим недругам наше ракетно-ядерное могущество. Нашей мощи, нашей силы боятся. Не дай бог, мы протянули бы еще три, максимум пять лет! Теперь официально известно, что не существовало бы никакого Советского Союза, никакого бы социалистического содружества. Да и мир был бы колониальным, в руках основных империалистических держав.

Сегодня ведутся переговоры о сокращении вооружений. Еще Курчатов при жизни боролся за всякое запрещение и уничтожение ядерного оружия. А нам сейчас предлагают: давайте, мол, обсуждать вопросы о том, чтобы ядерное оружие никогда в мире не использовалось. Да, а мы давно за это, за то, чтобы никакого оружия в мире не было! Переговоры ведутся пока между нами и Америкой. А Франция и Англия — отдельно. Более того, сейчас через Англию договариваются сбалансировать то, что мы по договору предлагаем уничтожить, чтобы они потом компенсировали это число. Это еще дело будущего.

Вот Михаил Сергеевич полетел в Америку договариваться о так называемой средней дальности (это 1000 км и тактические), чтобы сократить стратегическое оружие на 50%. Что это такое? Это оружие, которое стреляет вокруг Земного шара, а по прямой на 15000 км, то есть на Америку. Там таких мощных зарядов нет. Мы же их взрывали. Я взрывал на Новой Земле и получил за это Звезду. Чудовищный заряд! Такие заряды стоят у нас на стратегическом вооружении, а у США таких зарядов нет. И они сейчас хотят стратегические, достающие до них, на 50% сократить, чтобы мы в числе этой половины сократили те, которых у них нет. Мы достаем США так, что любой город масштаба Москвы на несколько километров, будет в лепешку. И это обеспечивает мир! Его мы обеспечили под руководством Игоря Васильевича. Теперь официально известно, что планировался удар атомными бомбами по нашим двадцати городам. А разве

может кто-то теперь атомные бомбы бросать на нас или на другие страны? Нет! Потому что ракетно-ядерная мощь наша такая, которая умиротворяет любого агрессора...

Сейчас мы живем в трудное, но и в боевое время. Я глубоко убежден, что мы еще сильно поднимемся. Вот вчера смотрю телевизор. Машиностроители демонстрируют очень хорошее качество оборудования. Прокатные станы — совершенно новые! Прямо душа радуется. Думаю: «Ага, братцы мои! Давайте, давайте, подтягивайтесь!» Это то, что, как говорится, и нужно! Переболевем, и будет могучая страна!

С Е. П. Славским беседовала Р. В. Кузнецова,
директор мемориального дома-музея И. В. Курчатова

«Дальнейшие заслуги в решении проблемы строительства завода и создания атомной бомбы трудно разделить между первыми руководителями «могучей кучки»: Ванниковым, Курчатовым, Музруковым, Славским и другими. Да и нужно ли?»

Б. В. Брохович

ВОСПОМИНАНИЯ СОСЛУЖИВЦА

В 1945 г. Е. П. Славский был назначен заместителем начальника Главного управления при Совете Министров СССР. Познакомился я с Е. П. Славским в Москве, когда был вызван к нему для утверждения начальником отдела оборудования УКСа завода 817 в г. Челябинске (базы-10). Меня представил Славскому удивительно симпатичный заместитель начальника Главка Александр Иванович Салменков. Славский был крупным мужчиной с несколько необычным лицом, высоко сидящими глазами. Мне он показался человеком с твердым характером, но совершенно невыдержанным. Сначала разговор был доброжелательным. Ефим Павлович сказал:

— Ты попал в рай: по три месяца будешь отдыхать в Крыму и на Кавказе, лишь работай как следует.

Но когда я попросил не назначать меня, так как я хочу поступить в аспирантуру в институт Кржижановского и что в 30 лет идти в снабженцы мне не хочется, нет навыков для такой работы, Ефим Павлович вышел из себя. Он не принял мои доводы, начал кричать:

— Работать все равно будешь, под конвоем водить будем. И Славский утвердил меня в этой должности.

* * * *

В дальнейшем, с момента приезда Ефима Павловича на комбинат и до конца работы министром, пришлось прямо или косвенно работать с Ефимом Павловичем или под его руководством. Я видел в Е. П. Славском большого инженера с острым аналитиче-

ским умом, способным очень сложную, запутанную ситуацию разложить на составные части и решить; руководителя и человека, не боявшегося принять решение и ответственность, с которым не надо вести дипломатию. Славский привык быть первым лицом и не мог быть вторым или третьим и оглядываться на кого-то.

В это время Славский был цветущим шатеном высокого роста, плотного телосложения, с волосами на пробор, всегда в чистой рубашке с галстуком, чисто выбрит, большой белый накрахмаленный носовой платок, очки. Слегка прищуренные внимательные глаза. Он был назначен директором завода 817 без освобождения от должности зам. начальника ПГУ в 48 лет в 1947 году. Времени на раскачку не было. Ведь за срыв сроков пуска завода уже был заменен начальник строительства.

Ефим Павлович размещался в одном кабинете с бывшим директором завода П. Т. Быстровым. Потом сказал последнему: «Освободи кабинет и благоустраивайся сам». П. Т. Быстров был назначен заместителем директора по энергетике. Заводоуправление размещалось в двухэтажном здании по проспекту Ленина, дом № 40. Главного инженера на заводе назначено не было.

Организационный период. Людей на заводе немного, да и некуда их было принимать: не было ни жилья, ни столовых, ни бытовых учреждений. Пришел первый наряд на пополнение за счет окончивших ПТУ мальчишек и девчонок. Работали весь световой день, но в выходной, как правило, отдыхали. Некоторые, особенно женщины, стирали, сушили белье или ездили к семьям в Челябинск. Возили отсюда семьям скромный харч и хлеб, выдаваемый им здесь по карточкам. Иногда удавалось оформить разрешение на коллективный выезд на рыбалку или охоту. Ефим Павлович начал знакомиться со штатом и давать сотрудникам задания. Были и курьезы.

В частности, я доложил, что исполняю обязанности начальника отдела снабжения, так как назначенный на эту должность Н. И. Мурза не принимает дел. Нужно срочно заставить его

работать. Ефим Павлович распорядился вызвать Мурзу. Воспользовавшись отсутствием на рабочем месте Мурзы, секретарь, не предупредив Славского, пропустила к нему на представление нового сотрудника, принятого на работу после его отъезда; не знал об этом и я. Он зашел, поздоровался. Славский встал, покраснел и начал его костерить:

— Что ты дурака валяешь! Не работаешь, от этого дело страдает. Чтоб сегодня принял отдел снабжения.

Командированный:

— Какой отдел снабжения?

Славский:

— У Броховича!

Командированный:

— У какого Броховича?

Славский:

— Ты что, с Луны свалился?

Командированный:

— Нет, из Москвы приехал.

Славский:

— Сказано тебе сегодня же принять отдел снабжения или убирайся вон!

Командированный, совершенно расстроенный:

— Есть принять отдел снабжения!

Славский:

— Ну, это другое дело.

Я улучаю время и тихонько говорю:

— Ефим Павлович! Это не Мурза.

Славский:

— Да?

Я:

— Нет, Ефим Павлович, не Мурза!

Продолжительная пауза. Славский командированному:

— Ну, мы познакомились. Иди работай. Напугал я тебя.

Когда пришел Мурза, состоялся нормальный разговор, и отдел снабжения был у меня принят.

* * * *

Продолжались рабочие будни. Разрозненно начала поступать техническая документация по заводам А и Б, электростанции, водному хозяйству и все в большем объеме. Славский нашел способ быстрого предварительного ознакомления с ней. Он выдавал ИТР УКСа и отделов, в том числе и мне, с десятков пачек документации и назначал срок разобраться в течение двух-трех дней и доложить ему. Мы это делали. Это помогало ему на первых порах быть в курсе дела.

Интересна встреча с Ефимом Павловичем на строительной оперативке. Здесь все привыкли, что в командном составе строительства, министерства да и на комбинате были люди со званием: Ванников — генерал-полковник, Царевский — генерал-майор, Быстров — полковник. Кто-то пустил слух, что и Славский — генерал-лейтенант. И вот инженер монтажного отдела Кауфман, обращаясь к Славскому, говорит:

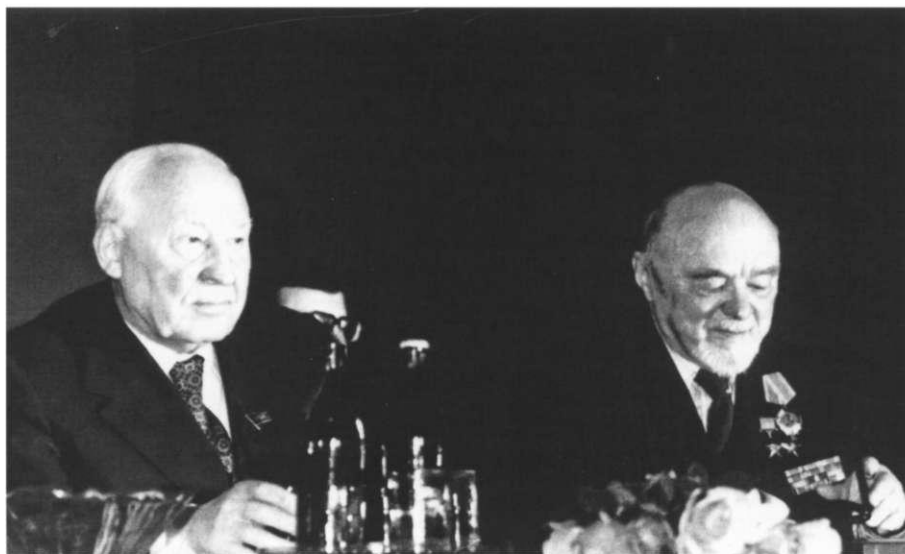
— Товарищ генерал-лейтенант! Разрешите обратиться к генерал-майору Царевскому.

Ефим Павлович понял это как насмешку и ответил:

— Я не генерал, ефрейтор, но если ты будешь плохо работать, то я тебе такое устрою, что век не забудешь.

Таковы были первые впечатления от встреч с Е. П. Славским.

Ефим Павлович работал часов по 16 в день, так же работали и окружающие. Как-то с проверкой выполнения сроков строительства реактора приехал Берия в окружении большой свиты. Состоялись отчеты Царевского и Славского. Отчет Славского и его содокладчика Тратикова, работника отдела оборудования Главка, был неудачен и свелся к тому, что сроки строительства сорвали из-за недопоставки мелочей и простого электрообору-

Е. П. Славский и Н. А. Доллежал, 70-е годы

дования. Это стало поводом для обвинения Славского Малышевым «безответственным болтуном» и решения Берии о снятии и переводе его зам. начальника цеха завода 20. Правда, по просьбе Б. Г. Музрукова, нового директора, Е. П. Славский приказом № 158 сс по ПГУ-1 СМ СССР был назначен главным инженером с 17.12.47 года. Так через пять месяцев после назначения директором базы-10 оборвалась кипучая деятельность Славского в качестве директора предприятия и началась не менее ответственная и нужная в качестве главного инженера.

Взаимоотношения между главным инженером и директором установились непростые. Положение на строительной площадке было сложное. На реакторе «А» полным ходом шли монтажные работы, строились объекты «Б», «С», «В», водоснабжение, электростанция, город и т. д. Все нужно, все срочно. Как-то на площадку приехали Б. Л. Ванников и И. В. Курчатов и поселились в финском домике вблизи реактора «А», чтобы не тратить время на ежедневные переезды из города на завод. Через некоторое

время к ним присоединился и Славский, живший здесь без семьи. Борису Глебовичу отделали коттедж (сейчас ул. Ермолаева, 31), куда он и перевез семью — жену и троих детей — из Свердловска. Дальнейшие заслуги в решении проблемы строительства завода и создания атомной бомбы трудно разделить между первыми руководителями «могучей кучки»: Ванниковым, Курчатовым, Музруковым, Славским и другими. Да и нужно ли? Но, безусловно, они велики, и вклад каждого очень большой.

В финском домике установились дружеские, чисто человеческие отношения, забота друг о друге и розыгрыши между Курчатовым, Ванниковым и Славским. Музруков остался хоть и уважаемым, но генералом Борисом Глебовичем, отношения были уважительные, но не дружеские. У него и в дальнейшем, после назначения его начальником 4-го Главного управления министерства, отношения не перешли в дружбу с Ванниковым и Курчатовым. Ведь Б. Л. Ванников остался министром, Е. П. Славский — его заместителем, И. В. Курчатов — научным руководителем, а Музруков лишь начальником 4 ГУ, а между троицей дружба продолжалась до смерти Ванникова и Курчатова. Ну а Славский был в опале. Ему не разрешалось докладывать Берии о состоянии дел. Это делали лишь Ванников, Курчатов, Музруков.

* * * *

Наступил день 50-летия Славского — 26 октября 1948 года. Провести Указ о награждении его орденом или каким-то другим способом отметить это после снятия его с работы Берией было невозможно. Поэтому Б. Л. Ванников, начальник ПГУ при СМ СССР, издает приказ № 401/с от 25.10.48, который объявляет Музруков, такого содержания: в связи с 50-летием т. Е. П. Славского, первого заместителя директора и главного инженера комбината 817, ПГУ при Совете Министров СССР отмечают его долголетнюю и безупречную работу в тяжелой промышленности, его техническую инициативу, его активную деятельность

в области новой техники.

Приказываю:

1. Объявить Е. П. Славскому благодарность с занесением в личное дело.
2. Выдать тов. Е. П. Славскому премию в размере двухмесячного оклада. П/п начальник ПГУ — Ванников.

Приказываю объявить данный приказ всему личному составу. Нач. базы-10 Музруков.

Правда, день рождения был отмечен в тесном кругу «могучей кучки». Ну а деньги, как мне позже говорил Е. П. Славский, он получил, но лишь оклад. Ванников, как и все министры, мог выдавать только один оклад премии, так по статусу. За этим следил главный бухгалтер комбината И. П. Верещагин.

* * * *

На заводе «Б» строился эфирный корпус (зд. 102). Курировал его замдиректора РИАНА, член-корреспондент Академии наук Б. А. Никитин — ученый и человек очень положительный, которого мы все уважали. Меня, как главного энергетика завода, интересовала, в первую очередь, взрывоопасность процессов.

Здание было сделано уникально. Стены камер здания сначала были сварены из двойных металлических листов, а между ними закачан раствор бетона. При взрыве должен вылетать потолок. Начитался я и о статическом электричестве, и о возможности повышения напряжения трубопроводов до десятков тысяч вольт при циркуляции эфира или бензина по трубам. Своего опыта не было, а в общем подковался. А тут еще вышел проект, в котором предусмотрено не только надежное заземление аппаратуры, но и перемычки на стыках трубопроводов сечением не менее 30 кв. мм на приварке. Я заставил монтажников точно выполнить все и проследил особенно требовательно. Стали пускать здание, начались проливы растворов, течь стыков трубопроводов. Заменять прокладки на них мешают перемычки. Посыпались жа-

лобы. Я стою на своем — перемычки на стыках трубопроводов не убираю. Дошло до Славского. Тот, не зная, что это его указание, в присутствии всего синклита науки (Игоря Васильевича не было при этом) обрушился с площадной бранью на меня, прямо как на вредителя. Объяснить мне не удавалось. Я стоял, а брань продолжалась. Тогда я ушел из кабинета к себе. Через несколько минут пришла секретарь Громова Оля за мной и говорит: «Борис Васильевич, там Славский бушует. Вы не ходите, он вас побьет». Но я пошел вторично. Только вошел, опять посыпалась брань. Я опять стоял, а Ефим Павлович ругался. Я ушел из кабинета вторично. Через несколько минут Оля пришла опять. Я пошел в третий раз и опять был вынужден уйти, так как сказать мне ничего не дали. Вслед звучали угрозы... Поползли слухи о моем увольнении и скандале со Славским. Я носил с собой чертеж с заземлениями трубопроводов с подписью Славского, к счастью, он не был секретным. Меня никто не вызывал. Время тянулось. Наконец я не выдержал и после оперативки загородил Славскому дорогу к машине. Расстелил чертеж на капоте с его подписью и говорю:

— За что вы меня ругали? Объясните.

Он посмотрел и говорит:

— Ну что, ругал, ну и ругал!

— Но ведь я был прав: ведь вы же сами этого требовали?

Вот ваша подпись, а я только точно выполнял.

— Ну, что теперь я тебя в... целовать должен? Пусти сесть в машину, мне ехать нужно.

Так и кончилась эта история.

* * * *

Были на «Б» и печальные времена. Инженера из Кыштыма Н. В. Ерошкина обязали следить за поступлением на склад завода и с него на монтаж оборудования. ЛГС (проектный институт) перечень аппаратов сделал секретным. И. В. Ерошкин переписал его в записную книжку и следил за этим скрупулезно, а книжку

носил в кармане. Узнал об этом уполномоченный КГБ Бредихин, и Ерошкина арестовали. Не спас его и главный инженер завода Громов, так как формально перечень был секретным, но по сути был несекретным. Ерошкин был осужден и находился в заключении примерно полтора года. Дошло это и до Ефима Павловича. Он вмешался, рассекретил чертеж с перечнем оборудования, и Ерошкин был освобожден и работал затем до пенсии начальником азотной станции. За этот случай многое можно простить Ефиму Павловичу.

* * * *

15 марта 1953 года в каньоне отделения готовой продукции «Б» при работе с раствором плутония произошла самопроизвольная цепная реакция (СЦР) с выбросом раствора. В аварии пострадали двое — Александр Александрович Каратыгин, исполняющий обязанности начальника производства завода, общее облучение его было 702,91 рентген, и Генриэтта Николаевна Акулова имела 518,92 рентген.

Особенно сильно пострадал А. А. Каратыгин. Ему ампутировали ноги до колен. Его многократно оперировали. Потом он работал консультантом и переводчиком. Он был удивительным жизнелюбом, симпатичным человеком, любящим свою семью и внуков. Большое участие в решении судьбы Александра Александровича принял Славский. Он обязал построить для него коттедж в Обнинске и оформил на работу. В Обнинске он и прожил до своей кончины.

* * * *

После смерти А. П. Завенягина министром среднего машиностроения с 30.07.57 г. назначили М. Г. Первухина — первого заместителя Председателя Совета Министров СССР. Славский работал у него заместителем и руководителем Комитета по мир-

ному использованию атомной энергии. По словам Славского, это очень хороший, культурный человек, работать не мешал, бывал в министерстве редко и вершил в основном внешние связи в правительстве.

Когда Первухина сняли, он приехал и сказал, обращаясь к Славскому:

— Ты теперь министр!

Ефим Павлович говорит:

— Как так? А как же вы?

— Меня послали к маме, — ответил он.

Кроме того Ефим Павлович ему сказал: «Как же так, назначили и со мной не переговорили, не посоветовались?»

Через день его вызвал Н. С. Хрущев и сказал, что он через два года выполнил завещание Завенягина. Славский здесь же попросил, чтобы к нему первым замом назначили А. И. Чурина.

* * * *

Свое 90-летие Ефим Павлович встретил пенсионером в добром здравии. Единственный недостаток — стал хуже слышать. Я посетил Славского на квартире по ул. Воровского. Поднялся на лифте. Позвонил. Он сам открыл дверь. Поздоровались, расцеловались. Я разделся, осведомились о здоровье друг друга. Он сказал, что чувствует себя сносно и сказал, что я выгляжу хорошо. Он вспомнил, как мы встретились в 1947 году на базе-10. Ефим Павлович сказал, что он еще депутат и член ЦК. Генсек М. С. Горбачев к нему подходил два раза, но что с ним говорить — пустышка. Сказал, что к нему подходил и Д. А. Кунаев и просил защитить. Славский ответил так:

— Я могу подтвердить, что знаю тебя 50 лет и работал с тобой, но ваших дел я не знаю. Но если будет голосование, буду голосовать как все.

Ефим Павлович рассказал, что он очень сильно переживал смерть Н. А. Семенова.

— Хороший он был работник и человек. Я и сейчас переживаю.

Я сказал:

— Завтра поеду к нему на Новодевичье кладбище.

— Там уже шесть лет лежит моя жена, а я доживаю век былым.

Ему академик Л. А. Арцимович преподнес книгу, где они трое критикуют руководителей государства за большой расход сырьевых ресурсов. Оставят внуков без сырья.

Зря не строим АЭС в Европе. У нас много разведанных запасов урана в ГДР, Чехословакии. Большие запасы в Монголии. Свертывать строительство АЭС и атомной промышленности нельзя — это большая ошибка. Проклятое Чернобылье нанесло стране громадный урон. Причем до аварии они уже три года вели критические опыты. Дурье на месте и в министерстве. За них Александр Мешков совсем зря пострадал.

Принимал меня Ефим Павлович в комнате, где стояли стол, диван, два кресла, стул. На столе стояли фотографии Курчатова, Александрова, жены (бабушки с дочками и внучками) и лежали журналы.

Он старается никого не критиковать и ни про кого ничего не говорить. В министерство не ходит. Извинился, что нечего поставить на стол. В доме нет ничего. Договорились, что когда я еще раз приеду, позвоню и заеду, посидим, повспоминаем вдвоем.

Заявление об уходе на пенсию подал сам. Жалел, что мы мало выпускаем удобрений, особенно их мало в Казахстане, и используем их также плохо. В Узбекистане можем давать 50 тонн золота в год. Тогда я видел Славского в последний раз. Больше не пришлось.

Б. В. Брохович

«...Ефим Павлович был полон решимости навести порядок испытанными в то время методами: следовало, как тогда говорили, закрутить гайки».

Б. Г. Музруков

МАЯК НА ВСЕ ВРЕМЕНА. НА СТАРТЕ

Ефим Павлович Славский к моменту нового назначения был физически сильным сорокадевятилетним человеком, отважным, властным, уверенным в своих возможностях. Отправляясь к новому месту работы, Ефим Павлович был полон решимости навести порядок испытанными в то время методами: следовало, как тогда говорили, закрутить гайки. Рекомендации подобного толка он получил и от Б. Л. Ванникова.

Действительно, первые впечатления, полученные на базе-10, подтверждали необходимость принятия крутых мер. Перед въездом в зону Славский увидел на некоторых строительных машинах знак «ПР», дающий шоферам право без пропуска покидать секретную стройку и въезжать на ее территорию. Славский тут же, в колонне транспорта, приказал водителям знаки смыть и пропуска оформлять. Я. Д. Раппопорт был возмущен этим решением — с ним даже не посоветовались! Встретившись с новым директором комбината, начальник строительства генерал-лейтенант Раппопорт, опытный, самоуверенный, знающий себе цену производственник, не смог сдержать эмоций. Славскому не понравился сам начальник строительства и его тон. На имя Берии была направлена докладная, содержащая стандартные формулировки, обвиняющие Я. Д. Раппопорта: не обеспечивает, не справляется и т. д.

Л. П. Берия согласился с увольнением Раппопорта. Начальником строительства Славский предложил назначить знакомого ему генерал-майора М. М. Царевского, послужной список которого соответствовал сложности задач на базе-10. Он возглавлял строительство ряда крупнейших индустриальных объектов в годы первых пятилеток и во время войны.

Очень быстро после приезда на базу-10 Славский почувствовал, что одними крутыми мерами дела не поправить. На него обрушилась масса малознакомых и вовсе незнакомых проблем. Дело осложнялось тем, что в это время он совмещал три должности: заместителя начальника ПГУ, директора и главного инженера комбината. Объем работ был громадным, а достойных помощников у Ефима Павловича пока не подбиралось.

Коллектив огромного объекта лишь начинал формироваться. Люди прибывали со всех концов страны, но прежде чем приступить к работе, они должны были ее освоить. Настоящих специалистов не хватало. Да их и действительно было очень мало — атомная отрасль только складывалась, кадры еще предстояло готовить. Те, кто уже хорошо знал дело, работали в Москве. Из них и подбирался руководящий состав комбината...

Тем не менее дела подвигались. В августе 1947 года бетонирование котлована для промышленного реактора завершилось. Строители приступили к возведению здания и монтажу оборудования. Здесь требовалась особая четкость указаний: от куда что везти и куда ставить. И ситуация вновь обострилась. Поток машин и механизмов, идущий на комбинат, нарастал: в июне 1947-го поступило 150 вагонов, в августе — 800. Поскольку на базе-10 заранее не были известны объемы необходимого оборудования, подходящих помещений не построили. Не имелось также достаточного количества транспорта, чтобы быстро перевозить грузы с железнодорожной станции. Возникла проблема выгрузки и хранения. Значительная часть оборудования и материалов лежала под открытым небом.

Славский, привыкший во всем полагаться на себя, вскоре убедился, что один человек не в состоянии разобраться, что где находится и для чего предназначается. Тогда он раздал проектную документацию ближайшим помощникам, чтобы они внесли ясность в вопрос, какое оборудование имеется на комбинате и куда его необходимо разместить. В результате оказалось, что многого недостает: что-то не довезли, а части оборудования еще и не существует в законченном виде, потому что (в полном

*Е. П. Славский и П. К. Георгиевский у полкового знамени
в Музее Вооруженных Сил*

соответствии с принципом работ, сформулированным в воспоминаниях А. П. Александрова) находится в стадии научных работ, проектирования, изготовления.

Такой оборот дела застал Ефима Павловича врасплох. Видимо, находясь в Москве, он не представлял себе масштабов проблемы в целом и меру ее сложности в сочетании с неопределенностью. Ключом ко всем вопросам он, очевидно, считал использование безграничной власти. Он нажимал, требовал, давил. Но система сложнейших взаимодействий в таком многокомпонентном комплексе, которым являлась новая атомная отрасль, не поддавалась примитивному прессингу. К тому же действовать зачастую приходилось, можно сказать, заочно, на расстоянии, а это обстоятельство еще более усугубляло трудности.

Так или иначе, неразбериха с поставками оборудования и невозможность быстро навести порядок в уже имеющемся огромном техническом парке привели к очередному осложнению в отношениях со строителями. Они вынужденно замедляли темпы монтажных работ. И потом оказывались виноватыми

в срыве сроков сдачи реактора, если судить по докладным, которые Е. П. Славский вскоре начал направлять Л. П. Берии уже относительно М. М. Царевского.

Обеспокоенный Б. Л. Ванников 5 октября 1947 года направляет на базу-10 первого заместителя министра внутренних дел В. В. Чернышева и академика И. В. Курчатова. Совещание в Управлении строительства базы-10 подтвердило, что работы затягиваются по причине недопоставки оборудования, а не по вине строителей. В протоколе заседания заказчику строительных работ, то есть комбинату в лице его директора, было предложено усилить контроль за своевременностью поставки оборудования под монтаж.

Таким образом, положение Ефима Павловича не улучшилось. Ликвидировать трудности одним махом, по-кавалерийски, он не смог, разобраться в их тонкостях — тоже. Темп работ на комбинате по-прежнему катастрофически отставал от графика.

Прибыв на комбинат, В. А. Малышев пригласил на заседание комиссии Е. П. Славского и М. М. Царевского. Каждый из них должен был доложить о состоянии подотчетных ему работ.

Два руководителя базы-10 подготовились к своим сообщениям по-разному. Директору обычно в таких вопросах помогал его ближайший сотрудник, начальник отдела оборудования Б. В. Брохович. Однако к тому моменту он был уже снят с работы самим Ефимом Павловичем. Поэтому Славский при подготовке доклада обратился за помощью к другому человеку, работнику ПГУ, специалисту по поставкам электрооборудования. Они сосредоточились на составлении списка недостающих электрических приборов и механизмов, который занял в результате одну страничку. Явившись на заседание комиссии с этой страничкой, Е. П. Славский продолжал во всех бедах обвинять строителей.

М. М. Царевский подготовился гораздо более основательно и принес полный перечень недопоставок, которые не позволяли осуществлять комплексные монтажные работы. За недопоставки строители, конечно, не отвечали. Кроме того, Царевский привел достаточно фактов, чтобы показать: оборудо-

дование подчас приходит в плохом состоянии, контроль за его качеством заказчик не осуществляет.

В ходе заседания комиссии выяснилось также, что на базе-10 не было обеспечено строительство ТЭЦ, крайне необходимой уже в ближайшее время для отопления воздвигаемых зданий. Для строительства ТЭЦ уникального оборудования не требовалось. То, которое было необходимо, можно было бы получить по заявке ПГУ без всяких препятствий.

В. А. Малышев, выслушав эту информацию, вышел из себя. Он, привыкший к четкой, слаженной работе предприятий ПГУ, был неприятно удивлен происходящим на базе-10. Высказав Ефиму Павловичу свое резкое неодобрение, Вячеслав Александрович позвонил Л. П. Берии и предложил немедленно снять Славского с поста директора.

Вскоре на комбинат прибыл и сам Л. П. Берия. Его визит 20 октября 1947 года закончился... переводом Славского в главные инженеры...».

Действительно, раздраженный председатель Спецкомитета освободил Е. П. Славского от всех руководящих должностей и определил ему место заместителя начальника объекта «А», то есть будущего уран-графитового реактора. Место директора комбината осталось вакантным.

Возможно, настаивая на освобождении Славского от обязанностей директора комбината, В. А. Малышев уже точно знал, кого можно смело рекомендовать на эту должность. Занявший ее должен был за короткий срок переломить тяжелую ситуацию, наладить деловые отношения со строителями, создать в коллективах будущих предприятий рабочую обстановку, разобраться с поставками оборудования. На это был способен Борис Глебович Музруков, вместе с которым нарком Малышев создавал танковую промышленность в годы войны.

После снятия Славского с должностей заместителя начальника ПГУ, директора и главного инженера комбината, он, казалось, был надолго, если не навсегда, выбит из обоймы руководителей высшего ранга. Но Музруков думал иначе. Принимая

*Руководство Минсредмаша и ЦК профсоюза
с лауреатами Государственной премии, ноябрь 1986 г.*

дела, он сумел оценить качества Славского как инженера, его активность, самоотверженность, деловитость. Даже то, что Ефим Павлович мог при случае устроить провинившемуся настоящий разнос (чего Музруков всегда избегал), было принято во внимание. Обстоятельства иного плана также помогли возвращению Славского в когорту первых руководителей комбината.

Одновременно с Музруковым на базу-10 в качестве нового главного инженера прибыл директор Воскресенского химкомбината. Побывав, как и Музруков, на реакторе Ф-1 в Москве, этот человек сразу заболел настоящей радиофобией. Он ехал на комбинат в страхе, подчиняясь лишь высокому назначению, а не собственным осознанным намерениям. Его настроения очень быстро стали ясны Борису Глебовичу. Он не сомневался, что такой сотрудник хорошо работать не сможет. Но его присутствие давало повод обратиться к Берии, что Музруков и сделал. Он предложил главным инженером комбината вновь назначить Славского, а бывшего директора Вознесенского химкомбината вернуть на прежнее место. Берия согласился. Славский стал

главным инженером на предприятии, где совсем недавно был директором.

Этому назначению способствовало и то, что Б. Л. Ванников и И. В. Курчатов также хотели, чтобы Славский работал в свою полную силу. Они при этом, по всей видимости, чувствовали перед ним некоторую вину. Однако Ефим Павлович, по свидетельству многих очевидцев, претензий к ним не имел. Обиду, и надолго, он затаил на Малышева и Музрукова, хотя Борис Глебович не имел отношения к событиям, произошедшим на комбинате в ноябре 1947 года. Эта неприязнь проявилась позже. На комбинате Славский работал героически, ни разу не подведя своего начальника. Энергии, работоспособности, мужества ему было не занимать.

Интересные характеристики Музрукову и Славскому дал И. В. Готлиб: «По роду своей работы я постоянно общался с Е. П. Славским и Б. Г. Музруковым и могу сказать, что инженеры, директора старой школы умели работать как проклятые и приучали к этому окружающих.

Е. П. Славский и Б. Г. Музруков — оба работали не жалея сил, но по характеру были очень разные. Славский — вспыльчивый, мог отругать нецензурно. Музруков — очень воспитанный, требовательный, терпеливый. Сказал — значит, человек должен выполнить его задание. Если же терпение у него вдруг кончалось, он звал Славского и говорил: «Слушай, приходи, мне тут кое-кого надо отчитать по первое число», и Славский делал это виртуозно и с удовольствием».

Н. Богуненко
Отрывки из ее книги: «Музруков» (серия ЖЗЛ),
Москва: Молодая гвардия, 2005

«Но поразительно было то, что эти люди всегда подавали личный пример, всегда были на переднем крае».

В. И. Шевченко

КАК ПРОСТОЙ РАБОЧИЙ

Когда говоришь сейчас о строгой ответственности, установленной для всех, кто был занят в основном производстве комбината «Маяк», может легко сложиться совершенно ложное представление, что в коллективе царила атмосфера скованности и страха. Но этого не было.

Удивительные люди — ученые, руководители, возглавлявшие эти работы, а на комбинате это особенно И. В. Курчатов, А. А. Бочвар, Б. Г. Музруков, Е. П. Славский сумели создать и поддерживать психологический климат, исключающий расхлябанность, но стимулирующий творческий поиск, когда для каждого члена коллектива было главным сделать то, что ему поручено, как можно лучше и быстрее.

Вспоминая теперь то время, становится ясным, что именно это в значительной степени обеспечило решение всех стоявших сложнейших проблем в короткие сроки.

Специалисты, собранные бериевским ведомством со всей страны, работали на совесть, по достоинству получали ордена, премии. С гордостью сознавали, что делают важные дела для защиты Родины.

Но поразительно было то, что эти люди всегда подавали личный пример, всегда были на переднем крае. Вспоминается случай с Е. П. Славским, когда он был у нас в должности директора, и в то время случилось чрезвычайное происшествие.

Проводилась плановая выгрузка продукции (блочков). При очередном подъеме загруженного кубеля из шахты приема на отметке в районе течи произошло его заклинивание.

При усилии в пять-семь тонн извлечь кубель не удалось. Для организации работ по освобождению кубеля рабочая продукция из кубеля разгружается в приямок шахты под защитный слой воды. Газосваркой кубель режется на части и извлекается. Устанавливается в шахту аварийной разгрузки другой кубель, в который необходимо из приямка под небольшим слоем воды переложить девятьсот штук облученных рабочих блочков. Работать пришлось в зоне высокого ионизирующего излучения. Для этого был мобилизован персонал смен и дневных служб. Работа велась по специальному дозиметрическому допуску. Работой руководил главный механик объекта. Работали по одному человеку. Смена работающего производилась под контролем инженера-дозиметриста. К рабочему месту приходилось добираться по металлической лестнице, длина участка от входа сверху до места работы — около сорока метров. Из-за неплотности задвижек на водоводах на рабочее место распыленными струйками лилась вода с температурой +10 ... +15°C, поэтому работать приходилось в брезентовом плаще. В этой работе лично принимал участие Е. П. Славский.

К работе привлекался физически здоровый персонал, поскольку работающему приходилось несколько минут находиться в ливневом потоке воды, выходили оттуда продрогшие. Руководство дало распоряжение каждому поднявшемуся наверх по его желанию преподнести граненый 75-граммовый стаканчик разведенного спирта.

Е. П. Славскому, поднявшемуся наверх, «подающий» также поднес этот стаканчик.

Е. П. Славский: «За стаканчик — спасибо, но что у тебя, мать твою, нет больше посуды?» — и забросил стаканчик в дальний угол помещения.

«Ефим Павлович, есть, есть и более!» Быстро достал такой же граненый стакан, но емкостью уже двести граммов. Наполнил его до краев.

Ефим Павлович: «Молодец, спасибо за догадливость». Осушив стакан, утерся мокрым рукавом плаща. Накинув капюшон на голову, он пошел на второй заход.

Инженер-дозиметрист, преградив ему путь, сказал: «Ефим Павлович, вам больше туда нельзя. Вы уже получили разрешенную дозу облучения».

Ефим Павлович: «Вам запрещаю, а себе даю разрешение на второй заход». Сказав это, натянул на голову капюшон мокрого плаща и стал спускаться по металлической лестнице к месту сбора блочков.

Шестнадцать дней в чрезвычайно тяжелых и сложных условиях потребовалось на удаление кубеля и расчистку приямка шахты от рабочих блочков.

В. И. Шевченко

*«Он проявлял большое терпение,
если его не доводили до крайности. Но уж
если...»*

П. А. Журавлев

МОЙ АТОМНЫЙ ВЕК

По рассказам начальников смен, уже после окончания пусковых работ, в их присутствии разрешались самые различные вопросы, возникавшие в ходе работ. И так изо дня в день выплывали все новые и новые многочисленные проблемы, неизбежные при пуске гигантского и сложного комплекса, каким является атомный реактор. А время не ждало, и все требовалось решать без промедления.

Мне по своим пусконаладочным делам много раз случилось работать в пультовой в присутствии находившегося там высокого начальства или неоднократно проходить мимо них в диспетчерской, но я никогда не был свидетелем разговора с кем-либо на повышенных тонах.

Более того, несмотря на серьезность дел, которые они вершили, случались с их стороны и шутки с розыгрышами.

Как-то И. В. Курчатов в моем присутствии послал своего «секретаря» в буфет за несколькими сырыми яйцами. Принесенные яйца были коварно уложены в модные тогда боты «прощай молодость», которые почему-то, единственный из всех, любил носить заместитель начальника смены Николай Алексеевич Протопопов.

Когда же по окончании смены хозяин бот, продолжая с кем-то начатый разговор, под заинтересованными взглядами всех присутствовавших машинально, но энергично сунул ногу в злополучную «прощай молодость», вызвав живописный яичный фонтан, хохот был такой заразительный, что и сам пострадавший от души расхохотался.

Годы спустя мне довелось не раз слышать и видеть «разносы» начальства, в том числе со стороны Е. П. Славского. Но тогда, (очевидно, с целью сохранения спокойствия у персонала,

непосредственно занятого работой по наладке сложной техники), все необходимые разnosы велись в других местах. Здесь же, в диспетчерской и в пультовой, всегда сохранялась деловая обстановка доброжелательной требовательности.

Павел Георгиевич Добия присутствовал на оперативных совещаниях, проводившихся ежедневно руководителями ПГУ и комбината с большим кругом начальников строительных, монтажных и проектных организаций, включая наладчиков и эксплуатационников.

Из его рассказов мне было известно, что там тогда не только не обходилось без громких разговоров, но и порою заканчивалось серьезными последствиями для неудачников, не сумевших справиться со своим делом. Сам я тогда на таких совещаниях не присутствовал и не знал еще, что такое время и для меня уже скоро наступит.

Тяжпромэлектропроект на этих совещаниях иногда представляла Эда Романовна Гольдберг. На таких диспетчерках, или оперативках, как их было принято называть, ежедневно решалась огромная масса вопросов по устранению возникавших в ходе гигантского строительства помех.

Как-то П. Г. Добия, придя с одной из оперативок, с юмором рассказал нам в присутствии Э. Р. Гольдберг, с интересом присоединившейся к слушателям, о том, как Ефим Павлович Славский учинил разнос некоторым руководителям стройки.

Совещание вел начальник строительства генерал-майор Михаил Михайлович Царевский. Как обычно, поочередно докладывали руководители, отвечавшие за тот или иной участок строительных, монтажных, наладочных, проектных или снабженческих работ. Во время проведения совещания обнаружилось некоторое отставание от утвержденного графика работ, ставившее под угрозу срыва конечные сроки пуска реактора, поэтому у высшего руководства имелась причина для определенной нервозности.

Е. П. Славский, при всех его многочисленных достоинствах и выдающихся способностях, имел одно свойство, сохранившееся у него, видимо, еще со времен кавалерийских атак Первой

Конной армии С. М. Буденного, в которых в молодости он многократно участвовал. Он проявлял большое терпение, если его не доводили до крайности. Но уж если...

Как раз такая ситуация, видимо, сложилась и на этот раз. Пока М. М. Царевский выслушивал своих подчиненных, Славский постепенно начал «накаляться», но в ход совещания не вмешивался и только вдруг заинтересовался: «К Эде Романовне вопросы есть?». На что Царевский ответил, что до нее еще не дошла очередь.

Через некоторое время вопрос повторился. Наконец дошла очередь до монтажных работ. И тогда Е. П. Славский сам спросил, есть ли у кого из руководителей монтажных организаций вопросы к Гольдберг. После отрицательного ответа он обратился к Гольдберг: «Эда Романовна, а у вас есть вопросы к монтажникам?»

После ее ответа, что вопросов у нее нет, ей было сказано, что она свободна и может идти заниматься своими наладочными делами. Эда Романовна, замещавшая уехавшего на несколько дней в Москву руководителя наладочной группы А. М. Кореневского, не без удовольствия покинула совещание и теперь с интересом слушала рассказ П. Г. Добия о том, что было дальше. А дальше было вот что.

Как только за Эдой Романовной, единственной женщиной, присутствовавшей на совещании, закрылась дверь, Ефим Павлович встал и произнес в адрес виновных в срыве сроков разгромную речь, не избежав при этом и «колоритной терминологии». Так, выражая свое возмущение тем, что без каких-либо основательных причин некоторыми руководителями из-за личной нерасторопности было упущено дорогое время, он им бросил упрек:

— Вместо того чтобы организовывать работу в ночную смену, вы своих секретарш обжимали!!!

Вдруг в притихшем зале поднимается рука. Славский:

— Ну?!

Борис Самойлович Карпман, начальник стройучастка, эдак спокойно произносит:

— Ефим Павлович, а у меня секретарь — солдат.

В зале наступило оцепенение... Затем Славский, указывая пальцем на Карпмана, грозно произнес:

— Значит, он тебя...

И тут разразился громовой хохот всего зала.

Обстановка разрядилась, и продолжилось деловое и очень продуктивное обсуждение, во время которого было найдено решение по ликвидации отставания работ от графика.

Через три года я встретился с Б. С. Карпманом в Томске-7, где он руководил строительством здания для нового реактора, и подробно расспросил его об этом случае. Он сказал, что очень хорошо помнит то совещание и что никакой обиды на Е. П. Славского, по его мнению, ни у кого тогда не осталось, зато по его возмущению и «яркости» речи всем сразу стало ясно, что дальше отступать некуда, и это помогло найти выход из создавшегося на тот момент непростого положения.

После ликвидации последствий аварии в «Химцехе» на заводе и в моей работе вновь наступил период более регламентированного распорядка. В это время активизируется работа службы КИПиА комбината. Ее руководитель, энергичный Георгий Георгиевич Попов, стал часто собирать нас вместе, начальников служб КИПиА реактора «А» — В. С. Малькевича, реактора «АВ-1» — Н. Ф. Павлова, «АВ-2» — П. Г. Добия, «АВ-3» — В. А. Барышникова и «АИ» — автора этих строк.

Шли мы на эти встречи с охотой, потому что на них обсуждались не только насущные проблемы, общие для всех наших служб, но и происходил очень активный обмен опытом между нами по всем вопросам нашей работы...

Были ли мы в большой компании, или только вдвоем с близким сослуживцем у кого-либо дома, или на лодке посреди озера Иртяш, абсолютно трезвые или в веселом настроении после нескольких рюмок или бокалов горячительных напитков, — вне рабочей обстановки у нас никогда не возникали разговоры на служебные темы.

Даже с женой, работая на одном реакторе и будучи в курсе всех дел друг друга, мы всегда придерживались этого правила. Оно помогало нам жить, не оглядываясь по сторонам. Режим есть режим. О нем я еще буду говорить специально...

10 июля 1953 года появилось сообщение по радио и в га-

Е. П. Славский со штабом Минсредмаша СССР, 1976 г.

зетах об аресте Берии и об освобождении его от всех занимаемых им постов. Меня эта новость застала в комнате 15 (пультовая) ректора «АИ». В это время все управленцы работавшей смены находились там же.

Конечно, началось обсуждение услышанного. Во все, что говорилось в этом сообщении, мы могли поверить, кроме одного утверждения об «...антигосударственных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала...». Это утверждение вызвало у всех присутствовавших полнейшее недоумение.

Нам, работникам атомной промышленности, конечно, было хорошо известно, что именно Берия курирует руководство осуществлением всей гигантской эпопеи, связанной с атомной проблемой. Все мы знали, какие огромные усилия прилагал Берия для создания атомного оружия. Только в Челябинске-40 он был четыре раза. Утверждение о том, что все это делалось им «в интересах иностранного капитала» было алогичным, тем более если он хотел захватить власть.

Вскоре в драмтеатре, при переполненном зале, состоя-

лось собрание, на котором приехавший из Москвы Е. П. Славский рассказал, как проходил Пленум ЦК КПСС 2–7 июля. Затем он перешел к рассказу о том, как ему было трудно работать с Берией, что тот бывал с ним груб.

Оправдывая собственное частое применение крепких выражений, Ефим Павлович, подняв перед собой обе руки и потрясая ими, произнес: «Все это шло от Берии! Посмотрели бы вы, как он с нами обращался!»

Ефим Павлович Славский был, безусловно, выдающимся руководителем и неординарным человеком. Ему, как никому другому, было присуще государственное мышление, которое постоянно проявлялось, особенно в течение тридцати лет его работы министром.

Его заслуги велики и неоспоримы. Но человек есть человек. Нам тогда, в 1952 году, в драмтеатре Челябинска-40, показалось, что истоки пристрастия Ефима Павловича к «сочности» речи, идут не от Берии, а от кавалерии, как я уже упоминал. Между прочим, к слову, никем не засвидетельствована какая-либо грубость со стороны Берии во время его приездов в Челябинск-40.

Вспоминая о поездках Е. П. Славского на наш завод, мне хочется отметить, что, несмотря на обширную программу министра во время этих ежегодных поездок, мы не ощущали никакой спешки с его стороны. Он подробно вникал во все наши дела, спокойно и терпеливо выслушивал все наши доводы по вопросам, которые мы выносили для его решения. По большинству из них мы после активного обсуждения сразу получали его резолюцию на подготовленном нами документе. В некоторых случаях он просил переправить материалы в комбинатоуправление, но еще до его отъезда с комбината по ним также принимались решения. И лишь по очень немногим вопросам он просил материалы направить ему в Москву, если для принятия решения требовалось обсуждение их с кем-то там. В любом случае, он всегда знал все наши аргументы по всем поставленным нами проблемам, и решение по ним мы всегда получали. Положительное или отрицательное, полностью так, как мы хотели, или нет, но всегда вопрос решался.

Перед приездом высокого начальства мы никогда не

«мыли шею», то есть не занимались наведением какой-то особой чистоты и лоска на заводе.

Это происходило повседневно и постоянно, потому что любой мусор, любая грязь и пыль могли оказаться источником или сборником радиоактивного загрязнения.

Все работающие на атомном заводе это прекрасно понимали и поэтому постоянно, начиная от директора и кончая самым рядовым работником, сознательно следили за тем, чтобы всюду была обеспечена абсолютная, почти стерильная чистота, как во всех зданиях, так и на всей территории завода. Если бы это было не так, нас нужно было бы просто гнать в шею с завода.

Е. П. Славский, как и на других предприятиях отрасли, бывал на нашем заводе ежегодно. Каждый раз я, как директор, после обхода с министром наиболее важных рабочих мест на заводе, обязательно отчитывался перед ним о работе комплекса за время, прошедшее после его предыдущего посещения. При этом было видно, что он помнил все увиденное и услышанное в свой прошлый приезд. И еще, как я уже упоминал, у него была поразительная память на лица людей, с которыми он встречался когда-либо.

Впоследствии, когда мне довелось бывать на коллегиях министерства, посвященных итогам работы отрасли за истекший год, я неоднократно наблюдал, как министр Е. П. Славский отмечал успехи в работе сельского хозяйства того или иного предприятия наравне с достижениями в промышленном производстве. Он очень сурово спрашивал и за низкую продуктивность совхозов, и за недостаточность овощехранилищ, и за слабость предприятий по переработке сельхозпродукции.

Нет, атомщики никогда не были «жирующими нахлебниками» общества!

П. А. Журавлев

Отрывки из его книги «Мой атомный век.
О времени, об атомщиках и о себе» – М.: Хронос-пресс, 2003

«Вдруг на меня обрушивается сильный удар ладонью по спине. Резко поворачиваюсь с намерением поприветствовать крепким русским словом... и вижу смеющегося Ефима Павловича...»

М. Е. Сопельняк

НАЧАЛО БАЗЫ-10

Во время войны я работал инженером-механиком на одном из авиационных заводов. По окончании войны приехал по направлению на базу-10. Еще до назначения на официальную должность (главного механика завода 25) меня привезли на монтажную площадку. Здесь возвышались горы приготовленного для монтажа оборудования. Все было покрыто снегом. Мне, естественно, захотелось посмотреть и потрогать агрегаты собственными руками, но в ответ на просьбу услышал категоричное: «Нельзя!» И только вернувшись домой, понял, какая ответственность ляжет на меня на той должности, официального утверждения на которую я еще не получал. Когда этот день наступил, я уже как хозяин, с молоточком в руке и с кусочком мела в кармане, пошел на промышленную площадку. Мне хотелось послушать, как поет металл. А он ведь поет. И песню эту надо уметь слушать, как врачу сердце пациента. Непосвященному такое трудно понять. Для многих это набор слов, а для специалистов корень жизни.

Иду, постукиваю молоточком, слушаю. И вдруг слышу хриплый тон то у одного, то у другого узла. Каждое такое место я обводил кружочком мела. Мел кончился. А осмотр еще надо было продолжать. И невольно от обилия меловых пометок все внутри закипело злостью. За каждой такой пометкой скрывался брак в работе. Хриплый тон — это раковина в литье, поковке или сварном шве. И несмотря на внешне аккуратную покраску, такой узел работать не будет. А чтобы заменить его другим, надо сделать новый заказ. Пока его выполнят, мы остановим всю технологическую линию, все производство.

Так что выгоднее? Смонтировать бракованное оборудование к сроку, прокричать ура, а затем на долгое время остановить-

ся для замены негодных узлов. Или сказать свое нет — не начинать монтажа, пока не поступит качественное оборудование. Так сложилось мое мнение — нет!

А вечером на совещании состоялся крупный разговор. Я высказал свою точку зрения. И вот тут выступил заместитель министра того министерства, которое поставляло нам технологическое оборудование. Зам. министра, не стесняясь в выражениях, метал гром и молнии в мой адрес.

«Их министерство, — с пафосом громыхал он, — во главе с центральным конструкторским бюро, которое возглавляют крупнейшие ученые страны, выполняя правительственное задание, создало новейшую технику. Вложили все лучшее, все достижения. Послали ее на важный объект. А здесь, видите ли, нашелся человек, которому не понравилось присланное оборудование. Еще не знает основ производства, а уже бракует. Что он бракует? Бракует работу крупнейших предприятий страны. Бракует работу большого отряда рабочих, изготовивших это сложнейшее оборудование к правительственному сроку. А теперь все идет насмарку. И только лишь потому, что какому-то там инженеру что-то там не понравилось. Не так покрашено! И не надо к этому относиться так наивно! Еще непонятно, что ему нужно, что за этим кроется. Но нам демагогией заниматься некогда. Поджимают сроки пуска производства!»

Признаться, становилось неуютно от этих слов. Тем более и монтажники высказывались нелюбезно — они большим коллективом сидели без дела. Но, выслушав всех, я сказал: «Нет!»

Вот тут и взорвался Ефим Павлович Славский. Все его эпитеты определенного направления полетели в мой адрес. «Все готово к монтажу, а ты упрямышься! Все за, один ты против! Что тебе еще нужно?»

— Первое: не надо на меня кричать. Второе: создать из состава присутствующих на совещании комиссию. Она осмотрит оборудование и напишет акт. Тогда все станет на свои места. И я персонально указываю на кандидатов в состав комиссии.

Согласились.

— Ну ладно, комиссия есть, а еще чего?! — бушевал Ефим Павлович.

— Надо построить испытательный стенд. Тогда после обкатки можно монтировать работоспособное оборудование.

— Думаешь, что говоришь? Стенд захотел! Это еще два-три миллиона рублей. Кто нам их даст?! Ты?!

— У меня таких денег нет. А кто заинтересован в работоспособном оборудовании, пусть подумает!

Утром иду к себе на работу. Кто-то встречается, кто-то обгоняет. Здравуются. Отвечаю машинально, не узнавая ни встречных, ни обгоняющих. Вдруг на меня обрушивается сильный удар ладонью по спине. Резко поворачиваюсь с намерением поприветствовать крепким русским словом... и вижу смеющегося Ефима Павловича, который говорит:

— Здорово, дружище!

— Ступай себе мимо, — только и ответил.

— Признайся, здорово я тебе вчера вклеил? Наверное, до сих пор не опомнился. Только ты не обижайся. Вчера тебе, конечно, попало. Но я перебрал. При всем народе отчитал тебя. Вечером подумал и понял, что прав был ты, а не я. Специально пришел пораньше извиниться перед тобой.

Через несколько дней рассматривали акт, который отражал уже не только мое личное мнение, но выводы комиссии из двенадцати высококлассных специалистов. Когда началось чтение акта, у меня сложилось впечатление, будто зам. министра неудобно сел на стул, он все время ерзал. Потом встал и, сославшись на срочный вызов из Москвы, быстро ушел.

А стенд построили. Деньги, хотя и немалые, нашлись. И производство пустили в указанные Правительством сроки.

Могу только добавить: благодаря именно таким ответственным людям оборудование завода не только было запущено в срок, но и, несмотря на просчеты в конструировании, выполняло предназначенную ему роль.

«В этом муравейнике каждый «муравей», приходя на работу, знал свое задание, а уходя, знал, как он его выполнил...»

П. И. Трякин

КЫШТЫМСКИЕ ЗАРИСОВКИ

На строительстве этот период характерен мощным наращиванием темпов, появлением большой слаженности и деловитости. Этому способствовала не только смена начальника строительства, но и смена директора завода 817. П. Т. Быстров был освобожден от занимаемой должности. 10.07.1947 года директором был назначен Славский Ефим Павлович. Это сильный руководитель, волевой, за плечами которого было руководство алюминиевыми заводами в г. Орджоникидзе, Запорожье, Каменск-Уральске. В 1945–1946 годах был заместителем министра цветной металлургии. С образованием Первого главного управления был назначен одним из заместителей, а вскоре одновременно назначен директором строящегося завода. Быстров П. Т. стал его заместителем по общим вопросам. Ефим Павлович Славский быстро ознакомился с обстановкой. Он обладал большими инженерными знаниями.

Строительная площадка на объекте «А» была наполнена до предела рабочими и с первого взгляда была похожа на муравейник. Но в этом кажущемся хаосе не было не только ни одной группы праздно сидящих, но и одиночек, скучающих от безделья. В этом муравейнике каждый «муравей», приходя на работу, знал свое задание, а уходя, знал, как он его выполнил...

Рано утром появился Ефим Павлович Славский, сразу пошел к насосу:

- Насос работает, запускали?
- Запускали, Ефим Павлович, но он не работает.
- Где Николаевский? — зычным голосом крикнул Славский.
- Был здесь, сейчас найдем, да вот он сам идет.

Славский, увидев Николаевского, сразу перешел на высокий тон: «Вы доложили, что насос собран, а он не работает». И

добавил еще несколько своих любимых слов, при которых присутствующие женщины отвернулись. Но Ефим Яковлевич, зная характер Славского, спокойно, но вразумительно ответил своим звонким женским голосом:

— Ефим Павлович, насос собрали, но душу ему не вложили, человек без души не может жить, так и насос, тем более вакуумный. Сейчас вложу душу, и он заработает.

Что он сделал, сейчас трудно вспомнить, но насос вскоре заработал, и Славский заулыбался...

На второй или третий день Е. П. Славский возвращался с объекта «Б» (на единственной проездной легковой машине, но с проверкой на КПП-1). Дежурил старший дозиметрист Юрий Аристархович Петров, который остановил машину министра, замерил ее, наверное, тщательно помыли на объекте, машина чистая. Он открыл дверку машины, замерил резиновые сапоги и попросил Е. П. Славского пойти к обмывочному пункту помыть их. Ефим Павлович молча посмотрел на него, снял один сапог, затем второй, выбросил их на обочину и сказал шоферу: «Поехали». Все, кто видел в заводууправлении, как министр маршировал по лестнице в одних носках, были, конечно, в шоке. Правила техники безопасности и дозиметрического контроля соблюдали все...

С легкой руки заводууправления стали ремонтировать свои управления на заводах и цехах. Я всегда их поддерживал, помогал и поощрял. Когда в 1982 году Е. П. Славский, после долгого перерыва в посещениях нашего комбината, в вестибюле на 235 заводе увидел стены, красиво отделанные гипсованными плитами, хороший пол и полированные поручни на лестнице, подозвав к себе А. В. Александрова — начальника Управления оборудования министерства — сказал: «Видишь, как красиво все сделано, приятно идти, а ты говоришь, на наших заводах «грязно».

И я вспомнил коридоры и кабинеты 25 завода, где сидело руководство и начальники отделов — все было покрашено битумной мастикой и серой краской, как стены коридоров тюрьмы на Бутырке. Здание управления комбината совместно с пристройкой и сегодня выглядит как управление солидного предприятия.

В мае 1949 года на прессовом участке была организована

двухсменная работа, старшими смен были назначены Румянцева Г. И. и Нагорный Г. М. Вся наша работа проходила в присутствии крупных ученых страны: Курчатова, Александрова, Бочвара, Харитона, Займовского, а также руководителей атомной промышленности: генерал-полковника Ванникова, генерал-лейтенанта Авраамия Павловича Завенягина, генерал-майора Музрукова, Ефима Павловича Славского. Были они просты в обращении, подшучивали друг над другом, непосредственно включались в любую работу. Ведь все они были молоды, большинству из них не было и пятидесяти лет. Общее впечатление было такое, что это компания старых и добрых друзей. Но когда дело касалось принятия серьезных решений, то, по-моему, субординация строго соблюдалась. Все это было на виду, в рабочей обстановке, а не в тиши кабинетов. Это усиливало в нас сознание нужности своего труда, его важности и гордости за то, что именно тебе поручено это серьезнейшее дело. Мы отдавали труду все силы, все свои познания, навыки, стремились всегда выполнить порученное дело с полной ответственностью. Мы понимали: нам ошибаться нельзя, слишком дорого это обойдется стране, народу, не говоря уже о присутствующих. Работали, как говорится, наверняка.

Ефим Павлович Славский любил управлять процессом прессования и в нужных случаях брался за латунную кувалду — был в нашем хозяйстве и такой инструмент. Это когда «изделие» приваривалось к пресс-форме и не каждый из исполнителей имел смелость и силенку разломать «изделие». На первых порах разрушение «изделия» при распрессовке случалось не раз...

Мы не считали себя героями труда. Мы думаем, что, если бы было доверено исполнение этого ответственного задания по изготовлению основных элементов для атомных бомб другим советским людям, они бы сделали точно так же, как и мы. Трудились бы с полной отдачей, невзирая на опасность работы, сознавая только одно — это надо, это главная задача для безопасности нашей Родины, для всего человечества.

П. И. Трякин

Отрывки из его книги «Творцы ядерного щита», Озерск, 2006

*«Наконец наступил решающий момент:
25 декабря 1946 года реактор был пущен».*

М. Г. Первухин

КАК БЫЛА РЕШЕНА АТОМНАЯ ПРОБЛЕМА В НАШЕЙ СТРАНЕ

Наши ряды, ряды первой плеяды атомщиков, сильно поредели. Свидетелей зарождения атомной промышленности в СССР осталось не много. Поэтому у меня возникла мысль написать о том, как были организованы у нас работы по решению атомной проблемы.

Мне посчастливилось принимать участие в организации работ по решению атомной проблемы с самых первых дней. Помню хорошо, как в тяжелые дни войны, весной 1942 года, меня вызвал В. М. Молотов и поручил ознакомиться с солидным докладом иностранных ученых на тему об атомной энергии, который он мне лично передал. В этом докладе освещались вопросы возможности получения цепной ядерной реакции в уран-графитовом реакторе и методы выделения урана-235 диффузионным и электромагнитным способами. Ознакомившись с докладом, я через несколько дней зашел к В. М. Молотову и рассказал ему о содержании доклада. «По моему мнению, — сказал я, — речь идет об очень крупном открытии в области физики атомного ядра». Далее добавил, что считаю необходимым поручить группе ученых-физиков ознакомиться с докладом иностранных ученых и дать свое заключение. В. М. Молотов со мной согласился и поручил подобрать такую группу ученых. Из физических институтов я больше всего знал Ленинградский физико-технический институт Академии наук и был лично знаком с директором института академиком А. Ф. Иоффе, а также с рядом ученых этого института. Посоветовавшись с товарищами, знавшими состав научных работников-физиков, я остановил свой выбор на И. В. Курчатове,

А. И. Алиханове и И. К. Кикоине. Получив согласие В. М. Молотова, я пригласил к себе в Кремль этих, тогда еще совсем молодых, ученых и попросил их ознакомиться с указанным выше докладом и дать письменное заключение о том, насколько правильны сведения, изложенные в нем.

Изучив доклад, И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, И. К. Кикоин написали заключение, в котором дали положительную оценку достоверности сведений, приведенных в докладе. Они высказались за то, чтобы немедленно организовать в наших физических институтах широкие научно-исследовательские работы по ядерной физике, по созданию уран-графитового реактора и установок по разделению естественного урана диффузионным и электромагнитным способами. Вопросы возможности получения цепной ядерной реакции исследовались у нас и ранее, в частности в Физико-техническом институте, но были прерваны из-за войны. Заключение ученых я передал В. М. Молотову, который доложил о нем Политбюро ЦК ВКП(б).

В начале 1943 года вышло решение Правительства СССР об организации лаборатории №2, начальником которой был назначен И. В. Курчатов. Подыскивая необходимые помещения, мы с Игорем Васильевичем осмотрели недостроенные здания Института экспериментальной медицины в Покровском-Стрешневе. В одном из корпусов, подведенном под крышу, было решено организовать основную лабораторию по ядерной физике. В течение примерно года этот корпус был достроен и оборудован необходимой аппаратурой. Вся территория бывшего Института экспериментальной медицины была закреплена за лабораторией И. В. Курчатова. В соседнем здании, которое позднее также было достроено, была создана лаборатория по диффузионным методам разделения изотопов урана, руководство которой было поручено И. К. Кикоину. Несколько позднее к работам по атомной проблеме был привлечен физик, ныне академик, Л. А. Арцимович, который взялся за разработку электромагнитного способа разделения изотопов урана. В решение этой задачи вскоре

94

Сов. Секретно

ЗНАКОМСТВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

тов. В. М. МОЛОТОВУ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

По Вашему поручению я ознакомился с материалами по работам за рубежом над цепной реакцией в уране.

§ 1. Содержание материала

Из материала выяснилось, что еще в мае 1939 года в Англии началась в секретном порядке систематическая, организованная и руководимая специальным Правительственным Комитетом работа по определению возможности получения сверхвзрывчатых веществ путем использования ядерной энергии атомов урана.

К исследованиям были привлечены все, без исключения, известные мне, крупные работники по физике атомного ядра, среди которых есть первоклассные ученые с мировым именем - нобелевские лауреаты. Рассматриваемой проблемой занимается, в той или иной степени, в Англии Чапвик, Дирак, Фаулер, Кокрофт, Блеккет, Эллис, Мотт, Олифант, Пейерльс, Фезер, Фриш (эмигрировавший из Дании сотрудник Нильса Бора), Хальбан и Коварский, эмигрировавшие из Франции и другие.

Рассмотренный материал ограничивается концом 1941 года. За истекающий 1942 год, несомненно, работа получила дальнейшее и весьма широкое развитие, но уже и в имеющемся материале содержатся новые для ученых Союза и весьма важные данные.

1. Повидимому, Хальбаном и Коварским с определенностью установлена возможность использования урана (без выделения U-235) в смеси с тяжелой водой в качестве источника энергии. (Уникальный опыт, поставленный Хальбаном и Коварским мог быть осуществлен только потому, что в их распоряжении оказалось 180 кгг. тяжелой воды, вывезенной из Норвегии и содержащей почти весь мировой (довоенный) запас этого вещества.

2. Проф. Фриш в Ливерпуле получил чрезвычайно интересные (но, на мой взгляд, не вполне еще достоверные) данные для величин поперечного сечения деления урана U-235 быстрыми нейтронами. По его измерениям поперечное сечение деления урана U-235 колеблется от $2,1 \cdot 10^{-24}$ см² для нейтронов с энергией в 0.35 Mev до $1,5 \cdot 10^{-24}$ см²

§ 4. З а к л ю ч е н и я.

1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ.

2. В СССР проблема урана разрабатывается менее интенсивно, а в Англии и в Америке более интенсивно, чем в довоенное время.

3. Масштаб проведенных Англией и Америкой в 1941 году работ больше намеченного постановлением ГКО Союза ССР на 1943 г.

4. Имеющиеся в распоряжении материалы недостаточны для того, чтобы можно было считать практически осуществимой или неосуществимой задачу производства урановых бомб, хотя почти и не остается сомнений, что ^{совершенно} определенный вывод в этом направлении сделан за рубежом.

5. Ввиду того, однако, что получение определенных сведений об этом выводе связано с громадными, а может быть и непреодолимыми затруднениями и ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза. Помимо тех ученых, которые сейчас уже занимаются ураном, представлялось бы желательным участие в работе:

проф. Алиханова А.И. и его группы

проф. Харитона Ю.Б. и Зельдовича

проф. Кикоина И.К.

проф. Александрова А.П. и его группы

проф. Шальникова А.И.

6. Для руководства этой сложной и громадной трудности задачей представляется необходимым учредить при ГКО Союза ССР под Вашим председательством специальный Комитет, представителями науки в котором могли бы быть акад. Иоффе А.Ф., акад. Капица П.Л. и акад. Семенов Н.Н.

И. Курчатов

Проф. И. Курчатов.

27. 11. 42

Докладная записка И. В. Курчатова В. М. Молотову с анализом разведматериалов и предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР. 27 ноября 1942 г.

Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
 ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 5582 сс
 от "8" апреля 1944 г. Москва, Кремль

Государственный Комитет Оборона ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить план работы лаборатории № 2 Академии Наук СССР на 1944 год (согласно приложению № 1)

Обязать начальника лаборатории № 2 г. Курчатова обеспечить выполнение работ, предусмотренных планом, в установленные сроки.

2. Утвердить смету расходов по лаборатории № 2 Академии наук СССР на 1944 год в сумме 5.036 тыс. рублей, согласно приложению № 2.

Обязать Наркомфин СССР отпустить в 1944 году лаборатории № 2 Академии наук СССР из резервного фонда Совнаркома СССР ~~4~~ млн. рублей на финансирование работ, перечисленных в указанной смете.

3. Утвердить штатное расписание лаборатории № 2 Академии наук СССР на 1944 год согласно приложению № 3.

4. Обязать Наркомхимпром (г. Дзержинск):

а) выполнить к 1 июня 1944 г. проект заводской установки по производству 850-1000 кг тяжелой воды (продукт № 180) в год при Чирчикском электрохимическом комбинате;

б) спроектировать к 1 июля 1944 г. завод по производству шестифтористого урана ("алива") производительностью 100 кг. в сутки;

в) представить к 15 июня 1944 г. проект Постановления ГОКО

9. Поручить т.Первухину (созыв), т.Ломачо и т.Эвереву рассмотреть вопрос о порядке оплаты урановых солей и окиси урана, поставляемых Наркомцветметом и внести свои предложения в Государственный Комитет Обороны.

10. Обязать Главвоенпромстрой при Совнаркоме СССР (т.Прокофьева):

а) построить во II квартале 1944 г. при здании лаборатории № 2 Академии наук СССР (Серебряный Бор, Покровское-Стрешнево) вспомогательные помещения, перечисленные в приложении № 5, объемом на 800 тыс.рублей;

б) выполнить во II квартале с.г. работы по газификации здания лаборатории № 2 Академии наук СССР, включая внешнюю газопроводку.

11. Обязать Мосгорисполком выделить необходимое количество специалистов Мосгаза для технического руководства работами по газификации нового здания лаборатории № 2 Академии наук СССР.

12. Обязать Наркомсредтяж (т.Акопова) отпустить лаборатории № 2 Академии наук СССР в апреле с.г. одну грузовую автомашину ГАЗ-АА.

13. Обязать Наркомвнешторг выделить лаборатории № 2 Академии наук СССР в апреле ~~одну~~ одну легковую автомашину "Виллис".

14. Обязать Наркомздрав СССР передать лаборатории № 2 Академии наук СССР в постоянное пользование здание кормовой кухни Всесоюзного института экспериментальной медицины.

*Зам. Председателя В. Маюров,
М. Ком. Обор. и*

Постановление ГКО №5582сс о плане работы Лаборатории №2
на 1944 год. 8 апреля 1944 г.

активно включился профессор Д. В. Ефремов, который был тогда заместителем наркома электротехнической промышленности.

С первых же дней создания лаборатории И. В. Курчатова поставил вопрос о необходимости сооружения опытного физического уран-графитового реактора. Этот реактор был необходим как для того, чтобы проверить экспериментально теоретические расчеты возможности получения цепной ядерной реакции, так и для изучения физических свойств урана-235, 238, плутония и других трансурановых элементов.

По предварительным расчетам Игоря Васильевича, для осуществления в реакторе цепной реакции необходимо было иметь около 100 тонн природного урана в виде чистого металла или солей урана. Чтобы разобраться в вопросе ресурсов урана в нашей стране, мы с Игорем Васильевичем вызвали в Москву директора Института радиохимии Академии наук проф. В. Г. Хлопина. Он рассказал нам, что в Средней Азии есть один рудник цветной металлургии, на котором добываются радиевые руды, содержащие в отходах уран. По сообщению Наркомата цветной металлургии, к которому мы обратились, разведанные запасы урановых руд незначительны и чтобы получить 100 тонн урана, необходимо было провести большие горные работы на руднике, а также соорудить установки по обогащению руды.

Мы доложили Правительству о необходимости проведения срочных работ по разведке урановых месторождений и организации добычи урана в больших масштабах. Было принято решение СНК СССР, по которому поручалось Наркомату цветной металлургии принять меры по добыче в короткий срок первой партии урана в количестве 100 тонн. Впоследствии на этом руднике были разведаны дополнительные запасы урана, построены новые горные сооружения и расширены добыча и обогащение урана. По заданию правительства советские геологи разведали и открыли много новых месторождений урана на территории страны. В этом деле активное участие принимал П. Я. Антропов.

Следующим элементом, который был необходим для со-

СОБ. СЕКРЕТНО.

149

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2542сс

27 ноября 1942г.

Москва, Кремль.

О добыче урана.

Государственный Комитет Оборонн ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Наркомцветмет (т.т. Ломако, Флоров):

- а) к 1.V.1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе "В" Главредмета;
- б) перевести на временную консервацию Адрасманский висмутный рудник, использовав оборудование и кадры его для строительства Табошарского уранового предприятия;
- в) в месячный срок представить на утверждение ГОКО заявку на рабочую силу, материалы и оборудование, необходимые для выполнения работ по урану;
- г) в первом квартале 1943 г. составить комплексный проект уранового предприятия производительностью 10 тонн урана в солях в год;
- д) закончить в 1943 г. разведочные, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям Майли-Су и Уйгур-Сай и запроектировать их промышленное использование.

2. Разрешить Наркомцветмету временно извлекать на заводе "В" только уран, обеспечив сохранность складываемых радий-содержащих отходов.

3. Приравнять завод "В" в части порядка финансирования, проектирования, строительства, оплаты труда, материально-техничес-

Постановление ГОКО №2542сс «О добыче урана». 27 ноября 1942 г.

оружения реактора, является графит высокой чистоты. Для его получения мы обратились к заводам, производящим графитовые электроды для электрохимической промышленности. За это дело взялся Московский электродный завод, который разработал с помощью лаборатории И. В. Курчатова технологию получения графита сверхвысокой чистоты. На этом же заводе был построен цех для выпуска графитовых блоков уран-графитового реактора. Надо сказать, что эта задача была решена блестяще.

А. И. Алиханов взял на себя задачу создания атомного реактора с тяжелой водой в качестве замедлителя. Для сооружения опытного реактора этого типа надо было организовать производство тяжелой воды. К решению этой задачи были привлечены научно-исследовательские химические институты Наркомата химической промышленности, наркомом которого я был в то время, а также институты Академии наук. Были изучены и проведены техноэкономические сравнения нескольких методов получения тяжелой воды: электролитический, изотопного обмена и другие. Первое промышленное производство тяжелой воды было организовано на одном из заводов азотных удобрений, получающих водород путем электролиза воды. С этой задачей наша химическая промышленность справилась в сравнительно короткий срок. Началось накопление необходимого количества концентрированной тяжелой воды. Разработал метод получения тяжелой воды электролитическим способом и непосредственно руководил работами на заводе по производству тяжелой воды способный инженер, ученый-химик Л. М. Якименко.

По предложению Игоря Васильевича, группе талантливых ученых физиков и химиков было поручено изучение физических и химических свойств урана, разработка методов мгновенного получения критической массы урана-235, при которой происходит ядерный взрыв. Фамилии этих ученых-физиков, конструкторов атомщикам хорошо известны, но по вполне понятным причинам я не называю их. Эти ученые и конструкторы, не имея в своем распоряжении ни миллиграмма чистого урана-235 или плутония, на-

чали теоретические и экспериментальные работы. Они провели колоссальную предварительную работу. Эта предварительная работа позволила через несколько лет, когда мы стали располагать необходимыми количествами урана-235 и плутония-239, создать эффективную конструкцию атомной бомбы.

В мае 1944 года мы с Игорем Васильевичем написали в Политбюро ЦК (И. В. Сталину) записку, в которой коротко осветили положение с работами по атомной проблеме и высказали тревогу относительно медленного разворота работ. Мы предложили создать в правительстве специальный комитет под руководством одного из членов Политбюро — заместителя Председателя СНК СССР. Это необходимо было сделать еще и потому, что я был освобожден от обязанностей заместителя Председателя СНК СССР в связи с большими задачами, стоящими перед химической промышленностью по восстановлению разрушенных предприятий, и потому не мог оказывать помощь лаборатории И. В. Курчатова в решении текущих оперативных вопросов. Наше предложение было принято. Был создан Специальный комитет, в который вошли Л. П. Берия, И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин и П. Л. Капица (он пробыв в составе Комитета небольшое время). Секретарем Комитета был утвержден В. А. Махнев. Руководство Комитетом возложено на двух членов Политбюро ЦК, заместителей Председателя СНК СССР.

Кроме того, было организовано 1-е Главное управление (по вопросам атомной промышленности). Начальником Главка утвержден Б. Л. Ванников (в то время нарком промышленности боеприпасов), на первое время — без освобождения от этих обязанностей. Заместителем начальника Главка назначен А. П. Завенягин, позднее, в 1947 году, я тоже был назначен заместителем начальника Главка по совместительству с работой в качестве министра химической промышленности. В системе Наркомата внутренних дел СССР создан специальный Главк по строительству атомных предприятий и научно-исследовательских организаций. Начальником этого Главного управления много лет был А. Н. Комаровский.

Е. П. Славский, Б. Л. Ванников и И. В. Курчатов, начало 50-х годов

Вначале при Специальном комитете были созданы: Научный совет под председательством Б. Л. Ванникова и Технический совет под моим руководством. Вскоре оба Совета были объединены под председательством Б. Л. Ванникова. Заместителями председателя Научно-технического совета утверждены И. В. Курчатов, М. Г. Первухин, В. А. Малышев и А. П. Завенягин. В состав Научно-технического совета вошли А. И. Алиханов, И. К. Кикоин, П. Л. Капица, В. С. Емельянов, С. Л. Соколов. Позднее — А. П. Александров, М. Г. Мещеряков, В. Г. Хлопин, И. Ф. Тевосян. Ученым секретарем был Б. С. Поздняков. В составе Научно-технического совета было создано четыре секции:

1. По атомным реакторам (председатель М. Г. Первухин).
2. По диффузионному способу разделения урана (председатель В. А. Малышев).
3. По электромагнитному способу разделения урана (председатели И. Г. Кабанов, Д. В. Ефремов).
4. По вопросам металлургии и химии (председатель В. С. Емельянов).

В качестве научных руководителей секций были: И. В. Курчатов — по уран-графитовым атомным реакторам; А. И. Алиханов — по реакторам уран-тяжелая вода; Л. А. Арцимович — по электромагнитному способу разделения урана; И. К. Кикоин — по диффузионному способу разделения урана.

Все мероприятия по развитию научно-исследовательских работ в области ядерной энергии и созданию атомной промышленности рассматривались Специальным комитетом, докладывались только лично И. В. Сталину и утверждались Политбюро ЦК. В Госплане СССР был создан специальный отдел, которым руководил Н. А. Борисов, оказавший большую помощь в решении вопросов материально-технического обеспечения работ по созданию атомной промышленности.

К работам по атомной проблеме было привлечено большое количество ученых-физиков, химиков, металлургов, биологов. Почти все институты Академии наук трудились над разрешением отдельных задач, связанных с решением атомной проблемы. Привлечены были к этому делу и многие институты химической промышленности, цветной металлургии, авиационной промышленности, вооружения и других отраслей. Активно участвовали в деле организации производства новых материалов и изделий для атомной промышленности Д. Ф. Устинов, руководивший промышленностью вооружения, а также М. В. Хруничев и П. В. Дементьев, руководившие авиационной промышленностью.

В системе 1-го Главного управления были организованы специальные конструкторские и проектные институты для разработки конструкций атомных реакторов, диффузионных машин, технологических процессов и конструкции атомной бомбы. Проектные институты за короткий срок разработали проекты первых атомных предприятий. Созданные для специальных целей, мощные строительные организации развернули строительство атомных заводов, которые росли не по дням, а по часам. В результате громадных усилий инженеров, ученых, конструкторов,

работавших под непосредственным руководством И. В. Курчатова, на территории лаборатории № 2 был сооружен первый физический атомный реактор. Под непосредственным руководством А. П. Завенягина, Е. П. Славского созданы предприятия по добыче урана, организовано изготовление металлических урановых блочков, необходимых для атомного реактора. Лаборатория № 2 получила необходимое количество урановых блочков и графитовых блоков. Ближайшим помощником И. В. Курчатова в этом деле был инженер В. В. Гончаров.

В течение нескольких месяцев шла напряженная работа по сборке реактора. Был собран первый в Советском Союзе уран-графитовый реактор. Наконец наступил решающий момент: 25 декабря 1946 года реактор был пущен. В этот день впервые в нашей стране воспроизведена управляемая цепная ядерная реакция. Это был незабываемый момент. И. В. Курчатов, как ученый, как советский человек, торжествовал. Мы все вместе с ним с большой радостью встретили этот первый решающий успех наших ученых в решении атомной проблемы.

Когда о пуске физического реактора было доложено И. В. Сталину, он с большим пристрастием расспрашивал И. В. Курчатова и других о значении этого события. Убедившись в достоверности наших соображений, он предложил держать этот факт в самом строгом секрете, чтобы заграничная разведка об этом достижении СССР не разнюхала.

Значение пуска физического реактора было велико не только в чисто научном отношении — осуществлена цепная ядерная реакция. Пуск реактора вселил уверенность в работе у всех ученых, инженеров, конструкторов, которые работали над атомной проблемой. Он подтвердил, что мы стоим на правильном пути в решении этого вопроса. Это очень важно, ибо среди привлеченных к атомным делам специалистов было немало таких, которые не верили в положительный результат наших усилий. Все работы пошли гораздо успешнее и быстрее.

В секции по атомным реакторам шли жаркие дни, еже-

дневные дискуссии по поводу выбора варианта конструкции промышленного реактора. После долгих обсуждений предпочтение было отдано уран-графитовому вертикальному реактору, разработан также эскизный проект горизонтального уран-графитового реактора. Были взвешены все «за» и «против» в отношении каждого варианта, и мы все признали наибольшие преимущества вертикального реактора. Как показала жизнь, наш выбор был правильным, все построенные уран-графитовые реакторы, включая первый промышленный мощностью 100 тыс. кВт (по теплу), оказались вполне надежными и перекрыли все проектные показатели. Конструкторское бюро под руководством проф. Н. А. Доллежала приступило к разработке технического проекта, а затем рабочих чертежей уран-графитового реактора. Параллельно продолжались работы по составлению технического проекта горизонтального уран-графитового реактора в конструкторском бюро (рук. Б. М. Шолкович). Эта параллельная работа велась для того, чтобы глубже проработать все узлы конструкции и, кроме того, на всякий непредвиденный случай иметь проект горизонтального реактора. Большое внимание было нами уделено выбору материалов и конструктивному решению почти каждого элемента реактора. Мы все понимали, насколько высока была наша ответственность перед партией, государством за правильное решение того или иного технического вопроса. Нам было отведено слишком короткое время, чтобы иметь возможность дорабатывать конструкцию после выпуска ее первых типов. Мы понимали, что реакторы должны сразу начать работать надежно и вырабатывать продукцию.

Нельзя было долго мириться с монопольным положением США в отношении ядерного оружия. Все ученые, конструкторы, инженеры и рабочие, занятые в создании атомной промышленности, понимали это хорошо, потому и работали, как говорят, не за страх, а за совесть.

Под руководством И. В. Курчатова была проделана большая работа по получению графита высокой чистоты, а также по

выбору конструкции графитовых блоков. Предложенная Н. А. Доллежалем конструкция вертикального реактора, сложенного из свободно стоящих графитовых колонн, набранных из отдельных блоков-параллелепипедов, вытянутых по вертикали, оказалась очень устойчивой и надежной. Эта конструкция применяется для всех уран-графитовых реакторов.

Следующим узлом реактора, над которым, помимо конструкторского бюро Н. А. Доллежала, работали другие группы конструкторов, был механизм разгрузки облученных урановых блоков. Этот механизм должен работать с абсолютной надежностью, ибо после пуска реактора осмотр механизма разгрузки и ремонт его невозможен, так как он расположен в активной зоне сильного облучения. Были разработаны и изготовлены два типа разгрузочных механизмов для первого промышленного реактора. Натурные испытания механизмов показали наибольшую надежность и простоту конструкции, разработанной и изготовленной заводом № 9224. Этой конструкции и было отдано предпочтение. Опыт подтвердил правильность нашего выбора.

Следующий важный элемент реактора — тип урановых блоков, их размер и покрытие. В решении этого вопроса большую работу проделала металлургическая секция, в частности А. П. Завенягин, В. С. Емельянов и, конечно, при участии И. В. Курчатова. К решению этой задачи были привлечены большие научно-инженерные силы авиационной промышленности и цветной металлургии. Тщательно была разработана конструкция алюминиевых труб, пронизывающих графитовые блоки. В этих трубах расположены урановые блоки, покрытые алюминиевой оболочкой. Через трубы проходит охлаждающая уран вода, отнимая тепло, выделяемое при цепной реакции. Все работы по выбору каждого элемента реактора были предметом неоднократных обсуждений на Научно-техническом совете, которым руководил Б. Л. Ванников.

В 1946 году началось строительство первого атомного завода с установкой уран-графитовых реакторов. Среди гор и

озер в глухом красивом месте выбрана площадка для этого комбината. В течение полутора-двух лет были построены основные сооружения. Сам реактор — в подземном здании высотой в пять этажей. Управление реактором расположено в отдельном наземном здании. Этот комплекс сооружений условно получил название завода А. Комплекс подземного хозяйства с наземным зданием для химического выделения плутония из облученного в реакторе урана назывался заводом Б. Для хранения радиоактивных отходов были сооружены подземные металлические хранилища. Отдельно построен комплекс для получения изделий из металлического плутония.

При разработке проектов атомных заводов мы не располагали никакими заграничными данными, ибо все работы в этой области были засекречены. Опубликованная в СССР в 1946 году книга американского ученого Смита «Атомная энергия» не содержала конструктивных и проектных данных американских заводов. Однако мы нашли в ней косвенное подтверждение правильности выбранных нашими учеными, конструкторами отдельных принципиальных решений. Что касается типа уран-графитового реактора, то принятое нами решение о сооружении вертикальных реакторов было более правильным, чем решение американцев построить горизонтальные реакторы. Опыт в дальнейшем это подтвердил. Первые американские реакторы после нескольких лет работы пришлось перебирать. Этого не произошло с советскими реакторами, которые работают безотказно много лет со дня их пуска.

В 1948 году сооружение первого промышленного атомного реактора и всех других частей атомного комбината было завершено. В последний период завершения комбината на площадке почти неотлучно находились И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, а также А. П. Завенягин, А. Н. Комаровский. Директором комбината вначале был Е. П. Славский, а затем Б. Г. Музруков. Некоторое время я также был на стройке. В процессе монтажа реактора мы все по нескольку раз самым внимательным образом осматрива-

ли отдельные элементы реактора, спускаясь к самому его основанию, на уровне разгрузочного механизма. Для этих целей до самого последнего момента оставался специальный монтажный лаз — «Генеральский», как его прозвали монтажники. Одним из неизменных условий возможности работы реакторов является отнятие тепла, выделяющегося в ходе цепной реакции в урановых блочках. Для этих целей была разработана и построена сложная система подачи в реактор охлаждающей химически очищенной воды.

По заданию Научно-технического совета и решению Правительства система охлаждения реактора химически очищенной водой была разработана Всесоюзным теплотехническим институтом под руководством профессора Э. И. Ромма. Химическая водоочистительная установка разработана профессором Ф. Г. Прохоровым, тоже в ВТИ. Охлаждающая вода должна быть такой чистой, с минимальным содержанием растворенных в ней солей, чтобы не допустить забивания небольших кольцевых отверстий между урановыми блочками и стенками алюминиевых труб. Ибо засорение той или иной трубки влечет за собой перегрев урановых блочков, находящихся в этом канале, а как следствие этого — образование «козлов» — разбухание урановых блочков, которые в этом случае при разгрузке самостоятельно не выпадают. По количеству химически очищенной воды, подаваемой в реактор, сооруженная на комбинате химическая водоочистка не знала себе равных, она в несколько раз больше химводоочисток самых крупных тепловых электростанций. Создание надежной системы охлаждения работающего реактора сильно нас беспокоило, поэтому было решено поставить приборы, контролирующие температуру и количество воды, проходящей через каждый канал реактора. Была осуществлена весьма сложная система теплового контроля.

Когда все строительные и монтажные работы по заводу А, то есть реактору, закончили, была разработана программа пуска реактора. Всем делом пуска реактора руководил И. В. Курчатов.

Общий вид здания реактора «А». 1950-е

Летом 1948 года наконец наступил ответственный момент, все было готово к пуску первого реактора. По команде И. В. Курчатова началась подача охлаждающей воды в реактор, включена система регулирования, начался медленный подъем регулирующих стержней. И вот наконец приборы показали, что цепная реакция в реакторе началась, реактор уверенно набирал мощность, достигнув проектной. Мы все торжествовали, поздравляли И. В. Курчатова и других сотрудников с пуском первого промышленного реактора. В решении атомной проблемы был сделан второй решающий шаг — мы овладели цепной реакцией в промышленном агрегате.

Однако пуск реактора не означал пуск всего комбината, ибо необходимо было завершить строительные и монтажные работы комплекса химических производств по выделению плутония из облученного урана. Параллельно со строительством комбината Радиевый институт под руководством академика В. Г. Хлопина, профессоров Б. А. Никитина, И. Е. Старика и А. П. Рат-

нера разработал технологию химии выделения плутония из облученного урана. Задача стояла трудная, так как, приступив к выбору технологической схемы, наши радиохимики имели дело с имитатором, а не с облученным ураном и, тем более, плутонием.

В результате работы физического реактора в лаборатории И. В. Курчатова был получен королек плутония с булавочную головку. Первый плутоний был получен в лаборатории профессора Н. П. Сажина. Вот с этим-то количеством плутония изучались его физические и химические свойства. Радиохимики блестяще справились с поставленной перед ними задачей. Они предложили несколько схем выделения плутония из облученного урана. По предложению металлургической секции Научно-технический совет остановился на висмут-фосфатной схеме, по которой и было сооружено химическое отделение комбината. Опыт подтвердил правильность выбранной технологической схемы получения плутония. Эта блестящая работа навсегда останется дорогим памятником выдающимся советским радиохимикам. Надежность работы всей аппаратуры химических производств и эффективность технологической схемы были основными и непреложными условиями, ибо после запуска производства осматривать и регулировать непосредственно аппаратуру невозможно ввиду сильной радиоактивности всей перерабатываемой среды.

Через несколько месяцев после пуска реактора так же успешно был запущен химический завод, выделен плутоний, а из него в следующем отделении начали изготавливать отдельные детали.

Кадры инженерно-технического и рабочего персонала для первых атомных заводов и институтов приходилось подбирать из разных отраслей промышленности: металлургической, химической, машиностроительной, энергетической и других. Это была нелегкая задача, так как, с одной стороны, министерства и предприятия не хотели отпускать хороших, опытных работников, а с другой стороны, приглашаемые на работу в атомную промышленность специалисты неохотно соглашались перейти на

работу в неизвестную отрасль. Правительство и ЦК партии оказывали нам большую помощь, вынося решения по всем предложениям Главного управления о переводе работников в атомную промышленность. Это помогло быстро подобрать кадры в новую зарождающуюся отрасль. Немалую помощь оказал заведующий отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин.

Наряду со строительством атомного комбината уран-графитовых реакторов было начато строительство комбината по выделению урана-235 диффузионным методом. Проект этого комбината, а также диффузионных машин был разработан большим коллективом ученых и инженеров при научном руководстве И. К. Кикоина. Секция Научно-технического совета, руководимая В. А. Малышевым и И. К. Кикоиным при участии академика С. Л. Соболева, проделала большую работу по разработке схемы диффузионного завода и выбору конструкции диффузионных машин. Выбор был остановлен на машинах, разработанных конструкторскими бюро завода № 92 (А. С. Елян, А. И. Савин) и Кировского завода (Н. М. Синев). Большая работа различных научно-исследовательских организаций была проведена по созданию диффузионных газоразделяющих сеток. В конце концов выбор остановили на фильтрах, изготовленных из никелевого порошка.

Для проверки технологической схемы, конструкций машин и фильтров в лаборатории И. К. Кикоина был собран стенд из группы диффузионных машин, на нем отработывался технологический процесс разделения урана. Весной 1949 года завершилось строительство диффузионного комбината, поэтому И. К. Кикоин с группой своих помощников переселился на комбинат.

По решению Специального комитета весной 1949 года я был направлен на комбинат в качестве уполномоченного по пуску комбината. Мне пришлось провести на площадке строительства 1 или 1,5 месяца. Прежде всего надо было «нажать» на строителей, чтобы ликвидировать все недоделки и сдать под монтаж все здания в чистом, законченном виде. Много пришлось также уделить внимания приведению в порядок и планировке двора

комбината. Диффузионное производство требует идеальной чистоты во всех помещениях. Поэтому на дворе между зданиями не должно быть пыли и грязи. Все дороги были заасфальтированы и сделаны зеленые насаждения.

При пуске диффузионных машин наблюдался их большой выход из строя вследствие разрушения шариковых подшипников. Много времени и сил ушло на то, чтобы устранить этот недостаток в работе машин. Разделительные фильтры также все время совершенствовались, чтобы обеспечить устойчивое получение урана, обогащенного изотопом-235. Через несколько месяцев после окончания строительства первой очереди завод был запущен и стал постепенно набирать мощность, выдавая обогащенный уран необходимой концентрации. Директором этого комбината был А. И. Чурин, а главным инженером М. П. Родионов.

В связи с тяжелым заболеванием Б. Л. Ванникова меня в 1947 году по совместительству с работой в Министерстве химической промышленности назначили первым заместителем начальника Главного управления. До января 1950 года я был одновременно министром химической промышленности и первым заместителем начальника Главка. Многие заводы и институты химической промышленности выполняли работы, связанные с решением атомной проблемы. Большую работу провели химики по получению химически чистых реактивов высокого качества, сверхвысокой чистоты, без миллионных долей посторонних примесей.

Всеми работами по химическому анализу высокой точности при получении плутония руководил академик А. П. Виноградов. Научное руководство работами по металлическому плутонию осуществлял академик А. А. Бочвар.

За работами по атомной проблеме постоянно следили Политбюро ЦК и Совет Министров СССР. Несколько раз по ходу работ мы докладывали о состоянии дел. Мне хорошо запомнился день, когда мы докладывали на Политбюро о результатах по

получению плутония, обогащенного урана и тяжелой воды, а также о конструкции первой атомной бомбы.

И. В. Сталин очень внимательно выслушал каждого. Первое сообщение сделал И. В. Курчатов, потом главный конструктор атомной бомбы, затем Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин. Мне пришлось докладывать о получении тяжелой воды. Посмотрев на пробирку с тяжелой водой, И. В. Сталин спросил меня, чем же она отличается от простой воды. Я ответил, что по внешнему виду действительно нельзя отличить тяжелую воду от простой, но их удельный вес и другие физические свойства разные.

К середине 1949 года было накоплено достаточное количество плутония и урана-235, чтобы провести первые испытания атомной бомбы. Атомные комбинаты работали хорошо, увеличивая выпуск продукции. Для проведения испытания атомного взрыва в течение 1948—1949 гг. в одном из отдаленных районов страны был создан полигон, на котором сооружены лаборатории, жилье для персонала, а также объекты для испытания воздействия атомного взрыва (жилые дома, мастерская, железнодорожный мост, окопы и т. п.).

В августе 1949 года я был командирован на полигон для проверки готовности его к проведению испытания. В течение примерно месяца я пробыл на полигоне до завершения всех работ. Для установки атомной бомбы была сооружена металлическая башня высотой примерно 30 метров с грузовым лифтом для подъема основного объекта. Рядом с башней расположилось небольшое здание, где происходила сборка заряда. Для управления взрывом на расстоянии пяти-шести километров от башни построен командный пункт, укрытый грунтом со стороны башни. Кабели управления проложены в траншее.

В августе для проведения испытательного взрыва на полигон прибыла комиссия, в которую входили И. В. Курчатов, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, П. М. Зернов, В. А. Махнев и главный конструктор атомной бомбы. По состоянию здоровья не мог участвовать в комиссии Б. Л. Ванников. Комиссия в течение двух

дней провела проверку готовности всех сооружений для взрыва. Наконец наступил день испытания 23 августа 1949 года. В ночь с 22 на 23 августа мы все лично проверили готовность к испытаниям. Окончательная сборка бомбы и ядерной головки проводилась в мастерской у башни при непосредственном участии главного конструктора и его сотрудников. В нашем присутствии бомба была собрана, поднята на лифте на башню и укреплена. После этого все отправились на командный пункт.

М. Г. Первухин

«Будучи очень здоровым человеком, Ефим Павлович с искренним сочувствием относился к болезням и бедам своих соратников и товарищей».

А. К. Гуськова

РОВЕСНИК ВЕКА

«Не словами, а делами»

Девиз герба Демидовых

Различие в возрасте между мною и Е. П. Славским составляет почти четверть века. Особенно в молодости, когда я впервые увидела Ефима Павловича, да и потом, когда узнала его ближе, — я ощутила, что это очень большое различие. Ефим Павлович ассоциировался у меня не только с тем высоким положением, которое он занимал к этому времени — зам. начальника Первого главного управления, зам. директора комбината № 817, министр среднего машиностроения, но и со своим легендарным прошлым. Ефим Павлович принадлежал к тому, для меня уже известному из книг, поколению, которое революция подняла на гребне крутой своей волны. В его прошлом и батрачество (у помещика!), и сабельный поход по Ставрополью и Крыму в составе Конармии, о котором он так колоритно рассказывал мне, и трудное студенчество, прямо из которого он шагнул на посты главного инженера — начальника цеха и директора цинкового завода в городе Орджоникидзе.

Организационный талант, инженерный склад мышления, обращенного в будущее, слитность со своим народом и страной, подкрепляемые смелостью и богатырским здоровьем, позволили Ефиму Павловичу выносить все эти безмерные многолетние физические и психологические перегрузки!

Считаю для себя огромным подарком судьбы возможность прикоснуться к этой удивительной личности. В отличие от многих других своих «знакомств» — с И. В. Курчатовым, Б. Л. Ванниковым,

Б. Г. Музруковым, А. А. Бочваром — я никогда не была нужна Ефиму Павловичу как врач. Иногда он был посредником между мною, молодым тогда врачом, и одним из этих «великих пациентов», иногда о ком-то — обыкновенном труженике отрасли — конкретно меня спрашивал или просил помочь. Очень скупно говорил о своих болезнях и тогда, когда они уже посещали его, но всегда интересовался моим мнением о состоянии физического и душевного здоровья профессионалов и населения, вовлеченных в орбиту атомной отрасли. Так было все годы — от первой встречи на Урале на ученых советах и секциях советов и до грустных и трудных дней — ухода с поста министра на почетную пенсию. В памяти моей остались очень разные этапы общения с Ефимом Павловичем на комбинате — во время его приездов или работы там, сугубо официальные, но всегда неординарные по его манере держаться. Я видела его чаще в окружении соратников — достаточно ярких личностей. Он был крупным, богатырски сложенным, склонным к полноте человеком. Однако легко двигался, обладал громким голосом, очень выразительной речью, иногда гневной, иногда шутливо-грубоватой. Из его рук я получала первую и единственную награду на комбинате — медаль «За трудовую доблесть». Ефим Павлович один из первых поздравил нас с присуждением Ленинской премии в 1963 г. в Георгиевском зале Кремля.

Удивительная доступность и конкретные решения были результатом встреч в период его работы министром. Все они тактично и четко реализовались его помощниками и секретарем, никогда не подчеркивающими размеры дистанции, несомненно отделявшей меня от Ефима Павловича все эти годы.

Удивительные три недели жизни «совсем рядом» с ним и Б. Л. Ванниковым в специальном вагоне (я — в качестве врача у тяжелобольного Бориса Львовича), когда они совершали инспекционную поездку по уральским комбинатам (Озерск—Верх-Нейвинск—Тура) — совсем особый этап близкого повседневного общения.

И, наконец, последние пять лет — смею сказать уже

дружеских встреч в доме Ефима Павловича, где он, по его выражению, «доживал век бобылем» вместе со своей умницей очаровательной внучкой Женей. Могу только жалеть, что из-за неизжитого стеснения, бывала там реже, чем надо бы... Мне так всегда было интересно общаться с Ефимом Павловичем, да и он, кажется, бывал рад моему приходу и доверительно беседовал со мною подолгу на самые различные темы.

В это время Ефим Павлович отошел от дел, но, кажется, еще больше был полон дум и размышлений о прошлом и будущем дела, которому была отдана большая часть его длинной жизни.

Я не могу судить о Ефиме Павловиче как об инженере. Говорят, в этом он был талантлив и находил неординарные, эффективные технические решения. Об этом расскажут его сослуживцы.

Но государственный масштаб его личности неизменно впечатлял меня. Конечно, Ефим Павлович был представителем власти той эпохи — авторитарной, не останавливающейся перед жесткими и нелегкими для людей решениями, но и к себе Ефим Павлович был высокотребовательным, умеющим подчинять все интересам страны, как он их понимал. Удивительно охватывал Ефим Павлович сложную панораму событий и объектов, размещенных в огромном пространстве страны и в их сегодняшнем облике, и в перспективах на будущее.

Ефим Павлович не употреблял модного ныне словосочетания «системный подход». Но я в его рассказах о городах-рудниках, городах-заводах отрасли, в переплетении решений, чисто технических и кадровых, с высокими социальными требованиями к обеспечению жизни людей, вовлеченных в особую отрасль, видела воочию существование системы — сложной, гибкой, взаимовлияющей в своих структурах.

Ефим Павлович очень гордился размахом строительных работ, особенно любил он такие города, как Навои, Шевченко и, конечно, Озерск, считал их родными для себя. Он смело переставлял на огромных пространствах страны людей, которым доверял,

посылая их то на созидание нового, то на решение неожиданно возникших трудностей и бед. А позднее зачастую брал их к себе в аппарат министерства. Со многими из своих пациентов, успевших поработать на «Маяке», в Томске, Красноярске, Димитровграде и на других объектах, я говорила об этих переездах. Люди воспринимали их как трудные, но обоснованные и мудрые решения, гордились оказанным им доверием. Я видела, как росли и обучались люди в отрасли — от юных техников на «Маяке» до главных инженеров и руководителей, и это не только в отрасли, но и на других предприятиях энергетики, металлургии, машиностроения страны. Отрасль стала отличной школой кадров для страны.

Ефим Павлович думал и о будущем наших закрытых городов. Он очень хотел, чтобы люди знали как можно больше и раньше о возможности использования некоторых специальных технологий отрасли для мирных целей. Очень гордился Ефим Павлович использованием мирного взрыва для гашения горящего нефтяного фонтана и огорчился, что не получил разрешения на своевременную публикацию об этом огромном успехе. Как это актуально и сегодня, я ощутила на слушаниях в Думе о возможностях использования мирных ядерных взрывов для решения актуальных проблем, например, экологически бережной разведки недр, безоговорочно отвергаемых невежественными политиками.

Далеко не всегда мог Ефим Павлович как руководитель «Маяка» оградить людей на первом атомном предприятии в годы его становления от реальной опасности облучения. Он мог только разделить ее с другими (что и делал всегда, включая его последний обход промплощадки Чернобыльской АЭС после аварии, о чем он мне тоже подробно рассказывал).

Были и у нас, врачей, острые схватки с Ефимом Павловичем и вывод людей с опасных участков. Но то, что из 2500 больных на «Маяке» 90% восстановили свое здоровье благодаря своевременному переводу, — лучшее свидетельство, что в этих схватках

не было побежденных и каких-то приемлемых решений мы вместе добивались и реализовали их. Но уж зато делалось все, чтобы жизнь этих героев-тружеников стала лучше, хотя бы вне сферы их напряженной и небезопасной профессиональной деятельности. Во многом благодаря Ефиму Павловичу отрасль законно гордилась медицинскими, культурными учреждениями городов-спутников объектов, образованием, сетью санаториев-профилакториев, обеспечением людей жильем, продуктами, овощами.

Об этом вспоминают и руководители заводов, и строители отрасли. И мне Ефим Павлович с гордостью рассказывал, как он лично с председателями колхозов в Средней Азии договорился о поставках овощей и фруктов на комбинаты и рудники, чего не удавалось достичь без его непосредственного участия. Ефим Павлович всегда щедро помогал учреждениям, возникавшим на его пути, иногда в ходе каких-то случайных контактов. Ведь это в его представлении была тоже помощь стране, будь то камера гипербарической оксигенации в Институте хирургии РАМН, или современное оснащение детской больницы города, или удобное сельскохозяйственное орудие.

Будучи очень здоровым человеком, Ефим Павлович с искренним (хотя и скрываемым часто за шуткой) сочувствием относился к болезням и бедам своих соратников и товарищей. Я вспоминаю его удивительный такт и бережность к тяжело больному Б. Л. Ванникову во время нашего совместного путешествия по Уралу, его деятельную заботу и участие к Б. Г. Музрукову, тревогу и огорчения за И. В. Курчатова, житейскую помощь пострадавшему при аварии А. А. Каратыгину и многим, многим другим!

Вот уж поистине, как у В. Маяковского — он «к врагу вставал железа тверже, а к товарищу милел людскою лаской». Ефим Павлович умел резко и категорично отвергать надуманные претензии, необоснованный поиск привилегий и льгот. Я помню, что на мой вопрос о его решении в одном таком случае обращения к нему домой, он лаконично ответил мне: «Спустил с лестницы».

Вниманием друзей по работе Ефим Павлович дорожил. Как об этом говорил А. Г. Мешков, у него остались в качестве ценностей к моменту ухода из жизни только ордена и сувениры (чаще шуточные), памятные по работе отдельных комбинатов. Именное оружие — саблю, фотографии, поздравления он показывал мне в своем «домашнем музее» с соответствующими теплыми комментариями.

Отдыхал он активно: на лыжных прогулках, азартной охоте, рыбной ловле, о чем вспоминают люди, разделившие с ним эти увлечения. Я лишь раз была спутницей Ефима Павловича в уральской тайге, где мы заблудились, взволновав этим Б. Л. Ванникова. В последние годы появилась у Ефима Павловича возможность и потребность обратиться к другим видам отдыха — книгам. Интересно, что, может быть впервые в жизни, в размышлениях о пережитом Ефима Павловича привлекла поэзия. Выбор его был закономерен. Он показывал мне и читал (в книгах были закладки — свидетели повторного обращения к тексту) стихи Фета, Тютчева, Апухтина.

С большим интересом Ефим Павлович расспрашивал меня о городах и учреждениях Америки, в которых мне удалось побывать. Вместе с ним мы сопоставляли «их» Окридж и Лос-Аламос с нашими ЗАТО. Он листал мои альбомы с фотографиями «городов-первооткрывателей» за рубежом, так похожими на первые годы наших объектов и их поселков-спутников! А одну книгу на английском языке об Окридже попросил оставить, чтобы внучка Женя ему еще «из нее повычитывала что-то для размышления».

Рассказывать ему было очень приятно: вопросы были такие заинтересованные и обращали мое внимание на что-то очень, наверное, существенное и, может быть, не всегда оцененное до конца, сквозила и явная гордость: «А мы до этого дошли своим умом», «сделали не хуже», «что-то и у них не сразу получилось».

Хочется сказать еще об одном смелом (режим!) и добром для меня поступке — совместном Ефима Павловича Славского

и Бориса Львовича Ванникова. Во время нашего с ними путешествия по Уралу они на несколько часов отпустили меня в Тагиле домой для встречи с родными, впервые за полтора года разлуки с семьей. А когда папа, мама и сестра пришли меня проводить на вокзал, тепло и сердечно пообщались с ними. Особый (и длительно сохранившийся и позднее) интерес у Ефима Павловича вызвала работа моей сестры — историка Т. К. Гуськовой, занимавшейся проблемами становления горнозаводской промышленности на Урале и роли в этом поколений семьи Демидовых.

Может быть, какие-то исторические параллели возникали у Ефима Павловича при этом, очень детально позднее расспрашивал он меня о том, как удалось в XVIII и первой половине XIX в. сделать уральский металл лучшим в мире. От сестры (через меня) Ефим Павлович с гордостью узнал о прочности уральского железа, покрывавшего своды Вестминстерского аббатства Великобритании, об уральской меди в статуе Свободы США. Это было важно и нужно Ефиму Павловичу в его любви и гордости за «великую державу». Наверное, так можно любить только то, во что вложена частица души и сердца, чему отдана жизнь.

Я думаю, что память о Ефиме Павловиче и его великих заслугах перед страной должна быть передана новым поколениям.

Мне кажется, в наше трудное время переосмысливание всего предшествующего этапа нашей истории и безусловной необходимости как критического анализа ее горького опыта, так и закономерной гордости за великие свершения, имя Ефима Павловича Славского должно занять прочное, почетное место.

И это не только дань его достойной жизни — его прошлому, но и полезные уроки для не менее сложных задач страны в будущем — в создании новых отраслей промышленности, в сохранении и приумножении науки государственной значимости.

А. К. Гуськова

«Если бы мы в то время не создали ядерного щита, — говорил Ефим Павлович, — не известно еще, как бы развивалась жизнь на нашей планете».

Я. П. Рябов

НЕОРДИНАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Ефим Павлович Славский — неординарная личность, даже с точки зрения сравнения с великими людьми СССР и России XX века. Это показывает изложение его биографии во многих сборниках. Но все то, о чем напишут и скажут его друзья, товарищи и сослуживцы, кто с ним вместе работал, дружил и общался многие десятилетия, будет солидным дополнением к биографии Ефима Павловича, к истории нашего могучего государства, к истории создания и развития ядерного щита советской Родины против любой возможной авантюры или военной агрессии нашего вероятного противника (США и НАТО).

Моя дружба с Ефимом Павловичем, я подчеркиваю, именно дружба, а не только контакты, началась с 1961 года. До этого я о нем много слышал от моих друзей и товарищей, с которыми меня связала судьба на Урале, где Е. П. Славский работал в годы Великой Отечественной войны директором Уральского алюминиевого завода — единственного предприятия, которое обеспечивало оборонную промышленность алюминием. Из Свердловской области после войны в атомную промышленность были направлены сотни и тысячи высококвалифицированных специалистов промышленности, энергетики, строительства и науки. В том числе в Верх-Нейвинск, Свердловск-45, на «Маяк», в Челябинск-70 и другие центры ядерной обороны. В конце сороковых годов, например, в Челябинск-70 главным конструктором был направлен В. Ф. Гречишников, мой руководитель КБ одного из заводов Свердловска, а позднее уже из моего КО туда же уехал В. А. Берниковский. До сих пор помню, как в 1948 году я был доверенным лицом на выборах в Верховный Совет СССР у

И. В. Курчатова и у Б. Г. Музрукова, тогда еще директора Уралмаша, а впоследствии руководителя научного центра в Арзамасе-16.

В сентябре 1961 года в Свердловске проходила областная партийная конференция, на которой избирались делегаты на XXII съезд партии. На этой конференции мы и познакомились с Ефимом Павловичем. Он — министр, а я — первый секретарь РК КПСС крупнейшего промышленного района города Свердловска. Нас обоих избрали делегатами Съезда партии, который проходил в Москве, в новом Кремлевском дворце съездов с 17 октября по 2 ноября 1961 г. На съезде я часто общался с Ефимом Павловичем. Сядем, бывало, на скамеечку на бельэтажной площадке у самых перил и смотрим вниз, на основную площадку, где в перерыв идет самая активная «тусовка». Корреспонденты всех мастей на лету ловят и хватают знаменитых и титулованных делегатов съезда, а там их было не счесть, и берут короткие интервью. Героями съезда были первые космонавты Ю. Гагарин и Г. Титов, С. П. Королев, С. М. Буденный, легендарные маршалы Великой Отечественной войны К. Рокоссовский, В. Соколовский и многие другие (Г. К. Жукова на этом съезде не было, он в то время был в опале). Естественно, и Славский частенько попадал под корреспондентские жернова, хотя страсть как не хотел с ними общаться. Он постоянно от них уходил на эту площадку, чаще всего со мной. И вот с этой высоты он заочно «познакомил» меня с А. П. Александровым, М. В. Келдышем, Ю. Б. Харитоновым, многими другими учеными и конструкторами, а также с передовиками сельскохозяйственного производства. Я с таким упоением слушал его добротные оценки и отзывы о тех людях, с которыми он меня «знакомил».

После первых наших контактов прошло 37 лет, а эти встречи с Ефимом Павловичем в мою память врезались неизгладимо. Я уже тогда понял, какой это чудесный, душевный и богатый разносторонними знаниями человек, сколько в нем обаяния и желания передать молодому поколению объем того величия в науке и технике, которое они создали за короткое время после

военной разрухи, чтобы противостоять тому античеловеческому варварству, сотворенному США в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года.

«Если бы мы в то время не создали ядерного шита, — говорил Ефим Павлович, — не известно еще, как бы развивалась жизнь на нашей планете».

В дни работы съезда мне было 33 года. По его просьбе я рассказал о своей короткой производственной и жизненной биографии, которая у меня началась с работы токарем в 1942 году на Уралмаше. Там мы тогда делали пушки и самоходные установки для фронта.

После съезда мы тепло попрощались, но я не думал, что в скором времени судьба сведет нас вновь и на долгие годы, до кончины Е. П. Славского.

С 1963 по 1976 годы, когда я работал на Урале первым секретарем горкома, а затем вторым и первым — Свердловского обкома КПСС, я постоянно встречался с Ефимом Павловичем. Дело в том, что у нас в Свердловске с давних времен дислоцировалось мощное строительное управление с хорошей базой стройматериалов и монтажными подразделениями Минсредмаша. Руководил им более двадцати лет толковый инженер Стамбульчик, симпатичный человек, очень доброжелательно относившийся к просьбам партийных и советских органов по строительству каких-либо сверхплановых объектов для нужд города, но он всегда просил меня, чтобы я предварительно получил добро от Ефима Павловича. Я звонил, чаще прилетал в Москву сам, встречался с министром и выкладывал ему свои просьбы. Могу откровенно сказать, что с ним было нелегко говорить и решать какие-либо вопросы. Он сначала выслушает, все прикинет, а затем откажет или, было и такое, пошлет куда-нибудь!.. Но со временем отходил и говорил: «Ну ладно, если Стамбульчик такой добрый, пусть строит за ваши деньги, на ваших материалах и с вашей помощью. Но если он провалит хоть один объект министерства, я с него шкуру сдеру».

Вот так мы в Свердловске и строили уникальные сооружения с доброго благословения Ефима Павловича. В 1964—1965 годах мы в городе широким фронтом строили новые овощехранилища взамен старых, разрушающихся, с подключением всех крупнейших предприятий города. Каждый завод специализировался на определенных видах хранилищ: под картофель, под овощи, засолочные пункты и другие. МСМ соорудило первую на Урале фумигационную камеру — это своего рода экспресс-лаборатория для оперативного определения пригодности цитрусовых и биологической их обработки перед розничной торговлей.

На одном из предприятий МСМ в области, когда завод переходил на новую технологию обогащения урана, высвобождалось большое количество производственных площадей и, чтобы они не пустовали, Ефим Павлович решил осуществить конверсию. Заключили договор с московским ЗИЛ сначала на производство там запчастей для автомобилей, затем различных узлов, двигателей и в конечном итоге выпуск грузовых автомашин. Примерно в эти же годы (1972—1973) объединение «Техснабэкспорт» заключило через французскую фирму «Сифаль» контракт на обогащение французского урана для фирмы «Кожема». Это сотрудничество продолжается по сегодняшний день, но в значительно больших объемах и более широкой номенклатуре.

Исторический объект, над которым Ефим Павлович долго ломал голову, строить его или нет, — строительство 22-этажного Дома Советов в Свердловске во второй половине шестидесятых годов. Это была дорогостоящая стройка, и Ефим Павлович первоначально категорически отказывал, как мы его ни упрашивали и ни увещевали. Помню, где-то в 1967 году я заявился в кабинет к Славскому по делам городов и предприятий министерства и вновь повел разговор о строительстве Дома Советов. Он мне говорит: «Как я могу строить такое сооружение, если у меня в министерстве нет башенного крана для возведения 22-этажного здания». Я воспользовался этим и из кабинета Славского позволил Б. В. Бакину — министру Минмотажспецстроя СССР и объ-

яснил ему, что я у Ефима Павловича и он намерен построить у нас в Свердловске 22-этажный Дом Советов, но ему нужны для этого специальные башенные краны, сможет ли ваше министерство изготовить такие краны? Бакин ответил, что он такие краны может изготовить, но ему для этого потребуется несколько месяцев. У меня телефонную трубку взял Ефим Павлович и «врезал» Бакину: «Какого черта ты согласился делать краны, сейчас я должен буду делать это уникальное сооружение и влезть в него на пять-семь лет». Так МСМ начало строить здание обкома и облисполкома в Свердловске, и действительно, оно его построило. Прав был Ефим Павлович: строили его почти десять лет — от начала подготовки площадки, сооружения гранитного подиума и здания облицованного белым мрамором. И стал он называться «Свердловским Белым домом».

Но самые тесные и дружеские отношения с Ефимом Павловичем у нас были, когда я работал секретарем ЦК КПСС в 1976—1979 годах. В то время я курировал военно-промышленный комплекс страны.

Здесь, в Москве, мы часто встречались, рассматривали и обсуждали проблемы развития основной деятельности министерства. В начале 1977 года на отчете у меня, в ЦК КПСС, о результатах работы министерства за 1976 год, кроме объемных и технико-экономических показателей работы, мы подробно рассмотрели выполнение планов научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ основной деятельности министерства по обеспечению военно-промышленного комплекса всем необходимым, а также новых разработок и использования их в создании новых поколений ядерных реакторов, в том числе и на быстрых нейтронах для более мощных и эффективных атомных электростанций. В то время уже заканчивалось строительство нового блока на Белоярской атомной электростанции в Свердловской области с реактором на быстрых нейтронах.

Е. П. Славский доложил и о других направлениях деятельности министерства, о производстве минеральных удобрений,

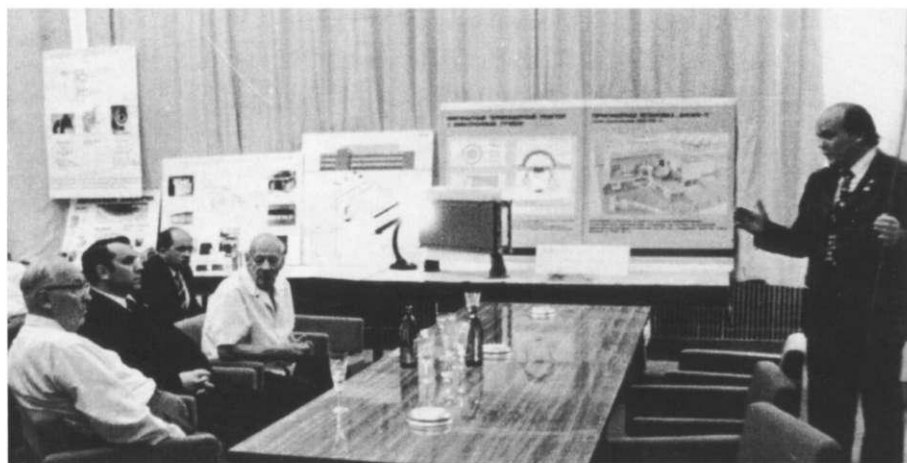
Е. П. Славский, Я. П. Рябов и А. П. Александров в ИАЭ им. И. В. Курчатова по обсуждению проблемы термояда, 1977 г.

товаров народного потребления, развитию сельскохозяйственного производства в подсобных хозяйствах.

Кроме развития основного производства, на предприятиях МСМ, Ефим Павлович постоянно и продуктивно занимался созданием и развитием необходимой социальной инфраструктуры для трудящихся городов, рабочих поселков и наращиванием эффективной сельскохозяйственной базы в своих подсобных хозяйствах. Характерно то, что урожайность зерновых и овощных культур, продуктивность животноводства в хозяйствах МСМ постоянно были выше, чем в среднем по областям России и Казахстана, хотя подсобные хозяйства находятся в северной части областей этих республик.

Все это также характеризовало Ефима Павловича как государственного человека, который на протяжении всей своей деятельности заботился о нуждах трудящихся своего министерства и оказывал щедрую помощь областям и другим министерствам.

Еще Алишер Навои в XV веке писал: «Тот может считаться

*Е. П. Славский в ИАЭ им. И. В. Курчатова.
Докладчик Велихов Е. П. по термояду, 1977 г.*

человеком, кто заботится о народе и живет его чаяниями». Платон (427—347 гг. до н. э.) — «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное».

Я не ошибусь, если скажу, что Е. П. Славский жил именно по этим мудрым советам, чего порой не хватало в прошлый, советский, период нашим некоторым высокопоставленным руководителям и чиновникам, не говоря уже о теперешних «реформаторах», за власть держащихся, в своих алчных и эгоистических устремлениях приведших Россию к развалу, а народ — к унижению и ограблению в интересах западных хозяев, МВФ и международных западных банков и российской капиталистической олигархии.

Вообще, если говорить о Министерстве среднего машиностроения, это было замкнутое государство в государстве. Кроме производства, науки, сельского хозяйства, министерство осуществляло огромный, до 2 млрд руб., объем капитального строительства, его товарооборот был более 3 млрд руб. И следует отметить, что из года в год эти показатели постоянно росли. У Славского была система. Он как минимум один раз в год облетал

и объезжал всю свою «епархию», на месте разбирался с состоянием дел, принимал решения, где надо — помогал, где надо — подбадривал, а где и серьезно наказывал, вплоть до...

Особой заботой, я бы сказал, хобби Ефима Павловича была наука. Это, видимо, связано с тем, что вся деятельность министерства — научная и техническая конгломерация целевого направления в жизни Великой страны.

В то же время его постоянно тревожили вопросы эффективности работы ученых. На одной из наших встреч, говоря о результативности ученых, он заявил, что ему не дает покоя многотемность работ в НИИ, а ведь многие темы просто не нужны. Некоторые работники научных институтов просто приспособляются, чтобы защитить диссертацию, а затем каждый кандидат наук требует для себя лабораторию. Это результат того, говорил Ефим Павлович, что у нас нет системы определения эффективности работы НИИ и КБ.

С наукой же были связаны периодические мои встречи с Ефимом Павловичем в ряде НИИ министерства, в том числе неоднократно в Институте им. И. В. Курчатова. Вспоминаю, где-то летом 1977 года я приехал в Курчатовский институт рано утром. На пороге меня встретили Е. П. Славский, А. П. Александров и их сподвижники. Анатолий Петрович в своем кабинете дал краткую характеристику института, конспективно обозначил главные темы, над которыми они трудятся, и мы пошли знакомиться с работой основных лабораторий, в том числе академиков Е. П. Велихова, И. К. Кикоина, В. А. Легасова и других, заглянули в реакторные отделения, осмотрели установку «Токамак» и многое другое. Практически без обеда мы в институте пробыли около 14 часов, а затем зашли в домик Курчатова и там поужинали. Я тогда еще не знал, каким чудесным рассказчиком был Ефим Павлович. В тот день и вечер он был в ударе, мало того, уже почти в полночь мы еще песни пели. Вот сколько было силы и энергии у этого человека в его почти восемьдесят лет!

В этот день мы не только познакомились с работой институ-

та, но и рассматривали глобальные вопросы науки и даже мировой политики. Работая в ЦК КПСС, я был членом комиссии по подготовке договора по ограничению стратегических вооружений. В этот договор предусматривалось записать пункт по запрещению ядерных взрывов. Я попросил своих собеседников высказать их точку зрения на эту проблему, чтобы можно было, опираясь на нее, иметь твердую позицию СССР при окончательной редакции договора по ОСВ.

Проект договора по ОСВ к тому времени с американцами обсуждался уже несколько раз, в том числе в 1974 году во Владивостоке. Там предварительно было определено, чтобы США и СССР имели по 2400 стратегических ракет, 1320 из них с разделяющимися головными частями (РГЧ).

Е. П. Славский в своем рассуждении, в принципе, высказал согласие, что в этот договор можно включить запрещение всех видов ядерных взрывов, в том числе и в мирных целях. Но в то же время Ефим Павлович заявил, что с точки зрения экономической эффективности, в интересах народного хозяйства, в Советском Союзе выгодно проводить мирные атомные взрывы для пополнения разведанных запасов полезных ископаемых и минерального сырья.

А. П. Александров добавил, что в научном центре у Ю. Б. Харитона отработана научная тема, в результате которой появились новые ценные источники получения нейтронного излучения. Это также подкрепляет возможность не проводить ядерных испытаний. В случае, если будет какая-либо необходимость провести испытание, его можно сделать в лабораторных условиях.

Серьезно и ответственно мы обсуждали тему нейтронных зарядов и возможного развязывания гонки вооружения этих смертоносных снарядов и бомб. Мои собеседники однозначно заявили: «Если такое оружие будет применяться, то оно должно быть массовым — тысячи, десятки тысяч штук, еще больше». Если США будут производить такое оружие, то надо будет делать его и нам, но это архидорогое удовольствие. Славский и Александров

*В отделе Центрального института повышения квалификации,
г. Обнинск, 1977 г.*

быстренько прикинули, сколько примерно для этого потребуется трития, где его можно будет наработать и в какой срок. Но эту проблему — быть или не быть нейтронному оружию — решать военным и правительству. Е. П. Славский заявил, что ученые министерства со смежниками сейчас ведут работу по защите танков и другой военной техники от нейтронного оружия. В свое время мы делали такую защиту для самолетов.

Разбираясь с министрами оборонных отраслей промышленности, я постоянно требовал от них отчета о развитии собственного приборостроения и изготовления уникального технологического оборудования для своих нужд. На это Ефим Павлович ответил, что в свое время И. В. Курчатов говорил: «Нам надо иметь свое приборостроение». И это было сделано, сказал Славский, в Дубне, Обнинске, Пятигорске и в других городах, с этих заводов начало развиваться отраслевое приборостроение, но, к сожалению, мы до сих пор не удовлетворяем науку необходимыми приборами и тормозим ее перспективное развитие. Вот

некоторые фрагменты моих контактов и воспоминаний о Ефиме Павловиче Славском. И, наконец, последнее.

Несколько воспоминаний о наших совместных командировках по стране. В октябре 1977 года у меня состоялась недельная командировка в Казахстан. Меня сопровождали отраслевые, строительные и монтажные министры. Посетили мы предприятия в Джамбуле, Каратау, Караганде, Чимкенте и Алма-Ате. По итогам поездки вместе с министрами встречались с первым секретарем ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаевым, доложили ему о принятых мерах на местах и помощи отраслевым предприятиям. В эти же дни мы с Ефимом Павловичем посетили предприятия МСМ в Усть-Каменогорске и в прекраснейшем современном городе Шевченко, построенном в безводной степи на берегу Каспийского моря. Сам город, все промышленные предприятия и социальная инфраструктура используют опресненную соленую воду Каспийского моря от опреснительной установки, спроектированной и изготовленной свердловским НИИхиммаш и построенной и эксплуатируемой специалистами МСМ.

Месяц спустя мы с Ефимом Павловичем были в Обнинске. Кроме города посетили Физико-энергетический институт, первую в мире атомную электростанцию и Центральный институт повышения квалификации руководящих кадров министерства, оснащенный, по тому времени, новейшей современной оргтехникой, электронно-вычислительными машинами и персональными компьютерами. Все это позволяло министерству готовить современные высококвалифицированные кадры для своей многопрофильной отрасли! Здесь же, в Обнинске, я практически с пятого-шестого захода убедил Ефима Павловича, он дал согласие начать строить целый комплекс заводов по выпуску материалов для Министерства электронной промышленности в Калуге. До меня Славский категорически отказывал в строительстве этих заводов Устинову и Смирнову, председателю ВПК.

Не могу не вспомнить наш полет в Узбекистан и приключения, которые мы пережили вместе с Ефимом Павловичем в

На заседании Научно-технического совета Института атомной энергии
декабре 1978 года. С нами летели ряд министров по своим на-
правлениям, с которыми в ходе командировки я запланировал
встретиться на их заводах и разобраться с делами на месте.

Из Москвы мы летели все вместе. Правда, кто-то из ми-
нистров вылетел раньше, чтобы сначала разобраться самому и
до нашей встречи принять меры. В Ташкенте нас встретили пер-
вый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов — обаятельный,
весьма культурный и привлекательный человек. С ним были
Предсовмина и Председатель Верховного Совета республики.
Разместили нас в особняке, которые имелись в каждой обла-
сти и республике. По прилете мы вместе с Рашидовым уточнили
программу пребывания, Шараф Рашидович заявил, что он всю
программу будет с нами. В этот же день мы побывали в ПО элек-
трохимпрома, ознакомились с производством тяжелой воды
(электролизеры для ее получения изготовлены в Свердловске
на заводе МСМ). А затем были на авиационном заводе, ознакоми-
лись с производством самолетов ИЛ-76 в гражданском и в во-
енном исполнении. Переночевали в Ташкенте.

Утром хорошо позавтракали и полетели в Самарканд. Ле-

тели минут 40—50. Нас встретили руководители области и сразу повели к столу, который установили в походном шатре. Стол изобиловал различными напитками, прекрасной закуской, сервирован узбекскими фруктами, овощами и еще чем-то... Царский стол, не иначе! Я задаю вопрос Рашидову: «Зачем все это? Мы ведь хорошо позавтракали час тому назад». Шараф Рашидович отвечает: «Яков Петрович, вы же у нас такие дорогие гости и как же вас не угостить по-братски». Я успел только сказать, что не привык к такому барству и мне как человеку это не по душе. Рашидова выручает Ефим Павлович: «Яков, ты первый раз в Узбекистане, не обращай на это внимание, это Восток, у них свои правила не только к хорошему, но и к плохому, даже к иезуитскому, но коль приглашают, пошли за стол». Взял меня под руку и посадил рядом с собой, а по правую руку сел Рашидов. Естественно, никто практически ничего не поел и, конечно, ничего не выпито. Через 10–12 минут мы встали и поехали по делам. Л. А. Костандов, министр химической промышленности СССР, показал нам завод по производству суперфосфатных удобрений, который построило МСМ. В дни нашего пребывания Славский совместно с Костандовым вводили новые мощности по производству минеральных удобрений. Вообще, как меня информировал Ефим Павлович, из всего объема капитального строительства МСМ для других министерств, ведомств и местных советов, осваивал в год около одного миллиарда рублей! Затем мы осмотрели древние достопримечательности зодчих Среднего Востока. По предложению руководителей республики на парковой площади посадили по одному дереву и вылетели в Навои. От Самарканда до Навои расстояние около 180 км, и я вернулся к утреннему разговору с Рашидовым о чрезмерном и частом застолье. Рашидов мне ответил: «Яков Петрович, не принимайте это близко к сердцу. Руководители области хотели сделать приятное гостям. Главное то, что вы сели за их стол вместе с ними, что вы прикоснулись к их угощениям, это для них уже радость, а то, что вы не доели, они доедят и выпьют за ваше здоровье». Вот такая «восточная» логи-

ка! Что тут скажешь?

Ночевали в Навои. С утра ознакомились с работой Металлургического завода МСМ, а затем Ефим Павлович на мощном, образцовом авторемонтном заводе показал и сам рассказал об организационной и технологической системе ремонта большегрузных автомобилей БелАЗ, тяжелых экскаваторов и другой горнодобывающей техники. Здесь же Славский показал процесс металлического порошкового напыления на изношенные трущиеся поверхности деталей двигателей автомобилей и последующей шлифовки напыленной поверхности с доведением ее до чертежного размера. Это была гордость Славского и Александра, давшая огромный экономический эффект как по времени, так и по средствам. Затем вместе с Костандовым посетили его заводы, опять же построенные МСМ, и объект по производству химических средств защиты растений. Во второй половине дня слетали в историческую и древнюю Бухару.

Утром следующего дня перелет из Навои в Уч-Кудук. Приехали в аэропорт, а авиаторы говорят, что нелетная погода. А мы все «литерные», и чтобы нас выпустить в воздушный рейс, необходимо разрешение Москвы. Мы ждем час, два, а Москва все не разрешает. Собрались втроем на совещание (я, Славский, Рашидов), обсуждаем, как быть. Может, Москва перестраховывается? Думали, советовались и решили лететь. Летчики немного поупирались, но полетели. Сначала небо было чистое, даже солнце светило, но при подлете к Уч-Кудуку все заволокло, самолет начал вибрировать. Мы не только привязались ремнями, но и крепко вцепились в поручни сидений, а самолет трясет и трясет все сильнее. Мы молчим, но держимся, и вот появилась посадочная полоса, почти на уровне деревьев, но летчики классически посадили самолет, мы все молчим. Ефим Павлович нарушил тишину смачным словом... «Ну, что вцепились в поручни, пора вставать и заниматься делом, и так несколько часов потеряли».

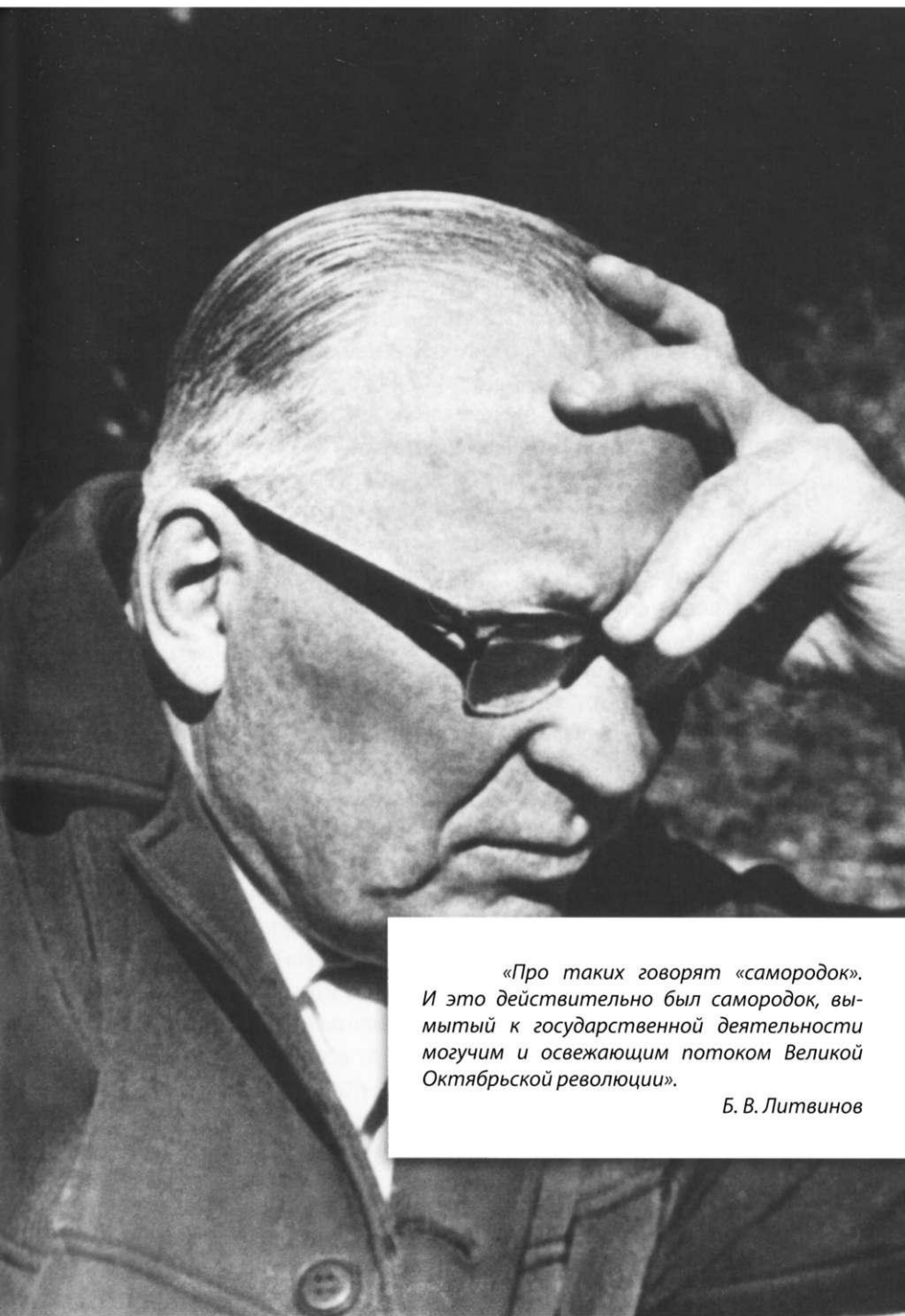
Вот в этом и была человеческая прелесть этого Великого Гражданина XX века. И все-таки этот день мы провели продук-

тивно. Ознакомились с работой Уч-Кудукского горно-обога-тельного рудника, затем перелетели в Зарафшан, где познакомились с новой технологией на Зарафшанском золотодобывающем предприятии.

Узбекистан является солидным производителем золота (примерно 90 тонн в год). Добывает его в основном МСМ и превращает в металлическое золото путем применения ионообменной технологии.

Наши контакты с Ефимом Павловичем продолжались и в те годы, когда я работал в Госплане, ГКЭСе, Совмине СССР и послом Советского Союза во Франции. Вообще, вспоминая встречи с Е. П. Славским, я всегда высоко оценивал его глубокие знания жизни и деятельности такой многогранной, сложной и наукоемкой отрасли. Он прекрасно ориентировался во всех ее проблемах и научных разработках, знал каждого академика и постоянно с ними общался. Он был принципиальным и требовательным руководителем, смелым в суждениях и отстаивал свои убеждения, невзирая на самые высокие ранги и ведомства, вплоть до Политбюро ЦК КПСС. Вот один из примеров. В 1989 году М. Горбачев, видимо, «посоветовавшись» с кем-то, решил одним махом вывести из состава Пленума ЦК КПСС более ста старейших членов Центрального Комитета, но чтобы был формальный повод для этого, в ЦК КПСС собрали какую-то группу членов пленума, переговорили с ними, и они подписали заявление о добровольном сложении своих обязанностей в высшем органе партии, а к остальным работники аппарата ходили по домам и собирали подписи. Все расписались. Приехали к Ефиму Павловичу, подсунили этот длинный список, он посмотрел в него, вернул пришьелцу и сказал: «Меня Съезд избирал, он и освободить будет». На этом и закончился диалог. Так Е. П. Славский остался членом ЦК КПСС.

Я. П. Рябов

«Про таких говорят «самородок». И это действительно был самородок, вымытый к государственной деятельности могучим и освежающим потоком Великой Октябрьской революции».

Б. В. Литвинов

САМОРОДОК

Я не был человеком, приближенным к особе. Встречались мы не чаще, чем того требовали служебные обстоятельства, но я всегда с удовольствием вспоминаю эти встречи как нечто, обогатившее мою жизнь. Для меня Славский был и останется человеком незаурядным во всем. Про таких говорят «самородок». И это действительно был самородок, вымытый к государственной деятельности могучим и освежающим потоком Великой Октябрьской революции. Я не собираюсь пересказывать о Славском расхожие басни. Все, что я вспомнил о нем, было. Я участник и свидетель того, о чем пишу.

Год 1964. Весна, г. Снежинск

Славский приехал в наш институт НИИ 1011 с химкомбината «Маяк» посмотреть на ход строительства у нас физического экспериментального комплекса. Как всегда, он сам побывал на всех строящихся объектах и к вечеру подводил итоги в кабинете директора института Георгия Павловича Ломинского. Все шло вроде бы гладко, вдруг Славский спрашивает Ломинского: «А что это за брошенная стройка на берегу озера?» Георгий Павлович делает вид, что он не понимает о чем идет речь. Славский требует карту объекта и буквально тычет Ломинского в то место, где начали, а затем бросили строить коттеджи для ученых. Это было мечтой Кирилла Ивановича Щелкина: на берегу озера построить для ученых красивые двухэтажные коттеджи с небольшими, по четыре-пять соток, участками земли. После ухода из

института Кирилла Ивановича в 1960 году и смерти директора института Дмитрия Ефимовича Васильева в марте 1961 года секретарь нашего горкома КПСС Николай Владимирович Салтыков то ли искренне, то ли красного словца ради, но поставил на горкоме вопрос о моральности строительства для советских учебных коттеджей. Горком КПСС послушно вынес резолюцию: жить советским ученым в отдельных коттеджах аморально; и строительство коттеджей было заброшено. Когда Славскому рассказали эту историю, его возмущению не было границ. Мы услышали немало нелестных слов о якобы «коммунистах», о коммунистах на словах и начетчиках по существу. Свое бурное выступление он закончил указанием немедленно приступить к строительству коттеджей. Теперь в нашем Снежинске есть уникальный уголок, который смело можно назвать поселком имени Е. П. Славского.

Год 1968. Семипалатинский полигон

Мы, экспедиция ВНИИП (так к этому времени стали называть наш институт, который сейчас называется РФЯЦ-ВНИИТФ), только что провели очередное подземное ядерное испытание мирного ядерного взрывного устройства. Результат плохой: из-за работы в нерасчетном режиме произошел прорыв радиоактивных продуктов взрыва, и главный инженер 12 ГУ МО СССР Герман Иванович Бенецкий уже высказал мне, руководителю испытаний, и Евгению Николаевичу Аврорину, моему заместителю по научной части, все, что он думает о нас и о наших работах, направленных на мирное применение ядерных взрывов. Мы с Аврориным знаем, что на полигон приехал Славский и где-то ездит по строящимся объектам. Посоветавшись, решаем с Аврориным дождаться Ефима Павловича и самим объяснить, что произошло у нас. Около трех часов дня показалась кавалькада военных легковых машин. Из первой выходит Славский, он в высоких хромовых сапогах, в галифе, в короткой армейской куртке. Идет бодро.

После него из машин начинают вылезать военные — генералы, полковники и прочие чины поменьше. Вид у них у всех куда хуже, чем у Славского. Чувствуется, что им пришлось немало побегать за неутомимым министром. Я и Аврорин устремляемся к нему, и я говорю: «Ефим Павлович, мы сегодня провели очередной мирный опыт. Хотели бы доложить вам результаты. Когда это можно будет сделать?» — «Примерно через час, — отвечает Славский, — пыль смою, перекушу немного и готов вас слушать».

Через час мы с Аврориным у него в коттедже. Он принимает нас на втором этаже в холле. На удобном диване только мы троим. Аврорин рассказывает, что мы ждали от опыта и что получили. Славский говорит, что ему уже доложили полигонные генералы, высказали они и свои опасения. «Я им сказал: полигон для того и сделан, чтобы проверять на нем новые вещи. Если у наших ученых будет всегда хорошо и всегда будет получаться, то это будет означать, что они или очень хорошо все знают (а в это поверить трудно), или они ничего нового не предлагают. А тогда зачем такие ученые? Поэтому в вашей неудаче ничего страшного нет. Продолжайте работать. А с этими генералами в желтых лампах я сам поговорю. Вы вот ничего не сказали, что вы от них выслушали, но если даже половину того, что они мне говорили, то это недопустимо. Генеральские погоны не дают права судить ученых. Спасибо за работу, разбирайтесь». Надо ли говорить, что после этих слов мы не вышли из коттеджа, а вылетели, ног под собой не чуя от радости.

Год 1970. Снова Семипалатинский полигон

Экспедиция нашего института провела очередной подземный ядерный взрыв. Мы отработывали ядерное взрывное устройство для экскавационных промышленных работ. Я был председателем Государственной комиссии по проведению этого испытания. Но оно оказалось снова неудачным. Во-первых, зна-

чение энерговыделения оказалось значительно меньше расчетного, а во-вторых, по-видимому, из-за плохого цементированния затрубного пространства обсадная труба прямо на наших глазах стала вылезать из земли и, достигнув высоты около 200 метров, стала ломаться и обрушиваться на землю.

Вся эта картина была зафиксирована киносъемкой. Я прямо с командного пункта доложил начальнику нашего Главного управления Георгию Александровичу Цыркуву и нашему научному руководителю Евгению Ивановичу Забабахину о случившемся. Георгий Александрович посоветовал мне позвонить Ефиму Павловичу и самому доложить о неудаче. Я набрал нужный номер. Трубку взяла секретарь Славского. Я представился и сказал, что я звоню с полигона и мне надо доложить результаты работы. Через минуту трубку взял Славский, поздоровался и спрашивает: «Что там у тебя?» Я кратко рассказал. В трубке молчание, потом он говорит: «Возьми необходимые материалы и вылетай в Москву немедленно» и положил трубку. Настроение у меня испортилось, я сказал начальнику полигона, что министр приказал мне срочно вылететь в Москву на доклад и мне надо к утру альбом с фотографиями вылезавшей трубы.

На другой день я вылетел в Москву. Пришел в министерство, зашел сначала к Георгию Александровичу Цыркуву, показал ему альбом. Он порасспрашивал, покачал головой и позвонил по внутреннему телефону Славскому. «Ефим Павлович, прилетел Литвинов с полигона». Послушал ответ и пригласил идти к нему. Пришли, поздоровались. «Садитесь к столу, я сейчас подсяду к вам», — подсел, посмотрел на меня: «Рассказывай». Я рассказал, что мы ожидали от опыта и что получили. Он полистал альбом, задал несколько вопросов, а потом и говорит: «Поздравляю тебя, ты осуществил новый способ запуска ракет, но постарайся больше так не делать. А чтобы это больше не повторилось, я поговорю с проектантами: им надо лучше следить за исполнением проектов объектов под испытания». Такой разговор действительно

был, и ничего подобного тому, что произошло в нашем опыте, больше не было.

Год 1976

Я пошел к Ефиму Павловичу подписывать разрешение на уничтожение отходов, содержащих тритий. По заведенному порядку только он мог разрешить уничтожение таких отходов. Секретарь попросила меня подождать: «У него Велихов, — объяснила она и добавила: — Он сказал, что ненадолго». Действительно, Евгений Павлович вскоре вышел с весьма довольным видом. Секретарь зашла в кабинет и, выйдя оттуда, попросила меня зайти. «Здравствуй, — поздоровался Славский. — Что у тебя?» — Я объяснил и протянул бумаги. — «Давно надо было это сделать. Держите всякую дрянь. Как будете уничтожать?» Я сказал, что мы вывезем отходы на полигон, там поместим контейнер с ними вблизи ядерного заряда, который будем испытывать, и его взрывом все сожжем. — «Молодцы», — похвалил Славский и подписал бумаги. Потом вдруг сказал, протягивая мне мои бумаги: «Только что был Велихов, опять деньги на «термояд» просил. Сколько времени они грозятся запустить термоядерную электростанцию, но они так же далеки от нее, как и десять лет назад. У меня урана на сотни лет хватит, так что и без «термояда» жить пока можно, но ученых обижать нельзя, иначе все остановится. Дал ему пятьдесят миллионов, пусть трудится и не говорит, что ему Славский мешает работать». Видно было, что разговор с Велиховым был для Ефима Павловича непростым и он все еще находился под его впечатлением.

Год 1979

Меня вызвали в Москву для участия в заседании Совета обороны. Оказалось, что на этом Совете нас будет трое: Слав-

И. В. Курчатов, Е. П. Славский, 1957 г.

ский, Харитон и я. В назначенное время мы приехали в Кремль, но слушание предшествующего вопроса повестки дня заседания Совета обороны еще не закончилось и нас попросили подождать. Юлий Борисович Харитон стал куда-то звонить, а мы со Славским сели в сторонку, и вдруг он начал вспоминать, как впервые познакомился с Игорем Васильевичем Курчатовым и как тот поручил ему отобрать из нескольких проектов ядерных реакторов один или два. «Я ему (Курчатову) говорю: «Я ничего в реакторах не смыслю, я же специалист по алюминиевому литью». А он мне: «Все мы в чем-нибудь не специалисты, поработаешь и станешь специалистом, только не сразу, но когда-то надо же начинать. Так что начинай». И уехал куда-то.

На другой день собрались мы на Рязанском, в старом здании. Пришли все наши специалисты, Доллежал, Александров и еще кто-то, человек двадцать, наверное. Стали рассматривать проекты, я сижу, слушаю. Слушал, слушал, начал задавать вопросы, смотрю, как на них реагируют присутствующие. Два дня рас-

смаатривали мы проекты, часов по двенадцать каждый день. Постепенно у меня начало складываться представление, что это за штука — ядерный реактор, «котел», как его тогда называли. Уже по тому, как рассказывали и отвечали разработчики, можно было понять степень проработанности проекта. Я отобрал три проекта для дальнейшего рассмотрения, но какие я выбрал проекты, я участникам совещания не сказал, решил дожидаться Игоря Васильевича, тем более что его приезд ожидали через день.

Приехал Курчатов и первым делом поинтересовался результатом рассмотрения проектов ядерных реакторов. Я рассказал, какие проекты я предлагаю оставить для дальнейшего рассмотрения. «А как ты отбирал проекты?» — спрашивает меня Курчатов. Я говорю: «Я отбирал те, которые меньше всего критиковали». Игорь Васильевич рассмеялся: «Ну вот, а говорил, что не умеешь отбирать. Хорошо, иди отдыхай, а я посмотрю на твой выбор». Через некоторое время он вызывает меня и говорит: «Поздравляю, из трех тобой отобранных проектов два очень интересны, а один — пустышка. Иди отдыхай». Это означало, что надо идти продолжать заниматься другими делами. Игорь Васильевич работал как гигант. Возле него нельзя было работать в полсилы». Ефим Павлович еще что-то хотел рассказать, но тут нас пригласили в зал заседаний.

Посреди зала буквой «Т» стояли два стола. За коротким столом посредине сидел Брежнев, перед ним стояли всем тогда известные часы со штурвалом. Брежнев был в темном костюме, блестя звезды Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Вид у него был такой, как будто он не видел и не слышал говорящих в зале. Слева от него у торца стола сидел генерал Ахромеев, исполнявший тогда обязанности секретаря Совета обороны. С двух сторон длинного стола сидели генералы, блестя разным количеством и размером звезд на погонах, в их блеске несколько человек в гражданском терялись. Посредине правой половины стола сидел Дмитрий Федорович Устинов в маршальской форме.

Мы сели на отведенные для приглашенных места. Когда все расселись и стало тихо, Ахромеев подошел к Брежневу, наклонился к нему и что-то спросил. Брежнев, видимо, с первого раза не понял. Ахромеев повторил свой вопрос. «Да, да, начинайте», — произнес Брежнев. Ахромеев назвал вопрос повестки дня: «Оснащение Советской Армии новым видом артиллерийских ядерных боеприпасов» и докладчика: «Маршал Устинов». Устинов кратко доложил суть дела. Ахромеев спросил, как видно, для формы: «Будут вопросы или высказывания?» Кто-то из генералов поторопился сказать: «Какие тут вопросы или высказывания и так все ясно». Славский поднялся и сказал, что он хочет выступить по этому вопросу.

Среди генералов возникло какое-то замешательство, они стали шушукаться друг с другом, шум в зале усилился. Брежнев поднял голову, как-то беспомощно огляделся и спросил недовольным голосом Ахромеева: «Что такое? Что такое?» — «Это министр Славский что-то хочет сказать». — «А почему Славский?» — снова спросил Брежнев. Ахромеев негромко стал ему что-то говорить. Наконец Брежнев сказал: «Ну пусть, говорите, только покороче». Славский громко, четко и коротко сказал, что он не согласен с Устиновым: во-первых, новый боеприпас дорог, а во-вторых, его ни в коем случае нельзя доверять ни командиру дивизии, ни тем более командиру полка. «Ядерное оружие, как бы его ни называли, — сказал Ефим Павлович, — остается ядерным оружием, и ответственность за него нельзя перекладывать на людей, которые в боевых условиях могут оказаться не в состоянии обеспечить требуемую степень обращения с ядерным оружием». Как только он кончил, начал говорить Устинов, доказывая обратное. Брежнев поднял голову от бумажки, которую ему поддал Ахромеев, и вдруг сказал: «Ясно, принимаем решение, предложенное маршалом Устиновым. Перерыв». Славский поднялся, махнул рукой и пошел из зала. Уже в коридоре к нам подошел министр машиностроения Бахирев и сказал: «Зря ты, Ефим, вы-

ступил, тут уже все решили без тебя». — «Нет, не зря, — ответил Славский, — пусть знают, что есть и другие мнения, и пусть знают, какую ответственность они принимают за свои решения». Бахирев пожал плечами и отошел от нас. Славский спросил меня, поеду ли я в министерство. Я ответил утвердительно, и он пригласил ехать с ним. Всю дорогу он молчал и только выходя из машины негромко сказал: «Ладно, еще не вечер. До свидания», — и пошел в здание, большой, грузный и оставшийся при своем мнении.

Последняя наша встреча, даже не встреча, а мое присутствие на прощании Ефима Павловича Славского с министерством. Меня поразили на этом прощании бесстрастность его констатации необходимости ухода с поста министра и то, что практически вся его прощальная речь была по существу воспоминанием об Игоре Васильевиче Курчатове. Как вдохновенно и ярко говорил он об этом великом человеке. Так мог говорить только самый близкий Курчатову человек. Трогательным и печальным было это прощание с Ефимом Павловичем Славским. Казалось, что мы прощаемся не просто со Славским, а с целой эпохой в государстве Минсредмаш и, как стало ясно позднее, так оно и было.

Б. В. Литвинов

«Время не было властно над ним. Его физическая мощь, выдающийся интеллект и мудрость не увядали».

А. А. Бриш

СОЗДАТЕЛЬ АТОМНОЙ ИНДУСТРИИ

Завершается двадцатый век, принесший коренные, глобальные изменения в жизнь людей и расцвет науки; век опустошительных войн, с гибелью многих десятков миллионов людей; век, когда энергия атомного ядра, превышающая в 20 миллионов раз энергию обычных химических взрывчатых веществ, была применена США в военных целях.

Наша страна в течение считанных лет смогла ликвидировать монополию США на ядерное оружие и использовать атомную энергию в мирных целях, построив первую атомную электростанцию. Был осуществлен прорыв в освоении новых грандиозных источников энергии ядерной и термоядерной.

Началась новая эпоха. Угроза взаимного ядерного уничтожения принудила ведущие государства к миру. Вторая половина столетия прошла без глобальных войн.

Становлением атомной отрасли в нашей стране занимались талантливые ученые и руководители. Одним из выдающихся создателей атомной индустрии был легендарный человек — Ефим Павлович Славский. Он 40 лет отдал становлению атомной отрасли, из них 30 лет возглавлял Министерство среднего машиностроения.

Время не было властно над ним. Его физическая мощь, выдающийся интеллект и мудрость не увядали.

В 1957 г. Ефим Павлович становится министром среднего машиностроения. На этом посту наиболее полно проявился его талант крупного и мудрого руководителя, самоотверженность и громадная трудоспособность. За тридцать лет его руководства министерство преобразилось: построена мощная атомная про-

мышленность, множество новых городов, воспитаны многочисленными кадрами высококвалифицированных рабочих, инженеров, конструкторов, ученых. Был создан мощный ядерный щит нашей страны, построены многочисленные атомные электростанции, вырабатывающие значительную часть электроэнергии.

Ефим Павлович уделял большое внимание достойной жизни людей. Строилось благоустроенное жилье, школы, больницы, учреждения культуры. Наблюдался непрерывный научно-технический прогресс отрасли, значительные средства выделялись на развитие фундаментальных научных исследований. Министерство и его министр имели стабильный высокий авторитет.

Когда он был министром, мне приходилось встречаться с ним при различных обстоятельствах: на заседаниях Научно-технического совета по ядерному оружию, на расширенных коллегиях министерства, на совещаниях по отдельным научно-техническим вопросам... Всякий раз я убеждался, что нам — работникам атомной отрасли, нашему государству — очень повезло, что министерство возглавил такой руководитель, как Ефим Павлович Славский.

В течение 22 лет я встречался с ним не только по служебным делам, но и в доме отдыха «Опалиха», куда он пригласил меня отдыхать. Я хочу поделиться своими воспоминаниями о Ефиме Павловиче, каким он мне запомнился.

Работы велись по многим направлениям

Освоение энергии атома шло широким фронтом. Активно занимаясь созданием все более совершенных ядерных боеприпасов, их производством и испытаниями, Ефим Павлович настаивал на мирном применении ядерных взрывов и приступил к реализации обширной программы использования ядерных взрывов в интересах народного хозяйства. Уже в 1965 г. после проведения проектных работ был взорван ядерный заряд для создания искусственного водоема. Место представляло собой полупустыню на полпути между городами Семипалатинском и

Курчатовом. В результате было создано прекрасное озеро Чаган с чистой, прозрачной водой. Местность преобразилась. На берегу мы находили большие прозрачные кристаллы гипса, которые были вскрыты взрывом. Ефим Павлович гордился этим творением человеческого гения. Он поручил снять цветной фильм для широкого показа. Запомнились кадры: по голубому простору озера несется быстроходный катер.

Затем, выполняя программу, было произведено 116 мирных взрывов до 1988 г.

При выполнении программы были решены многие народно-хозяйственные задачи, накоплен огромный опыт применения ядерных взрывов, исключая опасность выхода радиоактивных продуктов на земную поверхность.

В г. Обнинске была сооружена первая в мире атомная электростанция. В последующие годы была создана первая отрасль промышленности по изготовлению сложных узлов и агрегатов, необходимых для сооружения атомных электростанций.

Ефим Павлович, придавая большое значение атомным электростанциям, заботился также о строительстве атомных реакторов для научных целей, в том числе в республиках Союза, для стимулирования научных исследований и национальных научных кадров.

Он включил в план министерства добычу золота в Мурунтау, где в породе находилось сравнительно небогатое содержание золота, но общее количество золота было неисчерпаемо. Он гордился, что добыча золота министерством составляет 25% всей добычи в стране, говорил, что мечтает довести добычу золота до 50%. К сожалению, его мечта не сбылась. А золото досталось Узбекистану.

Он верил в величие науки

Привлечен Ефим Павлович к атомной проблеме был по инициативе И. В. Курчатова, который увидел в нем крупного ру-

ководителя, знающего металлурга, способного внедрить новейшие достижения науки. Строительство и введение в строй первого промышленного атомного реактора, решение в процессе строительства новых научно-технических вопросов, общение с И. В. Курчатовым, Б. Л. Ванниковым, Ю. Б. Харитоновым, Б. Г. Музруковым, А. П. Виноградовым, В. Г. Хлопиным, А. П. Александровым, А. А. Бочваром и другими крупными специалистами и учеными убедили Ефима Павловича в том, что в союзе с наукой можно успешно решать совершенно новые задачи.

Свое отношение к науке и ученым он выразил в воспоминаниях «Когда страна стояла на плечах ядерных титанов», написанных в 1991 г., имея в виду крупных ученых-атомщиков, которых возглавлял Игорь Васильевич Курчатов. Ефим Павлович много пишет об Игоре Васильевиче как основе всей атомной науки и ее главе. Он полностью доверял Курчатову, доверял науке и считал, что только с помощью передовой науки могут быть решены все стоящие перед страной задачи. Но он не терпел полуправды, обмана или преувеличений.

Я был свидетелем, как один из заместителей Ефима Павловича при поддержке некоторых специалистов хотел получить его согласие на разработку принципиально новой единой системы автоматики для ядерных боеприпасов взамен ранее разработанных и разрабатываемых систем. Ефим Павлович выслушал предложение и сказал, что он как министр должен поддерживать прогрессивные предложения, если они продвигают нас вперед. Если есть альтернативное предложение, то следует сделать образцы новой системы и провести сравнительные испытания старой и новой. Менять же технику по команде без тщательных исследований и учета всех обстоятельств не следует. Так была предотвращена возможность конфликта между несколькими институтами, разрабатывающими вооружение.

Ефим Павлович многократно демонстрировал уважительное, бережное отношение к ученым и науке, поддерживал ученых и оказывал им помощь, отвергал командный метод в науке, лично

Е. П. Славский, П. К. Гергиевский с коллегами, 1966 г.

вмешивался, если возникал конфликт между руководством и учеными. Ефим Павлович говорил: «Сейчас в моем министерстве своя академия наук: академиков — 24, докторов наук — 670 и кандидатов — 4500. Героев Социалистического Труда — 25. Грандиознейшее хозяйство! И основа всего — Игорь Васильевич Курчатов. Он — фундамент всему! Вот Харитон Юлий Борисович, он был главным в «конструкции». Главные теоретические расчеты по оружию выполняли Зельдович и Сахаров...» Ефим Павлович безгранично верил в науку, которую олицетворяли Игорь Васильевич Курчатов, Юлий Борисович Харитон и другие выдающиеся ученые, которые уже закончили свой жизненный путь. На смену пришли новые ученые и руководители, настали новые времена. Выбрать правильное направление, не ошибиться, отвечать за все, не растерять то, чего достигли, сохранить традиции и стиль работы — это обязанность молодых. «Стремясь к лучшему, не натворить худшего», — писал Харитон. Молодые ученые, будьте бдительны! Нужно помнить, что, создавая ядерное оружие и ядерную энергетику, мы не имеем права на ошибки.

Взаимная помощь

Министерство среднего машиностроения со временем стало обладать большими научными и производственными возможностями, и Ефим Павлович считал необходимым оказывать помощь другим министерствам и народному хозяйству. Так, Министерство среднего машиностроения выпускало большое количество удобрений для сельского хозяйства, добывало высококачественное золото, разрабатывало и выпускало уникальные изделия для медицины, оказывало помощь в строительстве, возводило сооружения в Москве к Олимпийским играм, проводило множество других работ.

Я был свидетелем, когда министр общего машиностроения Сергей Александрович Афанасьев обратился с просьбой выполнить некоторые разработки в интересах ракетной техники, Ефим Павлович сразу же согласился, считая, что министерства среднего и общего машиностроения делают общее дело.

Для укрепления оборонной мощи страны была выполнена работа по существенному увеличению стойкости пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет к поражающему действию ядерных взрывов, по увеличению стойкости систем управления (СУ) ракет к воздействию проникающих излучений ядерных взрывов. Уже прошло несколько десятилетий, как эти установки были разработаны, серийно изготовлены и вошли в состав ПУ и СУ ракет, и хорошо себя зарекомендовали. По заданию С. А. Афанасьева были проведены исследования по космической рентгеновской локации, повышению безопасности взрывных устройств, применяемых в современных ракетах, и другие работы.

Еще один пример. В 1968 г. Ефим Павлович поручил нашему институту совместно с институтом, занимающимся разведкой урана, разработать установку для нейтронного карротажа урановых месторождений. Это поручение было выполнено. Были разработаны и изготовлены специальные импульсные нейтронные

генераторы и карротажные установки. Опытная эксплуатация установок дала положительные результаты. Мы выполнили также поручение Ефима Павловича по разработке частотных нейтронных генераторов, используемых для исследований атомных реакторов различного назначения и анализа атомного состава различных веществ, а также карротаж нефти.

В первые годы МСМ не могло вести у себя все разработки и изготовление всех неядерных компонентов ядерного оружия. Одним из таких вопросов была разработка и изготовление специальных электровакуумных приборов и высоковольтных элементов. Несколько институтов МЭП (тогда МПСС) были привлечены к выпуску первых образцов высоковольтных элементов и электровакуумных приборов, разработанных в МСМ.

Шло время, увеличивалось количество типов приборов и росла потребность в их производстве. Встал вопрос о передаче разработок и производства в МСМ. Ефим Павлович проявил в этом вопросе полное понимание и добился своевременной передачи разработок и организации производства их в МСМ. Трудно даже себе представить, что было бы теперь, если бы разработки этих основных компонентов остались в МЭП. Это министерство было ликвидировано, а некоторые институты распались.

Потенциальная опасность

Ефимом Павловичем уделялось большое внимание безопасности разнообразных, часто опасных работ, проводимых министерством. Так, потребовались срочные мероприятия для обеспечения безопасности добычи и переработки радиоактивных и токсичных веществ и исключения вредных воздействий проникающих излучений на персонал.

Когда возникла проблема захоронения отходов, был разработан эффективный способ захоронения радиоактивных отходов, исключающий загрязнение окружающей среды.

Много вопросов по безопасности возникло в связи со

строительством и эксплуатацией атомных электростанций. Здесь еще есть проблемы, которые решаются.

Особенные трудности, связанные с безопасностью, пришлось преодолевать при разработке, производстве, испытаниях и эксплуатации ядерного оружия. Применение мощных взрывчатых веществ в ядерных зарядах требовало исключения несанкционированных взрывов, в первую очередь за счет чувствительных детонаторов. В случае синхронного взрыва детонаторов имела вероятность полномасштабного ядерного взрыва. Если при аварии происходил одноточечный взрыв или сгорал заряд, то распыленный плутоний заражал значительную территорию и воздушное пространство. Меры предотвращения необходимо было принимать не только для нормальных условий эксплуатации, но и в условиях различных аварийных воздействий, включая пожар. И был разработан комплекс схемных и конструктивных мероприятий, чтобы исключить несанкционированные взрывы, а также организационных мер по исключению аварий с ядерными боеприпасами.

Одним из сложных мероприятий по повышению безопасности ядерных боеприпасов была разработка электродетонаторов без первичных взрывчатых веществ. Ефим Павлович около четырех десятилетий тому назад издал приказ, запрещающий применять электродетонаторы с иницирующими взрывчатыми веществами в ядерных зарядах и при проведении экспериментальных и испытательных работ. С этого момента была исключена потенциальная опасность взрыва детонаторов от пожаров и электрических зарядов на одежде операторов, различных электрических наводок и даже подключения в осветительную сеть. Это мероприятие было одним из важнейших для обеспечения безопасности изделий, в которые входили взрывчатые вещества, и при проведении взрывных экспериментов и испытаний.

Были проведены и другие мероприятия по повышению безопасности ядерного оружия, в том числе создание автоматики, которая при любых аварийных воздействиях не может

выработать подрывной импульс. Обеспечение безопасности ядерного оружия на всех этапах его жизненного цикла остается основной задачей.

На отдыхе

Ефим Павлович не воспользовался правом иметь государственную дачу. Он предпочел отдыхать в подмосковном доме отдыха, расположенном в поселке Опалиха. В послевоенные годы здесь располагалось общежитие для молодых специалистов, которые ожидали отправки на объекты ПГУ. Трехэтажный дом был рассчитан примерно на 40 отдыхающих. Ефим Павлович занимал с семьей отдельную небольшую квартиру. Во время весенних и зимних каникул здесь отдыхали дети сотрудников министерства, а по выходным дням и летом сотрудники министерства с семьями по путевкам. Домом отдыха пользовались также приглашенные Ефимом Павловичем зам. министра здравоохранения, курирующий МСМ, А. И. Бурназян, крупный хирург и впоследствии министр здравоохранения Б. В. Петровский, генерал-полковник Н. П. Егоров, впоследствии начальник 12 ГУ МО. Я воспользовался приглашением Ефима Павловича в основном из-за лыжных прогулок. Здесь были прекрасные маршруты на Архангельское, Ангелово, Красногорскую лыжню и, наконец, горнолыжные спуски в Черневе.

Ефим Павлович, пока здоровье позволяло, отправлялся на лыжах до санатория «Мцыри» (бывшее имение Тарханы, принадлежавшее бабушке М. Ю. Лермонтова). Протяженность маршрута примерно 40 км. На прогулку вместе с Ефимом Павловичем отправлялись его жена Евгения Андреевна, дети и отдыхающие. Такие походы оставляли незабываемое впечатление. Они проходили через чудесные подмосковные леса, в которых встречались лоси. После возвращения был душ, затем обед. Вечером смотрели кинокартины или телевизионные передачи. Коллективно встречали Новый год, другие праздники, отмечали юбилеи.

Ефим Павлович был прекрасный муж и отец. Удивительно было видеть этого в общем строгого, сдержанного человека, когда он разговаривал с внучкой Тошей — голос звучал ласково, а глаза лучились любовью.

У Ефима Павловича была крепкая, дружная семья. Большую роль играла обаятельная, умная и мудрая Евгения Андреевна. К сожалению, она умерла в 1982 г. После похорон Ефим Павлович рассказал о молодых годах, о встрече с Евгенией Андреевной, об их любви. Они прожили долгую, счастливую совместную жизнь, преодолевая трудности и невзгоды, которые уготовила им судьба. В особенности тяжело было в начале войны, когда семью разбросало по Союзу. Выступление Ефима Павловича было гимном любимой женщине, вскрывало его нежную и благородную душу.

Ефим Павлович был прекрасным рассказчиком, хорошо пел казачьи и украинские песни, был неутомим и весел. В памяти осталось много счастливых и незабываемых дней и вечеров рядом с Ефимом Павловичем, его прекрасной семьей и сотруд-

Е. П. Славский с внучкой

никами, с которыми сдружились. Ну и конечно, никогда не надоедающие лыжные походы по лесам Подмосковья и лыжные спуски Чернова.

Чувство гордости испытываем мы, глядя на грандиозные свершения, достигнутые трудом коллективов, предприятий и институтов Минатома в освоении энергии атома и создании мощной индустрии. Все это выполнено под руководством выдающихся ученых и руководителей, великанов духа. Девять лучших из них были трижды удостоены звания Героя Социалистического Труда.

26 октября 1988 года Ефиму Павловичу исполнилось 90 лет. Юлий Борисович Харитон и я поехали поздравить его домой на улицу Воровского. Он принял нас с радостью, был бодр и весел.

За столом начался интересный разговор. Вспомнили Игоря Васильевича, определившего развитие атомной науки и техники, и его безвременную кончину. Ефим Павлович обнял Юлия Борисовича, прижал к груди, расцеловал и поблагодарил за совместный труд, дружбу и верность. Это была последняя встреча атомных титанов.

Особое место в создании атомной индустрии принадлежит богатырю земли русской Ефиму Павловичу Славскому — трижды Герою Социалистического Труда, награжденному десятью орденами Ленина, лауреату Ленинской и Государственных премий, герою Гражданской войны, который возглавлял министерство в период расцвета и наибольших свершений.

Память об этом легендарном человеке-созидателе сохранится навсегда.

А. А. Бриш

«...это одна из важных страниц истории Минсредмаша и страны в целом».

А. И. Белоносов

СОВЕЩАНИЕ У ХРУЩЕВА

Летом 1961 г. состоялось очень важное по своим последствиям совещание в Кремле у Н. С. Хрущева. Его, безусловно, можно отнести к категории «исторических». Именно на этом совещании А. Д. Сахаров впервые открыто выразил свое несогласие с политикой руководства страны. Ушли из жизни почти все участники этого совещания, и мой долг — рассказать о нем, ибо это одна из важных страниц истории Минсредмаша и страны в целом. В период с 1960—1961 гг. между США и СССР действовал добровольный мораторий на проведение ядерных испытаний.

К середине 1961 г. руководство нашей страны и, в частности, Н. С. Хрущев, по-видимому, решили убедиться в реальном функционировании ядерного щита и провести серию испытаний ракетного оружия с ядерными боеголовками.

Для принятия окончательного решения Н. С. Хрущев и провел это совещание. От Минсредмаша на совещании присутствовали министр Е. П. Славский, зам. министра П. М. Зернов, научный руководитель КБ-11 Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, научный руководитель НИИ 1011 Е. И. Забабахин, главные конструкторы — разработчики ядерных СБЧ А. Д. Захаренков, С. Г. Кочарянц, В. А. Зуевский, А. А. Бриш и я — первый заместитель главного конструктора.

Совещание было назначено на 10:00. Я решил, что надо прибыть в Кремль за 30 минут до начала совещания. Однако когда я вошел в зал, где проходило совещание, оказалось, что я прибыл последним из нашей минсредмашевской команды, и все посмотрели на меня с осуждением. Минут за 15 до начала совещания в зал вошли тогдашний министр обороны Р. Я. Малиновский и, с широкой улыбкой на лице, стремительной походкой Л. И. Брежнев. Непосредственно перед началом совещания в зале появились А. И. Микоян и другие члены тогдашнего Политбюро.

В передней части зала перед участниками совещания на возвышении стоял длинный стол с одним стулом. Ровно в 10:00 дверь позади стола открылась, и в зал вошел Н. С. Хрущев, который сел за стол лицом к собравшимся. Поздоровавшись и сказав кратко, что он хочет посоветоваться с учеными, Н. С. Хрущев предоставил слово Ю. Б. Харитону. Он, как и все последующие докладчики, был проинформирован о вопросах, интересовавших Н. С. Хрущева, и докладывал обстоятельно и четко.

Н. С. Хрущев внимательно и с явным интересом слушал выступления и ни разу никого не перебил своими репликами (что было ему несвойственно). Видно было явное его уважение к Минсредмашу и его представителям на совещании.

Единственное отступление от тематики совещания, которое допустил Н. С. Хрущев, было сделано перед выступлением А. Д. Захаренкова. Он заинтересовался построением его фамилии, сказав, что правильно было бы «Захаренко», а не «Захаренков».

А. Д. Сахарову слово для выступления не предоставлялось. С кратким заключительным словом выступил Н. С. Хрущев. Он поблагодарил всех докладчиков и сформулировал решение о необходимости проведения испытаний ядерного оружия. После завершения выступления Н. С. Хрущев шутливо обратился к минсредмашевцам: «Уже тринадцать часов, как ученые относятся к обеду?» Ученые дружно поддержали эту идею. Н. С. Хрущев пригласил всех пройти в соседний зал, где уже был накрыт длинный обеденный стол. Это был действительно стол! Мне почему-то бросились в глаза бутылки с водкой, в которых лежали большие красные стручки перца. Напротив меня за столом сидел П. М. Зернов, а слева — А. И. Микоян.

Когда все расселись, Н. С. Хрущев встал и выступил с 10–15-минутной речью. Сначала он благодарил ученых за научно-технические достижения, за большую работу на благо Родины, как обычно, помянул недобрым словом империалистов. Неожиданно для всех Н. С. Хрущев достал из кармана листок бумаги и сказал: «Вот мне здесь написал записку А. Д. Сахаров, который не согласен с принятым решением о возобновлении ядерных испытаний, считает, что это только приведет к ответным мерам США, ничего нам не даст, кроме ухудшения экологии, и надо вести линию на полное запрещение ядерных испытаний и ядерного оружия вообще». Да-

лее, обращаясь к А. Д. Сахарову, Н. С. Хрущев сказал, что тот проявляет наивность, верит на слово всему, что говорят империалисты, и если бы он, Сахаров, знал все их козни, то он бы к ним относился иначе. «Я, — сказал Н. С. Хрущев, — вскоре еду в Англию. Я возьму вас с собой, чтобы вы сами поняли всю сущность империалистов». (Действительно, примерно через месяц Н. С. Хрущев посетил Англию. Но А. Д. Сахарова с собой не взял.)

Далее Н. С. Хрущев сообщил, что он, к сожалению, не сможет долго находиться за столом, так как должен ехать встречать в аэропорт африканскую делегацию, поэтому он через 30 минут уедет, и призвал всех продолжить обед столько времени, сколько все пожелают. Затем Н. С. Хрущев предоставил слово Е. П. Славскому. В своей 10-минутной речи Е. П. Славский рассказал о работе Минсредмаша, о становлении отрасли, о том, какую большую помощь и поддержку отрасли оказывает Н. С. Хрущев и что вообще как отрасль Минсредмаш сформировался благодаря Н. С. Хрущеву. Видно было, что слова Е. П. Славского доставляют Н. С. Хрущеву большое удовлетворение.

После речи Е. П. Славского и отъезда Н. С. Хрущева стол перешел в свободное функционирование, было шумно и весело. Мы с П. М. Зерновым среди обилия напитков обнаружили на столе бутылку прекрасного марочного армянского коньяка и вдвоем расправлялись с ней. Обед закончился в начале шестого, все покидали Кремль в явно возбужденном состоянии — и не только от выпитого. Все понимали, что прошедшее совещание — событие мирового значения, определенный поворот в историческом ходе событий. И кто знает, как бы они развивались далее, если бы к словам А. Д. Сахарова прислушались тогда, в 1961 году...

А ведь надо прямо сказать, что мы в тот момент были не на стороне А. Д. Сахарова. Доводы Н. С. Хрущева, да и вся пропаганда того времени формировали наше мировоззрение в направлении конфронтации с Западом.

И вскоре содрогнулся мир от серии небывалых ядерных взрывов над нашей страной!

А. И. Белоносов

«Человек несомненно больших способностей и работоспособности, решительный и смелый, достаточно вдумчивый, умный и стремящийся составить себе четкое мнение по любому предмету...»

А. Д. Сахаров

ГИГАНТ МЫСЛИ И ТАЛАНТ УПРАВЛЕНЦА

На пост министра СМ вместо Первухина был назначен Ефим Павлович Славский и остается им и сейчас, спустя четверть века! Славский по образованию инженер, кажется, металлург. Человек несомненно больших способностей и работоспособности, решительный и смелый, достаточно вдумчивый, умный и стремящийся составить себе четкое мнение по любому предмету, в то же время упрямый, часто нетерпимый к чужому мнению; человек, который может быть и мягким, вежливым, и весьма грубым. По политическим и нравственным установкам прагматик, как мне кажется, искренне одобрявший хрущевскую десталинизацию и брежневскую «стабилизацию», готовый «колебаться вместе с партией» (выражение из анекдота), с презрением к нытикам, резонерам и сомневающимся, искренне увлеченный тем делом, во главе которого он поставлен, — и военными его аспектами, и разнообразными мирными применениями; глубоко любящий технику, машины, строительство и без сентиментальности относящийся к таким мелочам, как радиационные болезни персонала атомных предприятий и рудников, и уж тем более к безымянным и неизвестным жертвам, которые заботят Сахарова.

В прошлом Славский — один из командиров Первой Конной; при мне он любил вспоминать эпизоды из этого периода своей жизни. Под стать характеру Славского его внешность — высокая, мощная фигура, сильные руки и широкие покатые плечи, крупные черты бронзово-красного лица, громкий, уверенный голос. Однажды я увидел его жену и был поражен контрастом их обликов — она выглядела интеллигентной, уже немолодой, тихой женщиной, в какой-то старомодной шляпке. Он относился к

ней с подчеркнутым вниманием и необычайной мягкостью.

Во время одной из последних наших встреч, когда я еще не был «отщепенцем», Славский сказал: «Андрей Дмитриевич, вас беспокоит военное применение ядерного оружия. Посвятите свою изобретательность мирным применениям ядерных взрывов. Какое это огромное, благородное поле деятельности на благо людям. Один Удокан чего стоит! А прокладка каналов, строительство гигантских плотин, которые изменят лицо Земли!»

Став в 1957 году министром СМ, Славский не сделался, однако, автоматически заместителем Председателя Совета Министров, как до него Малышев, Завенягин, Первухин. Возможно, ему не хватало для этого положения в партийной иерархии, а может, Хрущев не хотел концентрации такой власти в одних руках; так или иначе, часть тех функций, которые раньше связывались с этим постом, перешла теперь к новому в центральном аппарате человеку, которого Хрущев вытребовал с прежнего места работы (кажется, в Казахстане) — Л. И. Брежневу. Брежнев уже и раньше был тесно связан с Хрущевым и пользовался его полным доверием (вероятно, направление Брежнева на целину тоже было с этим связано). И вот весной 1958 года Ю. Б. Харитон и я должны были направиться в Кремль для первой встречи с новым начальством.

Через несколько дней я выехал в Москву и встретился со Славским. Славский, как мне показалось, согласился, что нет необходимости в двух испытаниях и что в случае удачи первого испытания второе отменяется; готовить же надо оба изделия. Славский спросил, какое из двух изделий следует испытывать первым. Я ответил, что это не очень существенно, что наше изделие конструктивно проще и надежней, поэтому предпочтительней первым испытывать его. На этом мы расстались.

Я вылетел на второй объект, желая уговорить Забабахина согласиться с моим планом...

На другой день я вернулся в Москву. В Москве я сообщил Славскому, что, ввиду позиции второго объекта, первым на испытание идет их изделие, в принципе же договоренность остается

ся в силе. Славский сказал:

— Да, я ведь согласился с вами.

Но когда начались испытания, он все же нарушил нашу договоренность. Правда, в изменившихся обстоятельствах — с его точки зрения, вероятно, в существенно изменившихся. Как и было решено, первым испытывалось изделие второго объекта. Но за несколько недель до испытания стало известно, что второй объект, желая повысить надежность своего довольно «хлипкого» и чуть-чуть экзотического изделия, решил увеличить вес конструкции (примерно на 10%). Несомненно, они надеялись при этом увеличить также и мощность. Но на деле вышло иначе. Измеренная при испытании мощность взрыва изделия второго объекта оказалась равной расчетной мощности нашего изделия (то есть была меньше расчетной с учетом увеличения веса, а не больше, как они надеялись)...

Таковы были обстоятельства, когда Славский принял решение нарушить нашу устную договоренность и через семь дней после испытания второго объекта испытать наше изделие. Главным его аргументом был меньший вес нашего изделия, увеличивающий (в очень малой степени) тактические возможности применения изделия с использованием данного носителя.

Через час я узнал о полном успехе нашего испытания.

Равных Ефиму Павловичу по уровню государственного подхода в решении хозяйственных вопросов руководителей я не встречал. Это был гигант мысли и талант управленца, образец для подражания, у которого многим надо было учиться... Для меня Ефим Павлович Славский был своего рода образцом хозяйственника...

А. Д. Сахаров.

Отрывки из его заметок и авторской книги «Воспоминания», т. 1.

Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990

«Было видно, каким уважением и авторитетом пользуется Ефим Павлович у руководителей страны, в этом я неоднократно убеждался...»

Г. А. Цырков

ИЗЛУЧАВШИЙ ЭНЕРГИЮ

Первая встреча с Ефимом Павловичем Славским более 40 лет назад оставила у меня необычное впечатление. Я почувствовал, что он излучает какую-то энергию, которая передается собеседнику, заряжая его на совершение важных и полезных для Родины дел. С первых минут знакомства было очевидно, что это крупный инженер-руководитель с ясным аналитическим умом, не боящийся принимать ответственные решения. Считаю, что мне в жизни очень повезло, что многие десятилетия я работал под руководством такого человека.

Могу смело утверждать, что атомная физика, наука и техника в области исследований и разработок ядерного оружия были созданы благодаря решительности, смелости и требовательности Ефима Павловича.

Ефим Павлович пользовался огромным авторитетом и уважением у руководителей СССР и крупных ученых.

Мне пришлось быть на встрече ученых — создателей атомного и водородного оружия у генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в 1962 году, где мы докладывали о результатах испытаний и задачах на ближайшие годы по совершенствованию ядерного щита Родины. Прием проходил в Кремле в кабинете Н. С. Хрущева. При обсуждении докладов присутствовали только Л. И. Брежнев и министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Душой этого совещания был Е. П. Славский, он представлял докладчиков, давал необходимые пояснения.

После завершения деловой части приема Н. С. Хрущев нас всех пригласил на обед, на котором присутствовали все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС. Нас рассадили между ними. Обед прошел очень интересно, и опять Ефим Павлович был вместе с Н. С. Хрущевым основным выступающим с поздрав-

лениями и пожеланиями успехов нашей Родине и советским ученым. Было видно, каким уважением и авторитетом пользуется Ефим Павлович у руководителей страны, в этом я неоднократно убеждался и в других случаях.

Как-то раз Ефим Павлович взял меня на совещание к секретарю ЦК КПСС В. И. Долгих, там были несколько министров и зав. оборонным отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин.

В. И. Долгих начал совещание с зачитания повестки дня, а Ефим Павлович, попросив извинения, сказал, что надо обсуждать не эти вопросы, а другие, и стал излагать свои предложения. Я был удивлен такой смелостью. Владимир Иванович выслушал и сказал, что он поддерживает его предложение. Совещание прошло так, как предложил Е. П. Славский.

Несколько раз я был свидетелем встреч Ефима Павловича с генеральными конструкторами ракетной техники С. П. Королевым, В. Н. Челомеем и другими. Они просили Ефима Павловича помочь в решении ряда вопросов в правительстве. Эти выдающиеся конструкторы и ученые обратились к Ефиму Павловичу, так как верили, что он может действительно помочь, понимали, какой огромный авторитет у министра среднего машиностроения СССР. Особое внимание уделял Ефим Павлович созданию и испытаниям ядерных зарядов и ядерного оружия для всех родов войск Вооруженных Сил СССР. Он лично участвовал в испытаниях наиболее важных образцов.

При испытании самой мощной в мире пятидесятимега-тонной бомбы 30 октября 1961 года Ефим Павлович и Маршал Советского Союза К. С. Москаленко находились на самолете в воздухе в момент взрыва на расчетном расстоянии и наблюдали развитие взрыва, так как из-за сплошной низкой облачности с земли свечение взрыва было плохо видно и взрыв производился выше облачности. Нужно отметить, что под непосредственным руководством Ефима Павловича в семидесятых годах Минсредмаш построил все основные шахтные пусковые установки.

Неоценим вклад Е. П. Славского в создание ракетно-ядерного щита нашей Родины.

С 1965 года благодаря инициативе и творческой активно-

сти Е. П. Славского начали проводиться мирные ядерные взрывы в народно-хозяйственных целях. На первом мирном взрыве 15 января 1965 г. по созданию водоема в казахской степи около Семипалатинска присутствовал, а по сути дела руководил проведением этого взрыва министр Е. П. Славский.

На глубине 178 метров в скважине был взорван специально разработанный чистый заряд. В результате было создано искусственное водохранилище глубиной 90 метров и диаметром 500 метров. В дальнейшем была разработана и реализована специальная программа мирных взрывов. Всего с 1965-го по 1988 год было проведено 115 мирных ядерных взрывов.

Программа мирных ядерных взрывов, утвержденная ЦК КПСС и СМ СССР, включала следующие направления.

1. Глубинное сейсмическое зондирование земной коры (ГСЗ) с целью поиска структур, перспективных для разведки полезных ископаемых, — 39 взрывов. Взрывы проведены на 14 профилях суммарной протяженностью 70 тыс. километров. Применение ГСЗ подтвердило 10 газовых и конденсатных месторождений на 15 разведочных площадях в Енисей-Хатангской впадине и еще около 10 на разбуриваемых площадях Вилюйской синеклизы. За счет применения ГСЗ получен экономический эффект в размере 160 млн рублей (в ценах 1984 г.).

2. Создание хранилищ в массивах каменной соли — 10 взрывов. Интенсивное развитие газовой, нефтяной, химической и нефтеперерабатывающей промышленности потребовало значительного расширения парка резервуаров. Резервуарные парки потребовалось создавать непосредственно на промыслах, вблизи газопроводов. Существующие традиционные способы строительства не позволяют быстро удовлетворить растущий спрос на емкости высокого давления.

За период 1970—1985 гг. на трех крупнейших газоконденсатных месторождениях — Оренбургском, Астраханском и Карачаганакском — сооружено с использованием ядерных взрывов три крупных парка подземных резервуаров в каменной соли — 23 емкости с суммарным объемом 866 000 кубических метров.

3. Перекрытие скважин аварийных газовых фонтанов —

5 взрывов. В результате были ликвидированы большие потери газа. Например, на Урта-Булакском месторождении (Узбекистан) потери составляли 12 млн кубометров в сутки. Такого количества газа достаточно было для снабжения такого большого города, как Ленинград. Таким методом были ликвидированы четыре аварийных газовых фонтана (на месторождениях Урта-Булак и Памук в Узбекистане, Майское в Туркмении и Крестищенское на Украине).

4. Создание траншей-выемок, плотин — 2 взрыва.

5. Захоронение в глубокие геологические формации биологически опасных промстоков — 2 взрыва.

6. Опытно-промышленные работы по предупреждению внезапных выбросов метана и угольной пыли в шахте г. Енакиево (Донбасс) — 1 взрыв.

7. Опытно-промышленные работы по дроблению руды (по заказу Минудобрений) — 2 взрыва.

В связи с подписанием договора о всеобщем прекращении ядерных испытаний, ядерные взрывы в мирных целях сегодня также больше не проводятся.

Для разработки ядерного оружия и ядерных зарядов для мирных взрывов необходимо было создать научно-исследовательские институты, опытное производство, испытательную базу. Одна лаборатория № 2 (Лаборатория измерительных приборов Академии наук СССР — ЛИП АН), конечно, не могла справиться с такими задачами.

И тогда решением ЦК КПСС и СМ СССР в 1946 г. было организовано КБ-П в г. Сарове (Арзамас-16).

Затем развернулось огромное строительство специализированных институтов и конструкторских бюро. Были построены ВНИИ технической физики (г. Снежинск), ВНИИ автоматики (г. Москва), НИИ измерительных систем (г. Нижний Новгород), НИИ импульсной техники (г. Москва), КБ автотранспортной техники (г. Мытищи). Это было строительство больших масштабов и в короткие сроки, и велось оно под мощным руководством и строгим контролем Е. П. Славского.

В установленные сроки были созданы крупнейшие на-

учно-технические центры, где наука, конструирование и производство являются одним неразрывно связанным целым, где создана уникальная экспериментальная, вычислительная и производственная база. Для работы в этих центрах были отобраны лучшие специалисты из передовых научно-исследовательских, конструкторских, технологических и производственных организаций страны различных министерств: обороны, вооружения, боеприпасов, авиапрома, приборостроения и машиностроения, химпрома, цветмета, станкопрома и электропромышленности, а также институтов Академии наук СССР.

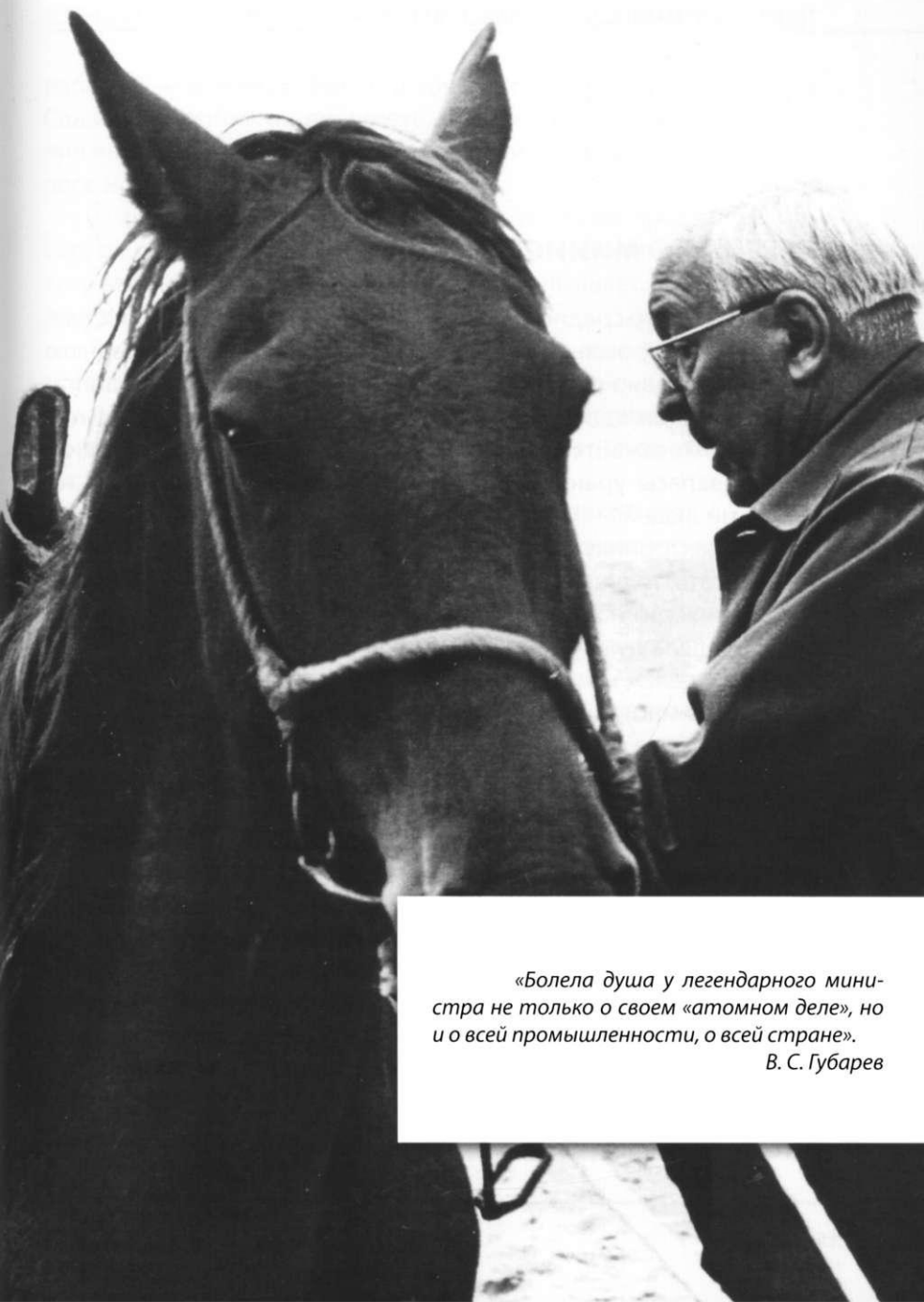
Отбор производился в соответствии со специальным решением ЦК КПСС и СМ СССР, то есть отобранные лица (при их согласии) должны были беспрепятственно откомандировываться в Минсредмаш.

Благодаря тому, что Ефим Павлович стремился создать и развить многоотраслевое министерство (строители, монтажники, производство, наука, жилье, детские сады, совхозы, дворцы культуры, стадионы, пионерские лагеря, столовые, производственное и промтоварное снабжение — все это было создано в министерстве) удалось своевременно выполнить важнейшую задачу — создание, производство ядерного оружия и обеспечение им Вооруженных Сил в требуемых количествах.

Научно-технический и производственный потенциал институтов и заводов ядерно-оружейного комплекса позволил покончить с монополией США в ядерном оружии и обеспечить паритет между СССР и США в этой области.

В день столетия Е. П. Славского необходимо еще раз подчеркнуть, что огромная и основная роль в этом принадлежит мудрому и талантливому руководителю атомной промышленности глубокоуважаемому Ефиму Павловичу Славскому.

Г. А. Цырков

«Болела душа у легендарного министра не только о своем «атомном деле», но и о всей промышленности, о всей стране».

В. С. Губарев

ЛЕГЕНДА О МИНИСТРЕ

Министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский долго рассказывал мне о Майли-Су — он любил Среднюю Азию и ежегодно обязательно бывал на комбинатах, что работали там. А потом вдруг попросил:

— Поезжайте туда, напишите, что мы, атомщики, уходим, так как запасы урана выработаны... Однако мы не бросаем ни город, ни людей — мы создаем там новые производства, в частности, электронику будем производить. Не об атомных бомбах надо писать, точнее — не только о них, а о новой индустрии, которая приходит на смену нашей, когда мы заканчиваем...

Болела душа у легендарного министра не только о своем «атомном деле», но и о всей промышленности, о всей стране.

Мне иногда кажется: хорошо, что Ефим Павлович не дожид до распада Союза, этого его сердце не выдержало бы...

Я пытался у мудрецов прошлого выяснить, что они думают о Ефиме Павловиче Славском. Конечно, я разговаривал только с теми, кто был его современником, но если они мудрые, то обязаны были предположить, что именно такой человек появится, чтобы жизнь на Земле сделать совсем иной, ну хотя бы не на всей планете, а на шестой ее части!

У Пифагора я узнал: «В плавании по морю должно повиноваться кормчему, а в жизни — человеку более других рассудительному».

Конечно же, это о Славском...

«Нашего почитания заслуживает тот, кто господствует над умами силою правды, а не те, которые насилием делают

рабов...» — пожалуй, Вольтер точно определил главную черту Славского: любил он пошуметь, обматерить мог, но истину ценил выше всего и умел признавать свои ошибки — такое случилось не единожды...

Белинский, как деловой критик, сразу же призвал бы писать о Славском, потому что «зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу, возбуждает деятельность!».

Ну и точку поставил бы Карл Маркс, чьи формулировки всегда резки и точны: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком».

Ефим Павлович Славский таким человеком стал.

Он был суперсекретным человеком, и мало кто знал, что у него три Звезды Героя и десять орденов Ленина! Десять!.. Первую высшую награду Родины он получил 25 июля 1942 года, а десятый орден Ленина — 25 ноября 1983 года, когда исполнилось 85 лет. Лишь однажды он надел все свои награды — надо было сделать официальный снимок, да и сам удивился, сколь их много...

— Неужели вам секретность не мешала? — спросил я его однажды.

— Нет! — как всегда энергично, ответил Славский. — Был такой случай, по-моему, в 63-м году. Американская газета напечатала большой материал обо мне под названием «Атомный министр». В общем-то, в нем все было правильно написано. Я пошел к Хрущеву, показал ему статью и сказал, мол, зачем секретить наше министерство, называть его каким-то «средним машиностроением» (что это такое — никто не знает!), может, раз уж они пишут, сказать правду?! Хрущев рассмеялся — нет, говорит, не будем подтверждать, что у них разведка хорошо работает... На том моя борьба с секретностью и закончилась!

...Его освободили от должности министра сразу после

Чернобыля, по сути дела приписав ему вину за эту катастрофу. Он не поехал в ЦК на заседание Политбюро, мол, решайте сами — он прекрасно знал, что Генеральный секретарь Горбачев его недолюбливал. Обидел его однажды Славский, а тот, как известно, такого не забывал никогда... На этот раз обиделся уже сам Ефим Павлович — не дали ему доработать всего несколько месяцев до круглой даты — тридцатилетия на посту министра.

Последние годы он жил одиноко, не знал, что и как делать. Гости приходили часто, он любил вспоминать прошлое, сетовал, что «силищи много, а приложить ее некуда», и чем-то напоминал мне льва, которого на склоне лет заперли в клетке, отняв у него волю и саванну, где он еще мог царствовать долго... Он хотел дожить до своего столетия, но случилась пневмония, она и остановила бег его жизни на 94-м году...

Эпоха поднимала Ефима Павловича Славского на вершину атомной пирамиды, но каждую ступень ее он строил своими руками. Это было восхождение, равного которому история не знает.

...Он приехал в Чернобыль лишь на 23-й день после аварии. Раньше его туда не звали, мол, станция относится к Минэнерго и делать там «атомному министру» нечего... Славский ждал: он знал, что его обязательно позовут, потому что без «средмашевцев» там делать нечего. Так и случилось в конце концов. Жаль, что ждать пришлось так долго — чьи-то амбиции стали выше дела. В общем-то, все прекрасно понимали, что Горбачеву будет неприятно, если и из Чернобыля он услышит фамилию Славского. В середине мая все-таки позвали. Славский собрал свою «бригаду» быстро и уже поутру был в Чернобыле. Я знал, что Ефим Павлович летит, а потому дежурил у штаба, точно определив, что министра обязательно привезут сюда, а уж потом он полетит к реактору.

Так и случилось. Мне показалось, что он обрадовался, увидев знакомого журналиста. Протянул руку, поздоровался, а потом сказал:

Е. П. Славский, В. С. Андрианов и А. Н. Усанов из «бункера» наблюдают за монтажом «Укрытия» на ЧАЭС, июль 1986 г.

— К тебе претензий нет, пишешь нормально, а вот некоторые устроили вокруг Чернобыля «бузу» — страху нагоняют, а тут работать надо...

— Выскажете свое мнение?

— Я — секретный министр! — отрезал Ефим Павлович.

На станции он действовал привычно четко. Рядом оставил лишь несколько человек, другим приказал ждать у входа в машинный зал. Медленно пошел мимо первого блока, второго... Как и положено, дозиметрист чуть впереди. Он докладывал министру о том, как растут уровни радиации... Славский распорядился всем быть у второго блока, а сам пошел к третьему. Задержался у солдата, который тряпкой протирал поручни (господи, и кто отдал такое распоряжение?!), что-то сказал ему, и тот пулей вылетел из машзала. Славский остановился. Его могучая фигура была видна всем — он стоял один и разглядывал завал у четвертого блока. Потом по-военному развернулся кругом и медленно

пошел назад. «Будем работать!» — коротко бросил он. Потом он будет возвращаться в Чернобыль вновь и вновь — ведь там будут работать его соратники и коллеги, — все те, с кем он прошел великую атомную эпопею страны.

Рассказ о начале «Атомного проекта» нельзя вести без Ефима Павловича Славского. Первый промышленный реактор... Он строился в глухомани, в крае непуганых косачей, среди болот и лесов. Ефим Павлович был там директором и главным инженером, а потом постоянно приезжал на свою «Десятку» — так именовали раньше нынешний «Маяк».

Эпопея строительства атомного комбината начинает понемногу описываться, появляются воспоминания старожилов Озерска. И это очень хорошо, потому что в истории нашей страны это, бесспорно, героические страницы, которыми мы и наши дети будут гордиться! Есть, правда, и недоброжелатели и злопыхатели, что стараются принизить подвиг народный, но им суждено забвение — тому нас учит опыт истории...

Это была жестокая битва за будущее. Иногда представляется, что основная тяжесть ее легла на заключенных, мол, именно они работали на самых опасных участках, им была уготована роль смертников при встрече с радиацией.

Это не так. Да, комбинат под Челябинском строили в основном военные и заключенные. Однако к работам на самом реакторе и радиохимических заводах их не допускали, а там как раз и были самые высокие уровни радиоактивности. И именно на первом реакторе Курчатов, Славский и многие другие руководители «Атомного проекта» получили огромные дозы, которые в конце концов и привели к лучевым заболеваниям. Впрочем, Игорь Васильевич мог погибнуть тогда — в первые недели работы промышленного реактора, где начал нарабатываться первый плутоний.

К сожалению, «козлы» в реакторе случались часто. Это была плата атомщиков за незнание. А знание добывалось це-

*А. П. Александров, П. Г. Береговой и Е. П. Славский
в перерыве заседания в Кремлевском дворце съездов, 1974 г.*

ной здоровья... Природа наградила Славского богатырским здоровьем. Аварии случались часто, особенно в первое время. И всегда Ефим Павлович первым шел в опасную зону... Много позже врачи попытались определить, сколько именно набрал он рентген. Мне называли цифру порядка полутора тысяч, то есть у Славского набралось три смертельных дозы!.. Но он выдюжил!

Вызывает как-то к себе Хрущев. Славский еще заместителем министра был. Приезжает. У Хрущева несколько членов Политбюро в кабинете. Славский входит — он впервые в кабинете Генсека.

— Правда, что ты по 15 километров в день на лыжах бегаешь? — спрашивает Хрущев.

— Да, — отвечает Славский.

— Хорошо, иди, — сказал Хрущев. — Видишь, Анастас, — он уже обращался к Микояну, — есть люди, которые в три раза больше тебя ходят на лыжах, так что не зазнавайся!..

...Только через два года Славский понял, почему его вызывал Хрущев. До этого дня они не встречались, и Генсек выбрал такой метод знакомства. Дело в том, что решалось, кого делать министром, и среди кандидатов был Славский. Но тогда его не назначили, это случилось лишь два года спустя...

Он пришел в новую отрасль уже сложившимся человеком и специалистом, за плечами которого было две войны, созданные и воссозданные из руин заводы, танки и самолеты, буйная юность и опыт зрелости. Казалось, что будущее столь же понятно и ясно, как и прожитое. Да и чего ждать особого, если тебе скоро пятьдесят? Тут впору лишь размышлять о сделанном, доказывать самому себе, что жизнь прошла не зря... И кто мог предположить, что предстоит начинать с чистого листа, и прошлое уже не может служить гарантом успеха? Но в судьбе Славского именно так и произошло.

Не любил он встречаться с журналистами и рассказывать о своей жизни. Но однажды все-таки «уступил» директору Дома музея И. В. Курчатова Раисе Кузнецовой. И тому было две причины: во-первых, он безмерно любил и уважал Игоря Васильевича, а во-вторых, уже чувствовал приближение смерти, хотя еще надеялся дожить до ста лет... Кузнецова захватила с собой магнитофон, она несколько часов провела у Ефима Павловича дома, и он разговорился. Но, видно, привычка «ни о чем секретном с посторонними не рассуждать» сказалась и в этом разговоре, а потому в нем, к сожалению, очень мало тех «деталей» создания оружия, о которых знал только Ефим Павлович Славский и несколько ближайших его коллег. Он мог бы, оставшись последним из них, рассказать о многих неизвестных эпизодах «Атомного проекта», этого не случилось. Однако о себе он говорил охотно...

Кстати, будучи министром, он старался, чтобы люди побольше узнали о тех работах, которые ведутся Средмашем. И разрешал все, что было в его силах. По крайней мере, я был свидетелем множества таких случаев.

Удалось побывать на шахте в Желтых Водах. Написал большой репортаж. Славский прочитал его, кое-что поправил.

— Может быть, не имеет смысла таить, что это Желтые Воды? — спросил я.

— Эх, нет на тебя Берию! — улыбнулся Славский. — Пиши: рудник в Желтых Водах!

Правда, не сразу удалось убедить цензуру, что следует открыть этот рудник, но оспаривать мнение министра Главлит не стал. Правда, позже вышла инструкция, в которой было написано, что «упоминать урановый рудник в Желтых Водах можно только в материалах В. Губарева». И несколько лет эта инструкция действовала четко — одному журналисту можно, а другим уже нельзя...

Однако были случаи, когда Ефим Павлович вынужден был отступить. Он разрешил мне бывать на промышленных ядерных взрывах. После гашения газового фонтана в Урта-Булаке (чем Славский очень гордился!) я написал большой материал. Привез

Встреча в зале Коллегии МСМ с делегатами XXVII съезда КПСС, выступает С. П. Столяров, начальник Планового управления, март 1986 г.

его Ефиму Павловичу. Он забрал оттиски, распорядился подать мне кофе и ждать его возвращения.

— Еду на Политбюро, — сказал он, — попробую добиться разрешения на публикацию. Так что сиди тут...

Он вернулся часа через три.

— Долго спорили, но мнения разделились, — сказал он, — пусть эти материалы полежат в твоём архиве — пока печатать не разрешили.

— Почему? — не выдержал я.

Ефим Павлович махнул рукой, выматерился. Что греха таить, он частенько употреблял «нелитературные выражения», но получалось у него это как-то естественно, мол, довели меня, другие слова все позабыл...

Репортаж о гашении газового фонтана в Урта-Булаке и нефтяного в Памуке удалось опубликовать лишь через несколько лет, и то лишь благодаря помощи Славского.

У меня с ним была договоренность: я участвую в экспериментах, связанных с использованием ядерных взрывов, пишу об этом и отдаю материалы ему. Когда можно будет их печатать, он сообщает мне. К сожалению, многие репортажи так и не покинули сейф министра, были уничтожены, когда он передавал дела своему преемнику. А восстановить материалы уже невозможно, так как были они в единственном экземпляре — того требовал в те годы режим!..

Столетие со дня рождения своего министра отмечали закрытые города и урановые комбинаты, атомные станции и научно-исследовательские институты, больницы и санатории, дворцы культуры и стадионы... И не только в России, но и в других странах, в особенности в бывших республиках Средней Азии и Казахстане — ведь именно там построены наисовременнейшие предприятия, и почти всегда они возникали по инициативе Славского. Он умел не только мечтать, но и осуществлять свои замыслы! Он превращал пустыню в цветущий сад — и это не литератур-

ный образ! Именно так и случилось, когда на карте появлялись Шевченко, Навои или Уч-Кудук...

«Год Славского» позволил очень многим людям вернуться в собственное прошлое, вспомнить о прекрасных днях и о человеке, который так много сделал и для страны, и для каждого из нас.

Мозаика воспоминаний позволяет не только лучше понять Ефима Павловича Славского, но и достойнее оценить сделанное им.

Лошадь для Курчатова

Кобылку для «Бороды» выбрали смирную, покладистую. Такую, чтобы на ней было легко познавать азы верховой езды. Курчатову лошадь понравилась, и он решил тут же покататься на ней. Видно, рассказы Ефима Павловича Славского о своей молодости, о службе в Первой Конной армии все-таки задели Игоря Васильевича, и он сам решил познать то, чем так гордится его друг и соратник.

Однако «конная эпопея» Курчатова продолжалась всего лишь 20 минут. Раздался телефонный звонок из Москвы, и Берия приказал немедленно спешиться и больше к лошадям не подходить. Ослушаться своего начальника Курчатова не посмел... Он даже не обиделся на Берию, потому что понимал: тот заботится о нем, хотя и весьма своеобразным способом.

А чуткий Славский довольно долго не упоминал о лошадях, боясь как-то задеть Игоря Васильевича. Но однажды тот не выдержал: «Можешь вспоминать о своем боевом прошлом, теперь уж точно в нашем деле ты останешься единственным конником...»

Впрочем, «заботу» Берии вскоре пришлось испытать и самому Славскому. Тот категорически запретил ему охоту. Славский и Александров любили побродить по тайге, посидеть в засаде на одном из озер — благо места на Южном Урале были нетронутые, а потому дичи было очень много.

Но приказ есть приказ, и несколько лет Славский неукоснительно выполнял волю Берии. Однако после испытаний первой атомной бомбы он все-таки решил нарушить запрет и отправился на охоту — шла северная птица. Берия смолчал. Тогда Славский решил пострелять тетеревов — снега было мало, и птицы высаживались по березам, где становились прекрасными мишенями. Берия при очередной встрече не преминул заметить, что охотой не следует особо увлекаться... Ефим Павлович понял, что запрет снят. После испытаний первой бомбы Берия стал добрее к тем, кого сам и награждал звездами Героев.

Сколько у нас бомб?

На этот вопрос всегда было трудно отвечать. В те времена, когда ядерное оружие только создавалось, счет шел на единицы.

Сколько именно? Опять-таки об этом знали несколько человек...

На газовом месторождении Урта-Булак, 12.09.1966 г.

Е. П. Славский и академик И. В. Соколов-Петрянов (справа)

В конце 70-х речь шла уже о тысячах «изделий». Но опять-таки точное число было известно избранным. Однажды я не удержался и спросил об этом у Ефима Павловича Славского, министра Среднего машиностроения.

— Уж вам-то это известно точно, — подсластил я пилюлю вопроса.

Он нахмурился. У нас шла откровенная беседа о судьбе отрасли, а потому оборвать разговор он разом не мог.

— Это очень секретные данные, — вдруг спокойно ответил он, — даже я не знаю всех деталей. Когда требуется докладывать о нашем производстве, то конкретные данные я пишу от руки, а потом эту записку отправляю фельдсвязью лично Генеральному секретарю. Так что он знает все о нашем ведомстве и о том, сколько «изделий» мы производим... Кому еще Генеральный сообщает, мне неизвестно... Ты удовлетворен ответом?

Мы оба рассмеялись. Как и положено журналисту, я задал тот вопрос, который был интересен моим читателям. Как и поло-

жено министру самого секретного ведомства в стране, он ответил на вопрос так, чтобы секретность полностью сохранилась...

Я вспомнил об этом случае, когда в документах «Атомного проекта СССР» нашел Постановление СМ СССР «О развитии атомной промышленности на 1950—1954 гг.». Оно было принято 29 октября 1949 года, то есть через два месяца после испытаний первой советской атомной бомбы. Меня поразили цифры, которые там приводились. На мой взгляд, они четко показывают, почему Советский Союз не мог быть инициатором холодной войны, которая начиналась на нашей планете в те дни.

Как известно, в противостоянии США и СССР главным аргументом было ядерное оружие. Именно оно и средства его доставки лежали в основе холодной войны. Начинали мы ее, судя по документам, почти безоружными. В то время, когда в США ядерный арсенал насчитывал уже сотни атомных бомб, у нас были десятки единиц.

В. С. Губарев.

Отрывки из его книги «Атомная бомба. Хроника великих открытий». М.: Алгоритм, 2009

«Нередко произнесенные им слова по силе их воздействия не уступали приказам и письменным указаниям».

Л. Ф. Клопов

ДОВЕРИЕ К ЛЮДЯМ

Ранее я кратко касался моего взаимодействия с министром по многим, иногда весьма экстремальным производственным вопросам. Теперь хочу немного остановиться на фактах, характеризующих его отношение ко мне.

Ефим Павлович, как правило, доверял людям, но бывал крайне раздражен, когда ему докладывалась какая-либо неправда. В связи с этим вспоминается один случай.

Теоретик ВНИИЭФ Б. Д. Бондаренко занимался разработкой системы нейтронного инициирования ядерного заряда. При проведении натуральных испытаний зарядов эта система не всегда давала положительные результаты.

Б. Д. Бондаренко считал, что руководство ВНИИЭФ (директором и главным конструктором тогда был Е. А. Негин) недостаточно активно помогает ему в ускорении испытаний, мало выделяется для их проведения ядерных зарядов. Он обратился в связи с этим к Е. П. Славскому.

Ефим Павлович принял Б. Д. Бондаренко и целиком поверил его информации.

Несколько дней спустя министр пригласил к себе А. Д. Захаренкова, Г. А. Цыркова, Е. А. Негина и меня.

Ефим Павлович был явно раздражен. Разговор начался и закончился неприятно. Е. П. Славский не стал выслушивать мнение присутствующих и потребовал подготовить приказ о строгом предупреждении руководства ВНИИЭФ. Но уже тогда было известно, что информация, которую представил Б. Д. Бондаренко министру, была, мягко говоря, не вполне объективной. Приказ по жалобе Бориса Дмитриевича подготовить поручили мне.

Я вместе с тогдашним заместителем начальника Управ-

ления кадров МСМ дважды докладывали министру порученный нам проект приказа, но безуспешно.

Изучив обстановку и получив дополнительные сведения из ВНИИЭФ, мы подготовили второй вариант приказа в надежде, что нам удастся убедить Ефима Павловича отразить в приказе объективное состояние дел по разработке, руководимой Б. Д. Бондаренко. В результате наших пояснений министр с нашим вторым вариантом согласился. Был подписан приказ по МСМ, в котором было лишь указано руководству ВНИИЭФ на необходимость улучшения работы с сотрудниками теоретических подразделений института.

Ефим Павлович был знаком и встречался со многими выдающимися учеными и генеральными конструкторами нашей страны. Особенно теплыми у него были отношения с генеральным конструктором КБ Машиностроения В. Н. Челомеем.

Министр знал, что я, будучи главным конструктором ВНИИТФ, был тесно связан с Владимиром Николаевичем Челомеем по совместной работе, связанной с созданием ГЧ для ракеты стратегического назначения УР-100.

Когда 8 декабря 1984 года в министерство пришло известие о скоропостижной кончине В. Н. Челомея, Ефим Павлович позвонил мне по «кремлевке» и попросил срочно зайти к нему. Он поручил мне поехать на квартиру покойного академика к его жене и передать от имени Славского глубокое соболезнование, а также поручил мне, А. Д. Захаренкову и С. П. Столярову присутствовать на похоронах.

Я с работником ГУ нашего министерства В. С. Тихоновым посетил квартиру покойного и передал жене соболезнование от Ефима Павловича, и мне никогда не забыть ее трогательные ответные слова благодарности в адрес нашего министра.

Ефим Павлович имел огромный авторитет среди подчиненных ему руководителей и всего аппарата министерства, руководителей НИИ, КБ, предприятий и строительных организаций подведомственных МСМ.

Нередко произнесенные им слова по силе их воздействия не уступали приказам и письменным указаниям.

Примеров этому было немало. В одну из своих командировок во ВНИИТФ я ознакомился с выполнением тематического плана института, с состоянием строительства производственных зданий, сооружений и объектов соцкультбыта. В пределах закрытой зоны объекта (ныне города Снежинска) не было своего строительного управления. Это сказывалось на оперативности руководства строительными делами в городе. Тогда же я посетил находящийся рядом с городом так называемый «Поселок-2», где мне показали здание барачного типа, в котором из-за недостатка площади многие больные из числа сотрудников объекта лежали на раскладушках прямо в барачном коридоре.

По прибытии в Москву я встретился с руководителями строительного главка нашего министерства, курирующего строительство во ВНИИТФ. Они мне пообещали ускорить строительство корпусов лечебных учреждений на основной площадке закрытого города.

Вскоре мне пришлось подписывать какой-то документ у Ефима Павловича. Когда я зашел к нему в кабинет, то понял, что он в хорошем настроении. Подписав документ, я все-таки решил сообщить ему о неприглядной картине со строительством медицинских учреждений во ВНИИТФ. Ефим Павлович тут же позвонил своему заместителю по капитальному строительству А. Н. Усанову и попросил его зайти к нему. Александр Николаевич подтвердил, что со строительством лечебных корпусов на территории ВНИИТФ дела идут трудно. Ефим Павлович сказал ему, что здоровье людей не сравнимо с трудностями, какими бы они ни были.

Эти слова министра оказались сильнее всякого приказа. Вскоре на территории медсанчасти ВНИИТФ было сдано в эксплуатацию многоэтажное здание хирургического корпуса, в котором разместилось несколько функциональных отделений больницы.

Л. Ф. Клопов.

Отрывок из его книги «Воспоминания о былом», Саров, ИПК ВНИИЭФ, 2002

«...тяжело было работать, но такая была дружественная, хорошая обстановка».

А. П. Александров

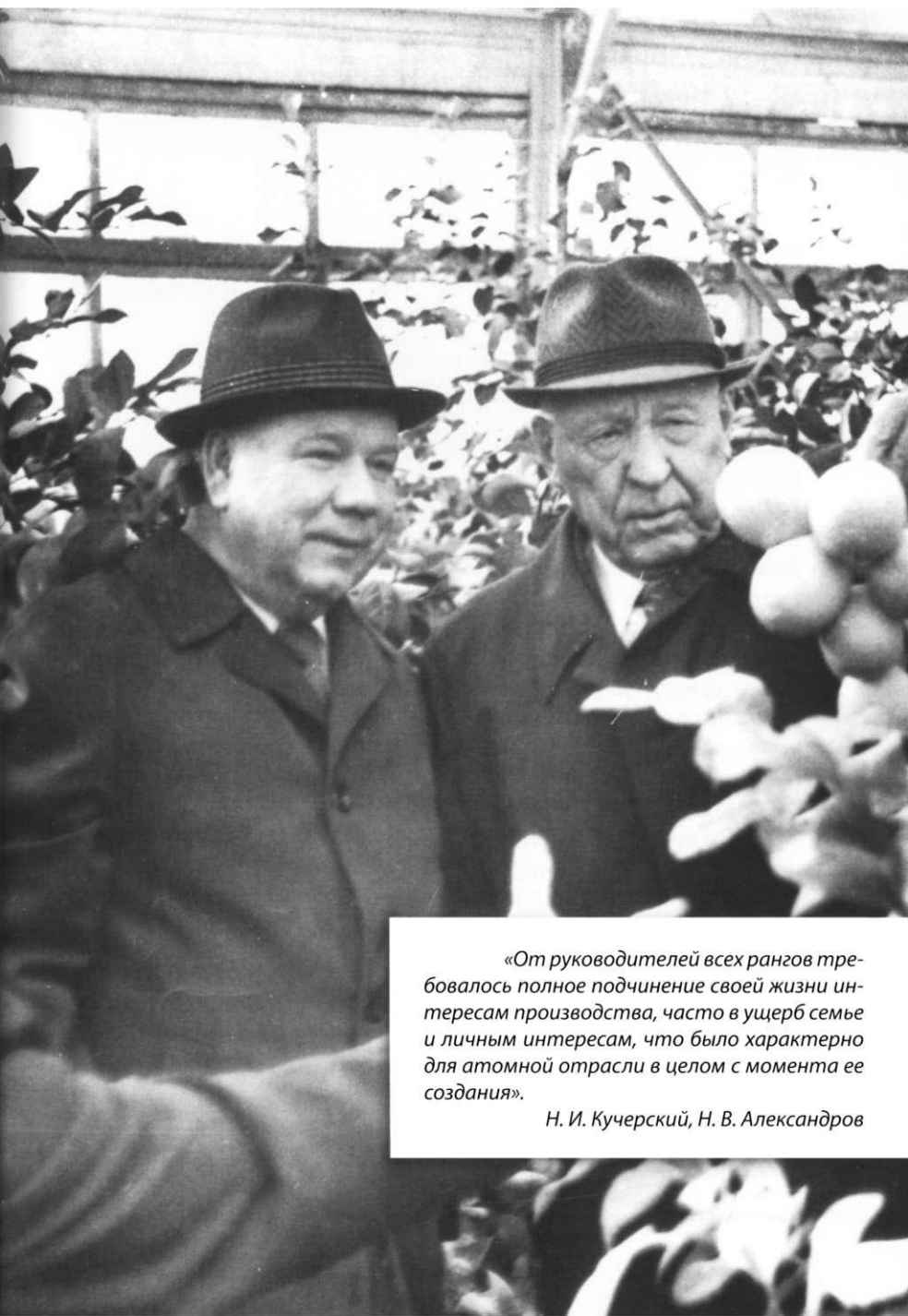
ЖИВОЙ РАК

Товарищи! Удивительная у нас была обстановка для работы, тяжело было работать, но такая была дружественная, хорошая обстановка. Всегда это как-то побуждало все силы отдавать тому, что я делал. Всегда были шутки, розыгрыши, смех.

Вчера Ефим Павлович вспомнил, как он Кошкину, который был главным конструктором 92 завода, ныне ОКБМ, принес рака на совещание в ПГУ. Вот этого Кошкина на оперативке должны были за что-то пропесочить. Он сидел за столом, рядом с Ефимом Павловичем, а Ефим Павлович притащил живого рака и сунул ему в карман. Ванников задает Кошкину какой-то вопрос, Кошкин лезет в карман и вдруг этот рак, здоровый рак, хватает его за пальцы. Все смеются от души.

Вот такая обстановка была всегда. Вы понимаете, какую это разрядку давало невероятную?! Это было как раз то, что позволяло выкладываться полностью. У нас не было никогда нудного состояния, именно всегда были розыгрыши. И Игорь Васильевич устраивал розыгрыши, и Ефиму Павловичу устраивали всякие розыгрыши. Этот здоровый дух нам помогал. Как-то мы должны были прийти к Ефиму Павловичу, а он с охоты приехал и привез много уток. А мы, значит, Александра Павловича Виноградова, который был поменьше ростом и более юркий, чем мы, пустили по берегу, чтобы он с черного входа вошел, а сами пошли спереди к его дому. Александр Павлович пролез, взял этих уток и унес. Ефим Павлович приводит нас — вот, смотрите, я с охоты приехал... А уток нет! Надо было видеть реакцию самого охотника в этот момент.

А. П. Александров, из выступления на юбилейном вечере, посвященном его 80-летию, в Минсредмаше.

«От руководителей всех рангов требовалось полное подчинение своей жизни интересам производства, часто в ущерб семье и личным интересам, что было характерно для атомной отрасли в целом с момента ее создания».

Н. И. Кучерский, Н. В. Александров

КАК ЭТО БЫЛО

Создание Навоийского горно-металлургического комбината относится к периоду пятидесятих годов, когда сложилось достаточно напряженное положение с обеспечением балансовыми запасами урана действующих в то время горно-добывающих предприятий комбинатов № 6 в Таджикистане и № 5 в Южной Киргизии. Широкий разворот геолого-разведочных работ, проводившихся как собственными силами комбинатов, так и специализированными геологическими организациями, не увенчался существенным укреплением минерально-сырьевой базы этих комбинатов: за счет доразведки известных месторождений урана были незначительно увеличены запасы действующих предприятий и открыто несколько новых, небольших по запасам объектов, не оказавших существенного влияния на прирост запасов урана в целом.

В этих условиях открытие в 1953 году Краснохолмской экспедицией Первого главного геологического управления Мингео СССР (руководители Н. Ф. Карпов, А. А. Петренко) крупного уранового месторождения Уч-Кудук привело к коренной переоценке уранового потенциала Средней Азии.

Концентрация крупных материально-технических ресурсов и квалифицированного коллектива инженерно-технических работников на разведке Уч-Кудука позволила завершить его разведку в рекордно короткие сроки — за пять лет. Параллельно с разведкой усилиями коллектива геологоразведчиков Краснохолмской экспедиции в содружестве с научными работниками ведущих институтов геологического профиля — ВИМСа, ВНИИХ-Та, МГРИ, ВСЕГЕИ, ВСЕГИНГЕО — были выявлены основные закономерности образования этого типа месторождений и разрабо-

Е. П. Славский на строительстве завода в Уч-Кудуке (НГМК, Узбекистан)

таны четкие поисковые критерии, в результате чего последовало открытие ряда крупных урановых месторождений уч-кудукского типа, объединенных в Кызыл-Кумскую урановую провинцию.

Для отработки этих месторождений, в первую очередь Уч-Кудука и Сабырсая, и было предусмотрено строительство крупнейшего в СССР Навоийского горно-металлургического комбината, у истоков которого стоял назначенный министром среднего машиностроения в 1957 году крупнейший специалист цветной металлургии и атомной промышленности Ефим Павлович Славский.

В 1957 году запасы урана уч-кудукского месторождения были утверждены Государственной комиссией, и в 1958 году Правительство СССР приняло Постановление о строительстве Навоийского комбината в пустыне Кызыл-Кумы в составе крупнейшего горно-добывающего предприятия в Уч-Кудуке и гидрометаллургического завода по выпуску закиси-оксида урана в Навои. На площадке Навои предусматривалось также строительство Навоийской ГРЭС, крупного ремонтно-механического завода, ряда вспомогательных производств, мощных баз стройинду-

стрии и химического комбината.

Наряду с промышленным строительством предусматривалось строительство городов Уч-Кудук, Навои, Сабырсай (ныне Нурабад) с развитой социальной инфраструктурой, железной дороги Навои — Уч-Кудук, линий электропередачи, систем питьевого и технического водоснабжения, других объектов жизнеобеспечения в условиях труднодоступной и экстремальной по температурным условиям пустыни Кызыл-Кумы.

Директором комбината был назначен Зураб Петросович Зарапетян, главным инженером — Антон Петрович Щепетков, заместителем директора по капитальному строительству — Ефим Менделевич Маламуд, главным механиком — Борис Исакович Шварцман — все бывшие работники комбината № 6. На их долю выпали невероятные трудности организационного и начального периода строительства объектов Навоийского комбината, объединения усилий созданных министерством подрядных организаций: Навоийского управления строительства, треста «Югпромонтаж», управлений «Энергомонтаж», «Союзхимзащита», строительно-монтажных и энергопоездов, военно-строительного управления и Управления исправительно-трудовых учреждений МВД Узбекистана.

Все грандиозное по масштабам промышленное и гражданское строительство на территории Кызыл-Кумов, создание мощного горнодобывающего предприятия открытой и подземной добычи урановых руд в Уч-Кудуке, на ввод в эксплуатацию которого отводились сжатые сроки, было бы немислимим без повседневного внимания и помощи со стороны Министерства среднего машиностроения и лично министра Ефима Павловича Славского, Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидовича Рашидова и Правительства Республики. Под лозунгом «Быстрее, быстрее, больше!». Навоийский горно-металлургический комбинат строила вся страна, и лишь жесткий режим секретности не позволил в свое время открыто рассказать о трудностях и победах его первопроходцев.

Начиная с 1958 года — начала проектирования и строительства Навоийского горно-металлургического комбината —

Ефим Павлович Славский установил и на протяжении многих лет лично осуществлял систему жесткого контроля за ходом этого строительства как в масштабах комбината, так и на уровне его отдельных объектов, вникал во все вопросы их ввода в эксплуатацию и, обладая феноменальной памятью, не забывал ни о принятых решениях, ни о персональном спросе за своевременную их реализацию.

С 1959 года приезды министра в Навои и Уч-Кудук стали ежегодными, часто дважды в год, большей частью с начальником Первого главного управления Николаем Борисовичем Карповым и другими руководящими работниками министерства в зависимости от злободневности проблем, решаемых в комбинате на данном этапе. Был заведен единый распорядок этих посещений по маршруту Навои — Уч-Кудук, а с 1967 года и Зарафшан: личный осмотр объектов, доклады руководства предприятий и подразделений о проделанной работе, подписание многочисленных поручений аппарату и предприятиям министерства по адресной помощи комбинату и короткое итоговое совещание по оценке работы за предыдущее время и постановке очередных задач, подлежащих неуклонному выполнению в точно установленные сроки. Необходимо отметить, что за всю историю комбината автор не помнит ни одного случая невыполнения поручений министра или срыва поставленных им задач.

Этот стиль работы, заданный министром, был характерен и для директора комбината Зураба Петросовича Зарапетяна, и для директора Северного рудоуправления, а затем и комбината Анатолия Анатольевича Петрова, являлся законом для их подчиненных, не допускал никаких отклонений от принятых решений, представляя собой по существу военный стиль управления.

От руководителей всех рангов требовалось полное подчинение своей жизни интересам производства, часто в ущерб семье и личным интересам, что было характерно для атомной отрасли в целом с момента ее создания.

Еще до первых посещений комбината было известно, что министр является выдающимся организатором атомной промышленности, инженером энциклопедических знаний, в поле

Встреча в г. Навои (Узбекистан), 1975 г.

зрения которого постоянно находились и источники атомного сырья, и предприятия по его переработке, и вопросы создания приоритетных социально-культурно-бытовых условий для работников предприятий и организаций министерства.

На фоне беспредельной занятости Ефима Павловича Славского поражало его знание повседневных нужд и запросов Навоийского комбината, способность видеть главное в большом и малом, быть предельно требовательным в выполнении поставленных задач и держать в своей цепкой памяти весь комплекс промышленного и гражданского строительства, до отдельных объектов включительно, знать руководителей предприятий, заводов и отдельных цехов, стоявших на решающих участках строительства и промышленной деятельности комбината.

Уже на стадии проектирования комбината от министра требовалось принятие неординарного решения о строительстве рудников подземной добычи урана в Уч-Кудуке, несмотря на экспертное заключение группы виднейших ученых-горняков страны о невозможности подземной добычи на этом месторождении

в связи с его исключительно сложными горно-геологическими условиями. Для проходки горных выработок и организации очистных работ на рудниках требовались не только инженерные решения по комплексу вопросов производства, но и организация и осуществление водопонижения и осушения площадей рудников. Если учесть, что эта проблема касалась в равной степени и карьеров открытой добычи урановых руд, нетрудно представить масштабы водопонижения — откачки океана воды в условиях непрерывной подпитки водоносных горизонтов со всей площади Уч-Кудукского рудного поля. Приняв решение о строительстве рудников, министр взял на себя весь груз ответственности за их ввод в эксплуатацию — и победил.

К этому времени он имел возможность убедиться в огромном творческом потенциале инженеров, техников и рабочих отрасли, их способности, граничащей с самопожертвованием, отдавать все силы и умение на решение сложнейших и не встречавшихся ранее проблем производства...

А трудности и проблемы строительства рудников и карьеров в Уч-Кудуке нарастали, как снежный ком. В процессе реализации проектов «ВНИПИПромтехнологии» (г. Москва) выявились их просчеты, обусловленные недостаточной геологической изученностью месторождения, его структуры и физических свойств пород. На открытых горных работах горизонты карбонатных и вязких глинистых пород превышали усилие резания роторными экскаваторами и потребовали организации взрывных работ для их предварительного рыхления. Обнаружение в верхах разреза крупнейшего 13-го карьера значительных по площади линз крепких конгломератов исключило применение роторных экскаваторов на вскрыше верхнего уступа.

На строительстве рудника-б были выявлены разрывные нарушения со смещением рудовмещающих пластов по Мечеть-Сарапанскому разлому, в результате чего смонтированный в руд дворе полностью механизированный проходческий щит ПЩ-3,6 вошел в крепкие конгломераты горизонта, был демонтирован и не выполнил задачу по проходке Южного квершлага и вскрытию крупной рудной залежи 50.

Попытка вскрытия рудного горизонта на этом же руднике уклоном снизу вверх при напорах над его подошвой более 20 метров закончилась крупным вывалом обводненной горной массы в уклон и лишь по счастливой случайности не привела к гибели звена проходчиков, находившихся в забое.

Потребовалось полное перепроектирование схемы вскрытия залежей рудника, и новому проекту был присвоен индекс б-г, вызвавший саркастическое замечание директора комбината З. П. Зарапетяна.

Вообще, коренные и локальные изменения проектов в ходе строительства рудников и карьеров Уч-Кудука были достаточно частым явлением, оперативно выполнялись головным проектным институтом «ВНИПИпромтехнология», его Среднеазиатским филиалом, регулярно докладывались министру Е. П. Славскому и начальнику 1 ГУ Н. Б. Карпову и становились новыми программами деятельности коллектива предприятия и его подразделений.

В строительстве Уч-Кудука большую роль сыграли привлеченные предприятия: гидрогеологическое управление (район № 6), «Туласпецшахтпроходка», «Союзшахтосушение», создавшие свои подразделения и выполнившие огромный объем работ по осушению месторождения и проходке капитальных стволов шахт.

В освоении новой техники — роторных экскаваторов непрерывного действия ЭРГ-1000 и ЭРГ-3000 на открытых горных работах — участвовали специалисты Никопольского марганцевого комбината, часть из которых осталась на постоянную работу в Уч-Кудуке. В коллективы рудников были направлены специалисты и горнорабочие ликвидировавшихся шахт комбината «Тулауголь», знания и опыт которых широко использовались на механизации подземных работ, внедрении проходческих и очистных комбайнов и комплексов «Урал», КМ-70, КМ-87, ОМКТ.

На очистной выемке использовались изготовленные на ремонтно-механическом заводе комбината комбайны СБШ-3,2 и СБШ-3,6, показавшие возможность безлюдной отработки маломощных рудных пластов.

Вручение наград горнякам, Уч-Кудук, 10.09.1966 г.

Однако объективные сложности подземной добычи урана и высокую стоимость этой добычи до конца преодолеть не удалось. В связи с этим в начале шестидесятых годов по инициативе главного инженера комбината А. П. Щепеткова и руководства Уч-Кудука (А. А. Петров, Л. М. Демич, П. Г. Меньшиков) начались опытные работы по внедрению скважинной добычи урана способом подземного выщелачивания. Несмотря на технические трудности освоения способа ПВ и частичные неудачи, в Уч-Кудуке была организована добыча урана этим способом в промышленных масштабах в цехе ПВ-102.

Опыт работы этого цеха послужил основой для широкого внедрения ПВ как в Уч-Кудуке, так и на месторождении Сабырсай, на котором ранее были построены два рудника и проведена опытно-промышленная добыча урана подземным способом на руднике № 1.

Подземное выщелачивание урановых руд уч-кудукского типа месторождений было одобрено министром и привело в конечном итоге к полному отказу от подземной добычи и ее замене добычей способом ПВ.

Деловая помощь и участие министра в строительстве Уч-Кудука, самоотверженный труд коллектива горняков, геологов, механизаторов, строителей и монтажников позволили предприятию через 8 лет после начала его строительства, в 1967 году, выйти на проектную производительность по добыче урана на открытых и подземных работах и в последующие годы эксплуатации месторождения не допустить ни одного срыва производственной программы.

Создание Уч-Кудука явилось предметом большой гордости и уважения к его коллективу Ефима Павловича Славского, назвавшего в своей речи, посвященной награждению НГМК орденом Ленина, работу первостроителей Уч-Кудука трудовым подвигом.

Эта речь, программная в своей основе, была произнесена в ДК «Современник» Уч-Кудука 25 января 1970 года и навсегда осталась в памяти участников торжественного собрания, в котором участвовало руководство комбината и представители всех его подразделений и подрядных организаций.

Однако строительство комбината урановым проектом не закончилось, и в 1967 году начался новый этап его истории — освоение добычи золота на месторождении Мурунтау.

По мнению первого руководителя Узбекистана Ш. Р. Рашидова и министра среднего машиностроения Е. П. Славского, единственной организацией, под силу которой было строительство и эксплуатация крупнейшего золотодобывающего предприятия в стране, являлся Навоийский горно-металлургический комбинат.

В 1967 году Постановлением Правительства месторождение Мурунтау было передано для освоения комбинату с вводом первой очереди золотодобывающего комплекса в рекордно короткий срок — за 2 года, и в этом же году вновь созданное Центральное рудоуправление НГМК приступило к широкомасштабным горным и строительно-монтажным работам на площадке Бесапан.

Решение о новом грандиозном строительстве было принято невзирая на то, что в комбинате не были закончены предусмотренные урановым проектом строительно-монтажные ра-

Посещение Е. П. Славским золоторудного карьера Мурунтау, г. Навои

боты на площадке Навои и в Уч-Кудуке. Однако к этому времени в эксплуатацию были введены мощности по добыче урана в Уч-Кудуке, гидрометаллургический завод № 1 и ремонтно-механический завод в Навои, железная дорога Навои — Уч-Кудук, линии электропередачи от Навоийской ГРЭС и другие объекты.

Главной составляющей успеха строительства Мурунтау в невиданно короткие сроки явились замечательные кадры Навоийского горно-металлургического комбината, Навоийского управления строительства, треста «Югпромонтаж» и других строительно-монтажных организаций, участвовавших в строительстве НГМК.

Министром учитывались и опыт этих кадров, и неизмеримо возросшие с момента организации производственные мощности привлеченных к строительству Мурунтау собственных предприятий комбината и его субподрядных организаций.

В 1967 году состоялась закладка фундаментов ГМЗ-2 на Бесапане, в которой приняли участие и Ш. Р. Рашидов, и Е. П. Славский, забетонировавшие в одну из первых опор главного корпу-

са завода ларец из нержавеющей стали с «Письмом к потомкам» и другими документальными свидетельствами 1967 года, после чего в зоне строительства состоялся митинг, на котором перед строителями и монтажниками были поставлены очередные задачи и выражена твердая уверенность в успехе начатых работ.

В этот же вечер на даче в Зарафшане мы убедились в доскональном знании Ефимом Павловичем Славским технологии заводского передела золотосодержащих руд вообще и месторождения Мурунтау в частности. Министру докладывались альтернативные технологии будущего ГМЗ-2: традиционный для золотых руд проект «Иргиредмета» (г. Иркутск) и проект ВНИИХТа, в котором была разработана гидрометаллургическая технология извлечения золота из пульпы хвостов гравитации.

Выслушав докладчиков, одним из которых был будущий академик и лауреат Ленинской премии Б. Н. Ласкорин (ВНИИХТ), министр в традиционной манере заявил: «Це дило г..., його треба разжувати!» и попросил занести ему оба варианта проектов в спальню. Утром следующего дня министр пригласил присутствовавших на встрече руководящих работников комбината и обоих докладчиков и заявил: «Я детально ознакомился с технологическими схемами завода № 2, изложенными в проектах ВНИИХТа и Иргиредмета, и пришел к выводу о принятии технологической схемы, разработанной во ВНИИХТе под руководством Б. Н. Ласкорина».

Так, на ГМЗ-2 месторождения Мурунтау впервые в мире была внедрена на извлечении золота схема технологического передела, включающая сорбцию и регенерацию золота из пульп хвостов гравитации. Эта схема успешно работает до настоящего времени.

С 1967 года гигантская строительная площадка Центрального рудоуправления требовала повседневного внимания и поглощала все силы руководства комбината и в первую очередь его директора З. П. Зарапетяна. Строился карьер Мурунтау и его промплощадка, строился комплекс гидрометаллургического завода № 2, водовод Аму-Дарья—Зарафшан протяженностью 270 км, железнодорожная линия широкой колеи Кызыл-Кудук—

Янги—Зарафшан—Бесапан, закладывался город Зарафшан, хотя темпы жилищного строительства на первом этапе совершенно не соответствовали потребностям формируемого коллектива золотодобытчиков, и это отставание удалось ликвидировать только с созданием Зарафшанского управления строительства.

Несмотря на это строительство золотоизвлекательного комплекса шло успешно, и все эти годы Ефим Павлович Славский был рядом, ежегодно проверял выполнение намеченного графика ввода и 25 июля 1969 года вместе со строителями, монтажниками и эксплуатационным персоналом торжественно отмечал выполнение правительственного задания — пуск первой очереди ГМЗ-2.

Как отмечалось ранее, в 1970 году НГМК был награжден орденом Ленина, а большая группа — 300 наиболее отличившихся участников создания комбината — награждена орденами и медалями. Пять ветеранов, в том числе директор НГМК З. П. Зарапетян и директор Уч-Кудука А. А. Петров, стали Героями Социалистического Труда. Награды — и комбинату, и персональные — вручал Е. П. Славский.

С министром связаны и все дальнейшие этапы строительства и эксплуатации уранового и золотодобывающего комплексов НГМК.

Уже в октябре 1970 года ГМЗ-2 вышел на проектную производительность первой очереди по переработке руды, и министром было принято решение о строительстве второй очереди.

В 1973 году была введена в эксплуатацию вторая очередь, а через три года, в 1976-м, третья очередь золотоизвлекательного комплекса Мурунтау. Эти этапы деятельности Центрального рудоуправления связаны с именами Виталия Николаевича Сигедина — директора и Николая Ивановича Кучерского — главного инженера, а затем директора рудоуправления.

В последующие годы осуществлена реконструкция ГМЗ-2, построена гамма-активационная лаборатория, решившая проблему экспресс-анализа сотен тысяч проб в год, создан цех по обжигу флотоконцентрата упорных сульфидных руд месторождений золота Кокпатас и Даугызтау, рассмотрены вопросы

комплексного использования уран-редкометалльных руд месторождения Ходжаахмет в углеродисто-кремнистой формации допалеозоя в прилегающем к Уч-Кудуку районе как альтернативного источника добычи урана, ванадия и редкометалльных элементов для уч-кудукского предприятия.

В 1982 году принято решение о строительстве гидрометаллургического завода № 3 в Уч-Кудуке для переработки золотосодержащих руд месторождений Кокпатас и Даугызтау, и в 1985 году введен в эксплуатацию сернокислотный завод как составная часть ГМЗ-3.

У Первого секретаря ЦК Узбекистана Шарафа Рашидовича Рашидова, постоянно державшего на контроле вопросы создания Навоийского горно-металлургического комбината и постоянно его посещавшего вместе с министром Е. П. Славским, был широкий взгляд на промышленное строительство в Кызыл-Кумах как на начало комплексного хозяйственного освоения пустыни. В этом вопросе Ш. Р. Рашидов и Е. П. Славский были единомышленниками, понимая насущную необходимость в коренном улучшении условий труда и быта работников сельскохозяйственного сектора и в первую очередь работников отгонного животноводства Кызыл-Кумов с помощью создаваемых промышленных предприятий НГМК.

Необходимость этой помощи показала исключительно суровая и снежная зима 1968—1969 года, в преодолении последствий которой участвовал весь коллектив комбината. Автотранспортом, в том числе технологическим, были перевезены десятки тысяч тонн кормов из госрезерва, продовольствие и теплая одежда для животноводов. С конца декабря до начала марта этой памятной зимы, в тридцатиградусные морозы, автоколонны предприятий с помощью автогрейдеров и бульдозеров преодолевали песчаное бездорожье и снежные заносы, добираясь до самых отдаленных животноводческих совхозов и ферм, неся тепло и жизнь их хозяйствам и их владельцам...

В последующие годы по решению Правительства Республики и министра Е. П. Славского комбинат принял активное участие в преобразовании пустыни Кызыл-Кум: была развернута

Е. П. Славский на объекте по добыче урана, Киргизия, 60-е годы

работа по строительству автодорог ко всем животноводческим хозяйствам, электрификации совхозов и усадеб животноводов, повышению водообеспеченности этих хозяйств, построены новый районный центр Тамды, животноводческие комплексы, молочно-товарные фермы и кошары, оказывалась и оказывается помощь в строительстве и ремонте жилья, школ, больниц и других объектов на всей территории Кызыл-Кумов.

Чувство гордости промышленными предприятиями и городами Навоийского горно-металлургического комбината было постоянно присуще Ефиму Павловичу Славскому.

...Вот он идет по Уч-Кудуку с министром цветной металлургии П. Ф. Ломако и говорит: «Петр Фадеевич, я строю Уч-Кудук без всяких скидок на его отдаленность, на тяжелые природные условия пустыни. Зеленые улицы, стадион, бассейн с подогревом воды, музыкальная школа, детские сады, Дом культуры, магазины и столовые, жилые дома со всеми удобствами: горячая и холодная вода, ванны, газ во всех квартирах. Это ты видел в Навои, видишь здесь, завтра увидишь в Зарафшане. Что подобное ты можешь показать у себя?»

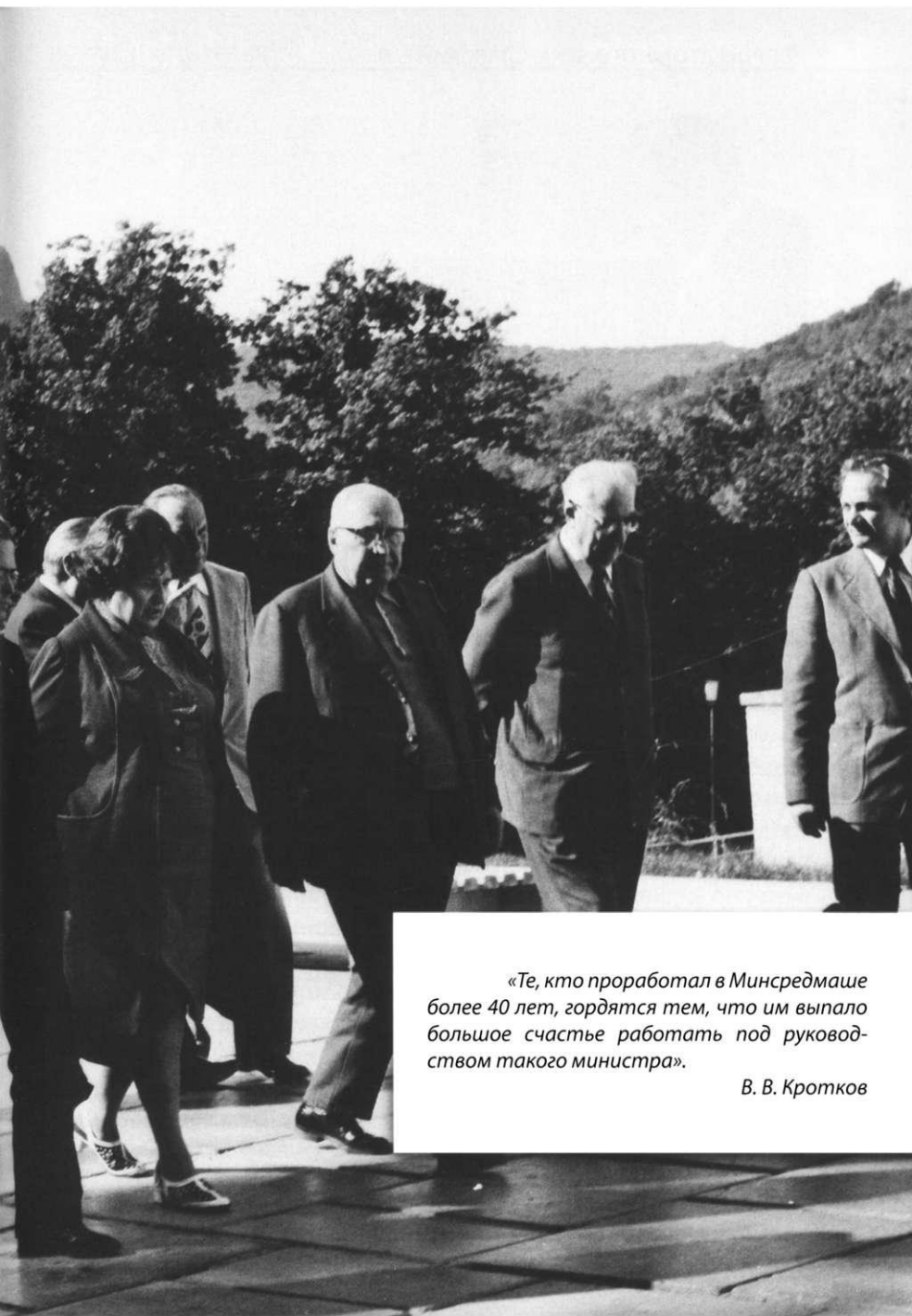
В 1986 году Ефим Павлович Славский был освобожден от должности министра среднего машиностроения «в связи с уходом на пенсию», и его приезды в Навоийский горно-металлургический комбинат прекратились.

Коллектив Навоийского горно-металлургического комбината и его ветераны навечно сохраняют благодарную память о неустоимом труженике, беспредельно преданном делу развития атомной отрасли промышленности и ее составной части НГМК, бывшем министре среднего машиностроения СССР Ефиме Павловиче Славском.

Вся прозорливость Е. П. Славского в создании НГМК как комплекса производств по выпуску закиси-оксида урана и золота валютной чистоты с особой силой проявилась в годы перестройки и экономического хаоса в СССР. Со всей ответственностью нужно заявить, что без золотодобывающего комплекса в годы развала экономики комбинат был бы обречен и мог разделить участь урановых комбинатов Первого главного управления в Таджикистане, Казахстане и Киргизии, потерявших в ходе перестройки и свой промышленный потенциал, и замечательные кадры, ничем не заслужившие такого пренебрежения к их судьбе.

Навоийский горно-металлургический комбинат как памятник государственному уму и созидательной энергии министра среднего машиностроения Ефима Павловича Славского без потерь преодолел последствия разрушительной перестройки и в составе независимой Республики Узбекистан успешно наращивает объемы производства урана и золота, строит новые предприятия и расширяет ассортимент выпускаемой продукции.

Н. И. Кучерский,
Н. В. Александров

«Те, кто проработал в Минсредмаше более 40 лет, гордятся тем, что им выпало большое счастье работать под руководством такого министра».

В. В. Кротков

И УРАН, И УДОБРЕНИЯ

Чем дальше уходит время работы Е. П. Славского министром среднего машиностроения, тем все более ощущается роль и значение Ефима Павловича в истории становления и развития министерства, в том числе и уранодобывающей подотрасли.

Те, кто проработал в Минсредмаше более 40 лет, гордятся тем, что им выпало большое счастье работать под руководством такого министра.

И каждый из нас может рассказывать о большом количестве встреч с Ефимом Павловичем и о том, как он принимал ответственные решения, как детально вникал в вопросы деятельности предприятий, поощрял все новое и передовое.

В те годы министром осуществлялась четкая система подбора и расстановки кадров, которую проводили в жизнь заместитель министра Л. Г. Мезенцев и начальник Управления кадров Ю. С. Семендяев.

Проработав 10 лет на Киргизском горно-рудном комбинате, по решению министра я был направлен директором уранодобывающего предприятия в г. Лермонтов Ставропольского края, где проработал 19 лет, с 1968 по 1987 год.

Географически этот город, построенный специально для работников уранодобывающего предприятия, находится в центре Кавказских Минеральных Вод.

Известно, что Кавказские Минеральные Воды славятся своими уникальными минеральными источниками, лечебными грязями и климатом.

Е. П. Славский, В. В. Кротков и В. М. Кривоспиский, г. Лермонтов

Одновременно с решением хозяйственных и производственных вопросов, связанных с добычей и переработкой урановых руд, по решению Е. П. Славского нашему предприятию было поручено построить санатории в четырех городах Кавказских Минеральных Вод: в Пятигорске санаторий имени «XXII партсъезда КПСС», в Железноводске санаторий «Бештау», в Ессентуках санаторий имени «50 лет Октября» и в Кисловодске санаторий «Джинал».

Кроме того, в Приэльбрусье нашими строителями был построен уникальный лагерь для альпинистов.

К проектированию санаториев были привлечены наши лучшие институты в Москве и Ленинграде. Много внимания проектированию санаториев уделял А. В. Коротков — начальник Главного управления по проектированию и строительству.

Ежегодно осенью Е. П. Славский проводил свой отпуск в Сочи. После завершения отпуска Е. П. Славский посещал вместе с начальником Главного управления Н. Б. Карповым большин-

ство предприятий Первого ГУ.

Обычно посещение начиналось с г. Лермонтова, затем Шевченко (Казахстан), Фрунзе (Киргизия), Чкаловск (Таджикистан), Навои (Узбекистан), Степногорск (Казахстан). Для нас посещение предприятия министром было большим событием.

И мы старались к каждому его приезду сделать что-то новое, разработать и внедрить новую технологию, сделать новое оборудование.

При ежегодном посещении предприятия министр каждый раз рассматривал ход строительства санаториев, ему докладывали проекты их строительства и реконструкции. Он лично знал всех главных врачей. Обычно при обходе санаториев его сопровождал Н. В. Рожков — председатель курортного совета ЦК профсоюза Минсредмаша.

При посещении санаториев Е. П. Славский всегда беседовал с отдыхающими работниками наших предприятий, которые приезжали со всех концов СССР.

Вторым обязательным местом посещения предприятия было подсобное хозяйство.

Особым вниманием у Е. П. Славского пользовался завод по переработке овощей и фруктов. Ефиму Павловичу очень нравилось посещать склады, где хранилось огромное количество соков, консервированных овощей, фруктов. Он с удовольствием пробовал различную консервированную продукцию.

И, как обычно, когда из аэропорта «Минеральные Воды» ехали на предприятие в Лермонтов и я спрашивал Ефима Павловича, с чего начнем объезд предприятия, Е. П. Славский отвечал: «Конечно, с завода. — И уточнял: — Не с гидрометаллургического, а с консервного».

По опыту нашего подсобного хозяйства Ефим Павлович обязал многих директоров предприятий построить у себя подобные перерабатывающие мощности, и что удивительно — Ефим Павлович точно знал и с удовольствием рассказывал, ка-

*Очередная поездка по комбинатам Средней Азии.
В аэропорту Кавказских Минеральных Вод, 70-е годы*

кой урожай в лучших совхозах, какие удои молока и как зовут корову-рекордсменку.

Гордостью Ефима Павловича было производство минеральных сложных гранулированных удобрений, аммофоса. В отличие от Минхимпрома, мы производили гранулированные удобрения. В Минсредмаше были созданы специальные выпарные аппараты и барабаны — грануляторы — сушилки.

Помню, как при очередном посещении Е. П. Славский пригласил на предприятие министра химической промышленности Кастандова, который в это время отдыхал в Кисловодске. С каким удовольствием Ефим Павлович рассказывал ему о преимуществах этого процесса и показывал всю технологическую цепочку. После посещения Кастандов создал группу специалистов, в которую вошли руководители и главные инженеры институтов и заводов и которая посетила предприятия в городах Днепродзержинск, Лермонтов, Шевченко.

На строительстве объекта гидрометаллургического завода, г. Лермонтов

Это было началом широкого внедрения разработанных в Минсредмаше новых технологических процессов по выпуску гранулированных сложных удобрений в Советском Союзе.

Я не могу не рассказать о произошедшем на нашем предприятии случае, который, как мне представляется, не мог не отразиться на дальнейших взаимоотношениях Е. П. Славского с М. С. Горбачевым, который в 70-х годах работал первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

В отличие от всех секретарей ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов КПСС, которые всегда лично встречали и сопровождали Ефима Павловича во время его поездок по предприятиям Минсредмаша, с М. С. Горбачевым была первая и последняя встреча на нашем предприятии.

Всем было известно, что при посещении республик Союза и областей Ефим Павлович всегда удовлетворял просьбы первых секретарей ЦК республик и обкомов партии о строительстве на их территории дорог, ЛЭП, школ, больниц и других объектов.

В составе нашего предприятия был гидрометаллургический завод, который производил минеральные удобрения. Первоначально завод производил простые минеральные удобрения.

В целях увеличения производства гранулированных минеральных удобрений было принято и реализовано решение организовать на заводе переработку апатитового концентрата с Кольского полуострова.

Проведенными исследованиями на предприятии совместно с институтами ВНИИСтроя, ВНИИХТ, ПромНИИпроект была доказана возможность организации комплексного извлечения из апатитов всех ценных элементов.

Прежде всего был получен из апатита концентрат редкоземельных элементов, который в дальнейшем мог разделяться на отдельные элементы.

Особый интерес представляли отходы, получаемые при переработке апатитового концентрата — фосфопшс. Количество этих вредных отходов в СССР составляло до 30–40 млн тонн в год, а в мире — более 100 млн тонн.

На предприятии были построены две опытные установки, на которых получался строительный гипс, который мог использоваться для производства строительных блоков, перегородок, плит. Таким образом, на предприятии впервые в СССР и мире была разработана безотходная технология при переработке апатитового концентрата с получением минеральных удобрений, редкоземельного концентрата и строительного гипса.

При очередном посещении предприятия мы доложили Ефиму Павловичу о возможности реализации предложенной схемы переработки апатита на гидрометаллургическом заводе. Ефим Павлович одобрил наше предложение и поручил институтам в короткий срок разработать проект.

Для ускорения строительства Ефим Павлович принял решение начать строительство завода по локальным чертежам

до утверждения всего проекта. Выпуск удобрений по проекту должен был составить 500 тыс. тонн аммофоса в год.

Уже через год мы приступили к строительству завода, которое должны были завершить за три года. Большим достижением Минсредмаша было наличие на всех предприятиях своих строительно-монтажных организаций и военных строителей.

Однажды при посещении предприятия заведующим промышленным отделом крайкома КПСС И. С. Брагиным он увидел, как полным ходом идет строительство завода по производству удобрений.

Решение о строительстве завода Ефим Павлович принял, не поставив в известность руководителей крайкома КПСС и крайисполкома.

По ВЧ-связи из моего кабинета И. С. Брагин доложил М. С. Горбачеву о строительстве завода, после чего М. С. Горбачев в резкой форме потребовал от меня немедленного прекращения строительства завода и дал указание на следующей неделе прибыть на заседание бюро крайкома КПСС совместно с руководителями министерства.

На бюро крайкома от Минсредмаша присутствовал главный инженер 1 ГУ В. А. Мамилов. Бюро крайкома КПСС, заслушав мой доклад, приняло решение о прекращении строительства завода и предупредило меня, что если решение не будет выполнено, то я из партии буду исключен.

Обо всем этом я доложил Е. П. Славскому и заведующему оборонным отделом ЦК КПСС. Ефим Павлович сказал, что этот вопрос он согласовал в Политбюро и с секретарем ЦК КПСС и строительство завода должно быть продолжено.

Еженедельно работники горкома КПСС докладывали М. С. Горбачеву о состоянии дел на стройке.

Осенью, завершая отдых в Сочи, Ефим Павлович позвонил мне по ВЧ и попросил организовать на предприятии встречу с М. С. Горбачевым.

Е. П. Славский принимает участников Всесармейского совещания секретарей комсомольских организаций, 29 мая 1984 г.

После длительных разговоров М. С. Горбачев дал согласие на встречу и приехал вместе с председателем крайкома Н. В. Басенко. Встреча состоялась в моем кабинете и проходила очень бурно. Ефим Павлович говорил о том, что будет создана уникальная безотходная технология и Ставропольский край получит дополнительно 500 тыс. тонн гранулированных сложных удобрений и строительный материал.

М. С. Горбачев очень колебался, никак не мог принять решение и уже готов был дать согласие и только категорическое возражение председателя крайкома Н. В. Басенко и секретаря крайкома Н. И. Никитина не дали М. С. Горбачеву возможность принять предложение Е. П. Славского.

Встреча закончилась конфликтом, обе стороны разъехались не попрощавшись.

После возвращения в Москву Е. П. Славский позвонил мне и сказал, чтобы я продолжил стройку и что он в очередной раз получил поддержку в Политбюро ЦК КПСС.

В это же время М. С. Горбачев позвонил мне из Ставрополя и еще раз подтвердил, что стройку нельзя продолжать и что он доложил в Москву в Правительство и Политбюро и получил поддержку о прекращении строительства. Естественно, можно было представить мое состояние.

Строительство главного корпуса было прекращено, но на заводе железобетонных изделий полным ходом шло изготовление железобетонных изделий, строились дороги и железнодорожное полотно, складские помещения.

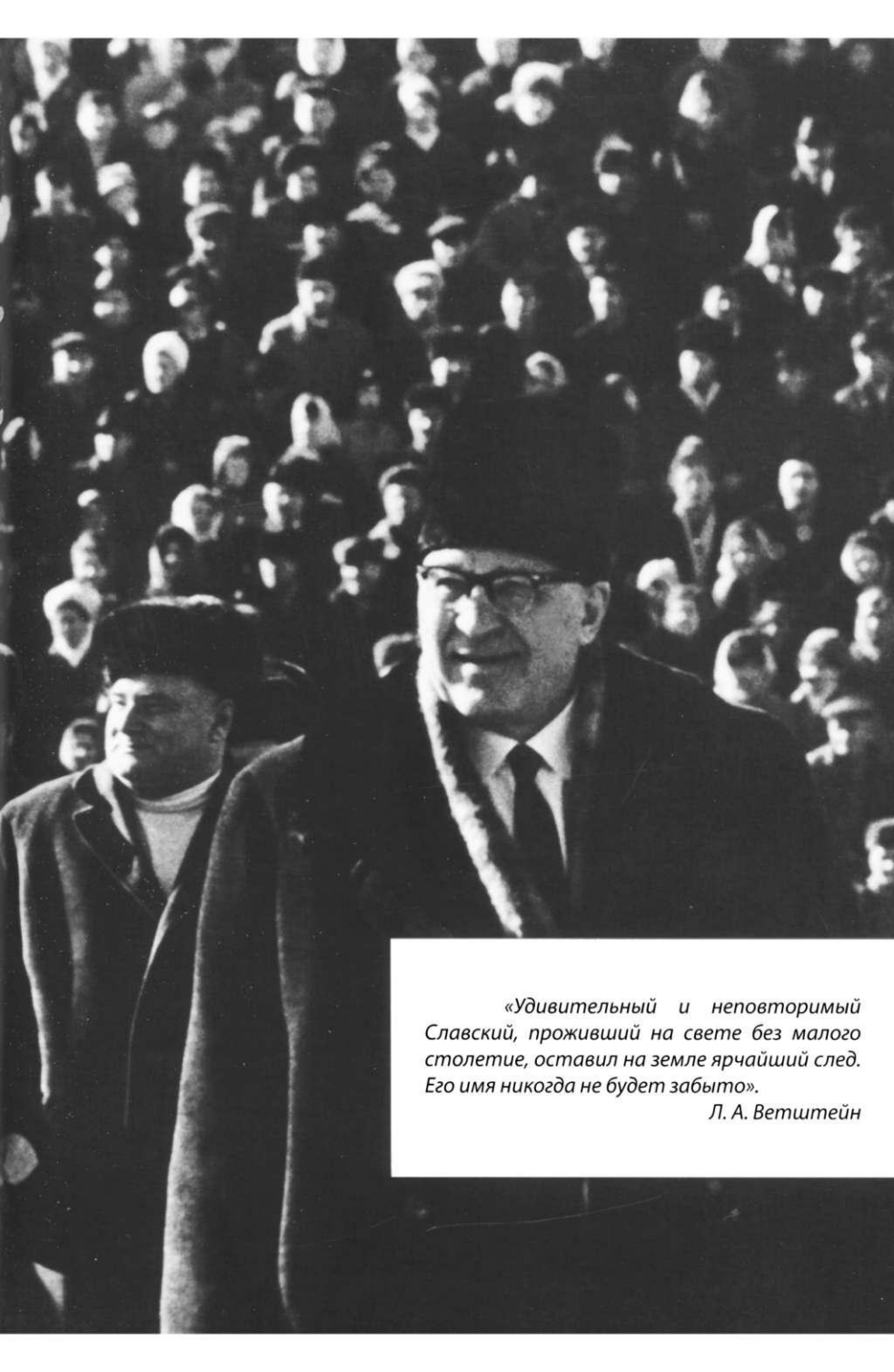
Через полгода вышло решение Правительства за подписью А. Н. Косыгина, и стройка была остановлена.

С тех пор прошло 25 лет и ничего подобного в мире так и не было построено.

Через некоторое время М. С. Горбачев уехал в Москву, в ЦК КПСС.

Может быть, из-за этого случая после избрания М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, общение между ним и министром Е. П. Славским было достаточно сложным.

В. В. Кротков

*«Удивительный и неповторимый
Славский, проживший на свете без малого
столетие, оставил на земле ярчайший след.
Его имя никогда не будет забыто».*

Л. А. Ветштейн

Я — ВАШ МИНИСТР

Земля Кызыл-Кумов осчастливлена неоднократно появлениями на ней Ефима Павловича Славского, этого легендарного министра, человека всемирного уровня. Ибо отрасль, за которую он нес персональную ответственность, вершила дела планетарного масштаба. В ведении Ефима Павловича Славского было все, что связано с атомной энергией, и этим все сказано. А это — ответственность за судьбу мира.

Удивительный и неповторимый Славский, проживший на свете без малого столетие, оставил на земле ярчайший след. Его имя никогда не будет забыто.

Не иначе как с восхищением говорят о нем все, кто его знал, кто его видел, на всю жизнь остались в памяти наших земляков минуты общения с этим человеком. Он уделял огромное внимание нашему промышленному региону, и это вполне понятно: здесь в архитрудных условиях рождалось одно из важнейших предприятий страны — Навоийский горно-металлургический комбинат.

НГМК мог появиться на белом свете только по решению Ефима Павловича, прими он «близко к сердцу» категорическое резкое академиков-угольщиков о невозможности разработки уч-кудукского месторождения — и никто не знал бы о таком населенном пункте, как Уч-Кудук, и вполне могло стать, что не было бы на узбекистанской земле города Навои.

Только смелость министра, принявшего рискованное решение, может быть, даже крайне рискованное (а вдруг процесс не пошел бы?) дала жизнь нашему промышленному району, на-

шему промышленному гиганту, нашим удивительным и неповторимым городам.

Думается, что это на редкость смелое решение Ефима Павловича Славского имело в основе своей непоколебимую веру в людей, в их бесстрашие, в то, что известный писатель в свое время назвал «безумством храбрых». Эта вера министра окрыляла покорителей Кызыл-Кумов, придавала им силы для беспримерных свершений под кызыл-кумским небом, в условиях изнуряющего зноя, грозного безводья, полного бездорожья. В этих условиях все надлежало начинать с абсолютного нуля, с ничего. И построить на этом «фундаменте» предприятие мирового уровня, предприятие с самой лучшей и современной технологией.

«Думаю, что не будет преувеличением, если я назову наш комбинат промышленным гигантом республики», — написал в своей книге «Флагман индустрии независимого Узбекистана» нынешний директор НГМК Николай Иванович Кучерский.

Говоря образно, первый колышек в основание этого гиганта вбил четыре десятилетия назад министр Ефим Павлович Славский. Имя этого человека, друга Шарафа Рашидовича Рашидова, должно быть увековечено в Кызыл-Кумах.

* * * *

Министры говорят все больше сухо, протокольно. Их речи чаще всего подготовлены заранее и прочитываются без отклонений от текста. Мысли и чувства в таких выступлениях загодя запланированы, а потому, будучи воспроизведенными с листа, вызывают как бы запрограммированный отклик, запрограммированные аплодисменты.

Совсем не так говорил на торжестве по случаю награждения Навоийского горно-металлургического комбината орденом Ленина незабвенный, легендарный Ефим Павлович.

«Волнуюсь и радуюсь, пожалуй, даже больше тех, кто по-

*Закладка камня на месте будущего города в пустыне Кызыл-Кум
ныне г. Зарафшан, Узбекистан*

лучил награды», — сказал Ефим Павлович Славский.

Такую фразу нельзя сочинить заранее, до события. Ее можно сказать, только пережив истинные, действительные чувства в момент происходящего. Не иначе.

— Я, ваш министр, вместе с вами переживаю радостное волнение в связи с таким замечательным событием. Ведь я хорошо помню, что всего десять лет назад не было этого замечательного города Навои, не было этих первоклассных предприятий, которые созданы вашими умелыми руками. Трудно было даже думать, что в такой короткий срок можно построить большого масштаба горное предприятие в центре Кызыл-Кумов, построить Уч-Кудук, связанный теперь железнодорожной линией, по которой курсируют поезда, и действует авиалиния. А ведь когда мы начинали строительство, машина шла туда неделю.

Читатель наверняка чувствует, что так нельзя говорить по написанному тексту. Теплота этой удивительной тирады звучит

уже в самых первых словах «Я, ваш министр». Это сказано так просто, так естественно, так сближающе. Даже не слыша этих слов, даже только их читая, ощущаешь, что Ефим Павлович на этом митинге не «официальное лицо», не находящийся «при исполнении» пусть даже торжественных обязанностей представитель «центра», а такой же человек, как все, и лишь ответственность его несоизмеримо выше, чем всех и каждого.

Но вот сейчас, на этом митинге, он дает понять, что не чуждо ему ничто человеческое, в том числе и лирический настрой, его восхищение совершенным в пустыне подвигом. На этом же митинге он сказал:

— Ваш трудовой коллектив, дорогие товарищи, родился под счастливой звездой Востока.

Прекрасно сказано, не правда ли? Не сказано только, кто истинный родитель этого коллектива. А ведь это он, наш министр, Ефим Павлович Славский.

Его слова не могли не окрылять, не вызывать энтузиазм, не заряжать оптимизмом. Ведь уже при жизни он был легендой, почти мифом. С его именем связаны взрывы атомных бомб, запуск спутников, сооружение атомных электростанций. Все это рождалось на глазах нашего поколения; всего этого, когда мы родились, не было на планете Земля. И если мы гордо говорим порой, что являемся современниками этих выдающихся достижений человечества, то что должны мы сказать о человеке, стоявшем у истоков этих вошедших в мировую историю событий, да к тому же управляющего ими!

И этот человек стоит на трибуне центрального навоийского стадиона, рядом с ним первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов и другие видные государственные деятели республики. Вот стоит он перед сотнями участников митинга и, взяв слово, обращается к ним душевно и просто: «Я, ваш министр».

И еще говорит он, прикрепив орден Ленина к знамени на-

войских горняков:

— Те, кто строил в Кызыл-Кумах, настоящие богатыри труда, потому что в пустынных песках, где ничего, собственно, не было, вести такими темпами строительство, для этого надо обладать необычной волей к труду, преодолению трудностей и невероятностей...

Уважаемый читатель! Послушай, как дивно говорит министр! Это же неповторимо: «...преодолению трудностей и невероятностей!»

— ...Ведь это же невероятно, что в такой короткий срок проложен водовод Аму-Дарья—Зарафшан, когда практически на землю нельзя стать босой ногой, когда за трубу, которую варили сварщики, нельзя взяться голой рукой... Это поистине богатыри труда — те, кто преодолевал эти трудности...

Ну где вы слышали, чтобы министр говорил так, как Ефим Павлович: «босой ногой», «голой рукой» — разве это министерский лексикон?

А наш министр говорит, как мы сами, никого не утрудив написать ему более «солидный» текст, без босых ног и голых рук. Но зато как естественно говорит Славский! Как неофициально! Как сердечно.

— Вы знаете, почему у нас на комбинате такой дружный, слаженный коллектив высококвалифицированных специалистов? — размышляет заместитель директора НГМК по кадрам Григорий Иванович Кострица. — Знаете, откуда это есть пошло? Даже зарубежные наши коллеги заметили: у вас не просто производственный коллектив, у вас люди, словно семья. То есть мы не только спецы, действующие каждый по своему профилю, мы не только руководители, ученые или рабочие различных направлений, но мы дружное, единое, сплоченное сообщество единомышленников. Наверное, неспроста они это заметили. Наверное, это вызывает у них особые чувства.

Мы-то сами считаем это в порядке вещей, а как, собствен-

Вручение НГМК ордена Ленина, г. Навои, 21.11.1970 г.

но, может быть иначе? Мы обращаем на это внимание, лишь когда осмысливаем пройденный путь, достигнув определенного рубежа, вот как сейчас — 40-летия комбината.

И вот я задаю себе вопрос, как это получилось, откуда это есть пошло? Где корни всего этого? Я много размышлял по этому поводу, и все суждения сводятся к одному, именно: задел этого крепкого прочного коллектива, который живет как одна семья, берет начало от нашего бывшего министра Ефима Павловича Славского.

Григорий Иванович делает небольшую паузу, словно погружаясь в пору первопроходчества, и продолжает:

— Я вспоминаю шестидесятые, начальные наши годы, когда Ефим Павлович к нам приезжал, а приезжал он два раза в год, сначала в Уч-Кудук, а потом в Зарафшан. Его визиты к нам свидетельствовали о том, что мы занимаемся исключительно важным делом, что решаем мы задачи глобальной важности: крайне нужен был металл, что у нас добывался, видимо, большая в нем

Е. П. Славский, А. Н. Усанов, замминистра и руководители Главка МСМ на обсуждении проекта застройки нового города, Узбекистан, 1974 г.

была потребность. И вот, вспоминая об этих его к нам приездах, я хочу особо подчеркнуть, что наш министр обращал внимание не только на то, что и как строилось, чего где не доставало. Совсем нет! Его работа не заканчивалась только дневным временем, когда он осматривал объекты, слушал отчеты, обобщал итоги и ставил задачи. Он находил время вечерами во время ужина собирать руководителей подразделений, инженеров, бригадиров, передовых рабочих, например машинистов экскаваторов, шахтеров. И что вспоминается с особой теплотой: он вел эти вечера сам, разговаривая с нами просто, совсем по-домашнему. При этом создавалась удивительно душевная обстановка. Вот это и было началом создания коллектива-семьи! Вот с чего, вернее, вот с кого все это начиналось! Начиналось с этих теплых вечерних встреч с нашим министром.

Ефим Павлович Славский — единственный из героев этих очерков, с которым автор не встречался никогда. Ни разу. Увы, не

пришлось, не довелось. Слишком секретным было в свое время то, что ведал этот человек, чем руководил. Его фотография раз в кои-то века появлялась на страницах центральных газет бывшего СССР, когда высший исполнительный и распорядительный орган власти страны образовывали Совет Министров. Тогда среди других обладателей министерских портфелей можно было увидеть портрет министра среднего машиностроения.

Все газеты, и центральные, и местные, словно набирали в рот воды и никогда ни словом не упоминали ни об этом министерстве, ни о его министре.

Приехав в Кызыл-Кумы, я, конечно же, был о нем наслышан. И не знаю ни одного человека, кто не говорил бы о нем с восхищением. Пожалуй, больше всех мне рассказывал о нем Петров. Называя имя Славского, Анатолий Анатольевич как-то преобращался, как-то становился красивее, веселее.

Вот один из запомнившихся моментов, рассказанный Петровым:

— Петровский, министр здравоохранения СССР, вместе со Славским служил у Буденного. Однажды, подняв тост за своего друга, Славский сказал: он у меня вырезал все внутри, а я и сейчас коньяк пью! Мне ничего не мешает! Простой он был человек, наш министр.

Не менее трех раз рассказывал мне Петров, что когда академик Топчиев дал Славскому письменное заключение, где черным по белому было написано, что уч-кудукскую руду взять невозможно, Ефим Павлович положил эту резолюцию в сейф. И дал команду начать работать.

Славский потом не раз эту топчиевскую бумагу вынимал из сейфа и, потряхивая ею, говорил: «Невозможно — это с точки зрения угольчиков, а с точки зрения атомщиков — возможно». И довольно улыбался.

О министерстве, во главе которого был Ефим Павлович, Петров сказал так:

— Я, как и Зарапетян, ученик грандиозной школы Министерства среднего машиностроения. Это было самое крупное министерство промышленности в стране. Что-то где-то не получалось — туда! Оно, это министерство, базировалось на инженерно-технических работниках, которые все были офицерами. В нем была по сути воинская дисциплина. То, что говорилось, то делалось в обязательном порядке. Другое исключалось.

Казалось бы, таким министерством должен руководить человек, перед которым надлежало стоять по стойке смирно. Ан совсем было не так. О чем и пожелал рассказать для этого очерка Григорий Иванович Кострица.

— Такие наши первопроходческие ужины с министром были замечательными уроками, на которых мы учились создавать коллектив. Ефим Павлович тепло, просто и заинтересованно общался со всеми — с руководителями, с экскаваторщиками, с проходчиками. Он в такой вот семейной, считай, обстановке ставил задачи. Наши экскаваторщики работали тогда здорово, они рекорды ставили. А он, министр, как-то очень просто и душевно с ними общался. Со всеми нами общался. Это были классические уроки создания коллектива-семьи. И, как вы понимаете, многие наши руководители, которые на этих встречах были, впитали это в себя. Тому наилучший пример наш нынешний директор, который, на мой взгляд, чем-то напоминает Ефима Павловича.

Вот такие вечера общения с министром, — продолжает Кострица, — были для нас, молодых тогда комсомольских вожakov, чем-то вроде «голубых огоньков», помните такие телепередачи? И вел эти огоньки министр! Сам вел, никому не уступал роль ведущего. Слушать Славского было удовольствием. Это память на всю жизнь. Ефим Павлович обладал, между прочим, памятью феноменальной. Вот он поставит перед нами задачи, проведет свой блистательный сеанс общения, выслушает всех. А потом, через некоторое время без каких бы то ни было бумажек, без записей, без консультантов, ассистентов, помощников, под-

Карьер Мурунтау, НГМК, Узбекистан, 1982 г.

нимает десятки людей и до мельчайших подробностей выясняет, что сделано по его поручениям. Можно было подумать, что это наш непосредственный начальник, а не министр крупнейшего министерства. Это поражало. Он все помнил. До мелочей.

Мне даже такая мысль явилась: по библейским преданиям великие мира сего уходили в пустыню, дабы предаться высоким размышлениям, найти ответы на мучившие их вопросы. А наш великий министр Славский — наоборот! — не уединился в пустыне, а создал громадный мощный коллектив, который уже в те времена достиг высокой степени развития. А уж в дальнейшем и вовсе стал флагманом в Республике Узбекистан. Ведь и сегодня наш коллектив живет, используя тот бесценный опыт, что явил нам во время многочисленных своих приездов Ефим Павлович Славский.

Вы знаете, он никогда ни на кого не повышал голос. Это было бы ниже его достоинства. Он всегда говорил уравновешено, очень убедительно, аргументированно. У него был свой

стиль. Железная трудовая дисциплина при общении с ним подразумевалась сама собой. Это как воздух. И все, кому он что-то поручал, считали это за честь. И старались всегда выполнить его поручение наилучшим образом, не формально, а с душой, с сердцем. Так он воодушевлял своим словом, своим громадным авторитетом. А он это отношение людей к делу всегда замечал. Всегда! Представляете, как это вдохновляло!

Он говорил нам: то, с чем вы здесь столкнулись, можете осилить только вы сами. Нигде, ни в Москве, ни в каких научных институтах это не осилить. Это только вы здесь, на месте, можете. Вы профессора! Вы тут и науку, и практику знаете. И ведь он был прав!

Ефим Павлович был наделен очень высокими полномочиями. Он мог бы массу вопросов решать единолично. Но никогда так не делал. Он всегда контактировал с руководством республики, с областным руководством. У него было немало решений, не связанных напрямую с нашим предприятием, ибо он понимал, что развитие нашего региона — это надолго, не на десятки лет даже, а может быть, на все сто. Он смотрел далеко вперед, этот великий человек.

Вот от него-то и пошел славный наш коллектив-семья, вызывающий удивление у многих.

* * * *

Совершенно изумительную, на мой взгляд, телеграмму прислал Ефим Павлович Славский Анатолию Анатольевичу Петрову в связи с присвоением нашему директору комбината звания Героя Социалистического Труда.

Я читаю-перечитываю ее столь же многократно, сколь и вышеприведенные слова из речи удивительного министра, человека самобытного, неповторимого.

Его телеграмма Петрову — личная, а точнее, семейная. Он

Е. П. Славский с семьей, Опалиха, Подмосковье, 1975 г.

подписался под ней вместе с супругой своей Евгенией Андреевной. К тому же это телеграмма не только самому Петрову, но и его супруге. Вот ее текст.

«Дорогой Анатолий Анатольевич! Позвольте нам с большой радостью, горячо и сердечно поздравить Вас с присвоением самого высокого и почетного звания Героя Социалистического Труда. Это награда за Ваш самоотверженный труд в покорении Кызыл-Кумской пустыни, за достижение высоких производственных показателей.

Дорогая Людмила Ильинична!

Мы с радостью поздравляем Вас также с замечательным событием в Вашей семье. Вы своими неустанными заботами создали все условия для Анатолия Анатольевича, чтобы он всегда шел на работу с хорошим настроением и высокопроизводительно, творчески трудился.

И мы вместе с вами радуемся вашим успехам и вашему счастью.

Желаем хорошего здоровья, новых успехов и чтобы счастье всегда сопутствовало вам.

Глубоко уважающие вас
Славские Евгения Андреевна
и Ефим Павлович».

Прелесть, а не телеграмма! Я никогда в жизни не читал более трогательных, более теплых и искренних слов, чем в этом «документе». Ну в каком еще поздравительном послании, исходящем от могучего министра, вы найдете слова «Вы своими неустанными заботами создали все условия..., чтобы он всегда (! — Л. В.) шел на работу с хорошим настроением». Где вы еще найдете такие неминистерские слова, такие самобытные построения фраз. Это скорее не телеграмма, а лирическое письмо, в котором при всем его лаконизме видна уникальная личность отправителя. А чего стоит то, что Ефим Павлович, подписывая телеграмму, на первое место поставил имя супруги своей, а уж затем свое.

Все в этой телеграмме подкупает, все волнует меня необыкновенно. Неслучайно, когда мы с Петровым, рассматривая его документы (это было в Крыму в 1993 году), дошли до этой телеграммы, Анатолий Анатольевич перечитал ее несколько раз и был явно удовлетворен, когда я начал переписывать ее содержание к себе в блокнот.

Совершенно невероятно, но факт: когда при печатании первых глав книги «Дорогой брат...» в газете «Знамя дружбы» я предложил в числе других эту телеграмму Ефима Павловича Славского и его супруги, то редакция ее почему-то отвергла, не дав возможность читателям насладиться этим восхитительным произведением эпистолярного жанра, вышедшим из-под пера нашего уникального министра.

* * * *

Ефим Павлович Славский оказывал Навоийским горнякам огромную помощь и содействие. По его инициативе здесь было организовано так называемое плазменное напыление, или защита деталей от износа методами покрытий и наплавки износостойкими порошками. Он же, когда дела у навоийцев в этом плане пошли хорошо, предложил провести здесь Всесоюзную конференцию по этой проблеме.

— Я каждый год бываю на комбинате и внимательно слежу за его развитием и успехами, — говорил Ефим Павлович на этой конференции. — Всего 24 года назад здесь не было никаких промышленных объектов. На месте города были хлопковые поля. А там, где ныне действуют подразделения, которые разбросаны от управления комбината и города Навои на сотни километров, простиралась пустыня.

Коллектив Навоийского комбината, его специалисты всегда отличались настойчивостью в достижении цели, отличались инициативой, умением находить и быстро внедрять все новое, передовое, прогрессивное. Поэтому после того, как Анатолий Петрович Александров (президент Академии наук СССР — Л. В.) продемонстрировал мне ряд деталей, упрочненных в «Тулачермете», я, направляя группу специалистов комбината для изучения этих методов, не сомневался в том, что в Навои сумеют быстро освоить процессы упрочнения и восстановления деталей. И не ошибся. И посчитал нужным Ефим Павлович Славский распространить передовой опыт навоийцев по всей стране. («Передовой опыт» — его слова).

Он любил наши кызыл-кумские города, это нельзя не почувствовать по его словам и деяниям, он часто бывал здесь. По слухам, даже отмечал здесь одну из круглых дат своей биографии. Такое возможно только при особом отношении министра к нашим горнякам. А то, что это отношение и впрямь было особым,

не нуждается в доказательствах. Вот послушайте.

«Я вам должен сказать, что история не знает, чтобы пятилетнему комбинату давали бы высшую правительственную награду. Это ваш подвиг, героический, трудовой. Поэтому я, как министр, волнуясь и радуюсь, пожалуй, даже больше тех, кто получил награды».

Дивные слова. Слова на вес золота. Да не какого-нибудь, а нашего, навоийского, высшей пробы.

Имя Ефима Павловича Славского должно быть увековечено в Кызыл-Кумах.

Л. А. Ветштейн

«У всех, кто докладывал вопрос, был великий мандраж, и было отчего, так как министр дотошно обо всем расспрашивал, и горе было тому, кто отвечал на его вопросы невпопад».

А. Н. Болотов

МОИ ВСТРЕЧИ

По инициативе академика Б. Н. Ласкорина и с благословения Е. П. Славского на Приднепровском химзаводе был построен цех синтеза ионообменных сорбентов. Это был революционный прорыв новой технологии в производстве урана.

В 1-м Главке МСМ начали бурными темпами строить богатительные предприятия и всем нужны были сорбенты. Мне, первому начальнику цеха ионнообменных смол (ИОС) часто приходилось встречаться с Е. П. Славским на совещаниях по вопросу развития производства ИОС или по разработке новых видов смол для сорбции золота, молибдена и др. Проходили они и на заводе, и в министерстве.

Ефиму Павловичу было уже за 70, когда он решил ознакомиться лично с производством ИОС. Меня предупредили, чтобы я не очень шустро водил его по отметкам цеха. Однако министр сказал, чтобы я показывал все. Мы обошли весь цех, при этом Ефим Павлович довольно бодро поднимался на 12-метровую отметку. Он остался цехом доволен. Затем я показал гостям смолы под микроскопом. Все увидели в нем миллиардные шары, и только министру показались мутные пятна. Как потом оказалось, он не подстроил окуляр микроскопа под свое зрение.

На совещаниях в министерстве мне, как провинциалу и самому младшему по рангу, было любопытно наблюдать, как Е. П. Славский проводит совещание. У всех, кто докладывал вопрос, был великий мандраж, и было отчего, так как министр дотошно обо всем расспрашивал, и горе было тому, кто отвечал на его вопросы невпопад.

Производство ИОС в системе Средмаша было непрофильным, поэтому в тонкостях технологии никто, кроме института и цеховиков, особо не разбирался. Поэтому нас часто вызывали на такие совещания для доклада или просто прояснения ситуации. Все их боялись, особенно, если их вел сам министр. Мне, не знакомому с министерским менталитетом, приходилось часто выступать, разъяснять, отстаивать свою точку зрения и т. д. И, что характерно, Е. П. Славский никогда меня не одергивал, хотя и было за что, так как я иногда резковато высказывался в адрес своих оппонентов.

Наш главный инженер Главка В. С. Зверев особенно часто требовал моего присутствия на подобных разборках. Чтобы не молоть воду в ступе, я дерзнул как-то в очередной приезд пойти на прием к министру и все ему высказать. А спорили тогда о путях расширения производства ИОС. Мне крупно повезло, и я попал без проблем к Е. П. Славскому. Ефим Павлович был в вязаной куртке, такой очень домашний. Он меня внимательно выслушал, задавал много вопросов, а потом сказал, что скоро будет у нас на заводе, где я должен буду в присутствии всех заинтересованных сторон сделать доклад о перспективах развития цеха смол. Так родился проект «Славутич», который сэкономил государству около 20 млн рублей.

Вторая встреча, которая мне очень запомнилась, была в г. Фрунзе на объекте Миндрула. Там собирались строить производство винилпиридиновых смол. Предлагалось рассмотреть для этого место на отработанном руднике Кызыл-Сай. Нашей группе (из института и заводчанам) было поручено изучить обстановку и дать свое заключение. После того как мы слетали в Кызыл-Сай, нам довелось присутствовать на встрече министра в аэропорту г. Фрунзе, когда он прилетел из Навои. Встречало Е. П. Славского все руководство Киргизии во главе с Первым секретарем Усубалиевым. Для проведения нашего совещания нам была предоставлена правительственная резиденция. Мне при-

шлось докладывать о наших изысканиях места строительства. Наша группа на основе всего увиденного была против предложенного места строительства. Местные заводчане — за. Но поскольку министр уже, видимо, принял решение строить завод в Кызыл-Сае, совещание носило формально-ритуальный характер. Тем не менее оно было очень напряженным, и с нами не согласились. Тогда мне было обидно за здравый смысл и народные денежки.

Миндруловцы хоть и радовались своему успеху, но завод так и не был построен, так как в конце концов наш завод (объект М. П. Аношкина) напрягся и сумел организовать производство ИОС так, что смол хватало для всех предприятий 1-го Главка.

А. Н. Болотов

*«Меня всегда удивляло, насколько
Ефим Павлович был интеллектуально раз-
носторонен, одарен и насколько мудр в своих
решениях».*

Ю. Ф. Коровин

ОН МОГ РИСКОВАТЬ

Прежде чем сказать о наших встречах со Славским, я хочу подчеркнуть, что все, кто встречался с Ефимом Павловичем, могут однозначно сказать, что подобных людей у нас в Союзе было немного: людей по опыту, по знаниям, по интеллекту, умению работать, умению организовать коллективы для решения поставленных задач. Именно ему и была поручена задача создания атомного оружия, с которой он успешно справился.

У меня было несколько встреч с ним, связанных с развитием предприятия. И именно Ефиму Павловичу наш завод обязан тем, что у нас возникли производства ионообменных смол, минеральных удобрений и циркония.

Он лично принимал участие в определении того, что не нужно создавать хлоридную технологию по методу Кроля, экологически далеко не благополучную. Он понимал, что для Днепродзержинска подобные подходы к решению проблемы циркония неприемлемы. Именно он, выслушав меня и В. П. Потанина — тоже очень яркую фигуру в Средмаше, — взял на себя риск и принял решение на перепрофилирование электролизной технологии на кальциетермическую. Позже он лично постоянно интересовался ходом развития этой работы. И задача была успешно решена.

Я не могу не вспомнить о его участии в решении вопроса о производстве углеродородных сорбентов. Я тогда приехал в Москву и доложил В. П. Потанину о новой нашей работе с Киевской академией наук. Она ему понравилась, и он тут же решил о ней доложить министру. Ефим Павлович пожелал меня выслу-

На заседании выездной коллегии министерства

шать лично и немедленно. Беседа длилась полчаса. Я понял, что наш министр очень любознательный человек, при этом он всегда быстро улавливает суть проблемы, оценивает ее значимость с государственного уровня. Тут же он позвонил Петровскому и попросил нас принять. В. П. Потанин возразил, что, мол, у директора сейчас начнется отчет на балансовой комиссии, уже все собрались. На что Ефим Павлович ответил: «Ничего, подождут. Железо надо ковать, пока горячо. Поезжайте к Петровскому».

Мы приехали в Минздрав, доложили все министру, он вызвал т. Бурназяна, курировавшего Украину, и тут же были решены все вопросы о дальнейших действиях. Именно благодаря вмешательству Ефима Павловича и с его подачи эта работа была благоприятно воспринята в Минздраве, что, в свою очередь, позволило ей всего за два года пройти путь от идеи до промышленного внедрения, широких испытаний в клинической практике и получения фармстатьи на углеродный сорбент. Нам было поручено производство углеродного сорбента для всего Союза. В начале

90-х годов эта работа постепенно заглохла по понятным причинам, но мы уверены, что к ней еще вернемся, так как уже чувствуется «голод» в медицине на этот вид препарата как в России, так и на Украине.

Я хотел обратить внимание на Ефима Павловича как на химика-технолога. Был у меня и такой момент, когда пришлось докладывать Славскому об организации производства аммофоса — азото-фосфоросодержащего удобрения. И был такой эпизод, когда я говорил об утилизации фтора из апатита, то с сожалением констатировал трудности с поставками поташа и необходимостью, вероятно, идти окольным путем через конверсию хлористого калия, которого в Союзе предостаточно. Выслушав меня и кое-что уточнив, он тут же позвонил заместителю министра цветной металлургии т. Стригину, и вопрос с поставкой поташа был сразу же решен. Завод потом много лет работал по этой технологии, получая кремнефторид калия для Глазова и производя аммофос высшего качества.

Я не могу забыть встречу с Ефимом Павловичем здесь, у нас на заводе, когда он ехал на встречу с руководством Украины, чтобы доложить об открытии нового крупного уранового месторождения в Желтых Водах, к разработке которого он лично приложил руку. Именно тогда у нас он дал очень высокую оценку разработанной кальциетермической технологии ядерночистого циркония.

Да! А как же не сказать об ионообменных смолах. Мало того, что именно он решил делать их на освободившихся после реконструкции урановых площадях нашего завода. Он постоянно расширял ареал применения сорбционных процессов в народном хозяйстве.

Например, когда были найдены золотосодержащие руды в Узбекистане, он тут же дал задание Б. Н. Ласкорину разработать технологию извлечения его с помощью ионообменных материалов. Смола, способная извлекать золото, была сделана лабора-

*Встреча дома с представителями Ульбинского металлургического завода,
Москва, 1989 г.*

торией Н. Г. Жуковой совместно с нашим предприятием. Задача была успешно решена. Страна стала получать самое чистое золото. Как видите, Ефим Павлович опять стоял у истоков нового технологического направления.

Меня всегда удивляло, насколько Ефим Павлович был интеллектуально разносторонен, одарен и насколько мудр в своих решениях. Он решал не только узковедомственные задачи (ядерного вооружения, урана, радиохимии и т. д.), он понимал, что на основе имеющегося научного потенциала надо иметь выходы в производства других стратегических и редких металлов (золота, молибдена и др.), минеральных удобрений. Все это позволяло ему продолжить создание империи Средмаша в Советском Союзе, в хорошем значении этого слова.

Все ставившиеся им перед нами задачи решались быстро и очень ответственно. Невозможно было себе даже представить, чтобы что-то пообещать министру и не сделать.

Приднепровский химический завод очень многим обязан этому замечательному человеку.

Когда открывали бюст Е. П. Славского в Макеевке, наша делегация при этом присутствовала. Я помню интересный момент, когда на митинге по этому случаю выступили городские мужи, земляки, сбросили покрывало с монумента и вроде как начали заканчивать церемонию. Тут вдруг Ефим Павлович толкает в бок секретаря горкома и говорит: «Позвольте, а я ведь тут все-таки причем. Вы что, не собираетесь мне давать слова?» И он произнес потрясшую всех присутствующих речь.

Тогда еще нельзя было всего говорить, но он начал говорить открытым текстом о создании ядерного оружия. Толпа ахнула, замерла, потрясенная услышанным, и только теперь поняла, кому открывает у себя памятник.

Я все это заснял на фотопленку. Потом мы приготовили два экземпляра снимков, один отправили в Москву, а другой альбом оставили в музее на предприятии.

Это была последняя встреча с Ефимом Павловичем, которого я всегда помню, глубоко уважаю и чувствую ответственность за те дела, которые приходилось решать под его руководством.

Ю. Ф. Коровин

«Тут я понял, что не только в курсе наших задач, но и полностью разделяет и поддерживает наши надежды».

О. Д. Казачковский

НЕИССЯКАЕМАЯ ЭНЕРГИЯ

Впервые довелось мне увидеть Ефима Павловича близко вскоре же после назначения его министром. Он приехал в Обнинск вместе с секретарем ЦК Аристовым. Пришли они и в стендовое помещение, где как раз мы вели сборку нашего первого быстрого реактора БР-1. Первое впечатление — угрюмый, может быть, даже суровый. Он стал пояснять Аристову, насколько важно то, чем мы здесь занимаемся. Показал на кубик из металлического, необогащенного урана и сказал, что когда проблема будет решена, этот кусочек, сейчас практически никому не нужный, окажется равноценным многим миллионам тонн угля. Тут я понял, что он не только в курсе наших задач, но и полностью разделяет и поддерживает наши надежды. Убежденным сторонником проблемы реакторов на быстрых нейтронах он оставался до конца своих дней. И это сыграло решающую роль в том прогрессе, которого мы достигли, заняв несомненное первенство в мире по этому направлению. Уже тогда он не поскупился выделить нужные для наших исследований килограммы плутония из, как можно было понимать, не слишком обильных его запасов.

Когда его назначили министром, Александр Ильич Лейпунский в разговоре со мной не мог не выразить своего удовлетворения. Он сказал: это умный и глубоко порядочный человек, ничем не запятнавший себя в той обстановке, которая была до этого. Замечу, что уважение здесь было взаимным. Славский не только всегда помогал нам в работах по быстрым реакторам, но и поддерживал лично самого Лейпунского, особенно когда тому приходилось трудно. А это случалось нередко. Незадолго перед

кончиной Ефима Павловича я был у него. Преподнес книгу о Лейпунском с посвящением, которое я написал от руки. Там была благодарность за все, что Славский сделал для нашего дела, и за непоколебимую поддержку Лейпунского. Он подтвердил: «Да, я действительно взял Александра Ильича к себе под крылышко».

Но конечно, идеалом ученого и просто человека для него был Курчатов. Он много и с большой теплотой вспоминал об Игоре Васильевиче. Они были не только единомышленники по работе. Я понял, что у них была настоящая, крепкая мужская дружба. Ефим Павлович не был ученым и никогда не претендовал на эту роль. По образованию он не являлся специалистом ни в реакторной или ядерной физике, ни в других основных научных направлениях атомной проблемы. Ему пришлось учиться на ходу, как говорится, начинать с азов. Не все сразу давалось. Смеясь, он мне рассказывал, что все никак не мог взять в толк, что это за осколки. Все вокруг талдычат — осколки, осколки, а что это такое, не говорят. И я вспомнил, что когда-то и сам испытал нечто подобное.

Я пришел в нашу отрасль после демобилизации, а до войны занимался совсем другими делами. И многое из того, что говорилось вокруг, не понимал. Как будто люди говорят на своем, особом, недоступном для непосвященных языке. Ефим Павлович оказался способным учеником. И он стал разговаривать с учеными на равных. Никогда не тушевался перед авторитетами. Но и не подавлял никого силой своего высокого положения. Он стремился убеждать в своей правоте, рассуждая логически. Умел не только хорошо вникать в суть ставившихся задач, но и находил свои, часто оригинальные, подходы к их решению. Без особого труда выявлял слабые стороны в тех не всегда обоснованных идеях, с которыми иногда к нему выходили те или иные специалисты. Как-то, помню, я пришел к нему в кабинет после совещания, которое он перед этим проводил. И он, еще не остыв, стал рассказывать о том, что там было. Предлагалось построить

Е. П. Славский на первой атомной станции в г. Обнинске, 70-е годы. Первый ряд (слева направо): А. Г. Мешков, замминистра МСМ, А. В. Камаев, секретарь парткома ФЭИ, О. Д. Казачковский, директор ФЭИ, Я. П. Рябов, секретарь ЦК КПСС, Е. П. Славский, министр МСМ, А. А. Кандренков, первый секретарь Калужского обкома КПСС, Д. М. Овечкин, главный инженер ФЭИ

реактор на весьма высокую температуру, чтобы получать водород из воды путем термической диссоциации. Ничего ни теоретически, ни технологически не было обосновано. А уже предлагалось строить реактор! Составив свое мнение, Славский его, как правило, уже не менял. Одно время у нас было в моде считать главным критерием выбора параметров быстрых реакторов так называемое время удвоения. Это исповедовалось многими, в том числе и Анатолием Петровичем Александровым. Ефим Павлович неизменно возражал против этого. Приводил определенные доводы. С ним тогда не соглашались, но он стоял на своем. А потом все же стало видно, что он был прав. Сейчас уже никто и не вспоминает о таком критерии.

Ему принадлежит особая роль в создании первой в мире

АЭС в Обнинске. И на этапе проектирования, и на этапе строительства. Наверное, можно твердо сказать, что, если бы не он, станция не была бы пущена в столь короткое время. Однако создалось такое впечатление, что его роль почему-то осталась в тени. Во всяком случае его имя почти не упоминается в связи с этим поистине эпохальным событием в истории человечества, ознаменовавшим собой начало эры мирного использования внутриядерной энергии.

В жизни он не был ни угрюмым, ни суровым, как это мне вначале показалось. Наоборот, это был общительный, веселый, остроумный человек, в любом обществе привлекавший к себе внимание и интерес. Был строгим, взыскательным, но справедливым. Ругал нещадно, когда надо и было за что. Больше всего тех, кого ценил и хотел воспитывать. А вот тех, к кому он терял уважение, как мне кажется, особо не бранил. От них он просто избавлялся. Как у Высоцкого: «Если друг оказался вдруг... Ты его не брани, гони!»

Ефим Павлович в компании был не прочь и хорошо выпить. И не заметно было, чтобы это на нем сказывалось. Я даже с некоторой завистью смотрел на него. Это, что называется, порода. Как-то он рассказал об одном высокопоставленном приеме, на котором ему довелось присутствовать в Чехословакии. По очереди пили за всех участников, причем тот, за кого был тост, по принятому обычаю должен был выпить свои сто грамм до дна. Этого, согласно ритуалу, требовали хором остальные участники. Когда дело дошло до него, Ефим Павлович встал и сказал: «Я вынужден подчиниться вашему трудному обычаю. Но прошу, уважая мой преклонный возраст, позволить мне выпить не сто грамм... — тут он сделал паузу, — а двести!»

В городе Шевченко был установлен памятник Тарасу Шевченко. И тут произошла накладка — памятник был открыт без Славского. Когда Ефим Павлович узнал об этом, он возмутился. Дело в том, что он сам собирался участвовать в церемонии от-

крытия. Незадолго перед тем, когда я был у него, он мне долго рассказывал о Шевченко. Он перерыл много литературы о великом Кобзаре, полностью сам подготовил свое выступление. Работая с литературой, он обнаружил, между прочим, что точной даты кончины Шевченко, как ни странно, нет. В разных источниках если и приводятся, то разные даты. Известен только день, когда привезли его останки в Киев. Славский действовал в свойственной ему манере — быстро и решительно. Приказал закрыть памятник, потом приехал туда и открыл снова. Его выступление было весьма эмоциональным и интересным. Я же заснял фрагменты церемонии на кинолентку.

Меня восхищала, да и не только меня одного, его неиссякаемая энергия, неутомимость. Как-то, это было уже в восьмидесятых годах, он в очередной раз прилетел в Шевченко (из Минвод). Я думал, что хоть немного передохнет. Куда там! Перекусив почти на ходу, отправился на БН-350. Там он не рассаживался в кабинете, а стал «путешествовать» по этажам, многочисленным отметкам, заглядывая чуть ли не в каждую дырку. Все, как всегда, замечал, сразу же давал нужные указания.

В компании, вне работы, очень много и интересно рассказывал о том, что ему пришлось испытать в жизни. Это поистине целая эпопея. В бытность в конной армии Буденного ему пришлось сражаться с поляками. Он был ранен в боях под Киевом (не всем известно, что они так далеко зашли). Ранение было в ноги, так что он не мог самостоятельно и двигаться. Хорошо, что товарищи его не бросили, вытащили.

Отечественная война застала, когда он был директором Запорожского алюминиевого комбината. Приказ об эвакуации получил только тогда, когда немцы вышли уже на правый берег Днепра. Пришлось демонтировать и грузить оборудование буквально под огнем. Но справились. А затем, на Урале, потребовалось почти без перерыва возобновлять выпуск алюминия. Бокситы там были бедные, но это стратегический материал и

его надо много. Ефим Павлович рассказал мне такой случай. Там была узкоколейка, по которой доставлялось сырье от карьера к заводу. Как-то из-за халатности рабочих, ремонтировавших путь, паровоз сошел с рельсов и упал на бок, загородив к тому же собой путь. Подъемного крана не было. Запасы же сырья на заводе исчерпывались. Останавливать производство — недопустимо. К счастью, был резервный паровоз. Ефим Павлович принял решение проложить несколько метров пути в обход. Дал указание, чтобы к утру все было сделано. На следующее утро приходит — все как было, так и осталось. Где мастер? А мастер, ему говорят, сидит в будке по соседству. Там секретарь райкома, который уже час проводит следствие, не диверсия ли это? Я так и не понял, были ли какие-либо физические действия со стороны разъяренного Славского или нет, но тот убежал и больше вообще не появлялся.

Некоторое время перед войной он был, как я помню из того, что он рассказал, начальником цеха на электрохимическом заводе. Произошел такой случай. Какой-то растяпа вытащил из цеха бочку с остатками натрия и поставил ее в аккурат под водосточной трубой. Когда начался дождь, туда попала вода, и произошел сильный взрыв. Окна повышибало. Потом его долго таскали в соответствующее учреждение. Уже начали клеить ярлык «врага народа». Время было такое. К счастью, все обошлось благополучно. Хорошо еще, что после этого у Ефима Павловича не возникло никаких отрицательных эмоций по отношению к натрию. Иначе бы он так благожелательно к быстрым реакторам на натрии не относился.

Рассказывал Ефим Павлович и о драматическом эпизоде в самом начале своей работы над атомной проблемой. Он был директором завода, который выпускал графитовые электроды для нужд электрохимического производства. И им поручили готовить графитовые блоки для первого реактора. Требования совсем другие и сроки — пожарные. С большим трудом, прилагая

невероятные усилия, но вроде справились и, испытывая большой душевный подъем, сдали все в срок. Каково же было разочарование, если не потрясение, когда оказалось, что блоки по своей кондиции совсем не удовлетворяют нужным требованиям. Все пошло насмарку. Вместе с министром цветной промышленности Ломако его вызвали к Берии. Просидели напряженно в приемной какое-то время в ожидании предстоящего, размышляя о том, чем все это может кончиться. Когда вошли в кабинет, там был еще и Маленков. Разговор был очень жесткий. В конце концов Берия все же сказал, обращаясь к Маленкову: «Ломако и Славский обещают исправить положение и срочно выдать нужную продукцию. Поверим им?» Тот согласился. Потом, когда вышли, как сказал мне Ефим Павлович, чувство было такое, будто в последний момент вынули из петли. Немало и других непростых случаев было в его жизни.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком. Что довелось не раз быть вместе с ним, работать под его руководством.

О. Д. Казачковский

«...была заложена база, на которой в дальнейшем выросло и сформировалось в системе Минсредмаша новое научно-техническое направление деятельности — индустрия безопасности».

Е. Т. Мишин

ИНДУСТРИЯ БЕЗОПАСНОСТИ — ДЕТИЩЕ ЕФИМА ПАВЛОВИЧА

Наряду с титанической многоплановой деятельностью по обеспечению и развитию атомной науки и техники, ядерно-оружейного комплекса и ядерной энергетики Ефим Павлович Славский уделял много внимания становлению и развитию в отрасли других научно-технических направлений.

Так, в начале 60-х годов в нашей стране остро встал вопрос о создании эффективных технических средств охраны и внедрении их на особо важных объектах.

В стране отсутствовала эффективная охранная техника, а использовавшиеся простейшие доморощенные средства и приспособления не могли обеспечить требуемой надежности охраны. Учитывая такое положение дел в стране, а также особую актуальность повышения безопасности предприятий и организаций атомной промышленности, Ефим Павлович принял решение о развитии в системе Минсредмаша нового научно-технического и производственного направления работ по созданию и внедрению в охрану объектов высоконадежных технических средств, работающих на различных физических принципах.

Ефим Павлович обязал начальника Второго управления К. В. Боровкова, начальников главных управлений, директоров ряда предприятий принять необходимые меры по сокращению численности личного состава охраны за счет внедрения технических средств.

Организационно-координационная деятельность, руководство и контрольные функции по созданию технических средств и их внедрению в охрану объектов министр возложил на техническую группу Второго управления.

Приказом министра в составе ВНИИ химической технологии была образована лаборатория № 36, на которую были возложены задачи по разработке технических средств охраны (ТСО) и координации работ в этой области в системе министерства. Лаборатория начала активные исследования и уже через два-три года появились первые сигнализаторы, испытания которых в реальных условиях эксплуатации подтвердили их эффективность.

В соответствии с указанием министра для скорейшего получения практических результатов в оснащении объектов в проектных институтах министерства — ГСПИ, ВНИПИЭТ, Промнии-проекте и НИКИМТе — были созданы группы специалистов для разработки проектно-сметной документации на охранные комплексы. Одновременно на Пензенском приборостроительном заводе (ППЗ) была сформирована группа, а затем лаборатория, ставшая конструкторским бюро для отработки КД на серийное производство аппаратуры. Серийный выпуск приборов охранной сигнализации начался на ППЗ, а затем и на других приборных заводах б ГУ министерства.

Так, в соответствии с решением, указаниями и рекомендациями Ефима Павловича Славского, была заложена база, на которой в дальнейшем выросло и сформировалось в системе Минсредмаша новое научно-техническое направление деятельности — индустрия безопасности. В первую очередь создавались надежные электронные технические средства для охраны помещений секретных органов и складов спецпродукции. Одним из первых было оборудовано комплексом новых технических средств охраны административное здание центрального аппарата министерства. Работа комплекса ТСО была продемонстрирована Ефиму Павловичу, начальникам главных управлений и управлений министерства. Министр одобрил проведенную работу и дал указание о ее интенсификации на предприятиях отрасли.

Одновременно новыми средствами охранной сигнализации были оснащены четыре объекта КГБ и Главный штаб Ракетных войск. По разрешению министра с работой комплекса были ознакомлены руководящие работники оборонных министерств, КГБ, Минобороны, Минфина и др. Руководство этих ведомств

стало обращаться к Ефиму Павловичу с просьбами об оказании помощи по оснащению особо важных объектов комплексами ТСО и поставке аппаратуры. Ефим Павлович, с присущим ему государственным подходом и широтой взглядов, как правило, эти просьбы удовлетворял.

Так, в мае 1966 г. к Ефиму Павловичу обратился министр финансов В. Ф. Гарбузов с просьбой оборудовать комплексом ТСО вновь создаваемую в Кремле к 50-й годовщине Великой Октябрьской революции выставку Алмазного фонда СССР. Его просьбу поддержал Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов. Ефим Павлович дал согласие. Исключительная важность задания и сжатые сроки его выполнения потребовали большого напряжения сил специалистов Минсредмаша. Ефим Павлович выполнение работ держал на личном контроле и при необходимости оказывал помощь. Четкая организация работ и самоотверженная работа сотрудников позволили на высоком научно-техническом уровне выполнить задание в установленный срок. Работу комплекса лично проверяли и дали высокую оценку В. Ф. Гарбузов и Ю. В. Андропов.

Особенно следует отметить плодотворное сотрудничество и тесные деловые связи, сложившиеся с Оперативно-техническим управлением, Пограничными войсками КГБ, Ракетными войсками стратегического назначения и 12 ГУ МО.

Были продолжены и расширены работы по оборудованию ТСО объектов нашего министерства, атомных электростанций, предприятий оборонных отраслей промышленности. По просьбе КГБ и указанию Ефима Павловича были оборудованы комплексами ТСО важные правительственные объекты в Болгарии, ГДР и Чехословакии.

Учитывая сложившиеся доверительные отношения и деловые связи председателя КГБ Ю. В. Андропова и Е. П. Славского, а также накопленный в Минсредмаше опыт и возможности решения задач по оснащению современными средствами охраны важнейших объектов и протяженных рубежей, КГБ обратился к Ефиму Павловичу с просьбой о дальнейшем развертывании в отрасли работ по созданию комплексов технических средств охра-

*Е. П. Славский среди военных 2 ГУ и Погранвойск:
В. К. Гурьянов, Главнокомандующий Погранвойсками, Е. П. Славский,
Н. И. Лютов, Е. Т. Мишин, 2 ГУ МСМ*

ны и более интенсивному оснащению ими государственной границы и важнейших объектов.

В июне 1976 года у Ю. В. Андропова был заслушан мой доклад о состоянии работ в отрасли по разработке, изготовлению и внедрению технических средств в охрану особо важных объектов в стране, за рубежом и на государственной границе, а также содоклады первого заместителя начальника погранвойск генерал-лейтенанта В. К. Гурьянова и начальника Оперативно-технического управления КГБ генерал-лейтенанта М. И. Ермакова о потребностях в этой технике КГБ, оборонных отраслей промышленности и Минобороны. Выступил Ефим Павлович и с присущей ему неординарностью мышления и политической дальновидностью, оценив сложившееся положение дел в стране, выразил готовность усилить это направление работ в отрасли.

Во исполнение постановления в центральном аппарате было создано специальное техническое управление (СТУ) для централизованного планирования и руководства работами по

созданию и внедрению ТСО на государственной границе и особо важных объектах.

Были организованы Всесоюзный научно-исследовательский институт физических приборов (ВНИИФП) в Москве, его филиал в Дубне и Специальное конструкторско-технологическое бюро, а позднее Научно-исследовательский и конструкторский институт электронной техники (НИКИРЭТ) в Пензе.

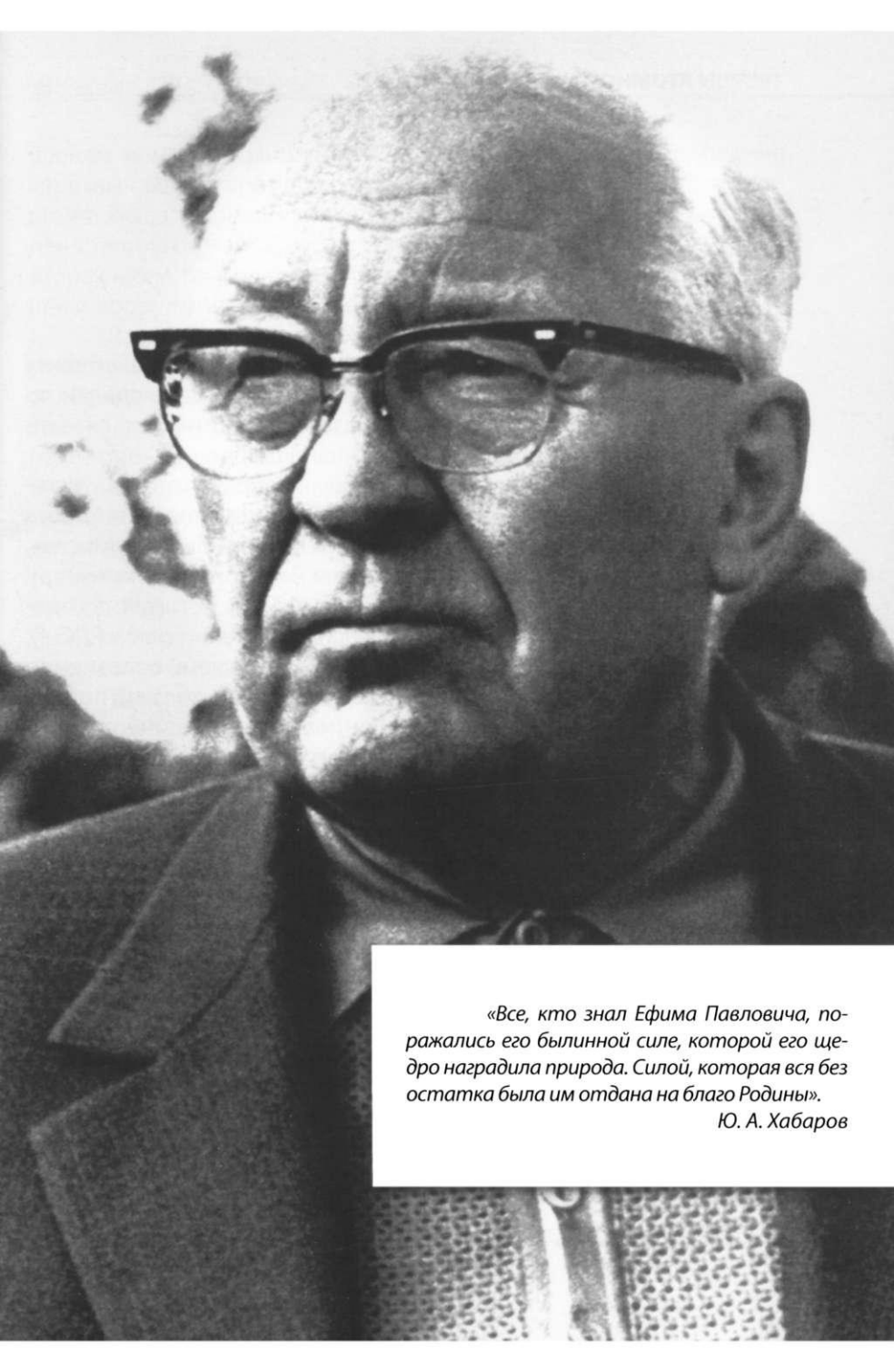
В результате был создан коллектив разработчиков, насчитывающий более 3000 специалистов-профессионалов, располагающий современной исследовательской и производственной базой, с налаженными связями с проектными, монтажными организациями и серийными заводами отрасли.

В этот и последующие периоды времени были построены научно-производственные здания объединения в Москве и Пензе, введены в эксплуатацию новые цеха по выпуску ТСО на серийных заводах в Новосибирске, Арзамасе и Пензе.

Таким образом, уже к концу XI и особенно в XII пятилетке вопросы создания и использования средств охраны и контроля доступа на объекты в системе Министерства среднего машиностроения получили самостоятельное научно-техническое и производственное направление.

Научно-технические и производственные результаты на первом этапе достигнуты благодаря настойчивой, целеустремленной и самоотверженной деятельности ученых, инженеров, рабочих и служащих объединения «Элерон», а также работников других предприятий и организаций отрасли при огромном внимании, помощи и поддержке со стороны руководства министерства и прежде всего министра Е. П. Славского. Это еще раз подтверждает его государственную мудрость и прозорливость.

Е. Т. Мишин

«Все, кто знал Ефима Павловича, поражались его былинной силе, которой его щедро наградила природа. Силой, которая вся без остатка была им отдана на благо Родины».

Ю. А. Хабаров

НЕЗРИМЫЙ АТЛАНТ СТРАНЫ

Летом 1966 года меня неожиданно вызвали с объекта в Москву, в министерство. Предупредили, что вызов сделан по указанию министра. О причинах вызова никто не мог сказать что-либо определенное.

Ефим Павлович только что возвратился из Усть-Каменогорска, где он был избран депутатом Верховного Совета СССР. Кирилл Боровков, к кому я заявился по прибытии в Москву, встретил меня словами: «Ну, что ты там натворил, что министру приходится заниматься твоими делами? Твоя история с изделием «Татьяна» (так условно называлась атомная бомба РДС-4), бросила тень на все министерство, и министр очень болезненно воспринял это». Когда Боровков проговорился, что речь пойдет о «крамоле», связанной с изготовлением, якобы втайне от «верхов», атомной бомбы РДС-4, я понял, что министру доложили материалы комиссии, расследовавшей этот случай.

Боровков по прямому телефону доложил Ефиму Павловичу о моем прибытии. Министр приказал через полчаса быть у него. В назначенное время мы были в кабинете министра. Ефим Павлович поднялся из-за стола, подошел, поздоровался и, оглядывая меня с ног до головы, произнес: «Так вот ты каков, возмутитель спокойствия». Сев за стол и посадив нас на приставные к письменному столу стулья, продолжал:

— Ну, рассказывай все по порядку, как было дело? Как это тебя угораздило нагнать на всех страху? Как объект смог изготовить боевое изделие сверх плана, которое не прошло по производственным планам и отчетам?

Мне было сравнительно легко докладывать об этом случае, так как совсем недавно пришлось все подробно рассказывать

членам комиссии министерства, проводившим расследование «чрезвычайного происшествия». Суть «чрезвычайного происшествия» была такова. Осенью 1956 года Англия, Франция и Израиль стали угрожать Арабской Республике Египет вооруженным вторжением. Благодаря вмешательству СССР кризис был преодолен и вооруженное вторжение предотвращено.

В пик кризиса на объект поступила команда из Москвы, исходившая, видимо, лично от Н. С. Хрущева. Объекту предписывалось незамедлительно подготовить одно боевое изделие «Татьяна» для использования по назначению. За изделием должен был прибыть специальный самолет-носитель непосредственно на объект. Был воскресный день. Меня разыскали на реке в двадцати пяти километрах от зоны объекта, где я рыбачил и не подозревал, что срочно потребовался начальнику объекта Борису Глебовичу Музрукову. В Управлении объекта я застал Музрукова озабоченным и крайне возбужденным. Озабочен он был необычным поручением, а возбужден тем, что в тот горячий момент никого, кто был срочно нужен, не оказалось на месте.

Когда Музруков из моего доклада узнал, что изделий требуемого класса в наличии на хранении нет, он попросил подумать и дать предложение, что можно сделать, чтобы выполнить указание Москвы. После проверки всех учетов и возможностей было решено собрать изделие из узлов и блоков ЗИПа. По всем позициям «Ведомости комплектации изделия» запасные узлы и блоки имелись в наличии.

Сборку, снаряжение и проверку собранного изделия провели в сборочном цехе. После завершения сборки участники работы в ожидании дальнейших указаний делились предположениями, что могло случиться и почему потребовалась такая спешка в подготовке боевого изделия? У всех на душе была смутная тревога. Все понимали, что на чьи-то головы может обрушиться мощь, равная сотне тысяч тонн тротила, которая затаилась в корпусе «Татьяны».

Когда поступила команда «отбой», все облегченно вздохнули. Поняли, что опасность того, что могло случиться, миновала. Я

спросил Музрукова, как поступить с изделием. Разобрать по узлам или сохранить в собранном виде? Борис Глебович приказал изделие довести до средней степени готовности, то есть снять некоторые узлы и положить его в собранном виде на полку для дальнейшего хранения. Принимая такое решение, он не исключал возможности поступления нового указания об отправке этого изделия.

Ефим Павлович, не перебивая, внимательно выслушал меня и, когда я закончил свой доклад, стал задавать вопросы. Каким образом и почему изделие попало в отчетность о наличии его на складе и тем самым была внесена путаница в отчетные данные о количестве изготовленных изделий? По отчетам вышло, что было изготовлено одно количество изделий, а фактически оказалось на одно изделие больше.

Я ответил, что мне подробности этого неизвестны, но, по моему мнению, это делалось сознательно. Если бы этого не было сделано, то могло бы походить на умышленное сокрытие факта сборки неучтенного изделия, с нежелательными последствиями для объекта, да и министерства тоже.

На вопрос о том, почему комиссия министерства целый месяц потратила на расследование этого, как оказалось, несложного дела, я высказал предположение, что со времени того случая прошло десять лет и многими он был забыт. Я же за эти десять лет сменил несколько мест работы, и от меня даже скрывали причину наезда комиссии. Когда мне стала известна причина, я напомнил Борису Глебовичу о событии десятилетней давности и он все вспомнил. Комиссия заслушала мои показания и после проверки документов, которые составлялись в ходе и по итогам сборки изделия в 1956 году, закончила свою работу и отбыла в Москву. Ефим Павлович после моего доклада и ответов на вопросы предупредил, что я все рассказанное должен буду повторить в ЦК КПСС у заведующего оборонным отделом Ивана Дмитриевича Сербина. Этот случай с «лишним изделием», видимо, переполошил ЦК. Там встал вопрос: кому и для каких целей потребовалось это изделие, лишнее и не учтенное? Этим и был вызван

переполох в «верхах», и была брошена тень на министерство.

В 1971 году произошла история с моим поведением у члена Политбюро ЦК Андрея Павловича Кириленко, который сообщил об этом Ефиму Павловичу. Министр, разобравшись в существе произошедшего, одобрительно отозвался о моих действиях. Я оказался прав, когда в приемной Кириленко потребовал у его помощника Кувшинова расписку за кинофильм о взрыве водородной бомбы, который пожелал посмотреть Кириленко. Фильм имел гриф «Особой важности». Я отказался передавать фильм без расписки. Кувшинов крайне возмутился и сказал, что такого, чтобы давать расписки за что-либо в ЦК, да еще в приемной члена Политбюро, никогда не было и не будет. Он пожаловался Кириленко. На строгий вопрос того: «В чем дело?», я ответил, что мне не понятно поведение его помощника, который не желает выполнять требования документа, утвержденного ЦК КПСС и Советом Министров в части обращения с государственными секретами. После выговора, полученного Кувшиновым от своего шефа, он расписался, не вчитываясь в текст расписки. Кириленко звонил Ефиму Павловичу об этой истории.

После этих историй мне привелось много раз общаться с Ефимом Павловичем. Последние встречи и переговоры с ним были в 1988 году. 16 января 1988 года проходила XVIII партконференция Центрального аппарата министерства. В перерыве заседания, перед обменом временных удостоверений на мандаты, я пригласил его посмотреть экспозицию документов, посвященную 85-летию бывшего секретаря НТС министерства Бориса Сергеевича Позднякова, которая была развернута на первом этаже здания. При подходе к лестнице я взял его под руку и посоветовал взяться за перила. Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал: «Ты что, думаешь, что я уже не держусь на ногах?» И тут же рассказал, как не так давно был на Старой площади, в ЦК, и там на лестнице споткнулся, не успел ухватиться за перила и один марш лестницы съехал на спине. Правда, отделался ушибами.

Рассказывая об этом, он стал спускаться по лестнице и на

первых ступеньках споткнулся. Хорошо, что он все-таки последовал совету и держался за перила. Мне вряд ли бы удалось удержать его грузную фигуру. А так мы общими усилиями устояли на ногах и смогли спуститься нормально на первый этаж, где Ефим Павлович спросил: «Как это ты предугадал такое? Если б не твой совет и помощь, мне довелось бы повторить печальный опыт спуска по лестнице. Так что получи от меня спасибо за поддержку».

Несколько позднее ко мне обратились из Физико-энергетического института (г. Обнинск) с просьбой помочь им связаться с Ефимом Павловичем, чтобы он поделился своими воспоминаниями об одном ученом, который долго и плодотворно работал под его руководством. Об этом ученом институт готовил сборник статей и воспоминаний. Я позвонил Ефиму Павловичу по телефону. Он оказался дома. Выслушав просьбу ФЭИ, он детально расспросил, кто пишет, что уже написано и нельзя ли прочитать написанное? После ответов на все его вопросы он дал согласие и назначил время для встречи. Представительница института провела у него почти целый день. Он делился воспоминаниями, которые были записаны на магнитофон.

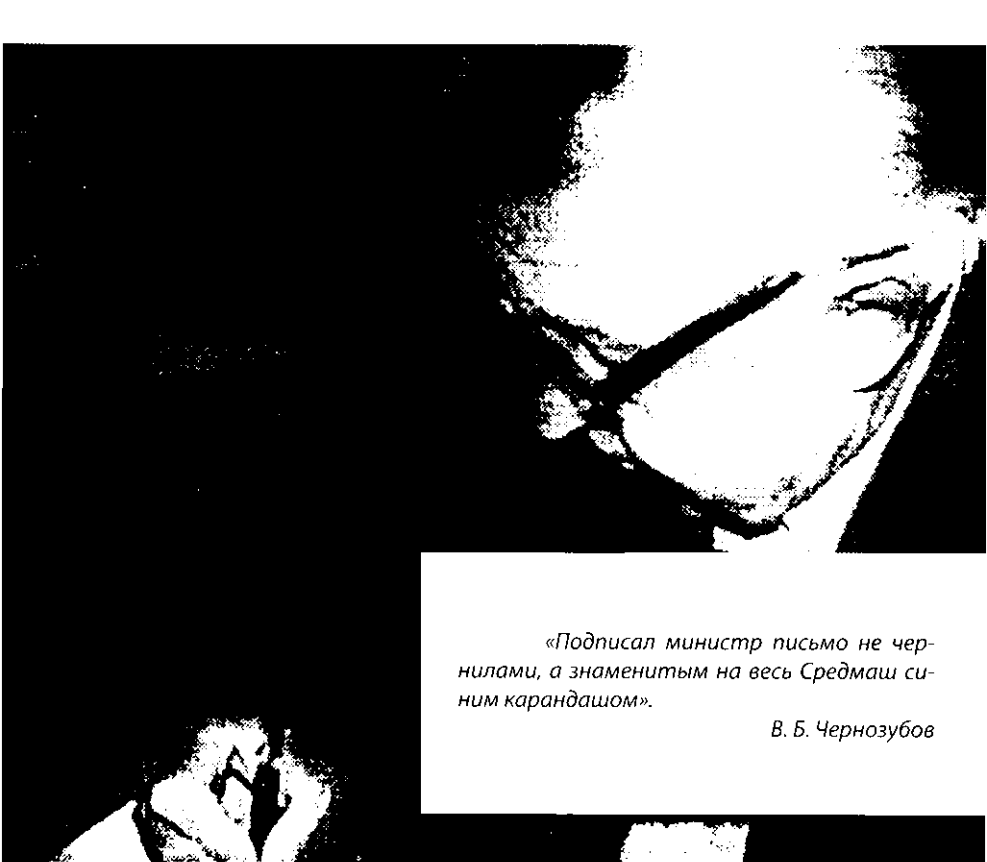
Таким внимательным и чутким, а когда надо — строгим и требовательным — запомнился мне наш министр.

Все, кто знал Ефима Павловича, поражались его былинной силе, которой его щедро наградила природа. Силой, которая вся без остатка была им отдана на благо Родины.

Почти тридцать лет он возглавлял Министерство среднего машиностроения и все эти годы был, образно говоря, незримым Атлантом страны. Именно на его плечах лежала колоссальная задача создания надежного ядерного щита Родины.

О его трудах, заслугах и наградах страна и народ узнали после того, как его не стало. Всю жизнь в годы работы по созданию ядерного щита его окружала стена секретности, за которой работала возглавляемая им отрасль и миллионный коллектив ученых, инженерно-технических работников, рабочих и служащих.

Ю. А. Хабаров

«Подписал министр письмо не чернилами, а знаменитым на весь Средмаш синим карандашом».

В. Б. Чернозубов

Оценка работы института министром Е. П. Славским:

Я считаю, что Ваш институт
внес огромный вклад в прогресс
нашей отрасли. Вы оправдали
все наши надежды.

Желаю Вам дальнейших
творческих успехов.

24-11-84г. @шму

СИНИЙ КАРАНДАШ И ПРОБЛЕМА ПРЕСНОЙ ВОДЫ

В Свердловский химмаш я пришел в 1955 г. после окончания Московского института химического машиностроения. Первое впечатление — институт маленький: размещался на одном этаже в бытовках третьего цеха Уралхиммаша. Но принимавшие меня С. И. Голуб и А. А. Назаретский, а через непродолжительное время и весь коллектив, вскоре стали для меня самыми близкими людьми, единомышленниками. Наиболее важным событием в жизни коллектива стал переход института в систему Минсредмаша, следствием чего стали собственное жилстроительство, крепкая и небедная профсоюзная организация и бурный рост численности коллектива, в основном за счет притока молодых специалистов.

Для меня наиболее важная разработка — это, несомненно, опреснительный завод в г. Шевченко. История, связанная с технологией и техникой опреснения воды, началась в нашем институте в 1960 г. внезапно: прилетел из Москвы представитель проектного института и привез письмо министра среднего машиностроения Ефима Павловича Славского.

Подписал министр письмо не чернилами, а знаменитым на весь Средмаш синим карандашом. Это означало: уверен и готов — берись и делай, будет обеспечена всяческая поддержка; нет — ответь прямо, ничего с тобой не сделают. Словом, не приказ, а доверительное поручение.

Оно состояло в том, что требовалось разработать, а затем создать большой завод по получению питьевой, технической

Комната Трудовой славы Свердловского химического машиностроительного завода. Рассматривается проект генплана строительства. Слева направо: А. Д. Зверев, Е. П. Славский, В. Г. Шаццлло, Л. Д. Рябев

и глубокообессоленной воды из каспийской морской воды на Мангышлаке, где намечалось грандиозное строительство рудника, нефтепромыслов, четырех заводов, двух электростанций, морского порта и современного города. Для всего этого требовалось в сутки не менее 120 тысяч кубических метров высококачественной пресной воды, которой на Мангышлаке не было. Задача, таким образом, состояла в создании опреснительных установок особо большого масштаба. Источником тепловой энергии для них должны были стать ядерные реакторы.

Но в письме говорилось и о том, что прежде чем создавать на голом месте огромный опреснительный завод, надо разработать, построить и испытать опытную установку. Указано даже было какую — по зарубежному образцу. Но тут же оговаривалось, что наряду с ней мы можем предложить и свой собственный вариант. Мы его, конечно, предложили, разработали.

Ефим Павлович дома на пенсии, Москва, 1989 г.

И в результате получилось, что строить и испытывать будем две опытные установки — на конкурсной основе. Наша в итоге оказалась более проста для эксплуатации в конкретных условиях, приблизительно такой же по металлоемкости и несколько экономичнее по потреблению тепловой энергии. Она и была принята на совещании у министра к реализации в крупных масштабах.

С самого начала руководство работой было коллективным. Между тем события развивались стремительно. Не дожидаясь конечных результатов опытных работ, по первым их данным, разработали и построили первую на Мангышлаке опытно-промышленную испарительную установку (ОПИУ) и летом 1963 г. запустили, получили пресную воду и отладили режим водоснабжения строящегося города.

Осенью в красном уголке ОПИУ министр Славский слушал наши доклады, согласно кивал головой и произнес напоследок: «Ну что, дела у вас идут неплохо, и мы будем иметь это в виду». И повторил (с нажимом) точно эту фразу еще раз. Нетрудно было понять его — у него отлегло от сердца: он обещал в Совмине и ЦК КПСС освоить промышленно огромную пустынную территорию, лишенную воды. И наконец почувствовал, что вода здесь будет, что она уже есть! И даже слегка расслабился, подобрел и сообщил нам «страшный» секрет: «Вот и в стране в целом дела идут успешно, завтра запустим на орбиту сразу трех космонавтов в одном корабле, с утра вылетаю на космодром, следите по телерадио». (Он был не только «атомным министром», но и председателем госкомиссии по запускам космических объектов.)

И в самом деле — на другой день слышим: да, запустили экипаж из трех человек, которые благополучно вернулись. Повидимому, министр имел большое влияние в правительстве, так как через 2 года с небольшим нам, творческому коллективу из 9 специалистов, вручали в Кремле атрибуты Ленинской премии в области техники 1966 г. Это высшее признание творческой личности нам было выдано преждевременно, как аванс на всю

оставшуюся жизнь и деятельность. Сам размер премии поразил меня своей скудностью, а ордена Ленина, Красного Знамени, Октябрьской революции и другие вручались вообще без премиальных, но люди-труженики ими гордились.

В. Б. Чернозубов.

Отрывок из книги «Путь к признанию»
под редакцией Б. П. Шевелина, Екатеринбург: УрО РАН, 2002

«В окружении Славского находились сторонники и противники его решений, но окончательное слово было за ним».

П. Г. Пронягин

ГДЕ ЖЕ БЫТЬ НЕФТЕХИМУ?

Во время поездки в Москву на заседание балансовой комиссии в министерстве по итогам 1970 года я зашел к министру Славскому и доложил, что Обком партии решает вопрос о строительстве Нефтехимического комбината силами Химстроя, хотя нам неизвестна позиция министерства. Ефим Павлович выслушал внимательно, некоторое время молча смотрел на меня, а потом спросил:

— А как вы сами смотрите насчет участия в стройке хим-комплекса?

Я ответил, что наше мнение положительное, если смотреть на жизнь стройки далеко вперед, но не стал раскрывать сути обсуждаемых в своем кругу проблем.

— Вот и ваш Первый секретарь — а он мужик горячий, настырный — просит меня об этом. Давай так решим: я скоро буду у вас и там обсудим.

Забегая несколько вперед, замечу, что для Славского поддержать с ходу просьбу Лигачева было непросто. Строительные ресурсы министерства хотя и были огромными, разумно накопленными в период создания атомной промышленности, но предназначались в первую очередь на развитие своей отрасли и выполнение специальных заданий правительства. Зная о высоком авторитете строительных и монтажных организаций Минсредмаша, к нему тянулись с просьбами многие министры и первые секретари республик и областей СССР.

И он, разумеется, кому-то отказывал, а кому-то помогал, извлекая при этом пользу для своего министерства. В окруже-

нии Славского находились сторонники и противники его решений, но окончательное слово было за ним. При этом он ориентировался на позиции Совета министров и лично А. Н. Косыгина, который уважительно относился к нему, и между ними утвердились доверительные, деловые связи. Несколько сложнее складывались отношения с центральными партийными органами. Будучи членом ЦК КПСС и одним из старейших членов партии (с 1919 г.), Славский приглашался на заседания Политбюро, если обсуждались вопросы укрепления обороноспособности страны. Но он противился мелочной опеке со стороны отделов ЦК и попыткам вмешиваться в его дела работников партийного аппарата, а некоторых просто не терпел, хотя вынужденно мирился. Не случайно, что Лигачеву он тоже пристроил эпитет «настырный», отождествляя его с некоторыми такими же настырными, пытающимися диктовать ему свою волю.

Противниками строительства ТНХК у Славского оставались в первую очередь его заместитель по строительству Георгиевский, первый заместитель министра Чурин, начальник ГУКСа Коротков и начальник 10 ГУ Волгин.

— Не хватало нам еще одного Ангарска, чтобы быть битьми в ЦК, — так изложил свою позицию Георгиевский, когда я поделился с ним результатами посещения Министра...

В марте 1971 года министр посетил Томск.

Обычно он ежегодно в мае посещал предприятия министерства, расположенные в Сибири и на Урале, к чему мы уже привыкли. Но его ранний приезд в этот раз связывали с решением вопроса о строительстве ТНХК. Не случайно, что, кратко ознакомившись с делами в Томске-7, Славский предложил съездить на место предполагаемого строительства. Естественно, что мы подготовились к его приезду в меру своей информированности.

Лигачев, Судобин, Лукьяненко, Мельников и я неотступно сопровождали его. Когда приехали в район Нелюбино и вышли из автобуса (Славский предпочитал ездить в автобусе, чтобы, как

он выражался, не теряя времени, общаясь, заниматься делом). Я развернул карту местности и на ней стал показывать предполагаемое место посадки завода, городка строителей, объектов базы стройиндустрии, транспортные подходы.

— Где люди, работающие на комбинате, будут жить? — спросил Славский.

— Предполагается строить жилье в Томске, — вставил Лигачев. — Мы уже место определили. Впрочем, об этом речи не может быть, чтобы мы не нашли места для строительства жилья.

— Что, возить сюда собираетесь?

— Да! Построим мост через Томь, пустим электрички, автобусы, и весь путь займет не более 30–40 минут. Нормально!

— Но нужно еще до электрички добраться, — нажимал Славский.

— Ездят же в других городах! В Москву более часа добираются.

— То в Москве, а то здесь, в Сибири, — ответил Лигачеву Ефим Павлович. — Ладно, этот вопрос требует особой проработки. Есть специалисты, они подсчитают...

Разговор перешел в плоскость, как быстрее начать стройку. Лигачев, поддержанный Судобиным, предлагал разворачиваться с наступлением лета. В ответ на это Славский заметил: «Быстрота нужна при ловле блох, а здесь дело серьезное. Хорошо, обсудим».

Разговор закончился. Решили отправиться в Обком партии, где продолжить обсуждение. После выступления Судобина мало кто задавал вопросы. Все ждали, что скажет Славский. Он заявил, что министерство готово взяться за новую стройку, тем паче, что строители сами просят. Но окончательное решение он примет в Москве. На совещании стало известно, что заказчиком будет выступать Министерство химической промышленности, то есть строиться в первую очередь должен химический комбинат.

Е. П. Славский в Удокане, 1966 г.

Кажется, такое заявление удовлетворило организаторов совещания. Вечером, во время ужина, Ефим Павлович сказал:

— Как бы нам здесь не вляпаться. Аппетиты у здешних начальников большие, но, видимо, они не представляют, за что берутся и на что нас толкают. Какой черт выбрал им будущую площадку? И что означает — построим мост и пустим электрички? Мост пять лет строить надо, не меньше, а как же строителям быть? Будут ездить на их горбах и раздавать взыскания? Надо все как следует взвесить. Этим займусь в Москве. А ты, — он обратился ко мне, — начинай-ка потихоньку готовиться, раз сам напрашиваешься. Дело, конечно, стоящее, надо помогать области выходить на широкую дорогу. Жди окончательного решения...

В конце марта 1971 года начал работу XXIV съезд КПСС. Усилиями Лигачева с согласия Славского в постановлении XXIV съезда по основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1971—1976 гг. появилась фраза: «Начать строительство Томского и Тобольского нефтехимических заводов». Итак,

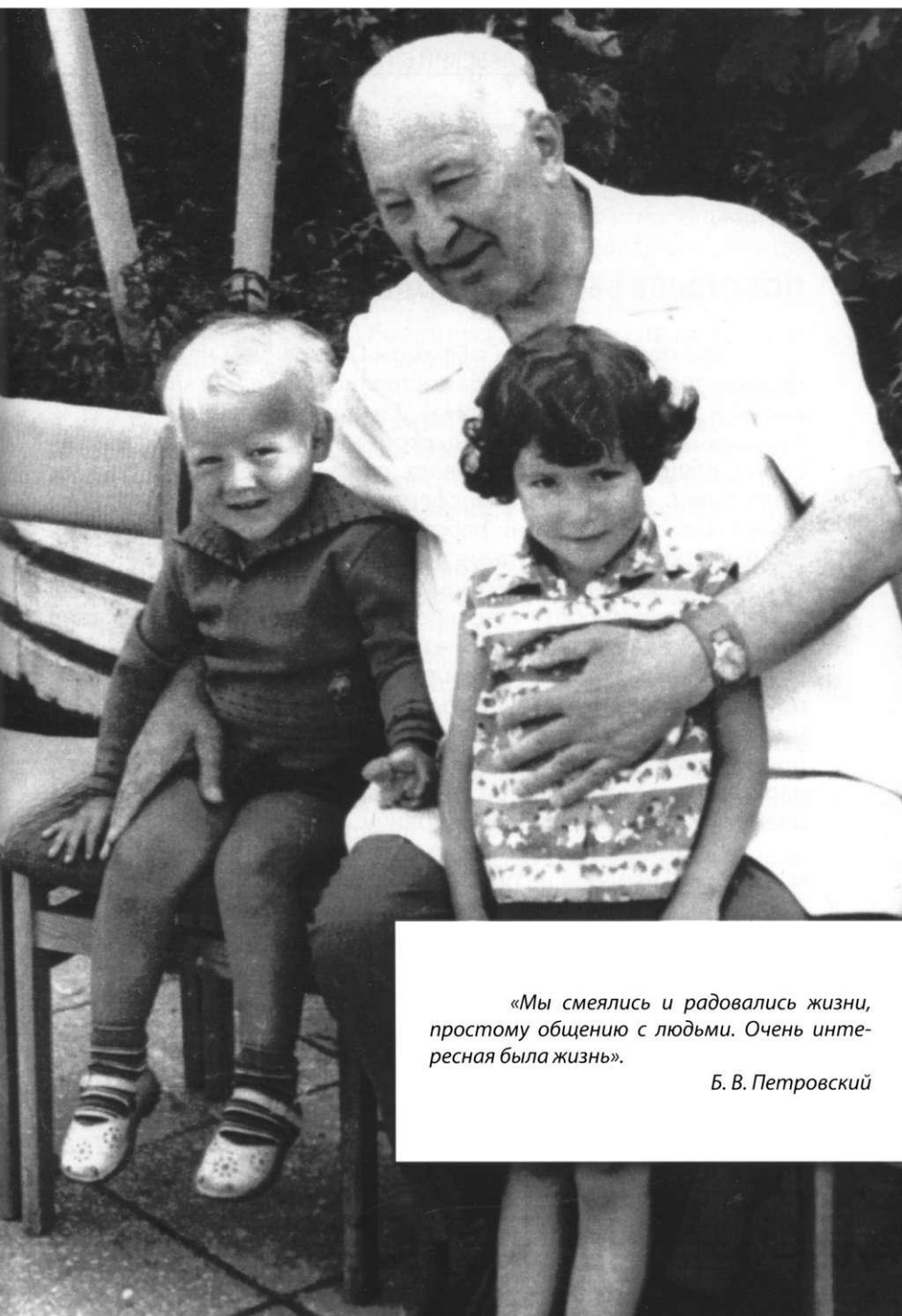
все решилось на XXIV съезде КПСС. Отступить стало некуда. Теперь стало ясно, почему спешил Лигачев и почему Славский посетил Томск не в мае, как обычно, а в начале марта...

И на этот раз были сторонники и противники строительства ТНХК. Решающими оказались позиции Госпланов СССР и РСФСР. Немалую положительную роль сыграл министр Славский, заявивший в правительстве, что министерство, беря эту стройку на себя, готово вернуть стране часть тех благ, которые в свое время отрывали у народа для развития своей отрасли. В этом он проявил себя подлинным государственным деятелем, ценившим государственные интересы выше ведомственных, чем всегда отличался от многих других министров. Славский понимал, что, сохраняя и развивая стройку в Томске, он создавал надежную опорную точку на случай решения непредвиденных задач в Сибири. Такое уже бывало в середине 60-х годов, когда стройками Минсредмаша в небывало короткие сроки сооружались стартовые полигоны баллистических ракет для Министерства обороны.

После некоторых объяснений начальники главков заверили министра, что займутся томской стройкой. После совещания Славский оставил меня у себя, подписал подготовленные документы и сказал: «Видишь, я ответил тебе на письмо, теперь дело за тобой. План должен выполнять, спрошу строго. Ты нет-нет да докладывай, а то мне стыдно сидеть на Политбюро и краснеть за вас всех на старости лет. Понял?» Что я мог ответить? Все предельно ясно. Меня ожидали нелегкие испытания...

П. Г. Пронягин.

Отрывок из его книги «Как начинался Томский нефтехим»,
Асиновское ПО, г. Томск, 1999

*«Мы смеялись и радовались жизни,
простому общению с людьми. Очень ин-
тересная была жизнь».*

Б. В. Петровский

ПОБОЛЬШЕ БЫ ТАКИХ ЛЮДЕЙ!

Мы познакомились с Ефимом Павловичем на Кавказе, но главное знакомство и дружба состоялись уже в Москве, и в частности, в доме отдыха «Опалиха». Там же я познакомился с И. В. Курчатовым. Жили там в очень скромных условиях: комната для семьи, общий душ, общий туалет, общая столовая, но главным была очень дружеская атмосфера. Туда приезжали соратники Ефима Павловича, все они работали в области атомной энергии. Это были различные крупные деятели: Игорь Васильевич Курчатов, маршалы, министры. Мы очень хорошо проводили время на лыжах каждую субботу и воскресенье. Ефим Павлович заезжал за нами, и мы всей семьей приезжали в «Опалиху».

Однажды я как-то говорил с Ефимом Павловичем, что почему-то все ездят на курорты, ведут неподвижный образ жизни, а мы с Екатериной Михайловной, моей супругой, любим туристические путешествия, такие неопределенные поездки, как, например, на Кавказ (в свое время мы были альпинистами), и это очень понравилось Ефиму Павловичу.

Как-то раз он пригласил всех нас в «Опалиху». Войдя в комнату, мы увидели на полу разложенную карту Средней Азии. Он сказал, что предлагает провести этот отпуск в Средней Азии туристами. Нам это очень понравилось. Ефим Павлович пригласил еще одного своего помощника — генерала А. Д. Зверева и его супругу, и мы все сели вокруг этой карты и стали обсуждать маршрут, который предложил Е. П. В определенное время собрались еще раз и распределили должности: Ефим Павлович — бригадир, его жена — министр финансов, А. Д. Зверев маршруты сочинял, по рыбной ловле специалист его супруга; Екатерина Михайловна (моя супруга) — по транспорту специалист у нас была, а я кинофоторепортер и по совместительству врач брига-

ды. И вскоре такая бригада выехала, то есть вылетела на самолете, сначала в Семипалатинск, а затем в Усть-Каменогорск (там у Ефима Павловича имелись определенные предприятия) и затем на машинах выехали на Иртышское море. Там был маленький деревянный домик: одна комната для всех нас, шестерых; вторая комната — столовая; умывальника не было — умывались в море. Здесь же стояла лодка, и целый месяц мы провели в этом сказочном краю. Очень хороший был отпуск. Целый месяц на воздухе. Каждый день помногу купались, но, правда, бывали такие моменты, когда мы попадали в бурю — страшные бури на Иртыше.

И вот в один из дней разыгралась буря на Иртыше: волны невероятно высокие, везде молнии, все мы под брезентом на лодке — это даже было страшно: ведь лодка была маленькая и могла разбиться. Тогда выслали за нами военный катер, который вытащил нас из этого ада.

Природа там действительно невероятно красивая и интересная. Впоследствии мы выезжали в другие места, такие как озеро Маркакуль, на границе с Китаем. Там мы встречались и с врачами, я читал лекции, познакомился с очень интересными людьми, даже подружились, в частности с узбеками. Короче говоря, у нас было два таких отдыха. Один раз мы были на Иртыше, а другой раз на озере Иссык-Куль, в Киргизии. Там были в более культурном месте, но такого же плана: домик там был постоянный, не деревянный. Были другие условия жизни, но все равно постоянные разъезды, купания, катания на катерах.

Когда мы возвращались в Москву, собирались все вместе, я проявлял фотографии, даже небольшие фильмы поставил, а Зверев писал летопись и все это нам сообщал. Мы смеялись и радовались жизни, простому общению с людьми. Очень интересная была жизнь.

Вообще, я считаю Ефима Павловича уникальным человеком: это был какой-то богатырь, во-первых, по здоровью, и конечно, его работа, его жизнь — это героический подвиг. Он был в гражданскую войну в армии Буденного, а затем создавал щит нашей Родины вместе с Курчатовым, и я очень недоволен тем, что в последнее время имя Славского забывается.

А я помню на XXIV съезде нашей партии, весь зал (6 тыс.

человек) Дворца Съездов устроил овацию Ефиму Павловичу, который приехал с Севера, где была испытана самая мощная водородная бомба. Это было великолепное зрелище: стихийно встали все. Я знаю еще двух таких людей, которым съезд выражал таким образом свое уважение и любовь. Это были Жуков и Фидель Кастро. Вот эти три человека, которым устроили такие овации и выразили свое уважение к ним делегаты съезда.

Вспоминаю, как-то мы приехали, во время отдыха, в город Шевченко. Кстати, город Шевченко был назван Ефимом Павловичем, и там был какой-то оазис — воды не было, и из морской воды делали пресную с помощью атомной энергии. Живут там лучше, чем в Москве: великолепные дома, очень хорошие бытовые учреждения, конечно же, все это заслуги Ефима Павловича.

Ефим Павлович был всегда очень большим сторонником развития медицины. Министерство среднего машиностроения было богатейшим министерством, и конечно, он старался сделать все, чтобы успешно работали предприятия его промышленности и чтобы население было в хорошем состоянии.

Это был великий человек, просто великий. Он имел полную самостоятельность, он не считался с указами и приказами, если они противоречили логике.

Я помню такой эпизод, очень плохой эпизод, когда Горбачев предложил ветеранам — членам и кандидатам в члены ЦК — подать заявление об освобождении от этих должностей по возрасту. Единственным человеком, который сказал, что состоит уже много лет в этой должности и с 1918 года состоит в партии, и отказывается подать заявление, оказался Ефим Павлович Славский. Он остался единственным, кто не согласился и остался в ЦК. Он был обаятельным человеком. Ефим Павлович очень многим помог, приютил, много сделал для развития страны, для медицины, в частности, городов-оазисов в Средней Азии.

Побольше бы было таких людей!!!

Б. В. Петровский

«Я очень удивился работоспособности Ефима Павловича... Обход больницы длился уже пять с половиной часов...»

Г. Н. Матвеев

ЗАБОТЫ О МЕДИЦИНЕ

Ефим Павлович очень много сделал для нашей медицины. Во всех МСЧ нашей страны, где мне приходилось бывать, я видел его руку, которая заставляла создавать промышленную медицину. Ефим Павлович, говоря с полной мерой ответственности, создал и нашу больницу. А дело было так.

Проект был начинен отечественным оборудованием. Детально ознакомившись с проектом, пришел в федеральное управление и доложил, что нельзя запускать больницу с отечественным оборудованием. Мне говорят: «Молодец, сбегай в ЗИЛовскую больницу, там сейчас все чешское устанавливают. Посмотри, будем чешское ставить». Побежал я в ЗИЛовскую больницу, посмотрел, поговорил на местах с врачами, инженерами, которые монтировали оборудование, и получил однозначный ответ, что уже все, даже устанавливаемое оборудование в ремонте. После моего доклада начальство взяло, как мне показалось, очень длительную паузу, настолько длительную, что у слишком молодого главного врача сложилось впечатление, что если этот процесс еще затянется, то современной больнице не бывать.

И приходит мне совершенно бредовая идея — самому идти к Ефиму Павловичу и доказывать необходимость закупки аппаратуры I категории. Секретарь в кабинет пригласила меня сразу. Навстречу встал энергичный мужчина в джемпере и говорит: «Ну что ты так стесняешься. Подходи, давай хорошенько поздороваемся. Давай поговорим».

И был разговор на полтора часа, где я доложил, что чешское оборудование ни в коем случае ставить нельзя, что надо

Е. П. Славский на открытии 83-й больницы в Орехово-Борисово, Москва, 26 августа 1985 г.

переходить на импортное оборудование в тех случаях, где отечественное уступает по разрешающим возможностям.

В конце беседы Ефим Павлович сказал: «Вот что, сынок, сделай, пожалуйста, так, чтобы больница была не хуже, а лучше, чем больница 4-го Управления».

После этой фразы и было дано распоряжение министра об оснащении больницы современным оборудованием.

Вот с таким поручением я вышел, получил разрешение звонить ему, когда надо. Конечно, я ни в коем случае не нарушал принятые в то время законы. Звонил очень редко.

Но было все же три эпизода. Один раз мне опять-таки показалось, что если сегодня чего-то не будет сделано, то по крайней мере не бывать задуманной больнице.

И я опять набираюсь смелости и звоню Ефим Павловичу. По какому вопросу — сейчас не помню. И в ответ: «А ты приходи ко мне сегодня домой, там и поговорим». Я положил трубку и

Я считаю, что эта больница
должна стать основной базой
высококвалифицированному лечению
трудящихся нашей отрасли.
26-111-85. (1 июля)

*Я считаю, что эта больница должна стать основной базой
высококвалифицированного лечения трудящихся нашей отрасли.
Славский Е. П. 26 августа 1985 г.*

подумал, что он с кем-то разговаривает в кабинете, и не пошел к нему домой. Посчитал, что это, конечно, не ко мне такое предложение. Проходит некоторое время, мне опять надо позвонить Ефим Павловичу. Беру трубку, звоню и второй раз слышу: «А ты приходи сегодня ко мне домой, там и поговорим». Вот почему я второй раз не пошел, объяснить не могу. Но наступило время третьего звонка. Звоню. Злой голос, правда, он никогда со мной грубо не разговаривал. Но очень злой голос: «Чтобы сегодня в шесть часов вечера был у меня дома, и у нас там будет разговор». Тут я понял, что все это теперь относится ко мне.

В шесть часов прихожу. Он встречает, открыл дверь, показывает — сюда вешай пальто, проходи в большую комнату. Прохожу в большую комнату, сажусь на указанный стул. Он сел напротив.

Ефим Павлович: «Сиди не вертись, смотри мне в глаза, я должен понять, почему я тебя два раза приглашал, а ты не пришел. У меня такого еще не было». Я и не знаю, что ему сказать.

— Говори, — требует Ефим Павлович.

— Ефим Павлович, первый раз я подумал, что это ко мне не относится, что вы кому-то говорите, кто стоит рядом с вами, а второй раз я не знаю почему.

— Сиди, не вертись. Дай мне в глаза посмотреть. Я должен понять.

И так продолжалось несколько раз. Затем:

— Ну ладно, ну не пойму, ну не было у меня такого, чтобы я приглашал и ко мне кто-то не пришел. Курчатову спортивный костюм достал. Так вы знаете, он пришел с этим костюмом. Вот здесь на лестнице этот костюм надел и им хвастался. А я тебя пригласил, а ты ко мне два раза не пришел. Сиди, не вертись, тебе говорят.

Потом, когда все это кончилось, он приносит бутылку водки, закуску и наливает полный стакан.

— Ну ладно, давай выпьем.

Я смотрю на этот полный стакан и думаю, что же мне делать. Если я сейчас не выпью, ну тогда уже все. Черта подведена полностью, четвертый раз не пригласит. Я вижу, что делать мне нечего, выпиваю полный стакан водки и начинаю отсчитывать, насколько же меня хватит, так, чтобы только уйти отсюда. Был вот такой эпизод.

Я очень удивлялся работоспособности Ефима Павловича... Обход больницы длился уже пять с половиной часов. Этот человек, которому под 80 лет, изучает больницу пять с половиной часов. Вся молодежь, которая идет сзади, падает. А он совершенно бодрым голосом продолжает. «Что в этом помещении, что в этом?»

Удивительная память. Подъезжает к больнице, это третье или четвертое посещение, выходит из машины, смотрит на балконы и говорит: «Ну надо же, какое дело, я же говорил этим строителям, а балконы так и не покрасили». Промежуток между этими приездами был в несколько месяцев.

И еще был смешной случай, связанный с нашими палатами профессиональной реабилитации. Идет уже четыре с лишним часа обход по больнице. Ефим Павлович оборачивается и говорит:

— У тебя совсем совести нет никакой.

— Что вы, Ефим Павлович, всегда была.

— Ну как же, была. Четыре часа, а ты даже чаю не предложил.

— Я предлагал.

— Ах ты еще споришь!

И в это время он поворачивается к двери, как раз там, где написано «Палата профессиональной реабилитации», и говорит:

— Слушай, только тебя я хочу предупредить: ни в коем случае не делай в этой больнице люксовых палат. Даже я тебя сейчас не выручу, такая обстановка. А это что такое? — Открывает дверь. Молниеносно краснеет, буреет.

— Это люкс? — спрашивает Ефим Павлович!

— Нет, не люкс, — отвечает главный врач.

— Как не люкс?

— Не люкс.

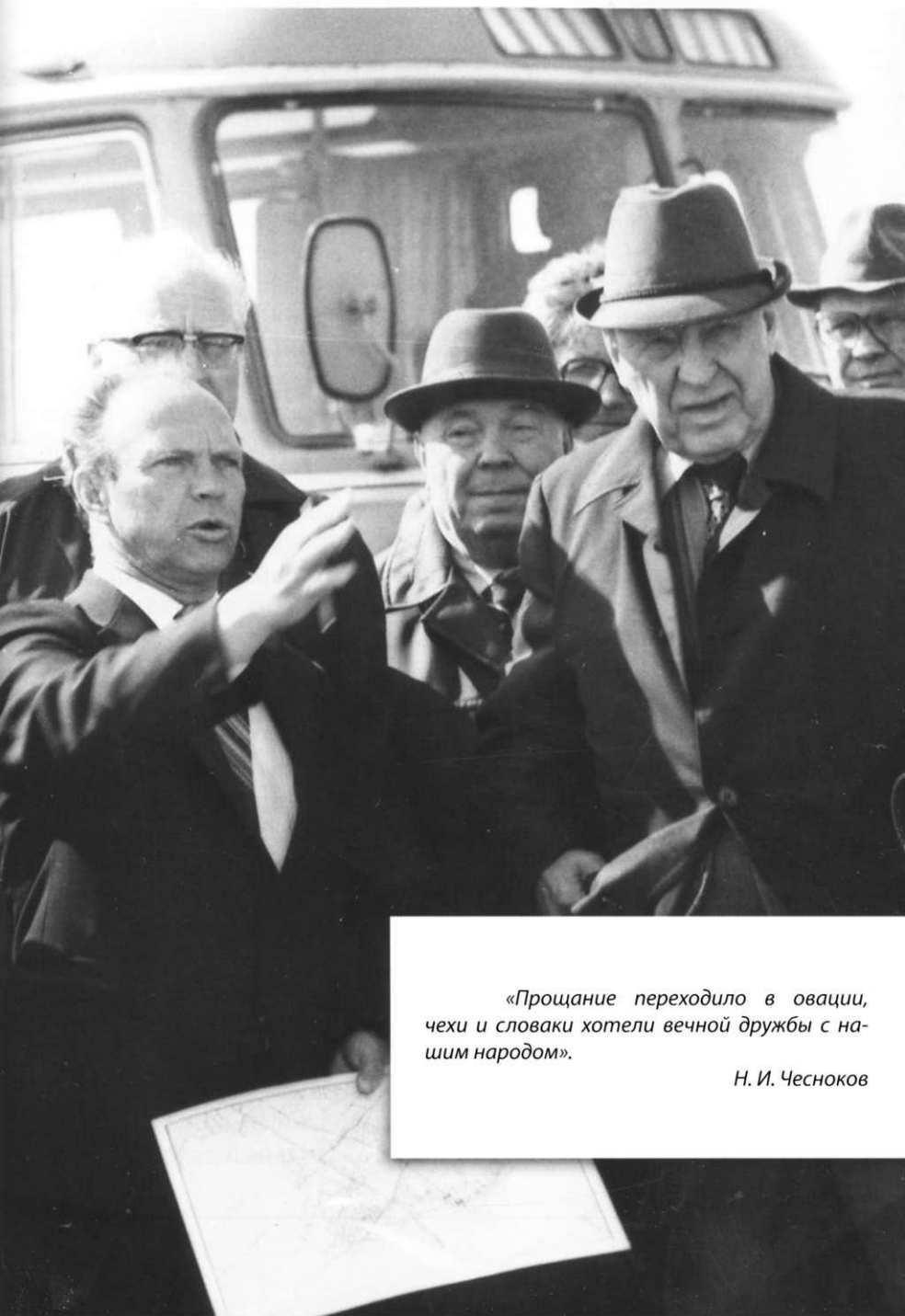
— Как не люкс, я же вижу, что это люкс!

— Это не люкс. Это палата профессиональной реабилитации.

— Что это такое? Что я, не вижу, что это люкс?

— Ефим Павлович, это палата профессиональной реабилитации. Вторая комната у нас открывается только по разрешению врача для того, чтобы больной мог поработать с документами, литературой, получить по телефону необходимую информацию с предприятия, из дома, без которой его психическое состояние не могло быть удовлетворительным. Время работы в кабинете регламентируется врачом. Очень многих больных с информационным дефицитом вылечить невозможно.

После этих объяснений мы закончили обход помещений.

*«Прощание переходило в овации,
чехи и словаки хотели вечной дружбы с на-
шим народом».*

Н. И. Чесноков

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ ЗА РУБЕЖ

После Великой Отечественной войны с помощью советских специалистов-геологов и горняков в странах Восточной Европы начала активно развиваться уранодобывающая промышленность. По мере развития этой отрасли в ряде стран, таких как Болгария, Чехословакия, Венгрия, ГДР, появился интерес к строительству атомных электростанций. Особенно активизировалась эта работа в 70-е годы.

Требовались атомные реакторы, в первую очередь типа ВВР-440, и в больших количествах.

Ефим Павлович Славский считал своим долгом решить эту проблему не только за счет промышленности Союза, но и в кооперации с рядом соцстран, имеющих развитое машиностроение, таких, как Чехословакия.

Было принято решение о строительстве цеха реакторов в г. Пльзень на известных во всем мире заводах «Шкода» в Чехословакии.

Для того чтобы познакомиться ближе с возможностями участия в кооперации по строительству АЭС других машиностроительных заводов, Ефим Павлович Славский приехал в Чехословакию.

В ноябре 1972 г. он посетил предприятия чехословацкой урановой промышленности, первую заканчивающуюся строительством АЭС, заводы тяжелого машиностроения и провел встречи и беседы с руководителями ряда федеральных министерств, ответственными работниками ЦК КПЧ и Правительства ЧССР. Это был наиболее длительный деловой визит

нашего министра в Чехословакию.

23 ноября в Збраславе, недалеко от Праги, знакомимся с научно-исследовательским и опытным центром урановой промышленности; 24 ноября в г. Пльзене — объединением заводов «Шкода» (объединение включает 29 предприятий).

Ефим Павлович заявил руководству объединения о масштабах строительства АЭС с реакторами ВВЭР-440 до 1980 года: в СССР 38 блоков и 19 в соцстранах. «Нужно участие сильной чехословацкой машиностроительной отрасли. Я приехал ознакомиться с заводами и включить их в кооперацию по созданию АЭС в наших дружественных странах».

25 ноября утром мы прибыли в Братиславу поездом из Праги, где состоялась встреча и беседа с Председателем Правительства Словакии Цолоткой. Мы обсуждали вопросы сотрудничества по строительству АЭС. К этому времени в Словакии с участием советских специалистов было закончено строительство первой АЭС (Трнава-Богунцы), на которой 24 октября состоялся физический пуск.

После беседы поехали на эту станцию, внимательно осмотрели ее, и Ефим Павлович в беседе с руководством станции просил обратить особое внимание на подготовку специалистов, обслуживающих ответственные агрегаты станции, умение персонала находить правильные решения при аварийных ситуациях.

23 ноября прибыли в г. Брно на Первый брнинский машиностроительный завод им. Клемента Готвальда. Заместитель министра металлургии и машиностроения ЧССР Шимановский собрал здесь директоров машиностроительных заводов, расположенных в районе Брно, для обсуждения с Е. П. Славским вопросов кооперации при строительстве АЭС.

К вечеру наша небольшая советская группа во главе с министром прибыла в город Острава на крупнейший металлургический комбинат «Витковицкие железарни», где работает 40 тыс. человек. Заводу исполнилось 145 лет. Выпускает 300 марок

Е. П. Славский и Л. Штроугал, Председатель Правительства ЧССР

стали, мощное прокатное оборудование (блужинги, слябинги), коленчатые валы для кораблей, оборудование металлургических заводов. Это оборудование комбинат поставляет в 55 стран мира.

Директором комбината был ученик Е. П. Славского (в бытность работы Ефима Павловича директором Днепровского алюминиевого комбината) в довоенном прошлом начальник цеха — Рудольф Пешка.

Сердечная встреча давно не видевшихся друзей, осмотр завода и, конечно, приятный ужин.

Ефим Павлович в цехах этого мощнейшего комбината сердечно беседовал с простыми рабочими, вызывая у них восторг пониманием их трудовой жизни и нужд. Прощание переходило в овации, чехи и словаки хотели вечной дружбы с нашим народом. 29 ноября мы посетили трубный завод в г. Хомутов, это уже на северо-западе Чехословакии, и уранодобывающее предприятие Гамр на Езере.

29 ноября в Праге состоялась встреча с секретарем ЦК КПЧ по промышленности Иосифом Кемпны.

1 декабря Ефим Павлович встретился в Пражском Граде (Кремле) с Председателем Правительства ЧССР Любомиром Штроугалом.

В присутствии заместителей Председателя Правительства ЧССР Грегора и Заградника, министров Шупки, Шимона и Матушека Ефим Павлович рассказал Штроугалу о своих впечатлениях от поездки по стране, дал высокую оценку многолетнему сотрудничеству по уранодобывающей промышленности, рассказал о состоянии с пуском первой АЭС в Чехословакии и высказал свои предложения после посещения машиностроительных заводов в ЧССР о возможной кооперации и строительстве новых АЭС в соцстранах.

Любомир Штроугал высоко оценил проделанную министром Е. П. Славским работу при посещении машиностроительных заводов и пожелал быстрее осуществления предложений нашего министра о кооперации по строительству АЭС в соцстранах.

Ефим Павлович для осуществления контроля и оказания помощи чехам присылал в Пльзень своего заместителя Н. А. Семенова, а через три года, в ноябре 1975-го, повторно посетил Северо-Моравский край и побывал на металлургическом комбинате «Витковицкие железарни» в Остраве и объединении «Сигма» и лично убедился в выполнении заводами договоренностей и принятых решений по кооперации заводов в изготовлении реакторов ВВЭР-440 и строительстве АЭС.

И вновь с обсуждением хода сотрудничества была встреча Е. П. Славского с Председателем Правительства ЧССР Любомиром Штроугалом.

К настоящему времени в Чехословакии при активной помощи советских специалистов построены и работают безаварийно несколько атомных электростанций с реакторами ВВЭР-440,

изготовленными в Пльзене на объединении «Шкода» в специальном цехе атомных реакторов.

Посещая уранодобывающие предприятия, электростанции соцстран — ГДР (Норд), Венгрии (Пакш), Чехословакии (Дукованы), Болгарии (Козлодуй), — Ефим Павлович не проходил мимо достижений этих стран в строительстве мирной жизни своих народов.

Будучи в Венгрии, Славский побывал в области Печь в Виланской долине на семеноводческом предприятии, создающем элитные сорта пшеницы и кукурузы. Новые сорта этих культур и высокоурожайного картофеля, выведенные в Венгрии, он хотел освоить в совхозах предприятий нашей отрасли.

Замечательный бекон венгерских свиноводческих ферм также интересовал нашего министра.

Будучи в ГДР, наряду с ураном Ефим Павлович интересовался молочным скотом, удоями на животноводческих фермах и достижениями в вопросах переработки молока. Все новое в этой отрасли он хотел сделать достоянием совхозов Главурса предприятий Средмаша.

Я не раз бывал в командировках на заграничных и союзных предприятиях вместе с Е. П. Славским, и он всегда находил время подробно разобраться со снабжением рабочих, посмотреть на достижения совхозов и ферм.

В период проходки метростроевцами тоннеля под Енисеем в районе Красноярска мы возвращались из Улан-Батора, где вели переговоры с монголами о деятельности советско-монгольского предприятия «Эрдес». Во главе нашей делегации был первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, и Ефим Павлович решил показать ему ход строительства тоннеля под Енисеем, а также предприятия Средмаша в Красноярске и на реке Удокан. И. В. Архипов согласился. Ефим Павлович, знакомя И. В. Архипова с производственными объектами, не смог не показать ему животноводческую ферму нашего

Е. П. Славский на стройке предприятия «Эрдэс», Монголия, 70-е годы

предприятия, а также построенный Средмашем завод по производству искусственного волокна сиблон.

Наш министр гордился достижениями средмашевцев во всех областях.

Мне запомнилась еще одна маленькая, но очень важная деталь, свидетельствующая о внимании Е. П. Славского к людям. Когда я вернулся из ГДР в Советский Союз и стал работать в Первом главном управлении, меня послали председателем комиссии по приемке в эксплуатацию небольшого уранодобывающего предприятия Серное в пустыне Кара-Кумы в Туркмении. Это предприятие находилось в пустыне в 240 км от г. Красноводска. Энергоснабжение производства и поселка обеспечивалось небольшой передвижной дизельной электростанцией. На предприятии были трудности с питьевой водой, которая подавалась из старинных туркменских колодцев и была сильно засолена.

В период работы комиссии наблюдались особенно большие сбои в подаче воды в поселок из-за неудовлетворительной

работы дизельной электростанции и малых притоков воды в колодцы. Чтобы не оставить рабочих без обеда, суп пришлось варить, используя запасы минеральной воды «Нарзан» в бутылках.

В небольшом поселке из одноэтажных деревянных и глинобитных домов, обдуваемых ветрами пустыни, жили семьи рабочих. Молока для детей практически не было.

Вернувшись из командировки, я доложил об этих недостатках Ефиму Павловичу.

По его указанию была смонтирована на предприятии первая в нашей системе небольшая опреснительная установка на ионнообменных смолах. Пресной питьевой воды стало хватать. А следом было приказано Главурсу немедленно создать небольшую ферму со стойловым содержанием скота, чтобы снабжать молоком детей рабочих предприятия.

Так работал наш министр Ефим Павлович Славский, будучи в соцстранах или на отечественных предприятиях.

Наряду с работой Ефим Павлович умел и хорошо отдыхать. В период нашего пребывания в ЧССР в одно из воскресений в районе Брно на Мораве состоялась большая охота с приглашением охотников из соседних дружественных стран: ГДР, Венгрии и Польши. На эту охоту был приглашен и наш министр.

Ритуал охоты в Чехословакии особый, выработанный годами. Охотники, прежде чем охотиться, обязаны следить за ходом развития дичи, охранять молодняк, подкармливать зимой дичь. И только после того, как определили, хорош ли прирост дичи, определяют, сколько можно сделать загонов на охоте.

Год был удачный. Дичи выросло много, и охота была масштабной. Когда мы подъезжали к месту назначенного сбора охотников, Ефим Павлович, увидев массу стоящих автомобилей, сказал мне: «Николай, в какую авантюру ты меня втянул, что это за сборище такое?» Я успокоил Ефима Павловича, сказав, что так принято у чехов, и все будет хорошо.

Действительно, было шесть загонов на зайцев и фазанов.

Е. П. Славский и Н. И. Чесноков на охоте, 70-е годы

Загонщики поднимали дичь, охотники стреляли. Министру дали в помощники заряжающего со вторым ружьем — старого деда. Ефим Павлович стрелял и передавал ружье, обменивая на заряженное. Дичь собирали загонщики. Охотников было много, и дичи для подсчета трофеев выложено было после шести загонов огромное количество.

На большой поляне были выложены рядами фазаны и зайцы, горели четыре костра.

Протрубив в охотничью трубу сбор, егерь выстроил охотников и доложил о результатах охоты. Назвал рекордсменов, а также браконьеров. Такими были охотники, убившие взлетевших уток, на которых охота не объявлялась.

Затем подводили итоги в пиварне — местном трактире. За столами сидели охотники с кружками пива, и по традиции главный егерь объявлял с юмором о том, кто как вел себя на охоте. «Судья» и «прокурор» в мантиях решали вопрос о штрафе или поощрении отдельных охотников.

Оштрафовали наряду с другими и Ефима Павловича за то, что он слишком бережно относился к дичи и часто пропускал возможность поражения фазанов или зайцев. Штраф: выпить сто граммов сливовицы. Ефим Павлович встал и сказал: «Уважаемые судья и прокурор! Я признаю себя виновным, но считаю, что вы слишком мягко меня наказали, и прошу увеличить меру наказания до полного стакана — двести граммов». И под аплодисменты и смех присутствующих опорожнил полный стакан сливовицы. Так умел хорошо и весело отдыхать в коллективе Ефим Павлович Славский.

Также отлично вместе с коллективом Минсредмаша отдыхал Е. П. Славский под Москвой. Дом отдыха «Опалиха» вполне устраивал нашего министра, он был с нами, с коллективом сотрудников Минсредмаша. Летом три месяца мы жили в Опалихе. Хороший парк, лесные прогулки, общение в период отдыха способствовали сплочению нашего коллектива.

Зимой в субботние и воскресные дни мы ходили на лыжах, смотрели фильмы, играли в домино, бильярд. Все праздничные дни были вместе, в коллективе. Ефиму Павловичу не раз предлагали правительственную дачу, в том числе и в Барвихе, но он не желал быть оторванным от коллектива и отказывался от предложений.

Таким был дорогой нам человек — Ефим Павлович Славский.

Н. И. Чесноков

«В те дни, когда Ефим Павлович возглавил отрасль, набирала обороты гонка ядерных вооружений, по нарастающей шли испытания ядерного оружия в атмосфере, под водой и под землей».

М. Н. Рыжов

ОН ЗАЛОЖИЛ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СРЕДМАША

Как руководитель отрасли, связанной с созданием ядерного щита страны и использованием атомной энергии, Е. П. Славский был мало известен широкой отечественной и зарубежной общественности. Он мало выезжал за границу, да и то только в некоторые социалистические страны. Его имя, как и название министерства, которым он руководил, никогда в открытой печати не связывалось с атомной проблематикой и международным сотрудничеством в области мирного использования атомной энергии и деятельностью СССР в области запрещения испытаний ядерного оружия и его нераспространения. Оставаясь в тени, Е. П. Славский тем не менее уделял много внимания этим вопросам.

В те дни, когда Ефим Павлович возглавил отрасль, набирала обороты гонка ядерных вооружений, по нарастающей шли испытания ядерного оружия в атмосфере, под водой и под землей. Поэтому ему приходилось не только руководить отраслью, решая народно-хозяйственные и оборонные задачи, но и участвовать в выработке важнейших политических решений, принимаемых политическим руководством страны.

В августе 1958 года Советское Правительство, членом которого был Е. П. Славский, внесло на рассмотрение Верховного Совета СССР предложение о том, чтобы СССР в одностороннем порядке прекратил испытания всех видов атомного и водородного оружия. Такое решение было принято при условии, что западные страны, обладающие ядерным оружием, также воздержатся от ядерных испытаний. Был предпринят еще ряд меж-

дународных инициатив, в результате которых 31 октября 1958 года в Женеве начались переговоры между СССР, США и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия.

Потребовалось 5 лет, чтобы достичь частичного положительного результата и подписать в Москве в 1963 году Договор о запрещении испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

Но это не решило поставленной проблемы. Следующими важными шагами в направлении всеобъемлющего запрещения испытаний ядерного оружия стало проведение переговоров и подписание в 1974 году между СССР и США Договора о запрещении, предотвращении и непроизводстве подземных испытаний ядерного оружия мощностью свыше 150 кт в любом месте, находящемся под юрисдикцией и контролем договаривающихся сторон, а в 1976 году — Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

Достигнутые успехи создали определенный настрой и уверенность для осуществления дальнейших шагов в укреплении доверия между СССР и США. В 1977 году после предварительных консультаций СССР, США и Великобритания приступили к трехсторонним переговорам в Женеве с намерением заключить Договор о всеобщем запрещении ядерного оружия. Все долгое время подготовки этого договора и вплоть до последних дней своего пребывания на посту министра Е. П. Славский поддерживал участие представителей отрасли в этих переговорах и определял занимаемую ими позицию. К сожалению, ему не довелось увидеть положительные результаты этой деятельности, поскольку окончательное согласование Договора и его подписание состоялось уже после смерти Ефима Павловича.

Параллельно с усилиями по запрещению испытаний ядерного оружия Советский Союз проводил активную работу по предотвращению расползания ядерного оружия по планете, рассматривая ее как долговременную задачу сдерживания гон-

ки ядерных вооружений.

В этой связи Советский Союз, являясь одним из создателей Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), деятельность которого самым непосредственным образом связана с поддержанием мира и развитием международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, придавал важное значение сотрудничеству с этой организацией, росту ее авторитета.

Одно из направлений деятельности Агентства в соответствии с его уставом — это контроль за мирным использованием атомной энергии и совершенствование системы гарантий. Успешное решение задачи укрепления режима нераспространения находится в прямой зависимости от того, как действует система гарантий МАГАТЭ, которая является единственной общепризнанной системой международного контроля за нераспространением ядерного оружия.

При поддержке Е. П. Славского специалисты отрасли активно участвовали в работе международных форумов, посвященных различным аспектам проблемы нераспространения ядерного оружия, укрепления системы гарантий МАГАТЭ.

В 60–70-е годы в МАГАТЭ активно осуществлялись программы международного сотрудничества в области атомной энергетики, применения изотопов и излучений в промышленности и сельском хозяйстве.

Специалисты отрасли принимали активное участие в этих программах и различных мероприятиях Агентства, связанных как с ядерной энергетикой, базирующейся на реакции деления, так и с термоядерной энергетикой.

Важной вехой в международных связях отрасли явились визит и выступление И. В. Курчатова в Харуэлле. Тогда впервые была приподнята завеса секретности над многими направлениями исследований в ядерной области, проводимыми в СССР, и провозглашена необходимость широкой меж-

Встреча Е. П. Славского с Хо Ши Мином, Генеральным секретарем ЦК ПТВ, Председателем ЦК партии трудящихся Вьетнама, 7 ноября 1955 г.

дународной кооперации в мирном использовании атомной энергии.

Началом же официальных связей с промышленно-развитыми странами считается конец 60-х годов, когда в ноябре 1969 года был подписан первый Межведомственный меморандум с КАЭ США.

В период с 1969 по 1970 гг. были заключены соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Францией, Великобританией, Италией, Канадой, Нидерландами, Данией и Финляндией.

Первые соглашения охватывали физику высоких энергий, ядерную физику, физику плазмы и управляемый термоядерный синтез, вопросы разработок быстрых реакторов и т. п.

Были проведены серии уникальных исследований по физике элементарных частиц совместными группами ученых нашей отрасли и американскими физиками в Институте физики высоких энергий (ИФВЭ) в Протвино, под Серпуховом, и в Нацио-

Подписание итогового соглашения о сотрудничестве с немецкими специалистами, МСЗ, г. Электросталь

нальной ускорительной лаборатории Э. Ферми в Батавии.

В том же ИФВЭ в начале 70-х годов проводились совместно с французскими физиками исследования с использованием французской жидководородной пузырьковой камеры «Мирабель», одной из крупнейших камер в мире.

Ученые отрасли успешно взаимодействовали с учеными США, Франции, Англии и Италии по широкому кругу проблем физики плазмы управляемого термоядерного синтеза. Начав с ознакомительных визитов, сотрудничество переросло в планомерное проведение совместных исследований на установках партнеров совместными группами ученых.

В несколько меньших масштабах осуществлялось сотрудничество в области реакторной техники с Японией, Финляндией, Бельгией, Нидерландами, ФРГ и Швецией.

Первые соглашения по мирному использованию атомной энергии с бывшими социалистическими странами — ГДР, ЧССР,

СРР, НРБ и ВНР — были подписаны в апреле — июне 1955 г. Важнейшей задачей этого сотрудничества считалось оказание помощи в деле создания и развития национальной атомной науки и техники, то есть помощь в строительстве в этих странах исследовательских атомных реакторов, ускорителей, радиохимических лабораторий, в подготовке национальных кадров, совместной разработке отдельных научных и технических проблем, приборов и оборудования.

Для выполнения обязательств по соглашениям ученые и специалисты отрасли, конструкторские и проектные организации разработали и предложили целый комплекс установок, включающий три типа атомных исследовательских реакторов: тяжеловодный (ТВР) тепловой мощностью 10 МВт, водо-водяной (ВВР) тепловой мощностью 2 МВт, подкритическую сборку для учебных целей, ускоритель на энергию 25 МэВ, бетатрон на 25 МэВ, радиационную установку с источником кобальт-60, а также проект радиохимической лаборатории производства изотопов для медицины и промышленности. Для подготовки национальных кадров в этих странах в отрасли были разработаны типовые программы и методы обучения, по которым прошли обучение сотни специалистов.

В тот период в этих странах с помощью специалистов отрасли было построено и введено в действие 12 исследовательских и учебных реакторов, 16 ускорителей заряженных частиц, 5 радиохимических изотопных лабораторий. До тысячи специалистов отрасли участвовало в оказании помощи в строительстве, монтаже, наладке и пуске этих установок.

Подписанием двустороннего Соглашения с Арабской Республикой Египет в 1956 г. началось сотрудничество с развивающимися странами в области использования атомной энергии в мирных целях.

Соглашение предусматривало сооружение крупного ядерного научно-исследовательского центра с лабораториями,

оснащенными современным оборудованием и приборами. За короткий срок такой центр был создан в Киншасе, вблизи Каира. В состав центра вошли лаборатории ядерной физики с электростатическим генератором на энергию 2,5 МэВ, исследовательский реактор типа ВВР мощностью 2000 кВт с лабораторией нейтронной физики, лаборатория для исследований в области физики плазмы и ряд других лабораторий. С 1962 г. начались совместные научно-исследовательские работы египетских и советских ученых. В 1963 г. на базе ядерного центра в Каире был создан Восточный региональный изотопный центр, в работе которого принимали участие ученые 13 стран этого региона. Каирский ядерный центр, созданный при техническом содействии Советского Союза, являлся в то время единственным на африканском континенте и самым крупным на Ближнем Востоке.

В 1959—1961 гг. были заключены двусторонние межправительственные соглашения с Ганой, Индонезией и Ираком по созданию в этих странах аналогичных атомных центров.

В Республике Гана была сооружена и в апреле 1965 г. сдана в эксплуатацию станция наблюдения за радиоактивными выпадениями. Сотрудничество переросло в планомерное проведение совместных исследований на установках партнеров совместными группами ученых.

В Индонезии в ноябре 1961 г. была пущена подкритическая сборка. Современный, по тем временам, научно-исследовательский атомный центр был построен в 1967 г. в Ираке, вблизи Багдада. Наша страна обеспечила подготовку иракских национальных научных и технических кадров, что дало возможность после пуска центра в эксплуатацию начать проведение совместно с советскими специалистами научно-исследовательских работ в области ядерной физики, использование ионизирующих излучений в медицине, сельском хозяйстве, в промышленности.

Соглашения о сотрудничестве и оказании технического содействия в области мирного использования атомной энергии

*Е. П. Славский, В. Ф. Коновалов, П. М. Верховых
на машиностроительном заводе, г. Электросталь*

были подписаны с рядом развивающихся стран. В Марокко, Бирме, Пакистане и Ираке, в порядке безвозмездной технической помощи, построены медицинские радиологические лечебные центры, оснащенные современным диагностическим и терапевтическим оборудованием.

В 1984 г. в Ливии был сдан в эксплуатацию сооруженный с технической помощью СССР и при непосредственном участии специалистов отрасли Исследовательский атомный центр «Тажура» с исследовательским реактором, критсборкой, нейтронным генератором, термоядерной установкой типа «Токамак», а также комплекс лабораторий. Введен в действие информационно-вычислительный центр для сбора, обработки и хранения информации, получаемой при проведении экспериментов на установках в лабораториях.

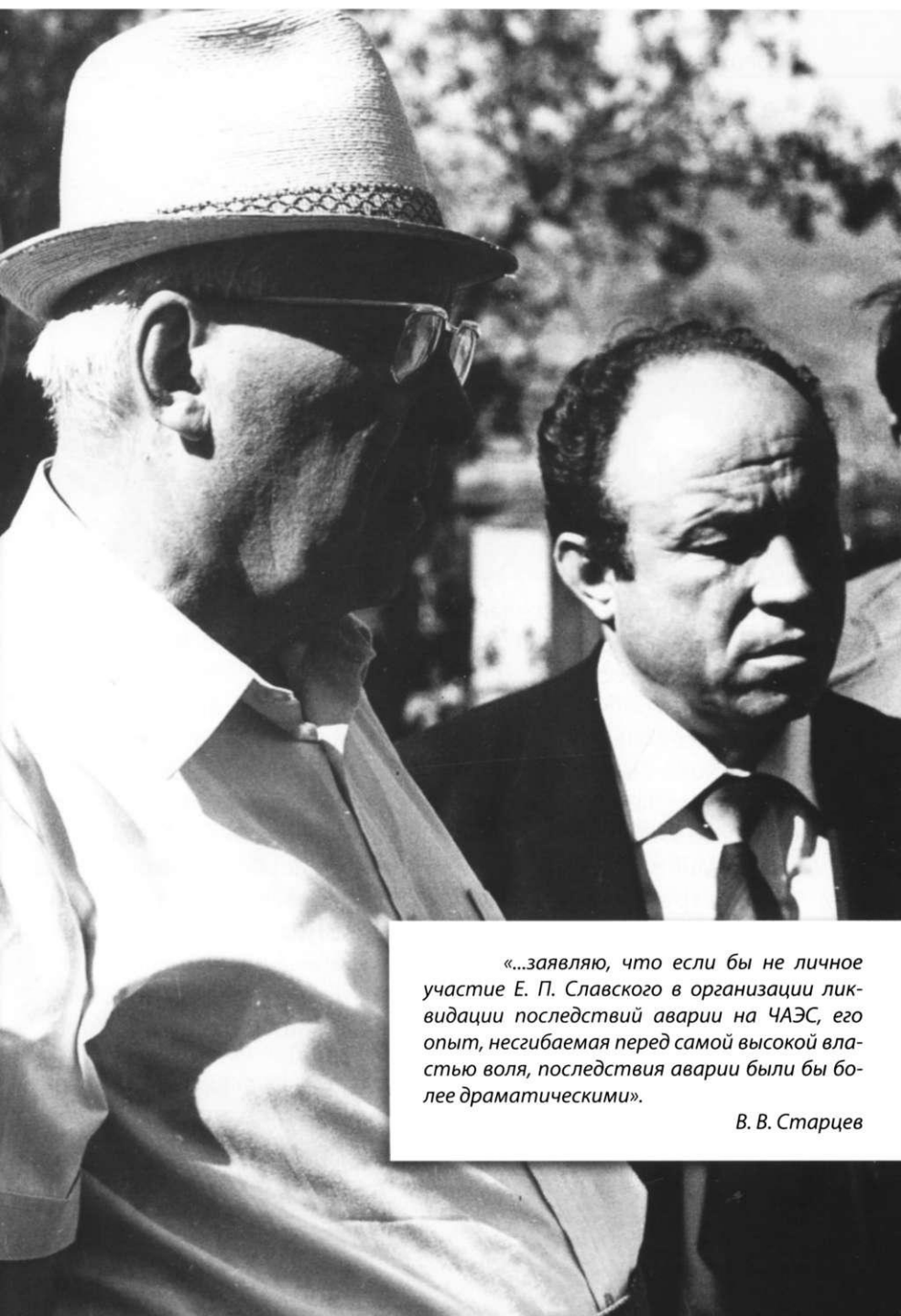
Международное сотрудничество отрасли с промышленно развитыми, бывшими социалистическими и развивающимися

странами и оказание последним технического содействия закладывало хорошую основу для расширения торговли гражданской продукцией отрасли. Первый контракт на поставку услуг по обогащению урана из давальческого сырья был заключен более 20 лет назад. Успешно осуществлялись экспортные программы по сооружению и пуску в эксплуатацию атомных электростанций с реакторами типа ВВЭР средней и большой мощности и других предприятий топливного цикла.

При непосредственном участии отрасли сооружено и введено в эксплуатацию на территории 10 стран различных регионов мира 26 энергоблоков суммарной мощностью 12 млн кВт. Высокую работоспособность и экономическую эффективность демонстрируют энергоблоки, построенные в Болгарии, Венгрии, Финляндии, Чехии, Словакии, при этом АЭС «Ловиза» и АЭС «Пакш» по своим технико-экономическим показателям устойчиво входят в первую десятку лучших АЭС мира.

Заложенные во времена Е. П. Славского традиции живут и развиваются в настоящее время в международном сотрудничестве отрасли, помогая ей в это трудное время сохранить и приумножить имеющийся в ней научно-технический и экономический потенциал.

М. Н. Рыжов

«...заявляю, что если бы не личное участие Е. П. Славского в организации ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, его опыт, несгибаемая перед самой высокой властью воля, последствия аварии были бы более драматическими».

В. В. Старцев

ВРЕМЯ СРЕДМАША

Впервые мне удалось познакомиться с министром Е. П. Славским в 1968 году. В то время мы одни из первых в отрасли начали применять в Новосибирске на заводе «Химаппарат» ЭВМ и оргтехнику в управлении производством.

Встречали его директор завода В. Н. Якутик и начальник отдела АСУ В. В. Старцев. Внимательно выслушав наши доклады и ознакомившись с работой вычислительной службы, он напряженно стал обдумывать, как могут отразиться на эффективности отрасли новые идеи создания систем управления, предшественники компьютеризации управленческих работ. В дальнейшем были приняты все необходимые в то время решения.

Далее, начиная с 1972 года, мне удавалось принимать участие во всех совместных заседаниях коллегии министерства и ЦК профсоюза, бывать рядом с министром на съездах ВЦСПС и ЦК профсоюза, лично докладывать по различным социальным проблемам, возникающим на предприятиях и стройках отрасли.

Мне также довелось находиться в Чернобыле, когда туда прибыли руководители министерства во главе с Е. П. Славским, и, видя, как он на месте организовал работу, заявляю что, если бы не личное участие Е. П. Славского в организации ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, его опыт, несгибаемая перед самой высокой властью воля, последствия аварии были бы более драматическими.

Своеобразно складывались отношения министра Е. П. Славского и председателя ЦК А. Н. Каллистова, которого он всегда уважительно называл Назарыч. Входя к министру без доклада, На-

Встреча Е. П. Славского в СвердловНИИХИММаше

зарыч спрашивал: «Не помешал, Ефим Павлович?», хотя в кабинете могли находиться адмиралы и академики. И всегда был ответ: «Разве мне может помешать профсоюз». Иначе и не могло быть.

Феноменальные способности Ефима Павловича дополнялись богатырским сложением. На XV съезде ВЦСПС ему, как и всем другим делегатам, вручили часы. Я, сидя с ним рядом, собирался помочь надеть их на руку министра. Но не тут-то было. Стандартный браслет не сходился на запястье богатырской руки. Пришлось сходить в мастерскую и добавить еще полдюжины звеньев, после чего часы удалось закрепить. Ефим Павлович усмехнулся и сказал: «А как ты думал? Если одна лавина конников мчится на другую и вся твоя жизнь в зажатой сабле и пике, рука становится очень крепкой». Я тут же его спросил: «А вот Бабель, он верно все написал в «Конармии»?» — «Да нет, не точно, бойцы даже проводили митинги, собираясь автору из обоза «намылить холку». Но приехал М. Горький и убедил всех, что писатель не должен все точно описывать, он пишет так, как сам воспринимает. Бойцы согласились с великим пролетарским

писателем и оставили Бабеля в покое».

Пришлось мне в числе очень немногих присутствовать в зале коллегий, когда было зачитано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров об отставке Е. П. Славского.

Выслушав постановление, Ефим Павлович высказал сожаление, что не дали доработать несколько месяцев до 30-летия работы его в должности министра среднего машиностроения. Посочувствовал заведующему оборонным отделом ЦК КПСС Белякову, что у того недостаточно воли, чтобы отстаивать интересы ВПК. Представителями Правительства было сказано несколько общих фраз, и на этом закончилась эпоха Великого Человека.

В. В. Старцев

«Ефим Павлович любил людей, и они платили ему тем же».

Н. В. Рожков

БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

«Социальная сфера всегда была предметом особой заботы Ефима Павловича», — вспоминает Николай Васильевич Рожков, которому довелось быть соратником Е. П. Славского более тридцати лет. Они познакомились еще до назначения Е. П. Славского на пост министра.

Впервые встретились на Урале, куда молодой заведующий культотделом ЦК профсоюза (а впоследствии — начальник Управления домами отдыха и санаториями ЦК профсоюза и Совета по управлению курортами) прибыл по служебным делам. Общие заботы и взаимная симпатия объединили, и в течение последующих трех десятилетий они вместе ездили по многочисленным объектам Средмаша.

«Ефим Павлович принимал самое активное участие в становлении и развитии санаторно-курортной системы отрасли, — рассказывает Н. В. Рожков. — Начало ее создания было положено передачей нам в начале 1960 года семи здравниц Третьего Главного управления при Минздраве СССР, таких как «Ершово», «Колонтаево», «Чепца», «Дальняя Дача», «Сосновка», «Судак», «Зеленый мыс». А потом мы стали строить свои. Первый «свой» санаторий, имени XXII съезда КПСС (сегодняшний «Пятигорье»), начал функционировать в 1962 году. За ним последовали дом отдыха «Голубая даль» (1963), санатории «Таврия» (1966), «50 лет Октября» (1967, ныне «Жемчужина Кавказа»), «Прикарпатье» (1968), «Алтай» (1971), «Бештау» (1975), позднее — «Киргизское взморье», «Джинал» (1987).

Задачу расширения сети курортных учреждений для оздо-

Е. П. Славский в пионерском лагере «Ленино», 1979 г.

рождения наших работников Славский считал очень важной. Для ее реализации составлялись пятилетние планы. Они утверждались на президиуме ЦК профсоюза и согласовывались с министром.

Особое внимание обращал Славский на создание и развитие специализированных санаториев, в первую очередь для профбольных, а также детских здравниц. При нем были открыты санаторий для детей «Солнечный», санаторные пионерские лагеря им. Олега Кошевого в Евпатории и им. Ю.А. Гагарина на Урале.

Ефим Павлович не только утверждал планы развития курортных учреждений, но и следил за тем, как идет строительство, встречался с проектантами, выбирал подрядчиков, лично проводил оперативки. Он старался сделать санатории и дома отдыха максимально удобными, часто отвергал типовые проекты».

Здравницы, построенные при Е. П. Славском, относились к повышенной категории. Они превосходили все профсоюзные и уступали только санаториям и домам отдыха 4 ГУ и ЦК партии. Но причины этого отставания были объективными: номера с удоб-

Е. П. Славский, А. К. Протазанов, В. П. Милейко в поле с оценкой будущего урожая. Совхоз «Ульбинский», г. Усть-Каменогорск, 1980 г.

ствами профсоюзным оздоровительным учреждениям по тогдашним законам не полагались. О том, насколько качественно были построены наши санатории и дома отдыха, можно судить по таким фактам: строительство санаториев «Таврия» и «Прикарпатье» было удостоено Диплома I степени Госстроя УССР, «50 лет Октября» — Госстроя РСФСР; а дома отдыха «Мерерана» — Госстроя Эстонской ССР.

От других профсоюзных курортных учреждений средмашевские отличались не только более комфортабельными (по сравнению с типовыми для профсоюзных здравниц четырех- и даже восьмиместными палатами) одно- и двухместными номерами, но и компактностью. По настоянию Ефима Павловича санатории строились по принципу «все под одной крышей»: спальный корпус, лечебный, столовая, развлекательный комплекс. Бегать по курорту нашим отдыхающим не приходилось. Казалось бы, мелочь, но она показательна: истинная забота о людях проявля-

Посещение животноводческого комплекса в совхозе «Ульбинский», г. Усть-Каменогорск, 1983 г.

ется именно в мелочах. Или другая деталь: в каком бы санатории ни остановился Ефим Павлович, он первым делом отправлялся... в туалет. Если его содержат в образцовой чистоте, значит, и в других местах порядок, считал Славский (и, между прочим, был абсолютно прав). Одновременно со здравницами на курортах возводились жилые дома для сотрудников, детские сады, строили дороги, прокладывали коммуникации.

На «счет» Ефима Павловича можно записать и целый город. Это его стараниями небольшой сибирский поселок Белокуриха превратился в благоустроенный курорт федерального значения, которому в 1982 году присвоили статус города. Целебные радоновые источники алтайского предгорья были известны еще с 1866 года, но заслуженное и широкое признание курорт получил лишь при Е. П. Славском. До него в Белокурихе функционировал только один небольшой профсоюзный санаторий барачного типа.

*Встреча в зале коллегии с награжденными тружениками отрасли,
5 марта 1982 г.*

«Мы построим здесь русское Цхалтубо», — шутиливо говорил Ефим Павлович, развертывая широкомасштабные работы по строительству на курорте оздоровительных учреждений и всей необходимой инфраструктуры. Город стремительно рос, один за другим поднимались корпуса новых санаториев. При жизни Ефима Павловича их было построено на пять тысяч мест (хотя мечтал Славский о десяти тысячах).

Старожилы вспоминают такой случай. Однажды Ефим Павлович заглянул вместе с секретарем ВЦСПС Шалаевым в один из новых корпусов. К ним подошла женщина-доярка, которой в здравнице вылечили больные руки, и стала благодарить Шалаева за то, что он построил такой замечательный санаторий. «Не меня, его благодари», — указал секретарь ВЦСПС на Славского. «Спасибо тебе, отец», — низко поклонилась женщина. С легкой руки этой доярки атомного министра в Белокурихе стали называть отцом. Его именем в городе названа одна из улиц и

небольшой пансионат строителей. Хотя, наверно, увековечить имя «отца Белокурихи» можно было бы и посолідней. Например, поставив памятник министру-легенде или переименовав в его честь лучшую здравницу. Но пока украшение Белокурихи, современный и комфортабельный санаторий, который строил Ефим Павлович для работников отрасли, называется иначе — «Алтай-West».

«Когда Славский отправлялся на тот или иной объект, он всегда старался остановиться в ближайшей отраслевой здравнице, — продолжает свой рассказ Н. В. Рожков. — Причем, как правило, настаивал на том, чтобы его поселили в самую обычную палату, а не в какой-то специально оборудованный номер. Он был прост и в быту, и в общении. Любил встречаться с работниками, беседовать с ними. Рассказывал о делах и заботах министерства, о планах развития социальной сферы. Обожал самодеятельность, к приезду министра всегда готовили концерт, и он смотрел его от начала до конца, а потом выступал перед зрителями и артистами. Ефим Павлович любил людей, и они платили ему тем же».

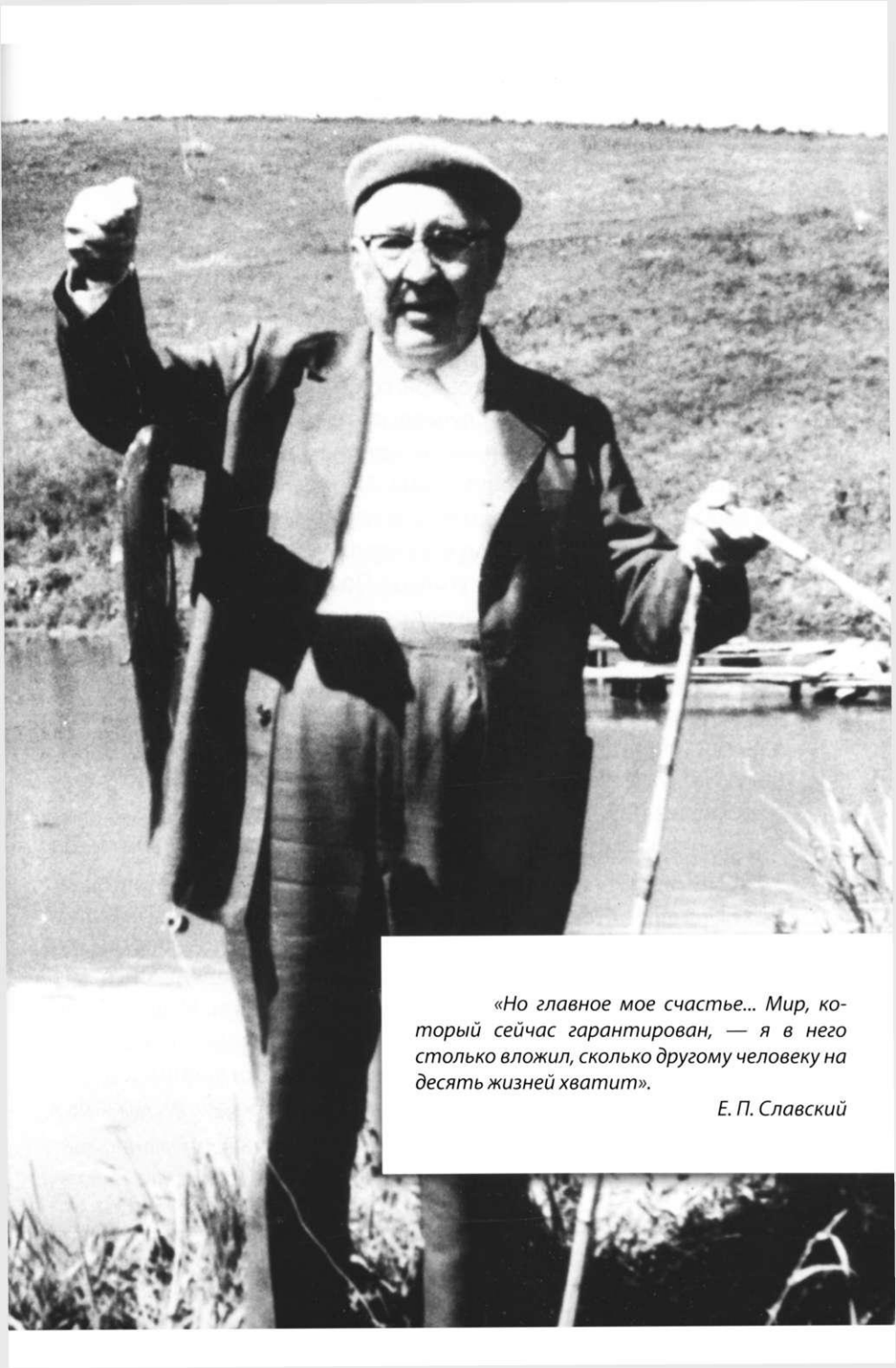
Оздоровительный комплекс, созданный при Славском, включал не только санатории и дома отдыха. С неменьшим вниманием относился он к созданию в отрасли сети профилакториев. По настоянию министра свой профилакторий имело каждое предприятие, где работникам приходилось трудиться во вредных условиях.

Забота о людях проявлялась во всем. Вспомним хотя бы образцовые совхозы, которых в бытность Ефима Павловича министром в отрасли насчитывалось несколько десятков и которые на 70% обеспечивали ее работников продуктами питания. Примеры можно приводить бесконечно. Но развитие здравниц наиболее показательно. При Ефиме Павловиче по его инициативе и при его непосредственном кураторстве для атомщиков была создана целая оздоровительная страна. 32 санатория и дома отдыха на 12,5 тысячи мест, в которых ежегодно оздоравливались

250–270 тысяч человек (в том числе два детских лагеря санаторного типа — в Евпатории и на Урале, детский санаторий в Крыму), 49 профилакториев на 6,5 тысячи мест, около 200 пионерских лагерей! Не считая больниц, поликлиник и медсанчастей. Вдумайтесь в эти цифры! Они красноречиво говорят о том, что здоровье работников и членов их семей было приоритетом не на словах, а на деле.

К сожалению, сегодня это уже только история.

М. Кондраткова, журналист
Атомпресса, № 38, октябрь 1998

«Но главное мое счастье... Мир, который сейчас гарантирован, — я в него столько вложил, сколько другому человеку на десять жизней хватит».

Е. П. Славский

РАЗГОВОР СО СЛАВСКИМ

Итак, к делу. Строго говоря, со Славским я встречался лишь однажды, если не считать случаев, когда наблюдал его издали в окружении свиты и охранников, которых всегда легко узнать по отсутствующему выражению лица. Правда, единственная встреча была, выражаясь современным языком, информативно насыщенной — около двух часов мы сидели за столом из некрашенных досок в одном из зеленых уголков Подмосковья и неторопливо говорили «за жизнь». Собственно, слово «говорили» куда больше относится к моему собеседнику, так как я в основном слушал, что устраивало меня гораздо больше. Потом, уже после того как Славского не стало, я два или три раза побывал у него дома по приглашению дочери Марины Ефимовны. Рассматривал семейные альбомы, документы, реликвии, многочисленные памятные подарки, дорогие и затейливые. Дочь делилась воспоминаниями.

В системе Славского, повторюсь, я действительно не работал, но соприкоснуться с ней так или иначе доводилось не однажды. В том числе, когда она проходила жесткое испытание — я имею в виду Чернобыль. В итоге у меня сложилось достаточно ясное, как мне самонадеянно кажется, представление и о личности Славского, и о прожитой им долгой жизни. Нашел я объяснение — для себя, разумеется, — и того, почему эта фамилия, окруженная яркими легендами при жизни, в последние годы померкла, стала забываться, а для кого-то, особенно из молодых, просто-напросто перестала существовать...

СЕКРЕТНЫЙ МИНИСТР

Два десятка лет назад на Алтае я познакомился с удивительным человеком — Николаем Павловичем Смирновым. Официально его должность называлась «наблюдатель гидрометеорологического поста Чири». Заимка Смирнова да и он сам много лет были одной из главных достопримечательностей знаменитого Телецкого озера на Алтае...

За вечерним чаепитием я о многом расспросил словоохотливого хозяина, а потом поинтересовался происхождением одной вещи, выглядящей чужеродно среди скромного убранства избы лесника. А именно роскошной, иначе не скажешь, кожаной шубой великанского размера, висящей на специально под нее вбитом в бревенчатую стену крюке.

— О, это царский подарок! Славский прислал, — с видимым удовольствием объяснил Смирнов.

— Кто это — Славский? — фамилия была мне неизвестна.

Николай Павлович, понизив голос, хотя в десятиверстной округе нас могли услышать только медведи, загадочно произнес:

— Министр секретный. По атому.

— По атому?! Как он здесь оказался-то?

— На вертолете. Отдыхал в Белокурихе, что ли, и на денек сюда прилетел — про красоты Телецкого озера слух до Москвы идет. Спиннинг побросал, да на беду тайменя вытащил килограмм на десять

— На беду?

— Ну да. Собирался через час улететь, а тут, как говорится, заело. Уху сварили, водочки, само собой выпили. Одним словом, остались компанией — сплошь генералы — ночевать. Вот на этой кровати спал. Утром улетели. А через месяц мне из Турочака с нарочным посылку доставили — шубу. Эту самую, да письмецо — так и так, пусть моя генеральская шуба греет твои старые пле-

чи. У нас, мол, в Москве таких морозов, как в Сибири, не бывает, мне она без нужды...

Рассказывая эту историю, Смирнов как бы сам удивлялся:

— Такой человек, а вот на тебе, не забыл. Да на нем вся страна, считай! Кто я ему?

Мы вышли из избы. Телецкое озеро, еще недавно зеркально отражавшее окрестные горы с белыми шапками вершин-гольцов, вспенивалось барашками волн.

— Низовка идет, — определил Николай Павлович. — Куда вы на своей лодке? Перевернетесь в момент. Ночуйте, места хватит.

Под шум кедровых крон, раскачиваемых низовкой, я крепко проспал до утра на кровати «секретного министра».

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В самых смелых фантазиях нельзя было вообразить в ту пору, что когда-нибудь я, сидя за одним столом с «секретным министром», задам ему вопрос:

— Ефим Павлович, старика с Телецкого озера — вы ему шубу в подарок послали — помните?

— С Телецкого озера? Помню, чего же не помнить! Только фамилию забыл. Как он там?

— Помер Николай Павлович три года назад.

— Помер? — переспросил Славский, в свои девяносто лет чуть туговатый на ухо. — Жалко, молодой был. Лет на десять меня младше... Я тогда еще тайменя поймал пудового.

— Николай Павлович говорил — полупудового.

— Может, и полупудового, — неожиданно легко для рыбака согласился Славский.

Пора рассказать, где и каким образом судьба свела меня с этим человеком.

В конце апреля 1986 года на Украине взлетел на воздух

И. А. Дудоров, В. А. Курносов и Е. П. Славский на площадке ЧАЭС, август 1986 г.

четвертый блок самой крупной в Европе атомной электростанции. Событие это обозначают словом «Чернобыль» и в таком значении оно будет существовать, по всей видимости, еще очень долго...

В Чернобыле наша съемочная группа со Славским не встречалась. В 88-м, когда основной пожар был уже потушен, из министерства был получен неожиданный заказ — на основе уже отснятых материалов с соответствующими досъемками сделать документальный, точнее, инструктивный фильм о ликвидации последствий катастрофы...

Я изложу нашу беседу с текстуальной точностью. Сделать это не так сложно, поскольку весь разговор фиксировался на магнитную пленку и сейчас передо мной запись...

Во время нашего разговора Славский не раз останавливался, как бы прикидывая, не слишком ли разболтался он сам. Понять нетрудно — молчать полвека, призывать к этому окружа-

ющих, видеть, как за неосторожно оброненное слово люди расплачивались партбилетами, свободой, а то и жизнью...

В изложении событий я иду за самим Славским, он в нашем разговоре, точнее, своем монологе также не стремился к последовательному изложению событий. Память его выхватывала фрагменты долгой жизни, по видимости, самые дорогие.

— Как мне хочется сейчас в Шевченко попасть, я этот город второй родиной считаю... Там пустыня была, колючка росла и верблюды ходили, а в земле уран. Но руда относительно бедная — по урану, я имею в виду. Мне говорят — разработка нерентабельна. А я же горняк, кое-что понимаю. Кроме урана там полно других элементов, редкоземельных, значит, будем комплексно разрабатывать месторождение, доказываю. Ты в Шевченко был?

Подобно всем большим начальникам, Ефим Павлович другой формы обращения, кроме как «ты», не признает. Справедливости ради, такое право дает ему и возраст...

Я ПРОСТО ПРИШЕЛ НА ВАС ПОСМОТРЕТЬ

— Мне всю жизнь везло на людей. Если я только перечислю фамилии... Это выдающиеся личности мирового масштаба, понятно? Но я хочу сказать, что со многими меня связывали не только служебные отношения, но и очень глубокие личные, проще говоря, по-житейски, дружба. Королев, скажем. Он мне однажды даже заявил: «Давай, я буду добиваться, чтобы весь космос передали в твоё министерство». Я говорю: «Ну тебя к шутам, мне своих атомных забот по горло хватает». Особо дорогой моему сердцу человек — Игорь Васильевич Курчатov. Я его каждый день, считай, вспоминаю, хотя уже сколько лет, как нет... — в этом месте Славский вновь прервался, не в силах справиться с нахлынувшим волнением. На глазах появились слезы. Он закрылся рукой. Мы деликатно молчали.

Открытие памятника в г. Шевченко, Казахстан, 24.11.1982 г.

Вырвавшись из плена воспоминаний, Славский продолжил:

— Сколько раз мы вот так сидели и у меня дома, и у него! Страшно живой, подвижный, остроумный человек. А талантище какой! Ему и никому больше наша страна обязана и атомной бомбой, и атомной электростанцией — мы ее в Обнинске построили, первую в мире, понятно?

Зельдович, академик — он с Харитоном на пару все расчеты по ядерному оружию делал. Такой изумительно эрудированный физик, такой энергичный, жизнерадостный всегда, я считал, что он меня куда там переживет. Инфаркт. Я не поверил сначала. Он мне года четыре назад принес сборник своих научных трудов, здоровая такая книга, и написал «Дорогому моему учителю на память». Я ему говорю: «Чего ты пишешь, какой я тебе, к черту, учитель, я твою книгу и прочесть-то не могу!» А он говорит: «Так вы мой учитель жизни». Я говорю: «Тогда так и пиши». Через год присылает оттиск своей статьи в научном журнале — «учителю жизни».

Александр Павлович Виноградов, тоже академик, крупный ученый... Я как-то сижу в своем кабинете, вижу — дверь приоткрывается и никто не заходит. «Что за хулиганство? — говорю, — заходите, если кому что нужно!» А Виноградов — он маленький такой мужичонка (у Славского талант имитатора — в этом месте он пригнулся, изображая «маленького мужичонку», и изменил голос. — Прим. В. Н.), заглядывает и говорит: «А мне ничего не нужно, я просто пришел на вас посмотреть...»

ЧЕРНОБЫЛЬ

1986 год. Ефиму Павловичу Славскому восемьдесят восьмой год. Он по-прежнему во главе всемогущего министерства, по-прежнему король атомной империи Средмаш. Годы не со-

Е. П. Славский и А. П. Александров, 70-е годы

гнули позвоночник, голова ясная, речь уверенно-командная. Авторитет в правительстве непререкаем — Славский своего рода дуайен министерского корпуса. Только подумать — стал членом правительства еще при Сталине! Всех пережил, все прошел — культ, застой, теперь вот перестройку. Достиг всего, о чем может мечтать человек, — уважения, почета, власти. Прекрасная квартира, завидная семья...

Но тут происходит то, что не могло произойти никогда. Так, во всяком случае, считали все, в том числе Славский. Взлетел на воздух 4-й энергоблок самой крупной, самой современной станции, гордости атомной энергетики страны...

Славский постоянно бывает в Чернобыле, убеждаясь, что происходящее там пока не зависит от него.

— Академики наши из института Курчатова нарекомендовали там черт знает чего. Они боялись, что топливо сплавится и образует раскаленную каплю, которая уйдет вглубь земли, в по-

чвенные воды. Затеяли подводить плиту под реактор. Абсурд совершеннейший! Мне надо было ставить крест на их дурацкие решения, но я не стал вмешиваться — черт с вами, копайте. Столько сил ушло, людей облучили. Если бы был в это время Курчатов с его волей, с его авторитетом... Анатолий Петрович (Александров. — Прим. В. Н.), директор нашего Курчатовского института человек очень честный, но он очень слабый в волевом отношении.

Последние слова к Славскому не отнесешь. Чего-чего, а воли ему всегда хватало — он доказал это всей жизнью. Но тут одной воли было мало. Нужна власть...

ВСЕ ДЕДА СЛУШАЮТ

Задавать вопросы в этом разговоре мне почти не пришлось. Если точнее — не удавалось. Славский как будто хотел выговориться и почти не делал пауз в своем рассказе. Но один из немногих вопросов, с которым я все же вклинился в монолог, был не слишком, мягко говоря, оригинален. «Ефим Павлович, — спросил я, — вы ощущаете себе счастливым человеком?» Собеседник не размышлял ни секунды.

— Безусловно! Безусловно! Жена вот только умерла, дорогая моя Евгения Андреевна, шесть лет назад. Семидесяти двух лет от роду. У нее был рак поджелудочной железы, а способов диагностики надежных тогда не было. Пока мы купили, черт побери, компьютер этот, пока установили в больнице нашей... Мне врачи говорят — мы вам, Ефим Павлович, должны честно сказать, что Евгении Андреевне осталось двадцать дней жизни...

Две дочери у меня, четверо внучат. Первым был сын, мы его потеряли бессмысленно, сейчас бы ему под шестьдесят было, даже больше. Дочери кандидаты наук обе, зятя хорошие — один директор крупного института авиационной промышленности, другой ихтиолог, заместитель начальника главка. Внучка

со мной живет, ей еще двадцать пять лет, а она уже три года в Малайзии отбыла, английским владеет, французским. Внук окончил восьмой класс, пошел в техникум — сейчас, говорит, выгоднее в рабочей бригаде быть, чем инженером, понимаете.

Такие времена пошли. Все деда слушают, иногда и побаиваются, потому что он еще кулак сильный имеет (в этом месте Славский разулыбался, показывая, что это, само собой, шутка. — Прим. В. Н.). Так что все хорошо у меня.

Но главное мое счастье... Мир, который сейчас гарантирован, — я в него столько сил вложил, сколько другому человеку на десять жизней не хватит. Или на сто. Понятно? У нас же ни черта не было, ни урана, ничего. А сегодня у меня на складах (он так и сказал — «у меня». — Прим. В. Н.) столько лежит — на тысячу лет хватит. Понятно? А ты спрашиваешь — счастливый я человек или нет...

О Чернобыле в этом ответе он не сказал ни слова...

На Славского в общественном мнении как бы возложили ответственность за Чернобыль. Конечно, реактор родился в его ведомстве. Верно, конструкция оказалась не без изъянов. Но Славский «повинен» в этом, если можно так сказать, куда меньше, чем система всей нашей жизни, управлявшаяся с верхов.

Легко пинать мертвого льва. Легко судить об уже свершившихся событиях в историческом отдалении. Но кто не ошибался, действуя? По словам коллег Сахарова, даже этот великий гуманист в свое время на полном серьезе предлагал начинить 50-мегатонной водородной бомбой торпеду и, скрытно подойдя к Америке на определенное расстояние, шарахнуть по вражескому континенту. Сама обстановка ядерной гонки тех лет располагала к таким идеям...

Наш разговор закончился так (воспроизвожу в дословной записи):

— С точки зрения, как говорится, жизни, я полностью удовлетворен своей жизнью и рад, что мне довелось уже до та-

кого возраста прожить. Сколько я еще проживу, черт его знает. Почему я знаю?

Славский немного устал, это было заметно. Мы начали прощаться.

После нашего разговора Славский прожил два года. Интервью он больше никому не давал — то ли не хотел сам, то ли не интересовались журналисты.

В. Новиков,
режиссер-кинодокументалист студии кинохроники, г. Москва.
Отрывки из авторской повести

«...на площадке саркофага он произнес исторические слова: «Я первый построил атомный блок и первый захоронил реактор»

И. А. Беляев

ОТЕЦ МИНСРЕДМАШЕВЦЕВ

Про Ефима Павловича Славского писать сложно, особенно нашему поколению. Все-таки мы были на 40 лет моложе, и где-то даже побаивались контакта с ним. А моя работа на стройке вообще не давала возможности встречи. Мы только слышали и гордились, что у нас такой министр.

Первая моя встреча с ним произошла на строительстве барокамер для Минздрава СССР. Б. В. Петровский — министр здравоохранения — был другом Ефима Павловича, у них были очень давние связи, да и характеры у них были в чем-то схожи.

Ефим Павлович дал распоряжение построить барокамеры для Первого мединститута, большие по объему, чем все существовавшие в мире. Это было впервые и в Союзе. Строители не подвели, буквально через три месяца были закончены перекладки и начат монтаж каркаса. Научным руководителем был профессор Эфуни. И вот приехал Ефим Павлович. Осмотрели котлован и несколько установленных колонн, но сбор был не по этому поводу. Вообще, врачи и ученые, уже на моем опыте, очень верили, что если начало хорошее, то конец обязательно будет. Мы всей группой — Е. П. Славский, А. Н. Усанов, Ю. А. Шилобреев — после осмотра прошли через операционную в комнату отдыха и там были приняты по-королевски. Обед из трех блюд и по рюмочке. Барокамеры через полтора года были закончены. Долго еще звучали и звучат барокамеры со сложными операциями, и даже сегодня их там делают.

Потом была встреча на объекте Г. Басова, но это мимолетно, а воспоминания у меня остались. У меня и в мыслях не было о

более близких отношениях с министром.

Время шло. Я уже начальник СМУ. Вечером лег спать, а ночью звонок, жена разбудила: «Игорь, Усанов». А. Н. Усанова я знал по разговорам и очень удивился звонку. Он сказал, что утром ждет меня в министерстве, а у меня пропуска в министерство нет. Утром был сагитирован стать заместителем руководителя стройки в Шевченко и в 12:00 меня повели к Ефиму Павловичу. Для меня это было событием, а он спокойно посмотрел на А. Н. Усанова, спросил: «Веришь?» и дал свое согласие.

Шесть лет я работал в Шевченко — в городе, которому Ефим Павлович отдал часть своей жизни, начав его практически с нуля и сделав его современным, цивилизованным, я бы даже сказал, европейским городом. Он его очень любил, это была часть его жизни. А построить завод пластмасс в городе было поручением Правительства. Но он, как государственный человек, понимал, что это строительство — престиж его ведомства. И мы сделали завод. Славский дважды в год бывал там, помогал, и это еще одна доблестная страница в победах Минсредмаша.

Впервые я почувствовал Ефима Павловича, когда мы были на парткомиссии в Кремле. Там разбирался ход работ на ЗПМ. Должен был докладывать Дуничев — исполнительный директор. Е. П. Славский и А. Н. Усанов сидели за столом, перпендикулярным к председательскому. Дуничев перенервничал и не мог сказать ни одного слова, только с ушей капал пот. Пришлось выступать мне. Хотел все рассказать, вывесив плакаты, но не дали. Вместо этого услышал: «Здесь не просят, здесь наказывают». Впервые услышал на таком высоком уровне мнение о себе Славского. Это было для меня как награда и дало силы идти вперед. И когда 30 декабря представители ЦК приехали в Шевченко, чтобы проверить данное слово, у меня не было даже сомнения в выполнении задачи. «Ударопрочный» пошел, и «спасибо» от Ефима Павловича было лучшей наградой.

Решил обратно возвращаться в Москву, Ю. С. Семендяев

был против, но через два месяца я был дома. Министр дает указание: «Завтра выходить на работу».

Новое место и поиск смысла жизни в 11 Главке, заместителем главного инженера. Как-то Ефим Павлович дает команду: «Едем в Шевченко». Все сделали, подготовили самолет, а здесь у министра умирает жена. Какая тут поездка? Мы его отговаривали. Но Ефим Павлович — это другой человек, он даже переживать должен среди своих, и мы отправились в Шевченко. И снова работа, поездки, оперативки, консультации и, конечно, никакого обеда до вечера. Вечером Ю. В. Кузнецов пригласил на базу отдыха, и здесь только все узнали и почувствовали всю ту грусть и горе, которые переживал он, слушая украинские песни. А утром, как всегда, надо было надеть спортивный костюм. Ефим Павлович взял сверток, который раньше собирала ему супруга, а в нем оказались обрезки лоскутов для ремонта костюма, и это еще раз напомнило ему о прошлом.

Вызов к Ефиму Павловичу: «Будешь начальником ХОЗУ, сделаешь работу, а дальнейшая твоя судьба мною спланирована». Самой большой наградой для меня было то, что он сказал: «До девяти утра ко мне приходят А. Д. Зверев и Н. Б. Карпов, теперь и тебе разрешаю, по любым вопросам». Это высшая степень доверия министра.

Работа сразу взяла свое, но чуть на первом этапе не споткнулся. Сдавали базу-100. Несколько лет она строилась, это как нарост, но решил сдать к концу года. Хорошо поработали, акт подписали. А здесь решение Правительства: за сдачу объектов с недоделками — вплоть до судебной ответственности. Прокуратура схватила это дело не без помощи со стороны, и допросы и объяснительные пошли сплошной чередой. Некоторые потирали руки. Решил пойти к Ефиму Павловичу и все объяснить. Он, не говоря ни слова, на заглавном листе акта написал: «Утверждаю, Славский» — синим карандашом. А потом целый год гаданий: «Почему, как, имел право или не имел, а почему карандашом?»

И все затихло, потому что таких людей не было ни в руководстве, ни в Правительстве. Все было бы хорошо, если бы не Чернобыль. Я помню его на заседании Ученого совета по определению количества топлива, оставшегося после аварии. Он не вмешивался. Первая версия была, что все топливо в атмосфере. Через сутки мнение изменилось. Для дела, может быть, так и было нужно.

Первое посещение станции. Его уверенность, твердость вселили веру всем, что все будет работать, вплоть до третьего блока. В Правительственной комиссии повздыхали, согласились, но не верили. Он нас не учил, как закрывать, как, веря в наше руководство, делать невозможное. Но его присутствие вселяло надежду. И в первый обход он единственный дошел до третьего блока, а остальным не разрешил, и выйдя, сказал: «Будем работать».

И когда последний раз были на площадке саркофага, он произнес исторические слова: «Я первый построил атомный блок и первый захоронил реактор». И в этот же день он был вызван в ЦК. Взял трубку (там соединяют хоть с космосом) и был удивлен, что ему надо быть там сегодня. Он объяснил, что он в Чернобыле. Извинились и вызов перенесли на два дня. Я по всем его действиям понял, что у него какие-то мысли появились, он уже что-то почувствовал. Да и М. С. Горбачев его знал, имел на него обиду.

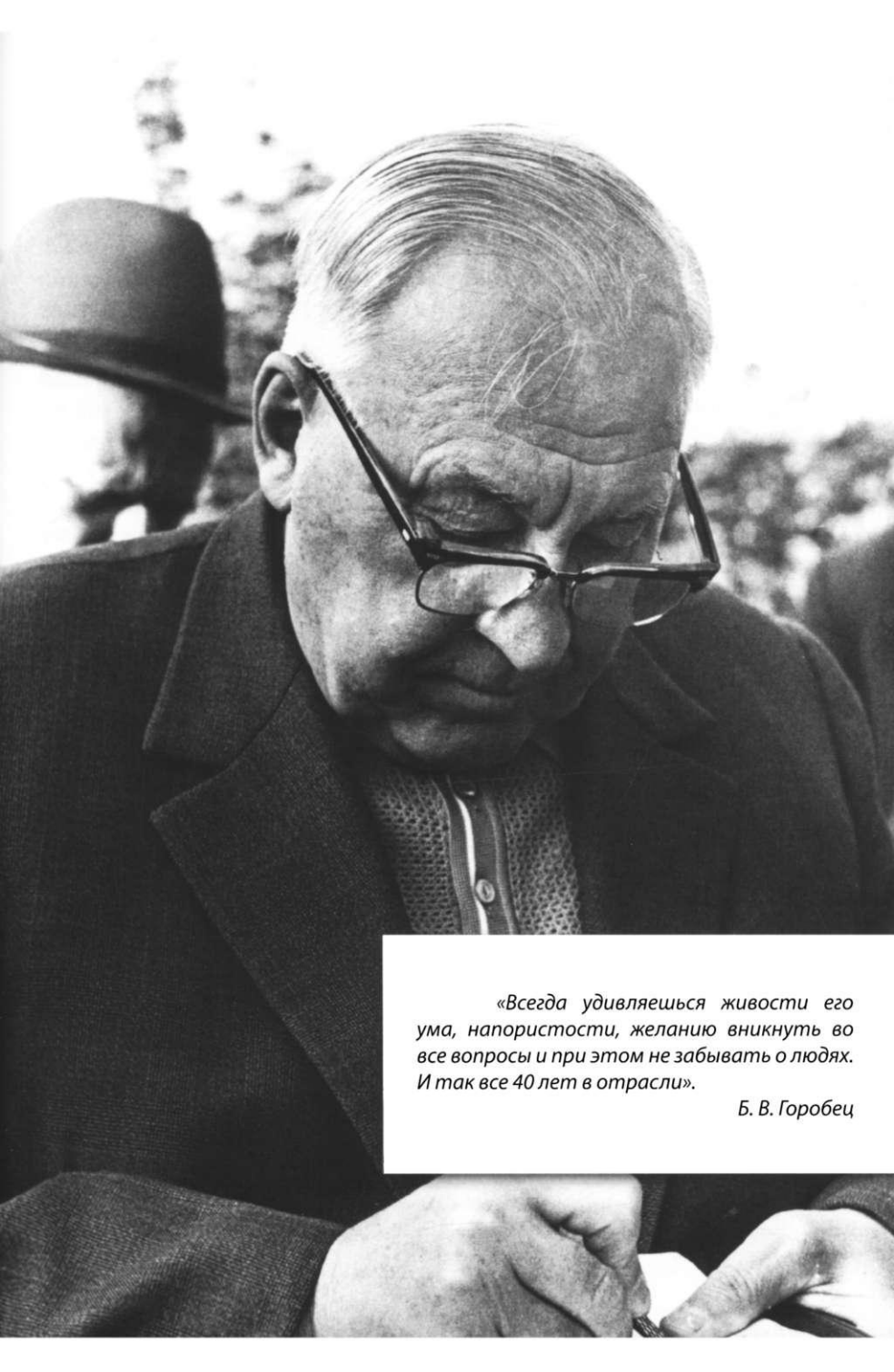
После трехчасового разговора в ЦК, он приехал чернее тучи, написал синим карандашом заявление об увольнении с поста министра по болезни уха. Две недели в ЦК не знали, как представить это президенту, и в конце концов вернули обратно и сказали, что надо переписать. Но перепечатанное заявление он все равно подписал синим карандашом. Через несколько дней приехали из ЦК представлять Л. Д. Рябева. Собрались в зале коллегии и сразу начали разговор о новом министре, забыв сказать спасибо тому, кто двадцать девять лет тянул эту лямку. Ефим Павлович попросил слова, попрощался, но так, что слезы и дыхание перехватило. Он ушел. И только через неделю мы получили

решение, где за ним оставались комната в «Опалихе» и машина. Конечно, несколько месяцев он не находил себе места, но годы брали свое. Он очень интересовался жизнью в министерстве.

Все директора предприятий обязательно навещали его, рассказывали о своих делах. Мы просто любили своего отца и наставника. И день рождения был, как всегда, в «Опалихе», и его товарищи пришли, и более молодое поколение — А. Н. Усанов, В. Ф. Коновалов, А. Г. Мешков. Все было хорошо, и тосты были за здоровье и за жизнь, только в конце, позвав меня к себе, он странно сказал: «Игорь, а жить-то осталось, видимо, недолго».

Его будут помнить всегда, потому что он не только сделал много и вырастил не одно поколение атомщиков, о нем будут говорить отцы своим сыновьям как о человеке добром, родном, очень умном, требовательном и жестком, но всегда с человеческим отношением. Для нас он останется просто отцом в семье минсредмашевцев.

И. А. Беляев

«Всегда удивляешься живости его ума, напористости, желанию вникнуть во все вопросы и при этом не забывать о людях. И так все 40 лет в отрасли.»

Б. В. Горобец

ОН НЕ ТОЛЬКО ТРЕБОВАЛ, НО И ПОМОГАЛ

В юбилей Ефима Павловича невольно вспоминаешь встречи с ним. Всегда удивляешься живости его ума, напористости, желанию вникнуть во все вопросы и при этом не забывать о людях. И так все 40 лет в отрасли.

После окончания института в 1950 г. я был направлен в Министерство высшего образования, где мне дали путевку в ПГУ, а оттуда в Челябинск на улицу Торговую, 6б. Так я попал на комбинат 817.

В конце 1950 г. на первом промышленном реакторе А, где мне пришлось работать дежурным механиком центрального зала, проводился очередной планово-предупредительный ремонт. ППР называли плановую разгрузку и загрузку реактора новым топливом. Была смена Николая Ивановича Козлова. Он выходит на балкон ЦЗ (центрального зала) из 15 комнаты (пулт управления реактора) и как всегда громко дает команду: «Полундра, все наверх». Н. И. Козлов раньше служил на флоте. Дисциплина в нашей смене была жесткая — флотская. Нашу смену так и называли «флотская». По этой команде каждый исполнитель становился на свою технологическую операцию — по камерам. Операция разгрузки-загрузки одна из самых ответственных на реакторе и, как правило, на разгон (подъем мощности) реактора прибывало руководство комбината.

Пришли Б. Г. Музруков, Г. В. Мищенко, Н. Н. Архипов и с ними был Ефим Павлович Славский (в это время он был замначальника ПГУ). Так я впервые его увидел. Наша бригада механиков заканчивала установку последних каналов в реактор. Кроме

каналов в реактор также устанавливались аварийные поглощающие стержни. Аналогичные поглощающие стержни ставились в каждую зону реактора. Вначале с помощью тросика они регулировались по высоте по команде старшего инженера управления из 15-й комнаты по громкоговорящей связи в ЦЗ. А механик в центральном зале выполнял эту команду, поднимая стержень за тросик или опуская. Эта регулировка по зонам была предложена И. В. Курчатовым. Позже эта регулировка была переведена на дистанционное управление. И вот идет подготовка к подъему мощности. Идут команды: «Поднять ХИВ на один метр. ХИВ-4 опустить на два метра» и т. д. Ефим Павлович спрашивает у Козлова: «Слушай, что это за ХИВ? Почему ХИВ?» Николай Иванович объяснил, что персонал прозвал эти устройства «ХИВами», и расшифровывалось это как «хреновина Игоря Васильевича». Ефим Павлович хохотал от души.

Весной 1951 года нас, группу механиков, которые поработали на реакторе «А», перевели на «смену» — так называли в то время новый объект, где монтировался первый промышленный тяжеловодный реактор ОК-180 в здании 401 (позже завод 37). Научным руководителем его был академик А. И. Алиханов, начальником объекта — А. А. Тарасов, главным инженером — И. Д. Онуфриев, главным механиком — В. П. Григорьев.

Нам пришлось работать круглые сутки с монтажниками. Монтажники реактора были высококвалифицированные инженеры и рабочие с завода 92 из Горького — изготовителя ОК180. Руководил ими главный инженер завода 92 Савин.

А. И. Алиханов практически постоянно был на объекте, лично контролировал ход работ. 17 октября 1951 года был начат подъем мощности, и через неделю реактор был выведен на проектную мощность.

В середине ноября случилась первая аварийная ситуация на реакторе. Циркуляция тяжелой воды в реакторе прекратилась. Реактор был заглушен. Видимо, замерзла тяжелая вода в те-

плообменниках, которые вместе с циркуляционными насосами находились в защитных боксах.

Мы знали, что А. И. Алиханов должен был уехать в Москву. Уже поздно вечером прибыла группа во главе с Е. П. Славским: А. И. Алиханов, Б. Г. Музруков, Н. А. Семенов. Пеняли, что Алиханова Е. П. Славский задержал. Ефим Павлович заставил открыть бокс с теплообменниками, где была приличная радиация, и повел туда А. И. Алиханова щупать теплообменник. Он оказался действительно холодным, а должен был иметь температуру не менее 80 градусов. Алиханов не мог поверить, что вода в теплообменнике замерзла. Приняли решение не допускать в контур охлаждающей воды с температурой ниже 8 градусов. Так я был свидетелем, как Ефим Павлович доказывал правоту своего заключения с риском получить приличную дозу. Уже в 1952 году еще раз убедился в его беспокойстве о нормальной работе объекта. На этом же реакторе ОК-180 при плановой разгрузке урановых блоков из нескольких технологических каналов (ТК) гидротранспортом блоки застряли в разгрузочной петле. Блоки без охлаждения перегрелись, пригорели и прожгли нержавеющую конструкцию. Это была крупная авария. На место аварии прибыл и руководил ликвидацией этой аварии Ефим Павлович Славский и с ним А. Д. Зверев. В этой аварии и он сам, и мы, механики — участники ликвидации облучились сверх всяких норм. Технологию разгрузки пришлось изменить.

В конце 1954 г. врачи запретили мне и некоторым товарищам по работе находиться на объекте, и пришлось нам переехать на вновь строящийся объект Златоуст-20.

В ноябре 1954 г. я прибыл в Златоуст. Стройка нового завода была в полном разгаре. Директором строящегося завода был К. А. Володин, прибывший из Арзамаса-16, где он был директором аналогичного завода. Начальником стройки был подполковник В. А. Мусинов, в 1952 г. прибывший из Челябинска-40 и имевший опыт строительства подобных объектов.

Пульт управления реактора ОК-190М

После короткой беседы К. А. Володин, разобравшись в моей трудовой деятельности, предложил мне возглавить один из строящихся основных цехов будущего завода. Начались активные трудовые будни. Участие в строительстве цеха, монтаж оборудования, наладка, комплектование от нуля коллектива рабочих, ИТР, служащих — на решение этих задач были очень сжатые сроки.

Строители сдавали объекты в установленные сроки, а мы им помогали. Пустили цех, и уже в июле 1955 года была выпущена первая продукция.

Задачи росли. Это мы особенно поняли, когда в ноябре 1959 года к нам на завод приехал Ефим Павлович, уже будучи министром. С ним был и начальник Главка Владимир Иванович Алферов. На совещании у руководства по перспективе развития завода Е. П. Славский и В. И. Алферов поставили задачи на ближайшие годы: с 1960 года удвоить объем производства, а с 1965 года — утроить.

Директор завода К. А. Володин и главный инженер А. Г. Потапов представили проработанные и предварительно обсужденные нами мероприятия. Мероприятия Ефим Павлович после уточнения принял и их исполнение взял под контроль.

Потребовалось некоторые производства расширить, другие перевооружить, перестроить структуру производства. Ефим Павлович не забывал и социальную сферу градообразующего предприятия.

Шестидесятые годы были годами становления коллектива завода и города, да и не только нашего завода, а всей отрасли. Эту работу Е. П. Славский, как мы поняли, провел по всему Уральскому региону, так как все предприятия были технологически связаны. В итоге под его жестким контролем задания были выполнены по объему и срокам. Поэтому, благодаря Минсредмашу, Н. С. Хрущев имел полное право стучать ботинком по трибуне в ООН и «показывать им кузькину мать».

Б. В. Горобец

*«Подпасок, шахтер, кавалерист
Красной Армии, ранение, демобилизация,
Промакадемия, директор завода, замести-
тель министра, министр — это жизненный
путь Е. П. Славского».*

В. А. Левша

НАШИ ВСТРЕЧИ

Ефим Павлович Славский — один из основных покорителей атома. От сельского мальчика-подпаса дошел он до министра атомной промышленности. Подпасок, шахтер, кавалерист Красной Армии, ранение, демобилизация, Промакадемия, директор завода, заместитель министра, министр — это жизненный путь Е. П. Славского. Совместно с соратниками, учеными, конструкторами, мастерами, с передсмотрящими корифеями науки и техники — И. В. Курчатовым, А. П. Александровым, А. И. Лейпунским, Н. Л. Доллежалем — Е. П. Славский двигал вперед новую технику страны и выводил ее на передовые рубежи в мире. Были разработаны, изготовлены и введены в эксплуатацию несколько типов атомных реакторов как промышленных, так и энергетических. В 1956 году было организовано в системе министерства Главное управление по использованию атомной энергии для более тесного и открытого контакта с наукой и промышленностью, особенно в области расширения строительства атомных электростанций, обеспечивающих нужды развивающихся городов и промышленности.

Пост начальника Главного управления был предложен Б. Л. Ванникову, но он категорически отказался. Это же предложение было сделано Е. П. Славскому, но он тоже замахал руками и отказался. Тогда в дело включился И. В. Курчатов, и Е. П. Славский согласился, и началась практическая деятельность. В самом начале был такой случай: к Славскому пришел Б. Л. Ванников, они поздоровались, и Ванников спросил, как идут дела, что наметили, что будете делать. Послушав, сказал: «Плохи ваши дела, ребята, все места заняты, что вам осталось?»

Е. П. Славский немного погорячился и сказал: «У нас уже есть крупные наметки, есть первоначальный план, и мы обсудили с учеными и конструкторами развитие института в г. Обнинске, работу первой в мире атомной станции, поддержку в развитии города и интересов сотрудников; разработку новых ТВЭЛов и других работ, разработку и изготовление передвижных атомных электростанций».

Был разработан атомный реактор, собрана и испытана вся передвижная установка и передана в Обнинск. Были разработаны реакторы и макеты для авиации и ракет. Был создан институт по разработке, изготовлению и использованию радиоактивных изотопов. Особо следили за правильным и безопасным применением изотопов в науке и промышленности. Частые встречи с учеными и конструкторами приносили взаимную пользу: так практический опыт Ефима Павловича вносил коррективы в разрабатываемые изделия и улучшал их качество и безопасность применения в процессе эксплуатации. Ефим Павлович в общении с учеными был прост, компромиссен, но и требователен. В пятидесятых годах Правительством было принято решение о создании в центральной части России крупного производственного предприятия в целях расширения мощности атомной промышленности.

Было выбрано место строительства, разработана техническая документация, начались подготовительные работы. Через некоторое время решение было пересмотрено. На совещании у министра Ефим Павлович предложил создать центр по испытанию реакторов — это было принято.

Создали крупный научно-исследовательский институт рядом с реакторами и различными лабораториями. Многие разработки института были внедрены в жизнь. В 1973 году в Казахстане в г. Шевченко был введен в эксплуатацию реактор на быстрых нейтронах мощностью 350 тыс. киловатт, обеспечивающий город и предприятия теплом и электроэнергией. Это было детище Ефима Павловича. Будучи на пенсии, он посетил свой любимый город, имя которому он присвоил, побывал на станции и предприятиях,

поговорил с людьми и вернулся в Москву в приподнятом настроении. Много рассказывал о своих впечатлениях. При встречах часто рассказывал о своей прошлой работе, о том, как он, будучи директором Завода цветных сплавов в Запорожье, под обстрелом эвакуировал завод в Сибирь и о многом другом, случавшимся в его жизни. Он не боялся сказать правду в глаза, не унижал подчиненных и не боялся отстаивать свое мнение у руководства.

После выхода на пенсию он очень тосковал по работе. Во время наших почти ежедневных встреч он рассказывал о событиях произошедших за 45 лет его служения атомной промышленности. Он очень любил дом отдыха «Опалиха» и летом все свободное время вместе с семьей проводил там. И когда он уже был на пенсии, его тянуло в Опалиху и, хотя в то время дом отдыха был почти закрыт, этот вопрос был решен, и мы в октябре 1991 года провели месяц в «Опалихе». 26 октября был день рождения Ефима Павловича, ему исполнилось 93 года, и он называл этот день юбилеем. Говорил, как будет рад встретиться с соратниками и друзьями.

В день рождения чествовать его приехали друзья, родственники и руководство министерства во главе с министром. Было много объятий, речей и поздравлений, воспоминаний и шуток, потом было устроено чаепитие, после которого гости разъехались и остались только родные. После возвращения в Москву опять были продолжены исследования арбатских переулков. Надо сказать о тесной дружбе Ефима Павловича с И. В. Курчатовым и А. П. Александровым. Александров частенько навещал Славского, и они обсуждали перспективы развития отрасли. В ноябре 1991 года Ефима Павловича положили на обследование в ЦКБ, хотя он этого не хотел и все время сопротивлялся, но, видимо, врачи его уговорили. В результате исследования — пневмония, и 28 ноября 1991 года на 94-м году жизни Ефима Павловича не стало. Он был старше меня на 10 лет, и я называл его «батя».

В. А. Левша

«Ефим Павлович был высокопартийным человеком, через все годы с честью пронес звание коммуниста. Никогда не стыдился этого и гордился, что оправдал доверие партии».

В. П. Насонов

ВОТ ЭТО ЧЕЛОВЕК! ГЛЫБА!

Работая над созданием книги о Ефиме Павловиче Славском, я пришел к выводу, что необходимо написать несколько слов, раскрыть хотя бы часть тех мыслей, переживаний, которые были у Ефима Павловича в последние пятнадцать лет.

На это, я думаю, имею право, так как в последние годы некоторые важные события в жизни этого великого человека соприкасались с работой молодого секретаря партийного комитета Министерства среднего машиностроения СССР.

Хочу сразу отметить, что вся жизнь Ефима Павловича содержала в себе ту притягательную силу, которая вызывала в коллективе министерства и отрасли чувство необычайной гордости и желание работать еще лучше под его руководством.

В стране началась перестройка... В партийной организации состоялся актив с повесткой дня о стиле и методах работы аппарата министерства, где впервые была высказана критика в адрес работы Коллегии по подбору кадров, деятельности некоторых руководителей. Министр поддержал критический подход, хотя ему и было неприятно слушать это. Начались совместные действия. Вскоре секретарем ЦК КПСС стал курирующий нашу отрасль Лев Николаевич Зайков. Для знакомства и изучения проблем отрасли в оборонном отделе состоялась встреча Л. Н. Зайкова с Е. П. Славским, А. Г. Мешковым, С. П. Столяровым, В. П. Насоновым. Деятельность отрасли обсуждали целый день. В конце совещания меня задержал в кабинете Лев Николаевич и попросил подумать о будущей кандидатуре министра. Ефим Павлович понял сразу эту ситуацию, но у него было сильное желание

доработать до своего девяностолетия. Он говорил, что здоровье позволяет, память отличная, правда, слух стал подводить.

Были у него конкретные предложения по работе отрасли, которые он хотел высказать Генеральному Секретарю ЦК КПСС, однако такой встречи он так и не дождался. А он на это надеялся. Вскоре после разговора с Н. И. Рыжковым он написал заявление, и был отправлен на пенсию... Как это было сделано и организовано, нет желания описывать, хотя некоторым кажется, что все было сделано благородно и хорошо. Но боль такого расставания с отраслью и коллегами у него осталась до конца жизни.

Ефим Павлович был высокопартийным человеком, через все годы с честью пронес звание коммуниста. Никогда не стыдился этого и гордился, что оправдал доверие партии.

Будучи пенсионером, он часто встречался с коллегами, товарищами, принимая их дома или в Опалихе. При наших встречах он просил меня приезжать, шел разговор о ситуации в стране, в отрасли. Он много говорил о своих делах, которые были связаны с подарками, документами, фотографиями из его семейного архива, занимавшего отдельную комнату, читал любимое стихотворение «Сабля».

Человеку, всю жизнь проработавшему в кругу людей, ему не хватало общения. И когда приезжали, звонили соратники, он преображался, радовался и много говорил. Приятными были эти встречи...

В апреле 1988 года руководство министерства поручило мне возглавить делегацию для участия в открытии бронзового бюста трижды Героя Социалистического Труда Ефима Павловича Славского на его родине.

19 апреля делегация вылетела из Внукова рейсовым самолетом. Ранее планировалась большая делегация (10–12 человек), и хотели лететь на отраслевом самолете. Неожиданно изменилась ситуация, самолет министра был задействован на другое срочное задание, и мы — Ефим Павлович, Елена Григорьевна На-

зарова — председатель профкома министерства, Ю. П. Тычков и я вылетели в Донецк.

В Макеевке нас встречали в аэропорту как самых дорогих гостей, приехали в гостиницу. Ю. И. Тычков уехал на наше предприятие т. Коровина Ю. Ф., а мы втроем остались в гостинице. Но разве усидишь в гостиничном номере, хотя и устал в дороге, когда ты на родной земле, где прошло твое босоногое детство и начало юности. После обеда Ефим Павлович засуетился и попросил поехать в село.

И вот уже машины мчатся проселочной дорогой. Как он был рад этой поездке, сердце стучало учащенно, волнения не смог сдержать. Предыдущий визит в село был лет десять назад. И вот новая встреча с родственниками, сельчанами. Побывали у племянниц. Вспоминали прошлое, сыпались шутки, общий смех. Узнал, как живут родственники. Выяснил, что одному из них необходима квалифицированная медицинская помощь, возможно, операция. Елена Григорьевна все записала. Но встреча была недолгой.

Возвращались в гостиницу по улицам, которыми он не переставал восхищаться и говорил, как ему все знакомо и дорого.

Вечером, после ужина с руководителями области и города, мы остались в гостинице. Крыло гостиницы, где были наши номера, было свободным, и стояла охрана, чтобы можно было спокойно отдохнуть после насыщенного дня. Но Ефим Павлович никак не мог успокоиться: «Давай, секретарь, продолжим вечер!» Ему хотелось снять большое эмоциональное напряжение первого дня. И опять пошли воспоминания, а затем Ефим Павлович запел своим зычным, приятным голосом украинские песни. Иногда мы с Еленой Григорьевной присоединялись к пению, но в основном он пел сам. В темной донецкой ночи раздавался сильный голос певца до двух часов, пока мы его не уговорили отдохнуть, ведь завтра предстоял, вернее уже сегодня, самый напряженный и волнующий день.

Дом на ул. Красной, где родился и жил до 1912 г. Е. П. Славский

На следующий день, в первой половине, было знакомство с городом. Делегация побывала на хлопкопрядильной фабрике, где была теплая встреча с текстильщицами. Ефим Павлович по достоинству оценил их работу, отметил высокую культуру производства и рассказал о своем жизненном пути.

И вот приближается время начала митинга. Внизу у подъезда гостиницы ждут нас хозяева города и области. Захожу в номер за Ефим Павловичем, а он весь встревожен. Спрашиваю: «В чем дело?» Он отвечает: «Я не представляю, что делать? Я еще живой, а при мне будут памятник открывать. Не представляю, как себя вести». Сценария открытия он не знал. Я рассказал ему подробно о мероприятиях и расписанной по минутам программе. Посоветовал кратко рассказать землякам о себе, так как о нем толком ничего не знают. Главное в выступлении — не затянуть речь! Скажу сразу: справился он блестяще, даже не пришлось дергать его за полу костюма, как мы условились.

И вторая причина озабоченности была в том, что на па-

Открытие бюста в г. Макеевка, 1988 г. Е. Г. Назарова, председатель профкома МСМ, М. А. Славский, двоюродный брат, Е. П. Славский, Ю. И. Тычков, замминистра МСМ, В. П. Насонов, секретарь ПК МСМ, руководитель делегации

радном костюме, который он взял с собой в поездку, не оказалось трех звезд Героя. Этот костюм он надевал редко, к тому же он очень тяжелый от наград, а звезды были на другом костюме. Это обнаружилось за полчаса до начала митинга, ликвидировать эту оплошность уже не было времени. Хозяева успокоили Ефима Павловича, и вереница машин направилась на площадь имени 200-летия Донбасса.

На улицах и на самой площади собрались представители трудовых коллективов, ветераны войны и труда, учащиеся. В их руках — флаги, транспаранты, цветы. У бюста, покрытого полотнищем — почетный детский караул. Море людей — на балконах высотных домов и прилегающих к площади улицах. Движение транспорта перекрыто, день солнечный, теплый. Торжественный митинг вызвал огромный интерес и радость у людей. Это было яркое свидетельство признательности макеевцев человеку, чьи

заслуги так высоко отмечены Родиной. В процессе митинга стоящие недалеко от помоста шахтеры сказали: «Вот это человек! Глыба!»

Торжественный митинг открыл и вел председатель горисполкома В. Д. Клец.

Почетное право открытия бюста предоставили секретарю Донецкого обкома Компартии Украины С. Ф. Поважному, зам. председателя облисполкома В. Т. Гришину, первому секретарю горкома партии, депутату Верховного Совета Украинской ССР В. Р. Жукову, секретарю парткома Минсредмаша СССР В. П. Насонову и председателю городского совета ветеранов войны и труда В. К. Суторминой.

Разрезали алую ленту, полотнище спадает. Открылся в лучах ласкового весеннего солнца бронзовый бюст, смотрящий на восток — в сторону родного села, на родной город. А живой Ефим Павлович стоял в окружении своих земляков и под звуки духового оркестра, исполнявшего гимны СССР и Украинской ССР, смахивал крупные слезы...

Затем состоялись выступления участников митинга. Среди них Р. В. Жуков и Ю. И. Тычков страстно, вдохновенно говорили о глубочайшей партийности и государственном подходе Ефима Павловича к делу. «Вы можете гордиться своим земляком, — сказал я. — Вся замечательная жизнь Ефима Павловича Славского — это подвиг во имя Отчизны. Он один из основателей надежного ядерного щита, шестнадцать лет плодотворно работал вместе с И. В. Курчатовым, умело направлял работу инженерной мысли. И хотя ушел на заслуженный отдых, но и сейчас он полон сил и энергии, находится в самой гуще событий». С теплыми словами признательности к прославленному земляку обратились машинист труболитейного завода З. П. Ковтун, Герой Социалистического Труда, ветеран войны и труда А. В. Литвиненко, директор завода Б. В. Станиловский.

Растроганный всеобщим вниманием Ефим Павлович

Бюст Е. П. Славского, установленный на его родине в г. Макеевке, Украина

блестяще выступил и в конце речи сказал: «Дорогие мои земляки! Огромное вам спасибо за теплый прием и оказанное внимание. Мне скоро исполнится девяносто лет, но я еще здоров, полон сил, энергии и постараюсь немало сделать для нашей любимой Родины. Желаю и вам, мои дорогие, здоровья, успехов в труде, счастья...»

Программа торжеств была продолжена на площади и в драматическом театре города.

Утром 21 апреля мы уже собрались обратно в Москву. Ефим Павлович был очень доволен этой поездкой, светлая улыбка была у него на лице. И когда в донецком аэропорту он вошел в самолет, пассажиры встретили его овацией. Город и люди уже знали, кто такой их земляк. Вечером вернулись в Москву, приехали на его квартиру, где он нас поблагодарил за заботу. Вручил памятные альбомы с дарственными надписями. На следующее утро он стал решать вопрос об оказании медицинской помощи своему родственнику, которому пообещал в родном селе.

Начались будни. Встречи с Ефимом Павловичем продолжались. Он очень переживал события, происходившие в отрасли и в стране... Так получилось, что мне поручили готовить текст некролога в центральную прессу от имени руководства страны на Ефима Павловича, который скоропостижно скончался 28 ноября 1991 года. Некролог был подписан М. С. Горбачевым, Б. Н. Ельциным и был напечатан без правок, за исключением изъятия фразы: «членом ЦК КПСС, делегатом партийных съездов».

На памятном вечере я не выдержал ситуации, когда все выступавшие ни слова не говорили, что он был высоко партийным человеком, коммунистом, боялись упомянуть эту принадлежность. Я знал, что Ефим Павлович всю жизнь гордился и дорожил своим званием. И было бы несправедливо не сказать об этом в светлую память этого человека. История не должна перекраиваться под чьи-то личности, под определенные моменты жизни. Историю делают люди, их дела, поступки...

Я рад, что у меня была возможность работать с Ефимом Павловичем Славским, и я горжусь тем, что он подарил мне редкую фотографию с дарственной надписью.

...И снова встреча.

В рамках подготовки к 100-летию со дня рождения Ефима Павловича Славского 19 мая 1998 г. члены Оргкомитета министерства В. П. Насонов, Н. А. Болдырев вместе со съемочной группой киностудии «Надежда» выехали в Макеевку, на родину Е. П. Славского для организации съемок документального фильма, подготовки и уточнения материалов по изданию книги, а также обсуждения участия городской администрации в организации юбилейных встреч в Москве и Макеевке.

Учитывая сжатые сроки, делегация направилась в Макеевку без согласования и предупреждения городских властей, и в поезде Москва — Донецк пришлось обсуждать между собой разные ситуации, какие могут возникнуть при нашем приезде, так как мы ехали теперь в другую страну, да и политиче-

ская обстановка изменилась...

На привокзальной площади Донецка арендовали машину, и вся группа с аппаратурой выехала в Макеевку. Проехав по улицам Донецка и Макеевки, мы сделали остановку на площади, где стоит памятник Ефиму Павловичу Славскому, а затем направились к зданию горисполкома.

Все наши тревоги и сомнения ушли сразу после первой встречи с заместителем председателя — секретарем Макеевского городского совета Анатолием Васильевичем Елясиным, узнавшим о прибытии гостей из Москвы и прервавшим заседание исполкома.

Встретили нас в Макеевке радушно, как лучших друзей в хорошие старые времена. За короткое время выяснили цель нашего визита, согласовали программу. Выделили нам сопровождающих и транспорт, и сразу же началась практическая работа нашей группы. Предстояло много успеть сделать. В ходе первой беседы выяснилось также, что собранных материалов практически никаких нет, хотя горисполком также планирует проводить юбилейные мероприятия к этой дате и начал подготовительную работу.

В первый день съемочная группа запечатлела памятные места Макеевки, хотя и был небольшой дождь. Затем поехали в село, где родился Ефим Павлович.

По рассказу Ивана Яковлевича Славского, родственника Ефима Павловича, ныне председателя Комитета общественного территориального самоуправления, в селе живут более 10 тыс. жителей. Около половины села составляет династия Славских, начиная с прадедов, дедов, братьев. Сейчас в селе осталось 8 домов, в которых живут родственники Ефима Павловича, начиная с семьи двоюродного брата Михаила Алексеевича Славского и племянницы Веры Николаевны Кортишко, которая была несколько раз в гостях в Москве, заканчивая внуками и правнуками.

В селе состоялись теплые встречи с родственниками. Мы побывали в доме на улице Красной, где родился и жил до 1912

года Ефим Павлович. Дом стоит на развилке двух дорог, хотя от старого дома остались лишь наружные стены. Сохранился колодец, в котором, по словам жителей, вода до сих пор по вкусовым качествам самая лучшая в селе. Посетили дом по улице Кронштадтской, где также живут родственники и жил Ефим Павлович с 1912 года до ухода из деревни в 1919 году в Красную Армию.

Была продолжительная беседа с Иваном Яковлевичем Славским в местном комитете, а в сельском клубе познакомилась с фольклорным коллективом сельчан-ветеранов. Все встречи сопровождалось съемками, записями на диктофон, воспоминаниями о встречах с Ефимом Павловичем, особенно о последнем посещении, когда он приезжал на открытие бюста в его честь. Сельчане очень тепло говорили о своем земляке. В беседе с Зинаидой Васильевной Колосовой, которая около 20 лет была председателем исполкома райсовета, она вспоминала, как тепло село встречало и провожало его, подбеливало дома, готовилось к его приезду, готовили дворы, устраивали соревнования за лучший дом, за лучшую улицу, чтобы показать Ефиму Павловичу свои достижения и свою любовь. Однако сельчане ничего толком и сегодня не знают о его деятельности на посту руководителя отрасли. Для них он пока так и остался секретным человеком. В связи с этим очень просили все это поправить и помочь организовать музейный стенд в селе. Так завершился первый напряженный день.

Следующий день начался встречей с работниками краеведческого музея, где мы договорились о взаимных контактах по организации и подготовке стенда, посвященного великому земляку. Затем возложили цветы вместе с делегацией города к бюсту Ефима Павловича Славского. Снова интервью и съемки. Бюст стоит в центре города на площади имени 200-летия Донбасса. К сожалению, и в этих местах руки вандала коснулись памятника. На бюсте сбиты две бронзовые строки надписи. После возложения цветов в сопровождении бывшего директора, а ныне почетного

гражданина Макеевки Бориса Васильевича Станиловского приехали на труболитейный завод, на котором начиналась трудовая деятельность Ефима Павловича. На заводе побывали в цехах, познакомились с технологией производства. Правда, от цеха, где он работал, остались одни стены, внутри все изменилось. Рабочие встретили радушно, помогали в съемках, хотя в настроениях их чувствовалась та тяжелая экономическая обстановка, которая сложилась в Донбассе. Завод работал на 10% мощности, и зарплату рабочие не получали уже около 10 месяцев.

Затем мы поехали в село для натуральных съемок фольклорной группы. На фоне села и города, а также терриконов звучали прекрасные украинские песни. Пришли сельчане, которые с интересом наблюдали за происходящим на зеленой лужайке. Под звуки этих песен мы попрощались с родными местами Ефима Павловича. Вечером была встреча в городском исполкоме, где мы договорились о дальнейшем сотрудничестве и совместных действиях по подготовке юбилейных мероприятий.

В. П. Насонов

«Тридцать лет он управлял огромной «империей». Но, в отличие от других, эта была создана волей народа и силами всей страны».

О. Н. Квятковский

ПРОЩАНИЕ С САБЛЕЙ

Когда я был в гостях у Ефима Павловича, он распечатал десятый десяток. Но годы, похоже, не властны над ним, человеком из давней, запретной легенды. Всю жизнь он работал на новое, необычное время. И время работало на него.

Родившись в крестьянской семье за два года до нового века, Ефим Павлович точно поспел к этим трубным сигналам своей судьбы. Буденновский конник, затем полковой комиссар, отличник Горной академии.

Тридцать лет он управлял огромной «империей». Но, в отличие от других, эта была создана волей народа и силами всей страны. Именно в Министерстве среднего машиностроения СССР, которое почти тридцать лет возглавлял Ефим Павлович Славский, выковывался атомный щит государства.

В Минсредмаше стремительно возникали невиданные полигоны, гигантские предприятия и рядом — города. Эта отрасль всегда и заметно опережала время. В ней были собраны замечательные специалисты, создавшие новые области наук, новые направления техники и новые отрасли промышленности...

Не без волнения переступаю порог этой чистой и светлой просторной квартиры на улице Воровского. Квартиры, где рядышком на шкафах соседствуют тачанки и стрелы ракет. Это все и его путь — от тачанки, от сабли, висящей на стене, и буденновского шлема до стремительной, уходящей ввысь ракеты.

Славский — редкостный собеседник. Ясны его память и ум, крепки его руки. Увлечшись, он тянет меня в кабинет, давно ставший необыкновенным музеем. И громко читает, сжимая эфес, строчки полузабытого ныне романтика В. Бенедиктова:

*Прости, дорогая красавица брани!
Прости, благородная сабля моя!
Влекомый стремлением новых желаний,
Пойду я по новой стезе бытия...*

Для него особенным смыслом проникнут этот старинный стих. Дело даже не в том, что подходит пора итогов. «Прощание с саблей» — в этом видел смысл труда своего и сподвижников наш «оборонщик». И — сбывается: мир склоняется все-таки к тому, чтобы клинки вложить в ножны. А родное его министерство «поворачивается» на выпуск изделий для древних крестьянских трудов, для каждой советской семьи и квартиры...

— Я всегда верил в мир, я всегда на него и работал.

— Ефим Павлович, долгие годы вы были фактически засе-
кренены от соотечественников, о вашей судьбе лишь немногие
знают.

— Да уж, сидит перед вами последний из могикан. Ванни-
ков и Завенягин, Курчатов — нет никого... Последние мои конар-
мейцы, с кем вел переписку, ушли двадцать лет назад. Что поде-
лать? Держусь. Наш род Славских вообще мужиками здоровыми,
долго живущими славился.

— Расскажите о нем.

— Мои корни украинские, я из макеевских. Соломенная
крыша, труд крестьянский — это детство. Оно было коротенькое,
в одиннадцать я уж был на заводе, в литейке. Снаряды Первой
мировой войны собственноручно изготавливал. На заводе уча-
ствовал в забастовках. И в партию на заводе вступил.

— Сразу к Буденному?

— К Семену Михайловичу. До Майкопа дошел с ним. По-
том польский фронт. Подо Львовом меня сразу в обе ноги уда-
рило пулями, отметины до сих пор ношу. Затем Врангель вылез
— его доколачивали. А когда конармейские части начали рас-
средоточивать по стране, оказался в Москве. Мой полк постави-
ли за Боткинской больницей.

— Сейчас некоторые историки считают, что Сталин не зря
держал под рукой Конармию, что она была одним из мощных «ар-

Е. П. Славский с руководством Первой Конной армии на боевом сборе

гументов» этого человека, стремившегося к абсолютной власти...

— Историкам виднее. Тогда этого, в общем-то, не чувствовалось. Сталин не был среди нас, конармейцев, популярен так, как, скажем, Буденный или Фрунзе. Я лично особенно Фрунзе любил. И с ним часто общался. Он постоянно в наш полк приезжал — на конях покататься. Заядлые были лошатники. Да и сам я в горьком партии, на политучебу, через Москву в седле гарцевал. Тогда маленькая была столица...

...А со Сталиным лишь краткая встреча однажды была у меня. Сразу после парада, где, надо сказать, кавалерия всегда шла последней как самое грозное оружие. Потом, естественно, банкет. Он подошел — а мы сидели по полкам, все отдельно за столиками, — тост за нашего командира, Елисея Ивановича Горячева, сказал. Больше — нет, не встречался. И, видимо, к счастью. Вот Ленин и похороны его, где шагал и я у гроба с толпой, — вот это в душе навсегда впечатано.

— Чтобы совсем эту тему закончить, скажите, Ефим Павлович, как пережили все волны репрессий?

— Личный ужас перед возможной расправой ко мне приходил два раза. Среди моих знакомых была ленинградка по фамилии Николаева.

— Однофамилица убийцы Кирова?

— Точно. Я и написал-то ей единственный раз. Еще на заводе в Орджоникидзе работая, после академии. Ну, и допросы в НКВД — их позабыть нельзя...

— А второй раз?

— Мы первую бомбу на полигон провожали. Вроде надо бы радоваться, а в нас все дрожит: а ну как она не взорвется... Ведь было яснее ясного, что в этом случае с нами со всеми будет. Хоть Берия и называл меня «наш орел», через «о», но иллюзий насчет этого наркома не было...

— А удавалось ли выручать из беды кого-либо из подчиненных?

— Невозможно представить, но было такое: одна сотрудница потеряла сверхсекретные документы. Сожгла попросту эту бумажку вместе с пустыми конвертами от других документов. Что делать? Я Берии сам позвонил и сказал ему об этом. «Я тэбэ голову оторву», — так он ответил и бросил трубку. Ждал. Но и на сей раз пронесло. Почему? Не скажу. Не знаю. Да, за мной всегда дело стояло, то дело, важнее которого не было ничего. Но для Берии не имело значения это...

— У всех министров разный «вес», это ясно. Как складывались ваши отношения с другими руководителями страны?

— Легче всего было с Брежневым. Тот ни во что не вмешивался, да и мы развернулись уже вовсю, никаких руководящих указаний не требовалось. Сложно было с Хрущевым — неоднозначный, яркий человек, но без намека на внутреннюю культуру. Да и ситуация была куда сложнее, чем при Брежневе: атомный порог повышался, надо было любой ценой выходить на паритет. Запомнилось навсегда: в дни XXII съезда мы испытываем самую мощную на тот момент бомбу, об этом Хрущев на съезде сказал. Непогода мешала — ветер, облачность страшная. Я был в самолете и, честно сказать, ничего не увидел, только страшная тряска, когда грянул взрыв. Ну, надо лететь в Москву. Летчики мне подчи-

нялись, я им приказал. Прибыли. А по пути узнаю: экипажу, какой бомбу везет, никаких там особых наград не полагается, уровень вроде не тот... Сказал напрямую Хрущеву. Три летчика с ходу стали Героями Советского Союза.

— Вы работали плечом к плечу со многими выдающимися людьми. Чьей дружбой особенно дорожите?

— Ответ ясен: Курчатова и Королева. В них было все прекрасно и объемно: талант, сила духа, внутренняя чистота. Вот за этим столом, где сидим сейчас с вами, собирались по вечерам с Курчатовым. Думали, спорили, решали здесь, дома, все самые сложные вопросы. Курчатов меня научил работать именно так, как требовал наш проект. Семнадцать лет я не был в отпуске, сооружая тот самый первый «атомный комбинат», спали два-три часа в сутки. Одно время с Курчатовым попеременно отдыхали.

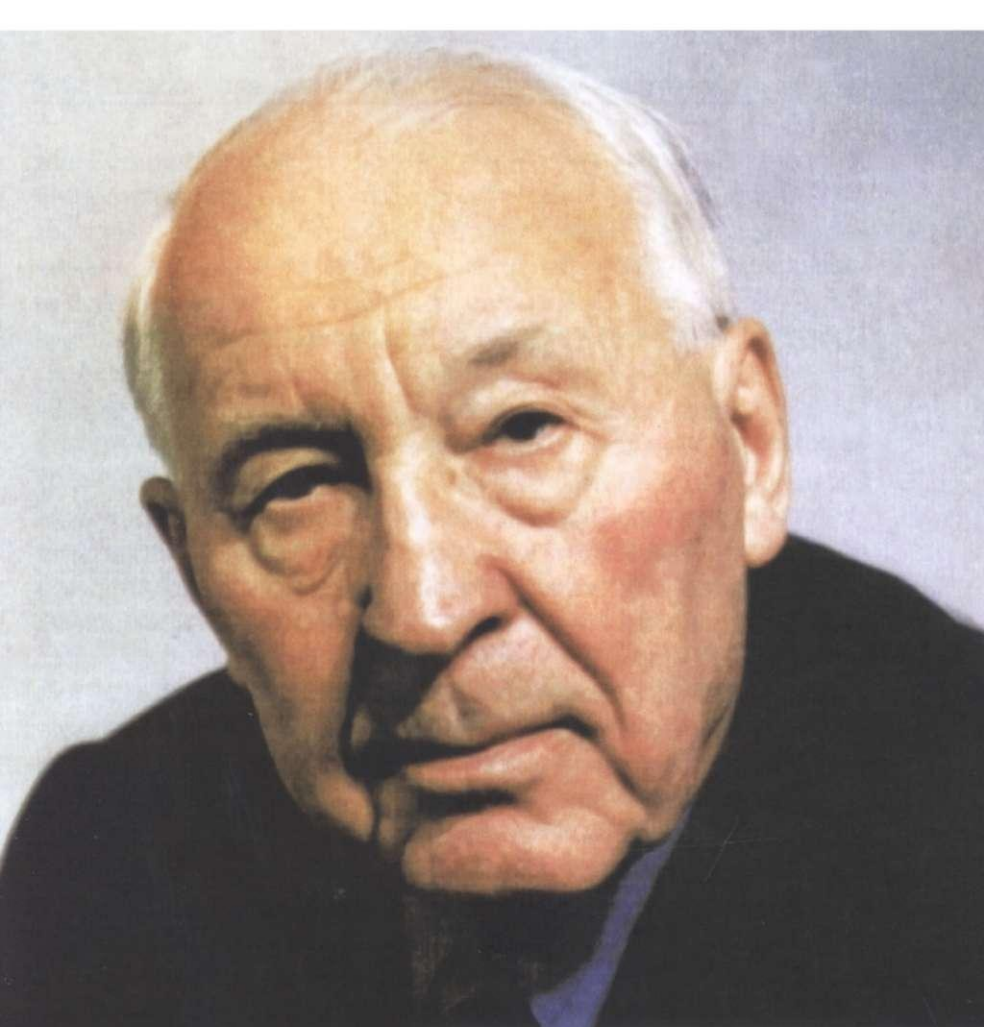
— Приходилось нераз слышать от наших промышленников: мол, Славскому был вечный карт-бланш, нам бы, мол, деньги, какие давали ему... А что? Резон тут есть. Со мной всегда в Минфине и в Госплане, да и в Совмине короче всех разговаривали. Надо деньги — возьми. Но взять-то — полдела, деньги надо потратить с умом и заглядом в завтра.

— Пятьдесят лет труда на износ. Научились ли отдыхать в конце концов?

— Сравнивать не с чем, не знаю. В войну я руководил алюминиевым заводом. Одновременно строил его и металл получал. То был единственный завод в стране, откуда шел алюминий. Там-то жизнь навсегда отучила от праздности. Да и привычки не было такой никогда. Была жива супруга, а скончалась она семь лет назад, иногда выезжали с близкими друзьями. На один из своих же объектов — у нас, знаете, земля была всякая, и с горами, и с пустынями. Подбирали поживописнее, а дело — всегда рядом.

...Необыкновенная все-таки судьба, прожитая на всех изломах прямо и честно.

О. Н. Квятковский

«...я всегда с теплотой в душе вспоминаю о тех днях. Это было трудное, но замечательное время. Мы работали, не жалея сил».

Е. П. Славский

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ Е. П. СЛАВСКОГО

— *Ефим Павлович, вы один из участников событий, о которых рассказывают воспоминания М. Г. Первухина. (См. с. 103 настоящего сборника.)*

— Да, это так, живых очевидцев почти не осталось, много лет прошло. Мне самому 93-й год идет. Но я всегда с теплотой в душе вспоминаю о тех днях. Это было трудное, но замечательное время. Мы работали не жалея сил. Первухин правильно пишет об этом.

— *Как вы попали в атомную промышленность?*

— Для атомных дел нужен чистый графит. А я с 1945 года был начальником Главка алюминиево-магниевого и электродной промышленности и одновременно заместителем наркома цветной металлургии СССР, отвечал за производство графита. Меня хорошо знал по Горной академии, где вместе учились, а потом по Институту цветных металлов и золота Завенягин, тогдашний зам у Берии. Вот он и порекомендовал. Вызывает меня нарком Ломако и говорит: «Собирайся, едем к Берии. Приказ поступил». Я не знаю, что и думать, а ехать надо. Приехали, завели меня в кабинет. Берия только один вопрос задал: «Как дэла?» Я отвечаю: «Ничего». — «Что такое ничэго?» Объясняю: «Все в порядке значит, работаю». — «Ну тогда, — говорит, — иди давай, работай!» Вот так я и попал в Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР (ПГУ) к Ванникову.

— *Назначение Ванникова на должность начальника ПГУ было удачным?*

— Да, конечно. Человек он был порядочный, исключи-

тельно порядочный. Здоровьем слаб, болел часто. Из-за болезни не присутствовал на первом испытании атомной бомбы. На здоровье, видимо, сказался арест накануне войны. Его ведь, понимаете, лупили здорово. Но в работе себя не жалел, вкладывал всю душу. Инженер был очень эрудированный, грамотный. В новых атомных делах разобрался довольно быстро и при рассмотрении проблем умел находить верные решения. До назначения в ПГУ я совсем его не знал, а потом мы крепко подружились. На строительстве атомного комбината на Южном Урале, в Кыштыме, когда он приезжал, ходили как припаянные друг к другу.

— В своих воспоминаниях Первухин упоминает о строительстве этого комбината. Вы были его главным инженером и директором. Условия жизни суровые. Только-только кончилась война. Как работали люди?

— Здорово работали! Со временем никто не считался. Могу сказать, что при наладке реактора и рабочие, и инженерный персонал спали по несколько часов в сутки, зачастую прямо в производственных корпусах. Напряжение было колоссальным. Со мной такой приключился случай. Мы с Игорем Васильевичем Курчатовым уговорились отдыхать ночами три-четыре часа по очереди: пока один дежурит на наладке, другой хоть немного поспит, потом наоборот. И вот, только я приехал, не успел положить голову на подушку (а мы между собой шутили, пока несую голову до подушки, уже храплю) — вдруг телефонный звонок. Курчатов кричит в трубку: «Ну как, выспался?» Отвечаю: «Еще не лег». — «Ну так выезжай немедленно! Аварийно!» — «Да что случилось?» — «Потом скажу...» Я сразу звонить шоферу, а сам думаю: прилягу на те 15–20 минут, пока доедет машина. Лег — и как провалился. Но заряженность организма такая огромная была, что потом, будто на пружинах, вскакиваю и смотрю на часы: проспал три «нормы». Бегом к телефону, объясняться с Курчатовым. А он меня успокаивает: «Ничего, давай досыпай! Справились. Утром я все расскажу». Оказывается, при опускании в реактор металличе-

ских урановых блоков произошла небольшая утечка радиации и сработала сигнализация. Игорь Васильевич и позвонил мне. А я, сам того не желая, проспал аварию.

— *По вполне понятным причинам — воспоминания писались в 1967 году — Первухин не упоминает о Берии, хотя известно, что именно он отвечал в Политбюро ЦК ВКП(б) за атомную программу. Что можно сказать о его роли?*

— Берия нам не мешал. В научных, инженерных вопросах он не разбирался, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался. Что же касается организационных проблем, мобилизации людей и ресурсов, то, пользуясь своей огромной властью, он помогал проводить в жизнь все необходимые решения. Но, конечно, мы все «ходили под страхом». Первухин пишет, что «в случае неудачи нам бы пришлось понести суровое наказание за неуспех». Он абсолютно прав. Вот у меня был момент, когда думал, близок мой конец. Я был директором атомного комбината. Бомбу уже испытали, и началось производство оружия, так сказать, в запас. Существовал порядок, согласно которому один экземпляр расчетных материалов на каждую изготовленную бомбу направлялся в Москву, остальные хранились на месте. Отвозил эти материалы в столицу к Махневу, секретарю Берии, генерал из службы контроля. Кстати, на комбинате функционировали две самостоятельные службы контроля, независимые друг от друга. Все секретные материалы проходили через мой секретариат. И надо же такому случиться, что контролеры подготовленный к отправке экземпляр вовремя не забрали, а секретарь на следующий день по ошибке подложила его к другим уничтожаемым документам и сожгла... Настоящее ЧП произошло, трагедия! Женщина хотела покончить жизнь самоубийством, но я ее удержал. Контролеры сразу «залезли под лавку», чувствуя свою вину, боятся докладывать Берии. А я позвонил... Можно представить, какой «любезный» разговор состоялся. «А ты чэго там делаешь?» — спросил Берия и, перемешивая слова с нецензурной бранью,

пообещал: «Я тебе башку снесу!» Конечно, после такой угрозы я ожидал, что так и случится. К счастью, вскоре состоялось очередное успешное испытание оружия, и Берия, приехав прямо с полигона в Кыштым, был в добром расположении духа. Увидев меня, обниматься стал, целовать. Вот так все обошлось, и угроза не осуществилась.

— *Вы встречались со Сталиным?*

— Встретиться не довелось ни разу. С другими руководителями партии и правительства виделся неоднократно, а со Сталиным нет. Вообще, я скажу, отношение руководства к атомщикам было самое благожелательное. Мы всегда находили понимание и поддержку и были в особой привилегии. Благодаря помощи ЦК партии мы имели возможность подбирать в отрасль грамотные, квалифицированные кадры из народного хозяйства страны. К нам поначалу не очень-то шли специалисты, побаивались нового, неизвестного дела. И без поддержки со стороны руководства партии и правительства, конечно, было невозможно выполнить тот гигантский масштаб работы, который требовался для ядерной программы.

— *Первухин подробно освещает события, связанные с первым испытанием атомной бомбы. Датой испытания он почему-то называет 23 сентября 1949 года, тогда как в литературе известно другое число — 29 августа. Не могли бы вы прокомментировать это несовпадение?*

— Первухина, видимо, подвела память. Взрыв состоялся в августе. Я, правда, не присутствовал на полигоне, но хорошо помню обстоятельства отправки заряда с атомного комбината. Увозили заряд в обстановке полной секретности. С целью скрыть содержимое груза впереди были пущены два коротких железнодорожных состава прикрытия, за ними следовал поезд с атомным зарядом. Замыкал цепочку еще один поезд прикрытия. Курчатов, прощаясь с нами, принес несколько бутылок коньяка. «Я знаю, — говорит, — как вы переживаете. Выпейте за общее

дело, за нашу удачу!» Сам стоит осунувшийся, бледный, нервный, весь как натянутая струна. Переживал он за успех дела страшно. Да и мы, пока бомба не взорвалась, ужасно волновались.

— *В воспоминаниях Первухина упоминаются многие выдающиеся советские ученые, участвовавшие в создании ядерного оружия. Однако засекреченной остается фамилия главного конструктора атомной бомбы.*

— Это понятно, поскольку возглавлявший группу по проектированию бомбы Ю. Б. Харитон ко времени написания воспоминаний оставался закрытым специалистом. Но следует отметить, что основные теоретические расчеты по бомбе сделал Я. Б. Зельдович. Я близко знал Зельдовича. Это был изумительно талантливый ученый, хороший, добрый человек.

— *Поскольку разговор зашел о деятелях науки, со многими из которых вы тесно общались, то, быть может, проясните вопрос об их нравственной позиции. Мучили их «угрызения совести» при создании столь смертоносного оружия?*

— Я что-то не замечал подобных настроений. Если бы такие мотивы присутствовали, мы наверняка не смогли бы в сжатые сроки одолеть огромную бездну проблем и создать ядерное оружие. Ученые работали не за страх, а за совесть, целиком отдавая себя делу. Советских ученых не надо было уговаривать или запугивать, они прекрасно понимали, как нужен стране ядерный щит.

— *Вам хотелось бы что-нибудь изменить в прожитой жизни?*

— Отвечу коротко: дай бог сегодняшнему молодому поколению сохранить ту жажду жизни и преданность труду, которые были так присущи моим товарищам.

Интервью брал А. В. Артизов

«...могучий человек во всех отношениях — и в производственной деятельности, и в житейских вопросах».

Л. Д. Рябев

ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ ЕФИМ ПАВЛОВИЧ

«Если сказать одним словом: что за человек был Ефим Павлович Славский?» — отвечают на вопрос бывшие министры атомной отрасли.

Рябев Л. Д. (Минсредмаш, ноябрь 1986 — июнь 1989):

Я считаю, что это был титан. Причем могучий человек во всех отношениях — и в производственной деятельности, и в житейских вопросах. Я уже не говорю, предположим, о том, что вместе на отдыхе иногда бывали и выдавались такие часы, тогда он был заводила. Он прекрасно знал массу песен, которых мы и не знали, например украинские. Мог застолье весело вести часами, интересно рассказывал, то есть активно участвовал. Я помню на 90-летие как-то к нему пришли, поздравить его. Но, казалось бы, мы должны больше говорить о Ефиме Павловиче, поздравлять и прочее. Ничего подобного. Он взял всю инициативу в свои руки, достал книги и начал читать стихи о сабле и так далее. Тогда мы это не первый раз слушали, но слушали с большим интересом. Это был человек широкой натуры, доступный, уважающий людей, уважающий науку. Естественно, болеющий за отрасль. Я считаю, что это был человек высокой пробы во всех отношениях.

Коновалов В. Ф. (Минатомэнергопром, июль 1989 — ноябрь 1991):

Глыба! — если хотите сказать одним словом. Ефим Павлович сделал очень много. Практически с нуля начал делать, и все самые крупные события от начала до конца были при нем. Эрудированный совершенно человек, грамотный, хорошо знающий

производство, науку, блестяще относящийся к людям. С пониманием выслушивал все точки зрения. Это очень важно для большого руководителя. Принимал решения по совокупности этих точек зрения, так сказать, по целесообразности. Это очень важно.

Михайлов В. Н. (Минатом России, март 1992 — март 1998):

Я с ним встречался, видел, особенно на научно-технических советах. Но, как и все для меня, был он таким, я бы сказал, глыбой, который прекрасно понимает и уважает науку. Надо сказать, тогда науку возглавлял И. В. Курчатов, затем Ю. Б. Харитон, А. П. Александров. Они разделились на два направления: мирный и военный атом. Ефим Павлович очень и очень уважал и опирался на них. Само министерство молодое, не важно — с Первого ГУ начинаем, с министерства с другой структурой. Оно сравнительно молодое. В 1945 году возникла атомная проблема. Министерство формировалось тогда в понятии того, что вот эта связка «наука — конструктор — технолог — производство» была жесткая, и во главе всего, конечно, стояла наука. От задумки до реактора или до ядерного устройства, боевого ядерного блока. Государство управляло этим министерством как и всеми другими... Вопрос другой. Министр был членом ЦК, государство дало ему три звезды Героя Социалистического Труда — за этапы атомной, водородной бомбы, за первую атомную подводную лодку с ядерным двигателем. Ефим Павлович (еще раз хочу подчеркнуть, я его видел неоднократно и он был для меня очень уважаемый министр) всегда поддерживал молодежь.

Румянцев А. Ю. (Минатом, март 2001 — март 2004; Росатом, март 2004 — ноябрь 2005):

Глыба! Государственник! Но как он ушел? Это понятие диалектическое. Уходила старая система, уходил строй, и ушел Славский. История государства и история этой личности в значительной степени перекликаются. Ефим Павлович символизировал

административную систему управления тех лет, которая была свойственна нашему государству. Да, такая система предполагала быструю реализацию самых сложных планов. Например, атомный проект или космические технологии для оборонной мощи. Они могли решаться в системе жесткого администрирования, где государственный контроль очень силен и где сила административных решений не допускает каких-либо отклонений от выбранного курса. В демократическом обществе вот такие сроки значительно, в некоторой степени, поплыли бы. Но зато в административно-командной системе делается больше ошибок и дороже обходится достижение результата. Я говорю, вопрос диалектический.

И поэтому мы всегда отдаем должное Ефиму Павловичу за то, сколько сил, сколько внутренней энергии он потратил для того, чтобы наше министерство развивалось так, как оно развивалось. Мы всегда его вспоминаем с большим теплом и с большим уважением. Его уход после чернобыльской трагедии был естественен как некое завершение определенного этапа в истории нашей жизни. И здесь это тоже нельзя как-то сбрасывать со счетов — это был ход исторического развития нашего общества. Но то, что его место занял Лев Дмитриевич Рябев — всем было ясно, что это человек, который вырос из нашего Средмаша, за плечами которого был огромный опыт как ученого, как инженера, как партийного работника и как государственного деятеля. И все с большим приветствием восприняли это назначение. Он уже нес немного другую идеологию в принятии решений, принятии различных концептуальных программ, стоящих перед нашим ведомством.

Записано на диктофон В. П. Насоновым
при съемках фильма к 50-летию Средмаша, апрель 2003 г.

Мемориальный кабинет разместился в комнате № 342 на третьем этаже здания, где министр среднего машиностроения Е. П. Славский проработал с 1957 по 1986 гг.

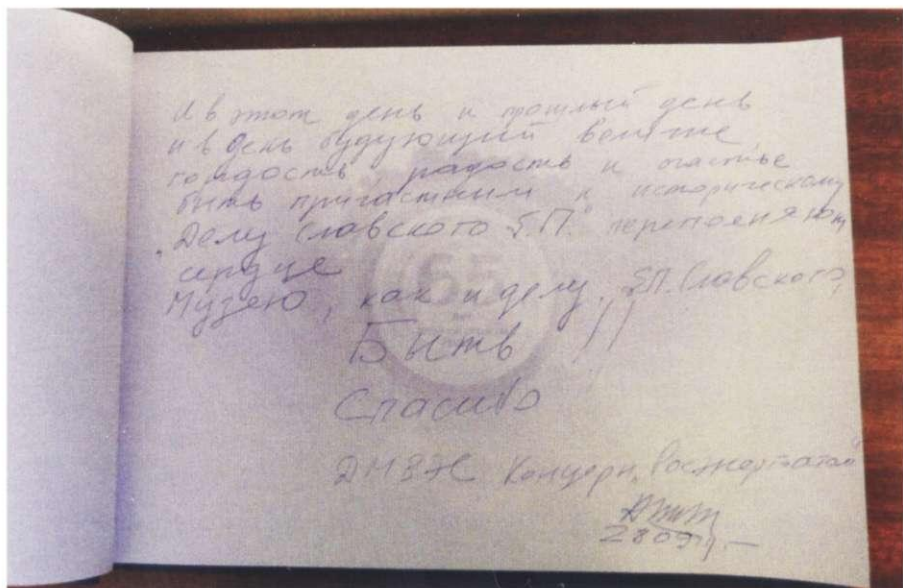
ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПРОШЛОМУ

26 октября 2011 года исполнилось 113 лет со дня рождения легендарного министра Средмаша Е. П. Славского.

Годом ранее в Москве в главном здании госкорпорации «Росатом» на ул. Б. Ордынке, 24 был открыт мемориальный кабинет Е. П. Славского, который с тех пор привлекает внимание как ветеранов отрасли, так и молодых сотрудников, стремящихся узнать побольше о своих великих предшественниках.

Мемориальный кабинет разместился в комнате № 342 на третьем этаже здания, где министр среднего машиностроения Е. П. Славский проработал с 1957 по 1986 гг. Музей занимает четыре комнаты (приемная, комната секретаря, личный кабинет и комната отдыха). В экспозиции представлены личные вещи, рукописные документы, фотографии из архивов.

Экспозиция поделена на разделы: «Е. П. Славский — красногвардеец», «Е. П. Славский — строитель», «Е. П. Славский — член ЦК КПСС», в которых последовательно описаны вехи биографии легендарного министра. За год кабинет пополнился новыми экспонатами, например появился фотоальбом, в котором представлено более 700 фотографий Е. П. Славского на работе и на отдыхе (хотя последних немного). Помощь в подборе раритетов по мере возможности оказывают все предприятия отрасли. Так, СНПО «Электрон» презентовало телефонный аппарат с гербом СССР, который являлся непременным атрибутом любого крупного партийного или хозяйственного деятеля страны; представители ВНИИЭФ и ПО «Маяк» обещали прислать мини-АТС на 20 номеров, подобную той, что когда-то стояла у рабочего стола министра. В 113-ю годовщину

Запись из книги отзывов в мемориальном кабинете Е. П. Славского

рождения легендарного министра мемориальный кабинет также открыл свои двери для посетителей.

В роли экскурсовода традиционно выступал Виталий Насонов, долгое время работавший секретарем парткома Средмаша и лично хорошо знавший Ефима Павловича. По словам В. Насонова, недавно появилась новая традиция: после торжественной церемонии вручения государственных и отраслевых наград лауреаты приходят в мемориальный кабинет, чтобы еще раз воскресить для себя время великих свершений, ярким представителем которого был Е. П. Славский. Однажды произошел случай, когда один из лауреатов узнал себя на фото, где он еще молодым стоит рядом с Ефимом Павловичем. Вот такое прикосновение к прошлому! «В прошлом году я приходила сюда в день открытия Мемориального кабинета Е. П. Славского и сегодня, спустя год, решила вновь посетить этот музей. А вдруг появилось что-то новое?

Ефим Павлович Славский интересен мне как личность, как человек, прошедший путь от пастуха до руководителя атомной отрасли», — рассказывает Татьяна Карасева (Управление экономики и контроля ядерно-оружейного комплекса Росатома, стаж работы в отрасли — 17 лет).

А. Кузнецов, гл. редактор, «Атомпресса», №42, октябрь 2011

«Став одним из заместителей начальника ПГУ, будущего Министерства среднего машиностроения, Ефим Павлович был среди первых организаторов и ученых, которые начинали решать «атомную проблему».

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Ефим Павлович СЛАВСКИЙ (1898—1991)

Министр среднего машиностроения СССР, 1957—1963, 1965—1986 годы, председатель Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР, 1963—1965 годы.

Даты жизни, место рождения и кончины

26 октября 1898 года, село Макеевка, Донбасс, Украина —
28 ноября 1991 года, Москва.

Образование

В 1933 году окончил Московский институт цветных металлов и золота по специальности «инженер-металлург».

Основные вехи

Воевал на фронтах Гражданской войны, служил в армии, в том числе в рядах Первой Конной (1918—1928 годы); директор Днепровского алюминиевого, а затем Уральского алюминиевого заводов (1940—1945 годы); заместитель наркома цветной металлургии, заместитель начальника Первого главного управления, директор, затем главный инженер комбината №817, Озерск, Челябинская область, (1945—1953 годы); первый заместитель министра, министр среднего машиностроения СССР, председатель

Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР (1953—1986 годы).

Награды и звания

Трижды Герой Социалистического Труда, награжден десятью орденами Ленина, многими другими орденами и медалями, лауреат Ленинской и трех Государственных премий СССР.

Увлечения

Ефим Павлович любил охотиться, рыбачить, а потом в кругу близких и знакомых людей рассказывать об этом истории.

Ефим Павлович Славский родился 26 октября 1898 года в селе Макеевка (Донбасс, Украина). В 13 лет мальчик поступил на Макеевский металлургический завод, в литейный цех. Весной 1918 года вступил в ряды партии большевиков. В 1918—1923 годах Ефим Славский воевал на фронтах Гражданской войны. Служил в рядах Первой Конной армии, лично знал легендарных командиров Дыбенко, Буденного, Фрунзе. Закончил воевать осенью 1923 года комиссаром полка Отдельной особой кавалерийской дивизии Первой Конной армии.

Прослужив в армии еще пять лет, до 1928 года, он начал учиться. Сначала получил среднее образование, а в 1933 году окончил Институт цветных металлов и золота. От рядового инженера до директора — таков путь молодого специалиста Ефима Славского на заводе «Электроцинк» в городе Орджоникидзе, где он начал работать после окончания вуза.

В 1940 году Е. П. Славский возглавил Днепровский алюминиевый завод в Запорожье. За неделю до начала Великой Отечественной войны Ефим Павлович был утвержден заместителем наркома цветной металлургии, однако вступить в новую должность не успел. Е. П. Славский вернулся в Запорожье, чтобы сдать

Е. П. Славский

дела новому директору, но ему пришлось уже под огнем противника организовывать эвакуацию Днепровского завода на Урал. За осуществление этого сложнейшего мероприятия Е. П. Славский был награжден своим первым орденом Ленина.

В конце 1941-го он возглавил строительство, а затем работу Уральского алюминиевого завода (г. Каменск-Уральский), который в годы войны был единственным предприятием, дававшим стране алюминий. Под руководством Е. П. Славского выпуск алюминия на заводе вырос с 20 тыс. тонн до 75 тыс. тонн. За эту работу Е. П. Славский был награжден еще двумя орденами Ленина.

В 1945 году Ефим Павлович в составе Наркомата цветной металлургии переехал в Москву и стал заместителем наркома НКЦМ и одновременно начальником Главка алюминиево-магниевой и электродной промышленности.

При выплавке алюминия и магния используются графитовые электроды. Вот это обстоятельство и послужило поводом и причиной поворота в судьбе инженера-металлурга Е. П. Славского, прихода его в атомный проект из цветной металлургии. Первой задачей, которую пришлось в рамках советского атомного проекта решать Е. П. Славскому, было получение сверхчистого графита для постройки первого опытного реактора Ф-1 в лаборатории № 2 (будущий Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова).

Для сборки атомного реактора понадобился графит повышенной чистоты, причем в большом количестве. В 1943 году Ефим Павлович, как специалист по производству графитовой электродной массы, познакомился с Игорем Васильевичем Курчатовым. Как рассказывал сам Ефим Павлович, он тогда и малейшего представления не имел, зачем Курчатову чистейший графит. Начинать пришлось в полном смысле с нуля. Специалисты Московского электродного завода, которым было поручено производство графита, сначала не имели понятия о том, что такое истинная чистота материалов, необходимая для создания реактора. Попытки получить графит нужного качества долгое время заканчивались неудачно.

В апреле 1946 года Ефима Павловича по рекомендации И. В. Курчатова перевели из НКЦМ в Первое Главное управление (ПГУ) заместителем Б. Л. Ванникова. После этого Е. П. Славский из изготовителя графита на одном из московских заводов превратился в приемщика готовой продукции. Совместными усилиями изготовителей и заказчиков удалось разработать технологию очистки графита с использованием летучих соединений хлора. Эта важная проблема, несмотря на все ее сложности, была успешно решена. Полученный графит «электронной» чистоты пошел в дело, и в конце 1946 года первый уран-графитовый реактор Ф-1 заработал в ЛИП АНе. Затем удалось добиться получения необходимой чистоты урана.

Став одним из заместителей начальника ПГУ, будущего Министерства среднего машиностроения, Ефим Павлович был среди первых организаторов и ученых, которые начинали решать «атомную проблему». Именно Е. П. Славскому было поручено строительство первого промышленного реактора для получения плутония, а И. В. Курчатов должен был руководить пуском и освоением его эксплуатации.

«Игорь Васильевич, а позже и я, — писал Анатолий Петрович Александров, — постоянно взаимодействуя со Славским, всегда считали, что именно Славскому наша Родина больше всего обязана созданием ее «атомного щита».

В этот напряженный период Е. П. Славский близко познакомился с И. В. Курчатовым, к которому все последующие годы относился с огромным уважением и любовь сохранил до конца своей жизни.

Сразу же за вводом в действие реактора Ф-1 Ефим Павлович в 1947—1949 годах строил комбинат № 817 (ныне ПО «Маяк» в г. Озерске Челябинской области), на котором был произведен плутоний для первой атомной бомбы.

10 июля 1947 года по инициативе Л. П. Берии назначен директором создаваемого комбината. Строительство велось в не-

имверно трудных условиях, на «голой», удаленной от крупных городов и транспортных коммуникаций, территории. Е. П. Славский, по словам сослуживцев, в этот сложный период показал себя принципиальным и инициативным организатором производства, талантливым инженером и руководителем с аналитическим складом ума, способным быстро разбираться в сложных ситуациях и оперативно принимать верные решения. Но из-за несвоевременных поставок электрического и другого оборудования сроки строительных работ были сорваны, что послужило формальным поводом для снятия его с поста директора, хотя в этой должности он проработал всего пять месяцев.

В декабре 1947 года Е. П. Славский был переведен на должность главного инженера комбината, а директором был назначен Б. Г. Музруков. И в должности директора, и став главным инженером, Е. П. Славский обеспечивал техническое руководство работами по строительству, монтажу и пуску в эксплуатацию первого в стране реактора для наработки плутония в военных целях.

При этом он оставался простым, доступным и действительно демократичным в общении с рядовыми работниками атомной отрасли, особенно с молодежью. Вспоминают его открытость, отсутствие всякого чванства, грубоватый юмор, свойственный тем, кто не один раз бывал в переделках.

Как он позже вспоминал, работали, забывая обо всем. Спали по два-три часа в сутки. В этот период Славский трудился рядом с учеными академических институтов, о которых сохранил самые лучшие воспоминания: с А. П. Александровым, А. А. Бочваром, А. П. Виноградовым, В. Г. Хлопиным, Н. А. Доллежалем.

После того как «Маяк» устойчиво заработал, Ефим Павлович переехал в Москву. В 1953 году он стал первым заместителем министра среднего машиностроения, а с 1957 года — министром знаменитого Средмаша.

Выполняя поставленную труднейшую государственную задачу, Ефим Павлович вложил в дело становления новой отрас-

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении т.Славского Е.П. министром
среднего машиностроения СССР

Президиум Верховного Совета СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Назначить министром среднего машиностроения СССР
т.Славского Ефима Павловича.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - К.Ворошилов

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М.Георгадзе

Москва, Кремль

24 июля 1957 г. Верно: *Славский*

П Р И К А З

МИНИСТРА СРЕДНЕГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

№ 242

г.Москва

" 26 " июля 1957 г.

П Р И К А З Ы В А Ю:

Объявить для руководства Указ Президиума Верховного
Совета СССР от 24 июля 1957 г.

М и н и с т р
среднего машиностроения

Славский Е.Славский

Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении Е. П. Славского
министром среднего машиностроения

Е. П. Славский на выставке в ЦИПКе, г. Обнинск, ноябрь 1977 г.

ли много сил и умения, внимательно следил за работами не только на производстве, но и в научных коллективах.

Возглавляя около тридцати лет, с 1957-го по 1986 год, Министерство среднего машиностроения СССР, наиболее полно раскрыл свой талант крупного организатора и руководителя. Он внес неоценимый вклад не только в становление и развитие отрасли, но обеспечил выполнение важных правительственных заданий по созданию ядерного оружия и использованию атомной энергии в мирных целях. Именно при Ефиме Павловиче Министерство среднего машиностроения закрепило статус «государства в государстве», нарастив производственные и научно-технические мощности.

Многих сослуживцев неизменно впечатлял государственный масштаб его личности. Конечно, Ефим Павлович был представителем власти той эпохи — авторитарной, не останавливающейся перед жесткими и нелегкими для людей решениями, но и к себе он был высокотребовательным, умеющим подчинять все

интересам страны, как он их понимал. Удивительно точно охватывал сложную панораму событий и объектов, размещенных в огромном пространстве страны, и в их тогдашнем облике, и в перспективе.

Е. П. Славский не употреблял модного ныне слова «системный подход». Но в его рассказах о городах-рудниках, городах-заводах отрасли, в переплетении решений чисто технических и кадровых с высокими социальными требованиями к обеспечению жизни людей, вовлеченных в особую отрасль, было видно воочию существование системы — сложной, гибкой, взаимовлияющей в своих структурах.

В этой «системе Средмаша» под его руководством и при его непосредственном участии в короткие сроки была создана уникальная отрасль самой передовой научно-технической мысли, развивались атомная наука и техника в СССР и странах Восточной Европы и Азии, укреплялся ядерный щит страны, вводились в строй атомные электростанции и установки различного

В теплофизическом отделении ФЭИ, 70-е годы

Е. П. Славский, Н. Б. Карнов, В. В. Кротков на строительстве объекта

назначения. В кратчайшие сроки была развита сырьевая подотрасль атомной промышленности, построены крупнейшие, основанные на новейших достижениях науки и техники, горнодобывающие и перерабатывающие комбинаты, разрабатывались и внедрялись уникальные технологии по добыче урана, золота, производству минеральных удобрений, применению изотопов в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства, возводились новые современные «атомграды».

Ефим Павлович очень гордился размахом строительных работ, особенно любил он такие города, как Навои, Шевченко и, конечно, Озерск, считал их «родными» для себя.

Было много сделано в области социальной сферы, построена целая серия современных закрытых городов и поселков, санаториев и домов отдыха, а также медицинских учреждений предприятий атомной промышленности.

Во многих воспоминаниях соратников и сподвижников Ефима Павловича часто отмечается, что на посту министра Сред-

В кулуарах районной партконференции Нобелевский лауреат, академик А. М. Прохоров, Е. П. Славский, В. П. Насонов, 1982 г.

маша в полной мере проявились его талант крупного и мудрого руководителя, самоотверженность и громадная работоспособность. Особо подчеркивается многоцветная палитра образа этого человека, сыгравшего огромную роль в становлении атомной отрасли нашей страны. Принимая активное участие во всех делах и начинаниях, предпринимаемых министерством, Ефим Павлович проявлял себя деятельным, компетентным и энергичным руководителем.

Вообще, если говорить об атомной отрасли и деятельности Минсредмаша СССР, его размахе, можно отметить, например, что кроме производства, науки, сельского хозяйства, министерство осуществляло огромный, до 2 млрд руб., объем капитального строительства, его товарооборот был более 3 млрд руб. Из всего объема капитального строительства осваивалось в год около одного миллиарда рублей для других министерств, ведомств и местных советов. Из года в год эти показатели росли. У Е. П. Слав-

Секретарь ВЦСПС А. Бирюкова вручает новый профсоюзный билет

ского была хорошая традиция. Он как минимум один раз в год облетал и объезжал всю свою «епархию», на месте разбирался с состоянием дел, принимал решения, где надо — помогал, где надо — подбадривал, а где и серьезно наказывал.

Участники многочисленных, часто напряженных научно-технических советов подчеркивают, что он всегда внимательно прислушивался к мнениям ученых. В то же время ему, как человеку командной системы, были присущи жесткость и требовательность в решении намеченных задач.

Сейчас, когда идет переоценка многого из того, что было создано ранее, возрастает интерес к событиям и людям, в значительной мере определившим судьбу страны. К таким событиям относится создание атомного оружия в нашей стране и становление атомной отрасли, история и деятельность которой были полностью засекречены, и только недавно стали появляться большие статьи и книги, открывающие завесу секретности. И сегодня, когда очень многих творцов атомной промышленности уже нет в живых, очень ценны свидетельства участников тех событий, особенно стоявших близко к людям, кому было поручено руководить этими работами.

После окончания количественной гонки вооружений и начала переговорного процесса по ядерному разоружению перед отраслью ставились новые задачи. Я. П. Рябов, секретарь ЦК КПСС в 1976—1979 годах, курировавший военно-промышленный комплекс страны в то время, характеризовал Е. П. Славского как государственного человека.

Кроме развития основного производства, Ефим Павлович постоянно и продуктивно занимался созданием и развитием необходимой социальной инфраструктуры для трудящихся городов, рабочих поселков и наращиванием эффективной сельскохозяйственной базы в своих подсобных хозяйствах. Характерно то, что урожайность зерновых и овощных культур, продуктивность животноводства в хозяйствах Минсредмаша постоянно

Е. П. Славский со строителями сенажной траншеи в совхозе «Ульбинский», г. Усть-Каменогорск, 1983 г.

были выше, чем в среднем по областям России и Казахстана, хотя подсобные хозяйства находились в северной части областей этих республик.

Соратники и коллеги, участвовавшие вместе с Ефимом Павловичем в различных совещаниях, неоднократно убеждались, каким уважением и авторитетом пользуется Ефим Павлович у руководителей страны. Например, вспоминается совещание у секретаря ЦК КПСС В. И. Долгих, где присутствовали несколько министров и заведующий оборонным отделом ЦК И. Д. Сербин. Началось совещание с оглашения повестки дня. Выслушав ее, Ефим Павлович попросил извинения и сказал, что надо обсуждать не эти, а другие вопросы, и изложил свои предложения. Присутствующие были удивлены таким поворотом разговора. Владимир Иванович заявил, что он поддерживает его предложение, и совещание прошло так, как видел его Е. П. Славский.

Часто при встречах Ефима Павловича с генеральными

конструкторами ракетной техники С. П. Королевым, В. Н. Челомеем и другими они высказывали просьбы о помощи в решении ряда вопросов в правительстве. Эти выдающиеся конструкторы и ученые обращались к Ефиму Павловичу, так как верили, что он может действительно помочь, понимали, какой огромный авторитет у министра среднего машиностроения СССР. И он их не подводил.

Особое внимание уделял Ефим Павлович созданию и испытаниям ядерных зарядов и ядерного оружия для всех родов войск Вооруженных Сил СССР. Он лично участвовал в испытаниях наиболее важных образцов. С 1965 года, благодаря инициативе и творческой активности Е. П. Славского, начали проводиться мирные ядерные взрывы в народно-хозяйственных целях. На первом мирном взрыве 15 января 1965 года для создания искусственного водоема в казахской степи около г. Семипалатинска министр Е. П. Славский не просто присутствовал — по сути, он руководил

Выступление на торжественном собрании трудящихся Ульбинского металлургического завода, г. Усть-Каменогорск, 1974 г.

проведением этого взрыва.

Под непосредственным руководством Ефима Павловича в семидесятых годах Минсредмаш построил все основные шахтные пусковые установки.

Неоценим вклад Е. П. Славского в создание ракетно-ядерного щита нашей Родины.

За непосредственное участие в разработке первого образца ядерного оружия в 1949 году Ефим Павлович был удостоен звания Героя Социалистического Труда, а в 1954 году — за комплекс работ по обеспечению разработки, изготовлению и испытанию первого термоядерного заряда Е. П. Славскому присваивается вторично звание Героя Социалистического Труда.

В памяти своих соратников Е. П. Славский был и остается человеком высокой пробы, с широкой натурой, он болел всей душой за отрасль.

Особой заботой Ефима Павловича была наука. Его постоянно тревожили вопросы не всегда высокой эффективности исследований, беспокоили многотемность НИИ, отсутствие системы определения специфики работы НИИ и КБ. Среди ученых и инженеров, рабочих и техников он пользовался глубоким уважением.

Замечательны слова, сказанные им на торжественном собрании в Минсредмаше по случаю 80-летнего юбилея А. П. Александрова: «Нравственная позиция наших ученых, да и всех участников атомной эпопеи была величайшей — дай бог каждому! Мы были преданны родной стране, которую сами строили, ради которой трудились честнейшим образом, отдавая все, что имели: здоровье и даже жизнь, как ни громко это будет сказано. Именно так. Нас не надо было уговаривать. Все мы прекрасно сознавали, что нашему народу, нашей стране нужен ядерный щит, наша Родина нуждается в защите. А защита Отечества испокон веков считалась высокоморальным долгом каждого гражданина».

Организационный талант, инженерный склад мышления, обращенного в будущее, слитность со своим народом и страной,

Е. П. Славский и С. П. Столяров на турбазе Кантат Сибхимстроя

подкрепляемые смелостью и богатырским здоровьем, позволили Е. П. Славскому вынести безмерные многолетние физические и психологические перегрузки.

После встреч и разговоров с ним становилось понятно, какой это чудесный, душевный и богатый разносторонними знаниями человек, сколько в нем обаяния! В нем чувствовалось желание передать молодому поколению ту мощь, которую он и его коллеги создали за короткое время после военной разрухи, чтобы противостоять античеловеческому варварству, сотворенному США в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года.

«Если бы мы в то время не создали ядерного щита, — говорил Ефим Павлович, — неизвестно еще, как бы развивалась жизнь на нашей планете».

В 1962 году Ефим Павлович был в третий раз удостоен звания Героя Социалистического Труда за разработку и испыта-

Посещение «горячей» лаборатории ФЭИ, 70-е годы

ния самой мощной в мире термоядерной бомбы, которую за рубежом, с подачи Н. С. Хрущева, прозвали «кузькиной матерью». Этим испытанием была продемонстрирована возможность наращивания энергии единичного ядерного боеприпаса до гигантских значений.

Труд Ефима Павловича по достоинству оценен государством: тремя из десяти орденов Ленина он был награжден еще за работу на предприятиях Наркомцветмета (1942—1945 годы), остальные ордена он получил за работу в Минсредмаше; он лауреат Ленинской и трех Государственных премий СССР, награжден другими орденами и медалями СССР и ГДР.

Вся жизнь Ефима Павловича содержала в себе ту притягательную силу, которая вызывала в коллективе министерства и отрасли чувство необычайной гордости и желание работать еще лучше под его руководством.

На выборе площадки для строительства завода РТ-2, г. Железногорск, 1973 г.

В стране началась перестройка, которая обязывала руководителей всех рангов пересмотреть свои подходы к решению стоящих перед ними задач. Е. П. Славский ответственно подошел к этому вопросу. Это проявилось сразу. В партийной организации отрасли состоялся расширенный партийно-хозяйственный актив «О стиле и методах работы аппарата министерства». На нем впервые была высказана основательная критика в адрес работы коллегии, по поводу подбора кадров, деятельности некоторых руководителей. Министр поддержал критический подход, хотя чувствовалось, что ему было неприятно слушать это. Принял соответствующие меры по устранению недостатков.

Для рассмотрения проблем отрасли в оборонном отделе ЦК КПСС состоялась встреча с назначенным секретарем ЦК Л. Н. Зайковым, на встрече, кроме Е. П. Славского, присутствовали А. Г. Мешков, С. П. Столяров, В. П. Насонов. Деятельность от-

расли обсуждали целый день. После совещания меня, молодого секретаря парткома министерства, задержал в кабинете Лев Николаевич и попросил подумать о будущей кандидатуре министра. Ситуация для всех, в том числе для самого Славского, была понятной: возраст! Но у него было сильное желание доработать до своего 90-летнего юбилея, говорил, что здоровье позволяет, память отличная, правда, слух стал подводить.

В апреле 1986 года на Чернобыльской АЭС произошла страшная трагедия, последствия которой мир переживает до сих пор. В те годы практически все атомные станции находились в ведении Министерства энергетики и электрификации СССР. Но все знали, что разработчиком проектов всех атомных станций было Министерство среднего машиностроения. Поэтому основная доля ответственности за случившееся легла на разработчиков реактора и его систем управления и защиты, а также и на руководство министерства.

Чернобыльская авария, в ликвидации которой Министерству среднего машиностроения принадлежала ведущая роль, положила конец почти тридцатилетней карьере Славского-министра. Были у него конкретные предложения по работе отрасли, которые он хотел высказать Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, однако встреча не состоялась. Он так на нее надеялся! Вообще у Ефима Павловича Славского общение с лидером перестройки было достаточно сложным. Они восходят к конфликту между первым Секретарем Ставропольского крайкома КПСС М. С. Горбачевым и Е. П. Славским при решении вопроса о необходимости строительства завода минеральных удобрений в этом регионе. Разногласия, к сожалению, наложили отпечаток на их дальнейшие взаимоотношения.

В ноябре 1986 года, вскоре после разговора с Н. И. Рыжковым, Ефим Павлович в возрасте 88 лет написал заявление и ушел на пенсию. Прощание с ним работников аппарата министерства в зале коллегии трудно описать. Боль расставания с отраслью и

Е. П. Славский с супругой Евгенией Андреевной на отдыхе в г. Сочи

А. П. Александров и Е. П. Славский

коллегами у Ефима Павловича сохранилась до конца жизни. Приехали из ЦК представлять Л. Д. Рябева в ранге нового министра. Все было организовано в срочном порядке, даже слова благодарности Ефиму Павловичу за почти тридцатилетнюю работу министром Средмаша были скомканы. Многих поразила некая внешняя бесстрастность Славского при констатации необходимости ухода его с поста министра, с одной стороны, и с другой — что практически вся его прощальная речь была, по существу, ярким воспоминанием об Игоре Васильевиче Курчатове. Как вдохновенно он говорил об этом великом человеке! Трогательным и печальным было прощание. Казалось, что мы прощаемся не просто со Славским, а с целой эпохой в государстве Минсредмаш и, как стало ясно позднее, так оно и было.

В разговорах при встречах он так комментировал свою отставку: «Мне ведь не два века жить и не две службы служить, уже хватит. Я отжил свое, что еще мне надо! Я чему радуюсь? Радуюсь тому миру, который сейчас гарантирован, вот туда я вложил

столько своих сил, не щадя себя. Работу я всегда любил, творческих людей любил и, черт его знает, может, я самообольщался, может, мне казалось, у меня всегда были хорошие взаимоотношения со всеми людьми. Я полностью удовлетворен своей жизнью и рад, что мне довелось прожить до такого возраста, и сколько я проживу, черт его знает. Почему я знаю».

Ефим Павлович был высокопартийным человеком, через все годы с честью пронес звание коммуниста. Никогда не стыдился этого и гордился, что оправдал доверие партии. Он был принципиальным и требовательным руководителем, смелым в суждениях и отстаивал свои убеждения, невзирая на самые высокие ранги и ведомства, вплоть до Политбюро ЦК КПСС. Вот один из примеров. В 1989 году М. Горбачев, видимо, «посоветовавшись» с кем-то, решил одним махом вывести из состава ЦК КПСС более ста старейших членов Центрального Комитета. Но чтобы был формальный повод для этого, в ЦК КПСС собрали какую-то группу членов пленума, переговорили с ними, и они подписали заявление о добровольном сложении своих обязанностей в высшем органе партии, а к остальным работники аппарата ходили по домам и собирали подписи. Все расписались. Приехали к Ефиму Павловичу, подсунули этот длинный список, он посмотрел в него, вернул пришьельцу и сказал: «Меня съезд избирал, он и освобождать будет». На этом и закончился диалог. Так Е. П. Славский остался членом ЦК КПСС.

Будучи пенсионером, он часто встречался с коллегами, товарищами, принимая их дома или в Опалихе. Ефим Павлович не воспользовался правом иметь государственную дачу. Он предпочел подмосковный дом отдыха.

У Ефима Павловича была крепкая, дружная семья. Большую роль играла обаятельная, умная и мудрая Евгения Андреевна. К сожалению, она умерла в 1982 году. Ефим Павлович был прекрасным мужем и отцом. Удивительно было видеть этого в общем строгого, сдержанного человека, когда он разговаривал

Дорогому соратнику
 Павлову Виталию Петровичу
 На память
 4-II-87г. Е. Славский

с внучкой — голос звучал ласково, а глаза лучились любовью.

При встречах с коллегами обсуждалась ситуация в стране, в отрасли. Часто вспоминал Ефим Павлович о своих делах, которые были связаны с подарками, документами и фотографиями из его семейного архива, занимавшего отдельную комнату, читал любимое стихотворение «Прощание с саблей».

Всю жизнь проработал Славский в коллективе, и на пенсии ему не хватало общения. И когда приезжали, звонили соратники, он преображался, радовался и много говорил. Приятные были эти встречи.

В апреле 1988 года, в год 90-летия Ефима Павловича, руководство министерства направило делегацию для участия в открытии бронзового бюста трижды Героя Социалистического Труда Ефима Павловича Славского на его родине.

По приезде на Украину, до открытия бюста, делегация вместе с Ефимом Павловичем посетила его родные места, встретила с родственниками, сельчанами. Но встреча была недолгой. Визит короткий, программа насыщенная. И вот приближается время начала митинга. В гостинице он был взволнован тем, что не представляет, что делать: «Я еще живой, а при мне будут памятник открывать. Не знаю, как себя вести». Сценария открытия он тоже не знал. Посоветовали кратко рассказать землякам о себе, так как о нем толком ничего не слы-

хали ни в Макеевке, ни в Донецке.

Торжественный митинг вызвал огромный интерес и радость у людей. Это было яркое свидетельство признательности макеевцев человеку, чьи заслуги так высоко отмечены Родиной. Разрезали алую ленту, сняли закрывающее полотнище и открылся в лучах ласкового весеннего солнца бронзовый бюст, обращенный на восток — в сторону родного села, на родной город. А живой Ефим Павлович стоял в окружении своих земляков и под звуки духового оркестра, исполнявшего гимны СССР и Украинской ССР, смахивал крупные слезы. Растроганный всеобщим вниманием Ефим Павлович блестяще выступил и в конце речи сказал: «Дорогие мои земляки! Огромное вам спасибо за теплый прием и оказанное внимание. Мне скоро исполнится девяносто лет, но я еще здоров, полон сил, энергии и постараюсь немало сделать для нашей любимой Родины. Желаю и вам, мои дорогие, здоровья, успехов в труде, счастья...»

Утром 21 апреля, когда в донецком аэропорту он вошел в самолет, пассажиры встретили его овацией. Город и люди уже знали, кем является их земляк.

Начались будни, встречи с Ефимом Павловичем продолжались. Он очень переживал за события, происходившие в отрасли и стране. Принимая своих друзей и коллег дома, в комнате, где стоял стол, диван, два кресла, стул, на столе располагались фотографии Курчатова, Александрова, жены с дочками и внуками, Ефим Павлович говорил убежденно о проблемах. Например, в беседах подчеркивал, что сейчас мы живем в трудное, но боевое время. Он верил, что «мы еще сильно поднимемся». «Машиностроители демонстрируют очень хорошее качество оборудования. Прокатные станы — совершенно новые! Прямо душа радуется. Думаю: «Братцы мои! Давайте, давайте, подтягивайтесь!» Это то, что, как говорится, и нужно! Переболеем, и будет могучая страна! — говорил бывший министр и продолжал: — «Сегодня у нас что, кто без крова есть, что ли? Все хотят жить

Обсуждение графика строительства завода РТ-2 для переработки топлива АЭС, г. Железногорск, 1973 г.

лучше. Это хорошо! Человеческая вечная мечта. Но чтобы осуществить ее, работать ведь надо не покладая рук. Я ведь лично до последнего времени, чтобы все знать и видеть, сам в шахты лазил по скобам, во все щели заглядывал, во все дыры. А иначе какой же я министр?»

Вниманием друзей по работе Ефим Павлович дорожил. У него остались в качестве ценностей к моменту ухода из жизни только ордена и сувениры (чаще шуточные), памятные по работе отдельных комбинатов. Именное оружие — саблю, фотографии, поздравления он показывал мне в своем «домашнем музее» с соответствующими теплыми комментариями.

«Министр-долгожитель» скончался 28 ноября 1991 г. в возрасте 93 лет. Так получилось, что мне поручили готовить текст некролога в центральную прессу от имени руководства страны. Некролог был подписан М. С. Горбачевым, Б. Н. Ельциным и был напечатан без правок, изъяли только фразу «избирался членом

ЦК КПСС, делегатом партийных съездов». На памятном вечере выступавшие ни слова не сказали о том, что Славский был высокопартийным человеком, коммунистом, боялись упомянуть эту принадлежность к КПСС. А я знал, что Ефим Павлович всю жизнь гордился и дорожил этим званием, и было бы несправедливо не сказать об этом.

История не должна перекраиваться под чьи-то личности, под определенные моменты жизни. Историю делают люди, их дела, поступки... Я очень рад, что у меня была возможность работать с Ефимом Павловичем Славским. Считаю для себя огромным подарком судьбы возможность прикоснуться к этой удивительной личности и горжусь тем, что он подарил мне редкую фотографию с дарственной надписью как своему «дорогому соратнику».

После своей отставки Ефим Павлович прожил пять лет, умер за месяц до распада Советского Союза. Хоронили его как солдата, со всеми воинскими почестями, на Новодевичьем кладбище. Попрощаться со Славским не пришел никто из тогдашнего руководства страны. Не будем гадать, почему. Зато пришли сотни и сотни коллег, соратников и друзей, для которых он был человеком самого высокого ранга. В сердцах тружеников отрасли и народа сохранился образ Ефима Павловича Славского, величайшего организатора атомной промышленности, гражданина, патриота, который честно и самоотверженно служил Отечеству всю свою долгую и насыщенную жизнь.

Виталий Петрович Насонов, бывший секретарь парткома
 Минсредмаша СССР, ветеран отрасли
 Из книги «Министры советской эпохи.
 О времени, о соратниках, о себе».
 М.: Патриот, 2010.

Литература:

- *Атомный век: события, люди, дела.* — М.: Атомпресса, 2005.
- *Губарев В. С. Белый архипелаг Сталина.* — М.: Молодая гвардия, 2004.
- *Круглов А. К. Штаб Атомпрома.* — М.: ЦНИИАтоминформ, 1998.
- *Россия атомная. Ефим Павлович Славский. О времени, о товарищах, о себе.* — М.: Министерство Российской Федерации по атомной энергии, 1998.
- *Е. П. Славский. Страницы жизни.* — М.: Издат, 1998.
- *Е. П. Славский. 100 лет со дня рождения.* — М.: Издат, 1999.
- *Труды научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е. П. Славского.* — М.: МДС Импэкс, 1999.
- *Ядерная индустрия России.* — М.: Энергоатомиздат, 2000.
- *Книга «Министры советской эпохи. О времени, о соратниках, о себе».* Изд. «Патриот», М. 2010 под общей редакцией В. Долгих, председателя Московского городского Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, дважды героя Социалистического Труда.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ НЕКРОЛОГ

ЕФИМ ПАВЛОВИЧ СЛАВСКИЙ

28 ноября 1991 года на 94-м году жизни скоропостижно скончался Ефим Павлович Славский, трижды Герой Социалистического Труда, бывший министр среднего машиностроения СССР.

Е. П. Славский родился 26 октября 1898 года в Макеевке. С раннего детства познал нелегкую жизнь сельских тружеников, затем работал на угольных шахтах и заводах Донбасса. В годы гражданской войны участвовал в боях в составе Первой Конной армии.

В 1933 году после окончания Московского института цветных металлов и золота работал на предприятиях цветной металлургии, пройдя путь от инженера до директора завода.

В годы Великой Отечественной войны, будучи директором Днепровского алюминиевого завода, обеспечил эвакуацию на Урал и организацию производства необходимого фронту металла. В конце 1945 года он назначается заместителем наркома цветной металлургии.

В 1946 г. Е. П. Славский направляется в атомную промышленность. Здесь наиболее полно раскрылся его талант крупного организатора и руководителя. Возглавляя с 1957-го по 1986 год Министерство среднего машиностроения СССР, он внес неоценимый вклад в становление и развитие отрасли, обеспечил выполнение важных правительственных заданий по созданию ядерного оружия и использованию атомной энергии в мирных целях. Он пользовался глубоким уважением среди ученых и инженеров, рабочих и техников, всех простых и честных тружеников.

За исключительные заслуги перед государством Е. П. Славскому трижды присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден десятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны Первой степени, медалями. Ему присвоено звание лауреата Ленинской премии и трижды лауреата Государственной премии СССР.

Выдающийся организатор атомной науки и промышленности Е. П. Славский принимал активное участие в общественной жизни страны, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Светлая память о Ефиме Павловиче Славском, отдавшем все свои силы и энергию делу укрепления могущества нашей Родины, навсегда сохранится в наших сердцах.

**Горбачев М. С., Ельцин Б. Н., Назарбаев Н. А., Каримов И. А.,
Набиев Р. Н., Ниязов С. А., Силаев И. С., Фокин В. П.,
Пилуто В. С., Иордан А. А., Вольский А. И., Велихов Е. П.,
Шапошников Е. П., Шеварднадзе Э. А., Коновалов В. Ф.,
Марчук Г. И., Никипелов Б. В., Ягодин Г. А., Александров А. П.,
Логунов А. А., Митенков Ф. М., Харитон Ю. Б.**

Памятник Славского на могиле, Новодевичье кладбище, 28 ноября 1992 г.

АВТОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ

АВТОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ

АЛЕКСАНДРОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ — физик, академик, являлся президентом Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического Труда, принадлежит к замечательной плеяде отечественных ученых XX века, которые создавали научно-технический, экономический и оборонный потенциал Советского Союза.

АЛЕКСАНДРОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — заместитель главного геолога по геолого-разведочным работам Навоийского горно-металлургического комбината, заслуженный геолог УзССР.

АРТИЗОВ А. — журналист «Военно-исторического журнала», г. Москва.

БЕЛОНОСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — начальник лаборатории, зам. гл. конструктора ВНИИА, директор, гл. конструктор ВНИИ физических приборов, президент АО «НПК «Российские технологии», доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

БЕЛЯЕВ ИГОРЬ АРКАДЬЕВИЧ — мастер, прораб, начальник участка, главный инженер СМУ Первого строительного треста Министерства среднего машиностроения, зам. начальника — главный инженер Прикаспийского управления строительства, начальник Социально-производственного управления Минатома России, заслуженный строитель РСФСР, доктор технических наук.

БОЛОТОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — начальник цеха ионообменных сорбентов Приднепровского химзавода, лауреат Государственной премии.

БОГУНЕНКО НАТАЛЬЯ — автор книги «Музруков» (серия ЖЗЛ), Москва: Молодая гвардия, 2005.

БРИШ АРКАДИЙ АДАМОВИЧ — главный конструктор Всероссийского научно-исследовательского института автоматики, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук, профессор.

БРОХОВИЧ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ — директор комбината (май 1971 г. — октябрь 1988 г.), директор ПО «Маяк» (октябрь 1988 г. — декабрь 1989 г.), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премии. Кандидат технических наук. Почетный гражданин города Озерска.

ВЕТШТЕЙН Л. — журналист газеты Навоийского горно-металлургического комбината, г. Навои, Узбекистан.

ГОРОБЕЦ БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ — сменный механик, зам. главного механика завода, начальник смены ПО «Маяк», 1954—1978 гг. — главный инженер приборостроительного завода «Златоуст-36», начальник Главного управления производства ядерных боеприпасов. Кандидат технических наук, лауреат Государственной премии, почетный гражданин города Трехгорный.

ГУБАРЕВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ — известный научный журналист, писатель, драматург. Книги, пьесы, кино- и телефильмы, созданные им, широко известны в нашей стране и за рубежом. Полвека посвятил «Атомному проекту СССР».

ГУСЬКОВА АНГЕЛИНА КОНСТАНТИНОВНА — главный научный сотрудник Государственного научного центра РФ — Института биофизики, член-корреспондент АМН РФ. Лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки РФ.

ЖУРАВЛЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ — в течение сорока пяти лет был связан с атомной отраслью, почти двадцать лет жил и работал в закрытых городах Челябинск-40 (ныне Озерск) и Томск-7 (ныне Северск), участвовал в проектировании, сооружении и эксплуатации 7 из 13 созданных в стране ядерных реакторов, где нарабатывались оружейные материалы, руководил реакторными заводами. С 1969 г. — директор Приборного завода «Тензор», г. Дубна.

КАЗАЧКОВСКИЙ ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ — с. н. с., зав. лабораторией, отделом, зам. директора ФЭИ, директор НИИАР, директор, гл. н. с. ФЭИ, доктор физ.-мат. наук, профессор, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки и техники.

КВЯТКОВСКИЙ О. — журналист газеты «Труд», г. Москва.

КЛОПИН ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ — генерал-майор в отставке, почетный гражданин города Снежинска, находился на руководящих должностях в КБ-11, НИИ-1011, в течение 18 лет являлся заместителем начальника ядерно-оружейного Главка Минсредмаша СССР.

КОНДРАТКОВА МАРИНА — журналист газеты «Атомпресса».

КОРОВИН ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ — генеральный директор Приднепровского химического завода, доктор технических наук, академик, лауреат Государственной премии СССР и Украины.

КРОТКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ — гл. инженер, начальник шахты, директор Северного рудоуправления Киргизского горно-рудного комбината, начальник Главного управления Министерства среднего машиностроения, президент концерна «Атомредметзолото», вице-президент Академии горных наук Российской Федерации, лауреат Государственной премии.

КУЗНЕЦОВА РАИСА ВАСИЛЬЕВНА — кандидат исторических наук, директор мемориального Дома-музея И. В. Курчатова.

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР — главный редактор газеты «Атомпресса».

КУРЧАТОВ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ — физик, основатель и первый директор Института атомной энергии, научный руководитель работ по советскому Атомному проекту, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, занимает особое, исключительное место среди великих ученых 20 века, является гордостью и славой отечественной науки.

КУЧЕРСКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ — директор Навоийского горно-металлургического комбината, председатель Совета концерна «Кызылкумредметзолото», доктор технических наук, академик Российской академии горных наук, дважды лауреат Государственной премии, Герой Узбекистана.

ЛЕВША ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ — директор завода, начальник ГУ, зам. министра судостроительной промышленности, с 1953 г. — заместитель министра среднего машиностроения, заместитель председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии в мирных целях, зам. начальника Главного управления Министерства среднего машиностроения, лауреат Ленинской премии.

ЛИТВИНОВ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ — главный конструктор, первый заместитель научного руководителя РФЯЦ ВНИИТФ (Всероссийского научно-исследовательского института технической физики, Челябинск-70, Снежинск), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук, профессор, академик РАН.

МАТВЕЕВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ — главный врач клинической больницы № 83 Федерального управления медико-биологических наук, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ.

МИШИН ЕВГЕНИЙ ТРОФИМОВИЧ — начальник отдела, зам. начальника ГУ Министерства среднего машиностроения, генеральный директор СНПО «Элерон», доктор технических наук, профессор, дважды лауреат Государственной премии.

МУЗРУКОВ БОРИС ГЛЕБОВИЧ — дважды Герой Социалистического Труда, директор комбината №817, ныне ПО «Маяк» (ноябрь 1947 г. — октябрь 1953 г.), директор ВНИИЭФ (июнь 1955 г. — март 1974 г.).

НАСОНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ — инженер лаборатории Московского инженерно-физического института, старший инженер, заместитель секретаря, секретарь партийного комитета Министерства среднего машиностроения СССР, зам. начальника Управления по информации и связям с общественностью, начальник пресс-службы Минатома России, главный специалист СКЦ Росатома, директор мемориального кабинета Е. П. Славского.

НОВИКОВ В. — режиссер-кинодокументалист студии кинохроники, г. Москва.

ПЕРВУХИН МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ — зам. начальника Первого главного управления (ПГУ) при Совете Министров СССР, заместитель Председателя СНК СССР, с апреля по июль 1957 г. — министр среднего машиностроения СССР, Герой Социалистического Труда.

ПЕТРОВСКИЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ — директор ВНИИ клинической и экспериментальной хирургии Минздрава СССР, министр здравоохранения СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, академик АМН и АН СССР, заслуженный деятель науки.

ПРОНЯГИН ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ — более десяти лет работал в Свердловске-45, более двадцати лет возглавлял Управление «Химстрой» в Северске. Доцент кафедры производственного менеджмента в Томском государственном архитектурно-строительном университете, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин г. Северска.

РЫЖОВ МИХАИЛ НИКИТОВИЧ — работал в Институте атомной энергии им. Курчатова, во ВНИИНМ, в представительстве СССР в Вене, в аппарате МАГАТЭ, в ЦНИИАтоминформе. С 1978 года — в центральном аппарате министерства, руководитель Департамента международных связей Минатома России, кандидат химических наук.

РЯБОВ ЯКОВ ПЕТРОВИЧ — рабочий, токарь, фрезеровщик Уралмашзавода. Инженер, начальник КБ, начальник производства Уральского турбо-моторного завода. Секретарь РК КПСС, первый секретарь Свердловского горкома, первый секретарь Свердловского обкома КПСС, секретарь ЦК КПСС, председатель Госкомитета по внешнеэкономическим связям, заместитель Председателя Совета Министров СССР. Академик Российской инженерной академии, почетный академик ракетно-артиллерийских наук.

САХАРОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ — российский физик и общественный деятель, академик АН СССР. Один из создателей водородной бомбы в СССР. С конца 50-х гг. активно выступал за прекращение испытаний ядерного оружия. В конце 60-х — начале 70-х гг. — один из лидеров правозащитного движения. Был лишен всех государственных наград (трижды Герой Социалистического Труда лауреат, Ленинской и Государственной премий СССР). Лауреат Нобелевской премии мира.

СОПЕЛЬНЯК МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ — участник строительства и пуска, а также главный механик завода 25, с 1960 по 1977 г. — главный механик завода 20 ПО «Маяк», Челябинск-65, г. Озерск.

СТАРЦЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ — мастер, нач. участка авиационного завода им. Чкалова, нач. отдела завода «Химаппарат», зав. отделом, секретарь, зам. председателя, председатель ЦК Профсоюза работников атомной промышленности, лауреат премии ВЦСПС.

ТРЯКИН ПЕТР ИВАНОВИЧ — в 1947 г. был направлен на строящийся оборонный объект — ПО «Маяк». С этого времени трудовая, общественно-политическая деятельность была связана с «Маяком» и городом Озерском: инженер-технолог на радиоизотопном производстве, зам. секретаря парткома комбината, заместитель директора комбината. Автор книг, посвященных комбинату, любимому городу Озерску, его людям: «Памятные места Озерска», «Творцы ядерного щита».

ХАБАРОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — служба в Вооруженных Силах СССР 1941—1988 годы, включая работу в ядерном центре Арзамас-16 и центральном аппарате Минсредмаша.

ХАРИТОН ЮЛИЙ БОРИСОВИЧ — советский физик-ядерщик, академик, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, входил в когорту ученых, создавших ядерный щит нашей Родины. В течение 46 лет он был научным руководителем крупнейшего ядерного центра страны — ВНИИЭФ.

ЦЫРКОВ ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — начальник Главного управления проектирования и испытания ядерных боеприпасов Минсредмаша, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий.

ЧЕРНОЗУБОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ — начальник лаборатории, гл. конструктор выпарной опреснительной техники СвердловНИИхиммаша. Руководитель работ и участник внедрения крупных опреснительных комплексов. Один из создателей научной школы по выпарной технике. Кандидат технических наук, лауреат Ленинской премии.

ЧЕСНОКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ — горный инженер на шахтах угольной промышленности, начальник объекта, главный инженер, председатель правления советско-германского АО «Висмут», зам. главного инженера 1-го Главного управления, начальник 8-го Управления Министерства среднего машиностроения, кандидат технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий, почетный член Академии горных наук.

ШЕВЧЕНКО ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ — ветеран ПО «Маяк». Работал на комбинате со дня его основания в должности начальника лаборатории, начальника опытно-энергетической установки, руководителя диспетчерской службы. Лауреат премии Совета Министров СССР.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ СЛАВСКОГО ЕФИМА ПАВЛОВИЧА

Родился 26/Х-1898 г. в с. Макеевка на Украине, где и проживал до 1918 г. Родители — крестьяне с. Макеевка, где прожили всю жизнь. Отец умер в 1903 г., а мать в 1927 г. Занимались сельским хозяйством. Вследствие того, что родители мои были бедняки, я вынужден был начать свою трудовую жизнь с 10 лет. До 14 лет работал батраком, а с 14 лет до 1918 г. работал рабочим на предприятиях акционерного общества «Русский горный и металлург. УНИОН», в Московском районе: на заводах старотруболентном и новотруболентном, а также на шахтах № 28 «Капитальная» и «Бурое», с 1918 г. по 1928 г. служил в Красной Армии, в 9-м Заднепровском украинском полку, в первой отдельной особой кавбригаде, Первой конной армии Буденного и во второй отдельной кавбригаде Кавказской Краснознаменной армии в должностях: красноармеец, комвзвода, комиссар эскадрона и полка. В 1928 г. демобилизовался и пошел учиться в счет партысячи, на курсы подготовки во ВТУЗ. В 1929 г. поступил учиться в Московскую горную академию, на факультет цветной металлургии. На базе факультета был организован Институт цветных металлов и золота, который я и окончил в 1933 г. С конца 1933 г. по июнь 1940 г. я работал на заводе «Электроцинк» Министерства цветной металлургии в должностях: начальник смены, начальник цеха, гл. инженер завода и директор этого завода. В 1940 году был назначен директором Днепропетровского алюминиевого завода, где работал до подхода к городу немцев. Завод был эвакуирован на Урал, после чего я был назначен директором. В конце 1945 года

я был назначен зам. наркома, а затем зам. министра цветной металлургии. В апреле 1946 года я был назначен зам. начальника ПГУ при СМ СССР, где и работаю по настоящее время.

В июле 1953 г. организовано Министерство среднего машиностроения, в состав которого вошло ПГУ, и с этого момента я назначен начальником Главка МСМ. 1947—1949 гг. я работал и.о. гл. инженера Комбината № 817 ПГУ.

В партию я вступил в 1918 г. в г. Макеевке. За все время своего пребывания в рядах партии я не имел никаких колебаний и не участвовал ни в каких группировках или оппозициях. В 1933 г. я имел взыскание, наложенное партколлегией ЦКК зато, что я, будучи членом комиссии ЦК ВКП/б/ по чистке снабжающих контингентов золотой промышленности, купил себе на костюм в магазине Золотопродснаба. Это было расценено как самоснабжение, дискредитирующее комиссию ЦК ВКП/б/. В 1937 г. я имел взыскание за дружбу с инженером Мамсуровым (б. в то время членом партии), который в том же году был арестован. Перечисленные взыскания с меня были сняты Обкомом партии Северной Осетии.

Славский
11/IX-53 г.

СПРАВКА

Тов. Славский Ефим Павлович представляется на утверждение в должности.

С 25 июля 1957 г. работает министром среднего машиностроения СССР.

Год рождения 26.10.1898 г. Место рождения г. Макеевка Донецкой области.

Национальность — украинец. Член КПСС с 1918 г., партбилет № 00144688.

Образование высшее. Окончил в 1933 г. Московский институт цветных металлов и золота.

Специальность по образованию — инженер-металлург.

Какими иностранными языками владеет — не владеет.

Был ли за границей (когда, где)? В 1966, 1968, 1971, 1973, 1976, 1985 гг. - ГДР; 1969, 1974, 1979 гг. - ВНР; 1972, 1975, 1982, 1985 гг. - ЧССР; 1981, 1985 гг. - МНР – служебные командировки.

Имеет ли правительственные награды: Трижды Герой Социалистического Труда, десять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, медаль «За трудовую доблесть», пять юбилейных медалей, лауреат Ленинской премии, трижды лауреат Государственной премии.

Является ли депутатом Верховного Совета, членом бюро обкома, крайкома, ЦК Компартии союзной республики (какого): Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР V—XI созывов, избирался делегатом XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI и XXVIII съездов КПСС.

Работа в прошлом:

1908—1912 гг. — батрак у помещика и кулака по найму, г. Макеевка Донецкой области.

1912—1914 гг. — рабочий старотруболитейного завода, г. Макеевка, Донбасс.

1914—1916 гг. — котельщик шахты «Капитальная», г. Макеевка, Донбасс.

1916—1919 гг. — обрубщик новотруболитейного завода, г. Макеевка, Донбасс.

1919—1920 гг. — красноармеец 9-ю Заднепровского Украинского Советского полка, Крымский фронт.

1919—1921 гг. — командир взвода первой отдельной кавалерийской бригады при РВС Первой Конной армии, Деникинский фронт.

1919—1927 гг. — комиссар полка, начальник орг. части Первой отдельной кавалерийской бригады, г. Москва.

1927—1928 гг. — комиссар 56 Кавказского кавалерийского полка второй отдельной Кавказской бригады, г. Тбилиси.

1927—1929 гг. — заведующий базисными складами «Гослаборснабжение», г. Москва.

1927—1933 гг. — студент Московского института цветных металлов и золота, г. Москва.

1933—1940 гг. — начальник цеха, главный инженер, директор завода «Электроцинк» НКТП СССР, г. Орджоникидзе.

1940—1941 гг. — директор Днепровского алюминиевого завода, г. Запорожье, УССР.

1941—1945 гг. — директор Уральского алюминиевого завода, г. Каменск-Уральский Свердловской области.

1945—1946 гг. — заместитель наркома цветной металлургии — начальник «Главалюминий», г. Москва.

1945—1947 гг. — заместитель начальника Первого главного управления при Совете Министров СССР — начальник 2 Управления, г. Москва.

1945—1949 гг. — заместитель директора — главный инженер Комбината № 817.

1949—1953 гг. — заместитель, первый заместитель начальника Первого главного управления при Совете Министров СССР, г. Москва.

1953—1955 гг. — заместитель министра среднего машиностроения СССР, г. Москва.

1955—1957 гг. — первый заместитель министра среднего машиностроения и одновременно с марта 1956 г. начальник Главного управления по использованию атомной энергии — председатель коллегии, г. Москва.

1957—1963 гг. — министр среднего машиностроения, г. Москва.

1963—1965 гг. — председатель Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР.

1965—21.11.1986 гг. — министр среднего машиностроения, г. Москва.

Домашний адрес: 121069, Москва, ул. Воровского, дом 29/31, кв. 26.

СПРАВКА

о награждениях т. Славского Ефима Павловича

Тов. Славский Е. П. награжден следующими государственными наградами:

1. Орденом Ленина — *за успешное выполнение задания Правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1942 г.*

2. Орденом Ленина — *за успешное выполнение задания Правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1944 г.*

3. Орденом Ленина — *за успешное выполнение задания Правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 г.*

Присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» — *за исключительные заслуги перед Государством. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 г.*

Присвоено звание Лауреата Государственной премии I степени — *за успешное выполнение специального задания Правительства. Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г.*

Присвоено звание Лауреата Государственной премии I степени — *за успешное выполнение специального задания Правительства. Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1951 г.*

7. Медалью «За трудовую доблесть» — *за выслугу лет. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1953 г.*

8. Орденом Трудового Красного Знамени — *за выслугу лет. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1953 г.*

9. Награжден второй золотой медалью «Серп и Молот» — *за исключительные заслуги перед Государством. Указ Президиу-*

ма Верховного Совета СССР от 4 января 1954 г.

10. Орденом Ленина — за успешное выполнение специального задания Правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1956 г.

11. Орденом Ленина — в связи с 60-летием со дня рождения и большие заслуги в создании новой техники. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1958 г.

12. Награжден третьей золотой медалью «Серп и Молот» — за выполнение специального задания Правительства. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1962 г.

13. Орденом Трудового Красного Знамени — за успешное выполнение семилетнего плана 1959—1965 гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1966 г.

14. Орденом Ленина — за заслуги перед Государством в области развития новой техники и в связи с 70-летием со дня рождения Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1968 г.

15. Награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1970 г.

16. Орденом Ленина — за успешное выполнение заданий пятилетнего плана по выпуску специальной продукции, внедрению новой техники и передовой технологии. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1971 г.

17. Орденом Октябрьской Революции — за заслуги перед Советским государством в области развития новой техники и в связи с семидесяти пятилетием со дня рождения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1973 г.

18. Медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» с подписью «Участнику трудового фронта» — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.04.75.

19. Юбилейной медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР» — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.01.78.

20. Орденом Ленина — за большие заслуги перед Советским государством и в связи с 80-летием. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.10.78.

21. Присвоено звание Лауреата Ленинской премии 1980 г. — Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17.04.80 № 324-91.

22. Нагрудным знаком «За заслуги в стандартизации» — за плодотворную работу в области стандартизации и в связи с проведением Международного дня стандартизации в СССР. Пр. Комитета стандартов от 15.10.70 № 104.

23. Почетной грамотой МВД СССР — за оказание активной помощи специальным органам и войскам МВД в связи с 70-летием со дня рождения. Пр. МВД СССР от 17.10.73 № 784 л/с.

24. Почетным знаком ВЛКСМ — за многолетнюю и плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи и личные заслуги перед Ленинским комсомолом. Постановление бюро ЦК ВЛКСМ от 27.04.77 № Б-55/3а.

25. Орденом ГДР «Звезда Дружбы народов» в золоте — Постановление Государственного Совета ГДР от 1978 г.

26. Орденом Ленина — за большие заслуги перед государством и в связи с 85-летием со дня рождения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.10.83 № 101.

27. Присвоено звание Лауреата Государственной премии СССР 1984 г. — Постановление ЦК КПСС и СМ от 03.11.84.

28. Медалью «В память 800-летия Москвы» — 1948 г.

29. Орденом Отечественной войны I степени — за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.85.

30. Юбилейной медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» — в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.85.

РАБОТА В ВЫБОРНЫХ ОРГАНАХ

1930–1933 гг. Избран депутатом Моссовета.

1947–1949 гг. Избран депутатом Челябинского Облсовета.

19.03.58. Избран депутатом Верховного Совета СССР

V созыва.

18.03.62. Избран депутатом Верховного Совета СССР

VI созыва.

Избран членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза на XXIII съезде партии.

12.06.66. Избран депутатом Верховного Совета СССР

VII созыва.

08.04.71. Избран членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза на XXIV съезде КПСС.

14.06.70. Избран депутатом Верховного Совета СССР

VIII созыва.

16.06.74. Избран депутатом Верховного Совета СССР

IX созыва (Совет Союза).

1981 г. Избран депутатом в Совет Союза Верховного Совета СССР.

1984 г. Избран в Верховный Совет Союза СССР XI созыва.

06.03.86 г. Избран членом ЦК КПСС.

*Совместное возложение цветов
руководства Макеевского исполкома
(А. В. Елясин, З. В. Колосова) и съемочной группы
фильма (В. П. Насонов), Макеевка, май 1998*

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ

ПАМЯТНИКИ

- Памятник Ефиму Павловичу Славскому установлен на его родине в Макеевке, Донецкая область, Украина.
- Памятник установлен в Ессентуках на территории санатория «Жемчужина Кавказа».
- Бронзовый бюст установлен на площади перед проходной завода «Электроцинк», г. Владикавказ.
- Стела установлена в доме отдыха «Колонтаево» в Ногинском районе Московской области.
- Памятник Ефиму Павловичу Славскому установлен в г. Усть-Каменогорске (Казахстан).
- Мемориальная доска на здании Госкорпорации «Росатом», г. Москва, ул. Б. Ордынка, дом 24.
- Памятный камень в пионерском лагере «Ленино» (Московская обл.).

улицы

Именем Славского названы:

- набережная р. Иртыш в г. Усть-Каменогорске (Казахстан) — «Набережная Иртыша имени Е. П. Славского» (ранее — просто «Набережная Иртыша»);
- улица в г. Рыбинске;
- улица в г. Северске (Томская область);
- улица в городе-курорте Белокуриха (Алтайский край);
- улица в г. Степногорске (Акмолинская область);
- улица в селе Макеевка, ранее Кронштадтская улица.

*Е. Котенко на открытии Мемориальной доски
в здании Госкорпорации «Росатом»*

Евгений Котенко

К 100-летию со дня рождения Эдима Павловича
СЛАБКОГО, министра среднего машиностроения,
трижды Героя социалистического труда, лауре-
ата Ленинской премии и 4-х Государственных
премий!

Когда буденовская лава
Рубила белых и черн,
На смертный бой не птица-слава
Эдима Слабского вела.

Легенда делалась не быстро,
Он шел, шпорням подставив грудь,
От конармейца до Министра
Пролегал его завидный путь.

Победный путь, подобных нету:
Самоотверженным трудом
Он заслонил страну Советов
Надежным ядерным щитом.

И в мире стал советский атом
"Торилан" всем впротивовес
И миротворцем, и солдатом,
И работягой на АЭС.

И благодарная держава
Эму достойно воздала,
И осеняет птица-слава
Эдима Слабского дела.

Евгений Котенко
10.10.98

Профессор, доктор техн. наук,
действительный член Академии
Горных наук, первый вице-прези-
дент АГН, лауреат Государственной
премии СССР, Заслуженный изобре-
татель РСФСР, член Союза писателей
Евгений Александрович КОТЕНКО
тел. служ. 360-89-37
дом. 938-04-24

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора-составителя	7
Из рассказов старого атомщика	11
<i>Записала Р. В. Кузнецова</i>	
Воспоминания сослуживца	63
<i>Б. В. Брохович</i>	
Маяк на все времена. На старте	75
<i>Н. Богуненко, Б. Г. Музруков</i>	
Как простой рабочий	83
<i>В. И. Шевченко</i>	
Мой атомный век	87
<i>П. А. Журавлев</i>	
Начало базы-10	95
<i>М. Е. Сопельняк</i>	
Кыштымские зарисовки	99
<i>П. И. Трякин</i>	
Как была решена атомная проблема в нашей стране	103
<i>М. Г. Первухин</i>	
Ровесник века	127
<i>А. К. Гуськова</i>	
Неординарная личность	135
<i>Я. П. Рябов</i>	
Самородок	151
<i>Б. В. Литвинов</i>	
Создатель атомной индустрии	161
<i>А. А. Бриш</i>	
Совещание у Хрущева	173
<i>А. И. Белоносов</i>	
Гигант мысли и талант управленца	177
<i>А. Д. Сахаров</i>	

Излучавший энергию	181
<i>Г. А. Цырков</i>	
Легенда о министре	187
<i>В. С. Губарев</i>	
Доверие к людям	201
<i>Л. Ф. Клопов</i>	
Живой рак	205
<i>А. П. Александров</i>	
Как это было	207
<i>Н. И. Кучерский, Н. В. Александров</i>	
И уран, и удобрения	223
<i>В. В. Кротков</i>	
Я — ваш министр	233
<i>Л. А. Ветштейн</i>	
Мои встречи	249
<i>А. Н. Болотов</i>	
Он мог рисковать	253
<i>Ю. Ф. Коровин</i>	
Неиссякаемая энергия	259
<i>О. Д. Казачковский</i>	
Индустрия безопасности — детище Ефима Павловича	267
<i>Е. Т. Мишин</i>	
Незримый атлант страны	273
<i>Ю. А. Хабаров</i>	
Синий карандаш и проблема пресной воды	279
<i>В. Б. Чернозубов</i>	
Где же быть Нефтехиму?	285
<i>П. Г. Пронягин</i>	
Побольше бы таких людей!	291
<i>Б. В. Петровский</i>	
Заботы о медицине	295
<i>Г. Н. Матвеев</i>	
Первые поездки за рубеж	301
<i>Н. И. Чесноков</i>	
Он заложил основы международного сотрудничества	
Средмаша	311
<i>М. Н. Рыжов</i>	

Время Средмаша	321
<i>В. Старцев</i>	
Богатое наследство	325
<i>М. Кондраткова</i>	
Разговор со Славским	333
<i>В. Новиков</i>	
Отец минсредмашевцев	345
<i>И. А. Беляев</i>	
Он не только требовал, но и помогал	351
<i>Б. В. Горобец</i>	
Наши встречи	357
<i>В. А. Левша</i>	
Вот это человек! Глыба!	361
<i>В. П. Насонов</i>	
Прощание с саблей	373
<i>О. Н. Квятковский</i>	
Последнее интервью Е. П. Славского	379
<i>А. В. Артизов</i>	
Что за человек был Ефим Павлович Славский?	385
<i>Л. Д. Рябев, В. Ф. Коновалов, В. Н. Михайлов, А. Ю. Румянцев</i>	
Прикосновение к прошлому	389
<i>А. Кузнецов</i>	
Биографический очерк	393
<i>В. П. Насонов, очерк из книги «Министры советской эпохи. О времени, о соратниках, о себе».</i>	
Ефим Павлович Славский	423
<i>Официальный некролог</i>	
Авторы воспоминаний	427
Приложения	437
Увековечение памяти	447

**СЛАВСКИЙ Е.П.
ТВОРЦЫ АТОМНОГО ВЕКА**

Составитель
Насонов Виталий Петрович

Подписано в печать 02.10.2013.
Формат А5. Печать офсетная. Бумага мелованная 115 г/м².
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1626/13

